

БЕК МАКМАСТЕР

ЗЫ ТЫМЫ

Безумный, безнравственный, опасный граф Ретберн.

Увидев соблазнительную мисс Мартин у себя в камере, Ретберн опасается, что все-таки сошел с ума. Чертовка-чародейка поучаствовала в его поимке, а теперь просит о помощи? Уж лучше бы молила о пощаде...

Но она предлагает ему свободу, от чего Ретберн не в силах отказаться. Заодно он выставляет свое условие: их свяжут узы, благодаря чему успокоятся его демоны, однако подчиняться он будет только днем, а по ночам... мисс Мартин ждет сладкая месть.

Над переводом работали:

Переводчики: *KattyK, Мел Эванс, Trinity-, Annabelle, Ms-Zosya*

Редакторы: *Talita, gloomy glory*

*«Колдовство — отвратительное занятие.
Проделки дьявола. И мы не успокоимся,
пока дьяволопоклонники, что живут в обществе,
не расскажут или не покинут наш славный город Лондон».*

*Грант Мартин, глава Комитета по надзору над
колдовством*

Лондон, 1894 г.

— Пойдемте, миледи, тут небезопасно.

Мисс Ианта Мартин прижала тонкий платочек к носу и оглядела камеру. Стальные прутья разрывали мрак, отбрасывая четкие полосы на каменный пол. Под зарешеченными окнами съежилась тень: проскользнувший внутрь луч солнца высветил тускло-желтые штаны до икр и голые ступни. Большие ступни с четко очерченными пальцами. Ианта уставилась на них, постепенно привыкая к темноте и вспоминая, каково было ощущать своими ногами его обнаженные ноги, тогда, давным-давно.

Пленник медленно поднял голову. Опасные глаза цвета расплавленного золота под резко изогнутыми бровями холодно блеснули из-за завесы каштановых волос. Он мельком глянул вправо, на служителя, который сопровождал Ианту, затем снова вернулся к ней. Словно кот, бьющий хвостом.

«Он не свободен. Он пленен и закован в цепи». Но как она себя ни убеждала, инстинкты ожили, внизу живота зародился жаркий трепет. Давно подчиненная примитивная часть души Ианты чуяла опасность.

— Сколько его продержали в одиночке?

— Мэм... — Служащий укоризненно кашлянул.

Наверняка счел вопрос совершенно неуместным.

Раздраженная его молчанием, Ианта двинулась вперед:

— Черт вас побери, сколько?

— Три месяца в одиночке, мэм.

А до этого еще девять месяцев в компании полуживых отбросов общества. Новая Бетлемская больница, которую большинство называло Бедламом, полностью оправдывала свою репутацию. Дом для сумасшедших преступников, безумцев и дьявольского лорда Ретберна. Журналисты описывали его именно такими словами.

— Ретберн? — Ианта робко шагнула в камеру. — Вы знаете, кто я?

На каменном полу была вырезана пентаграмма. Судя по следам, совсем недавно. Ее появлению явно поспособствовал отец Ианты и его драгоценный Комитет. Хотя Орден Рассветной звезды, к которому она принадлежала, служил королеве и стране, всегда находились суеверные или слишком глупые люди, не понимающие сути колдовства.

— Ретберн? — После секундного колебания Ианта позвала снова: — Люсьен?

Черт побери! Она надеялась найти хоть какой-то признак человека, которого знала, но,

присмотревшись, поняла, что все тщетно. Его ярко выраженные скулы стали еще заметнее из-за скудного рациона, а подбородок скрывала почти черная борода. Ни следа того элегантного мужчины, что растопил сердце семнадцатилетней девчонки... а потом с улыбкой вырвал его из ее груди.

Когда-то Ианта возлегла с Ретберном, не зная его имени. А он потом даже не догадывался о причине ее неприязни. В ту давнюю ночь равноденствия она была в маске, как и все присутствующие. Просто молодая женщина, точнее девушка, жаждущая узнать больше о горячем огоньке своей силы... и неожиданно попавшая в беду.

Теперь, из-за своего недуга и последующего заключения, Ретберн лишился лоска и превратился в поджарого незнакомца с гневными глазами. В средоточие кипящей животной ярости. В зверя, прикованного к бледным известковым стенам. Ошейник с него так и не сняли, будто боялись пленника, несмотря на цепи.

И не зря. Он был опасен.

Ианта опустила платок. Несмотря на все чаяния, в глазах Ретберна она не увидела ни узнавания, ни ясности ума. Последние надежды угасли, горло свело от жгучего разочарования. Проклятье, и что ей теперь делать?

«Для начала вытащить его из этой грязной камеры».

Повернувшись, Ианта пронзила сопровождающего своим лучшим возмущенным взглядом:

— Вы в курсе, что этот мужчина — пэр Англии?

— Его лордство опасен. Совершеннейший псих. Пытался придушить человека цепью. Все твердил, дескать, тени его заберут...

Ианта посмотрела в камеру. Тени не двигались, но это не значит, что они на такое не способны. Еще как способны. Сияющий изумруд на ее шее поймал луч солнца и отразил яркий зеленый свет на голые стены. Ретберн дернулся, будто от боли в глазах. Без сомнения, комната для свиданий, где они находились, отличалась от жуткой ямы, которую тут называли одиночкой.

— Выведете его отсюда немедленно и вымойте. Достаньте новую одежду и обувь.

Ианту нервировали голые ступни узника.

Служитель открыл было рот, но она холодно предупредила:

— Не спорьте, иначе я прослежу, чтобы вас уволили.

А выйдя за дверь, посмотрела на длинный белый коридор и прижала ладонь к виску. Кошмар. Что она скажет Верховному? Тот, кого Дрейк хотел освободить, уже давно исчез, пропал в трясине безумия, вызванного откатом его собственных способностей. Неужели колдовство стоило бастарду Верховного разума?

— погоди, — прохрипел Ретберн.

Ианта вздрогнула и, затаив дыхание и медленно опустив руку, повернулась.

Он впился в нее блестящими глазами:

— Ты.

И вдруг попытался вырваться из оков. Мышцы мелькнули под лохмотьями рубашки, бицепсы напряглись.

— Леди-тень, я тебя помню, — прошептал Ретберн, дергая цепь снова и снова, пока на грязной коже не выступила кровь.

Даже понимая, что он до нее не дотянется, Ианта испугалась.

— Прекратите, это бесполезно. Вы только причиняете себе вред.

Она заставила себя говорить решительно. Он не воспримет доброжелательное отношение, тем более от нее.

Пленник в ответ лишь оскалился.

Ианта шагнула в камеру. Стоит показать хоть намек на страх, и безумец ее разорвет. Она на секунду убрала щиты и раскрыла собственную ауру. Узрев эту внутреннюю силу, Ретберн застыл, его глаза побелели. Отлично. По крайней мере ментальные способности не слишком пострадали.

— Служи мне, и я сниму цепи, — прошептала Ианта.

— Я лучше сгнию тут.

— И позволишь своим врагам победить? — спросила она, протягивая маленькую руку в белой перчатке.

Ретберн дернулся, но Ианта заставила себя его коснуться.

— Я знаю, ты и меня считаешь врагом, — тихо продолжила она, поглаживая большим пальцем его заросший подбородок.

— Ты меня сюда упрятала!

— Да. Помнишь почему?

Ретберн в замешательстве опустил глаза:

— Я... я... был пожар.

Не совсем пожар, а что-то вроде. Ианта видела в прорехах рубахи следы ожогов и шрамы. Наверное, и правильно. Пусть лучше считает, что эти метки на его груди оставил обычный огонь, а не демонический гнев.

— Я выпущу тебя, Ретберн, но сначала ты должен кое-что сделать. Свяжи себя со мной узами, дабы не представлять угрозы ни для меня, ни для кого бы то....

— Нет! Я помню тебя, заклинательница теней. Я знаю, что ты такое.

Заклинательница. Ианта провела пальцами по полу и подцепила край ближайшей тени. Призрачная паутина прилипла к кончикам пальцев.

— Ты ничего не знаешь, Ретберн.

Если он откажется, Ианте придется самой справляться с врагами и с теми, кто пытается уничтожить дело, которому она служит.

А цена... цена поражения неприемлема.

«Луиза... о боже!»

Ретберн резко отодвинул ногу от ползущих теней. Ианта наклонилась и прошептала ему на ухо:

— Мне нужен щит, а тебе — якорь. Согласись на узы и, когда все закончится, будешь волен отомстить всем, кто тебя сюда упрятал, клянусь.

Он повернул голову и прохрипел:

— Даже тебе?

«Какой бы ни была цена...»

— Если сможешь мне найти кое-что, я освобожу тебя от уз, когда твои услуги станут не нужны. И ты сможешь сделать со мной все, что пожелаешь. Во всяком случае, попытаешься.

Ианта ведь уже не глупая девчонка, которую он очаровал в ту далекую ночь равноденствия. Теперь она умеет за себя постоять.

Похоже, Ретберн задумался. Тигриные глаза внимательно следили за тем, как тени рассеиваются от ее прикосновений.

— Две недели службы.

Этого должно хватить.

— Поклянись, что свяжешь себя узами, когда мы покинем это место.

— Клянусь своими способностями, что соглашусь на обряд. Я не причиню вреда ни тебе, ни твоим близким и буду повиноваться всем приказам.

Ианта с облегчением вздохнула. Слава богу. На глазах выступили слезы, но она не могла показать, насколько нуждается в его помощи.

— Я согласна.

Она легко прижалась ртом ко рту Ретберна, снимая клятву с его языка и забирая себе.

Обещание ужалило губы, выступившая кровь смешалась с клятвой Ианты и пролилась ей на язык. Значит, Ретберн не совсем обессилел. Она ощущала его мощь, пульсирующую под кожей.

— Я буду служить тебе две недели. Распорядись ими с умом. А теперь давай уберемся отсюда ко всем чертям.

Горячая вода. Боже милостивый. Люсьен прижал к лицу мягкую мочалку, стирая остатки крема для бритья. В зеркале отразились гладкие порозовевшие щеки. Но и они не смягчили его жесткие черты: острые скулы и золотистый лихорадочный блеск глаз. Да и тело не лучше. Худое и крепкое, сплошные мышцы. Теперь Люсьен напоминал тигра в клетке. Бедлам его изменил.

Кожи коснулась энергия заклинаний, витающая в комнате, и он вздрогнул.

Люсьен изменился не только физически...

Поездка в экипаже до апартаментов мисс Мартин была ужасной. Яркий свет, резкие звуки рожка омнибуса и приглушенные крики. Пришлось задернуть шторы и зажмуриться, чтобы не видеть луча, которому удалось проникнуть в экипаж. Три месяца в темной одиночной камере сделали Люсьена жутко чувствительным. Мир был слишком ярким, слишком громким, полным звуков, резких запахов и пронзительных воплей вперемешку с невнятной болтовней.

Когда мисс Мартин вопросительно посмотрела на Люсьена своими опасными голубыми глазами, он молча оскалился в ответ. «Верно, дорогая. Ты хотела безумца — ты его получила».

Натянув рубашку, которую ему принес один из ее слуг, он вспомнил о том, каким был раньше. Тот человек стал незнакомцем. Люсьен долго возился с пуговицами, но наконец сумел их застегнуть. Создание в зеркале менялось на глазах, напоминая того, прежнего мужчину.

И все же... не того. Ему уже не стать прежним.

Он поверил человеку, которого всю жизнь звал отцом, и вот что из этого вышло. Люсьен согласился на ключевые узы, и те позволили лорду Ретберну завладеть его способностями ради определенного ритуала. И только поэтому Люсьен остался жив. Не в силах сопротивляться ошейнику, с помощью которого лорд Ретберн его контролировал, он был вынужден против собственной воли призвать демона. Вот почему в итоге его посадили, а не казнили.

В голове пронеслись обрывки воспоминаний: жуткая самодовольная улыбка демона,

когда Люсьен произнес те проклятые слова, пока лорд Ретберн управлял им, как марионеткой. Люсьен боролся. «Нет... нет, я не стану ему это приказывать! Я не прикажу убить Верховного!» И осознав, что иначе не освободится, он произнес роковую фразу: «Я приказываю тебе убить моего отца».

Конечно, Люсьен имел в виду лорда Ретберна.

Демон улыбнулся, растянув уродливые губы и показывая острые зубы:

— Как прикажете, господин. — И исчез.

Ретберн издевательски расхохотался и огорошил Люсьена правдой, почему всю жизнь так над ним измывался:

— Мальчишка, кто, по-твоему, твой отец?

Боль от воспоминания пронзила грудь, и Люсьен вернулся в действительность. Склонившись над туалетным столиком и вцепившись в полированную деревянную поверхность, будто от этого зависела его жизнь, он вздохнул, почти ничего не различая и видя лишь миллион осколков радуги.

Лорд Ретберн.

Верховный. Мисс Мартин. Это их вина. Он отомстит им, как лорду Ретберну. Эта мысль немного успокоила ярость и тревогу, и пляшущие цвета перед глазами исчезли.

Люсьен посмотрел на себя в зеркало. Лорд Ретберн умер, уничтоженный откатом, когда Люк разорвал вероломно наложенные узы. Теперь у него появился шанс отплатить Верховному за так называемое милосердие — ссылку в Бедлам, — и мисс Мартин, которая его поймала. Он не забыл, как бессердечно она отсекала его способности к колдовству и притащила к Верховному.

Никогда не забудет.

Поправив подтяжки на плечах, Люк закрыл галстуком проклятый шрам на горле и надел камзол. Узел выглядел ужасно, но просить о помощи он не собирался. Тишина и покой, вот и все, что ему пока нужно. Какая ирония, столько месяцев Люк мечтал о людях, о том, чтобы к кому-то прикоснуться, с кем-нибудь поговорить, а теперь желал лишь спрятаться. Не обращая внимания на дрожащие руки, он расправил галстук и оглядел себя.

Так ему не получить желаемого.

Пора разобраться с чертовкой.

Если, конечно, ему достанет смелости выйти из темной спальни с закрытыми окнами, куда его отправили сразу по прибытии в небольшие апартаменты мисс Мартин.

Господи. Люсьен прижал дрожащую руку ко рту. Он ощущал себя лишь наполовину человеком. «*Соберись, ты, малодушный трус*». Потрогав медный браслет, который у него забрали в первые же секунды в Бедламе, он тут же успокоился. Люк месяцами работал над защитными рунами, вытравив их на металле; эта вещь защитит от колдовства, пусть даже его личные способности все еще очень чувствительны.

Мисс Мартин. Сосредоточившись на дьявольски сладком воспоминании о ее лице, он осознал, что дышать стало чуть легче. «Мечь. Свобода. Возрождение». Именно эта молитва помогла Люсьену выстоять.

В оранжерею к мисс Мартин его провела суровая миссис Гастингс. Черное крепкое платье экономки раздражающе шуршало, заставляя Люка скрежетать зубами.

Из зимнего сада, устроенного на самом верхнем этаже, открывался вид на город. Никакой опасности, лишь стройная девушка с волосами цвета воронова крыла, скрученными в элегантный шиньон, и с жемчужными сережками в ушах. За годы, прошедшие с их

неудачной первой встречи, Ретберн привык считать ее холодной и равнодушной. Встретив же снова, он в замешательстве отметил, насколько мисс Мартин хороша. И моложе, чем ему запомнилось. Опасно привлекательная, с полными упрямо сжатыми губами, которые молили о поцелуе, и крошечной родинкой на щеке. Она сидела в белом кресле у кованого железного столика и маленькими глоточками пила горячий чай, глядя на город через стеклянные стены оранжереи. И словно не замечая появления Люсьена.

Не успел он наглядеться и, если честно, оценить ее, миссис Гастингс кашлянула:

— Мадам, его лордство пришел выпить с вами чаю.

Будто кто-то из них собирался заняться чем-то столь невинным.

Люсьен поклялся служить ее щитом, значит, отныне вынужден был защищать мисс Мартин даже ценой собственной жизни. А также повиноваться ей, что ставило его в крайне неудобное положение. При попытке нарушить клятву собственная сила поглотит Люка, превратив в развалину, которой его и так уже считали. При мысли об этом на шее выступил холодный пот. Лорд Ретберн научил его, каково находиться во власти другого человека, но какой выбор? Гнить в Бедламе?

Под взглядом голубых глаз мисс Мартин Люка словно прошло разрядом. В этой комнате они казались фиолетовыми: за окном лил дождь, а бледно-лиловое платье оттеняло радужки. Люсьен вспомнил, когда впервые увидел ее на собрании несколько лет назад. У него дух захватило, и он умолял своего друга, Уэзерби, их познакомить. Мисс Мартин отнеслась к нему с холодностью, почти грубостью, хотя Люсьен понятия не имел, что такого натворил. И до сих пор не знал. По какой-то странной причине он сразу не понравился мисс Мартин, и они так и не сблизились.

Теперь же он сам не испытывал к ней положительных чувств.

Ему нужно было сбалансировать узы и хотя бы отчасти взять их под контроль.

— Благодарю, — обратилась мисс Мартин к экономке. — Не желаете присесть, милорд? Нам надо кое-что обсудить.

Милорд. Как странно, но с другой стороны, сейчас Люк по сути граф Ретберн. По последним слухам, кузен Роберт старался через суд добиться, чтобы его признали «non compos mentis», то есть умалишенным. Видимо, разбирательство застопорилось, и придется самому этим заняться.

— Правда? — Люсьен скрестил руки. — Должен признать, я удивлен, что вы удостоили меня чести стать вашим щитом. Вы — последняя, кто, по моему мнению, захотел бы освободить меня из той адской дыры, а ради возможности защищать вас десятки мужчин пошли бы на убийство.

— Я знаю, что вы не из их числа. — Мисс Мартин прикрыла свои чудесные глаза черными ресницами. — Это решение вашего отца. Дрейк настоял.

— Он мне не отец.

— Ваш биологический отец настоял, — поправилась она.

Ходили сплетни, что они с Дрейком состоят в любовной связи — возможно, именно в этом причина ее антипатии.

— Вы всегда пляшете под его дудку?

— Дрейк заслужил мое уважение и доверие, я с удовольствием ему помогаю, если таково его желание.

— Боже, как же вам не по сердцу теперешнее поручение.

Люсьен заходил по комнате.

— Да, у меня бывали задания и полегче. — Мисс Мартин прищурилась. — Почему вы так на меня смотрите?

Он слабо улыбнулся. То, что она не отступила, говорило в ее пользу.

— Просто наслаждаюсь видом. — И тут в голову пришла мысль, как вырвать у нее бразды правления. — Я вам для чего-то необходим.

— По-моему, вам стоит сесть и выпить чаю. Мы обсудим дела.

— Если в чае нет бренди, пить не стану.

— Сейчас еще рано для крепких спиртных напитков, — возразила мисс Мартин, наливая в чашку горячее коричневое питье. — Может, добавить лимона?

Такая дерзость в другой женщине восхитила бы Люсьена. Но сейчас он просто сел и принялся осматриваться, потирая большими пальцами складку на брюках. Прикосновение помогало зацепиться за действительность, перестать барахтаться в болоте эмоций, которые в последнее время заполонили его разум, доводя до сумасшествия.

Полосатый кот проскользнул между ног хозяйки, задев хвостом лавандовые юбки. Поставив чашку на поднос, мисс Мартин почесала питомца под подбородком, вызвав громкое мурлыканье.

— Давайте перейдем к делу, Ретберн.

Люсьен ожидающе вскинул бровь.

— Что вам известно об алтарном кинжале?

— Это одна из трех реликвий. — Любой стоящий чародей о них знал. — Создан самим Верховным, его бывшей супругой Морганой и приятелем графом Тремейном.

Разум не позволил вспомнить о причине создания клинка. Чудом Люк сумел сохранить самообладание, когда помещение вокруг словно уменьшилось. «Сконцентрируйся на фактах».

— Их создали для того, чтобы призывать и управлять высшим демоном.

— Кинжал пропал.

Люсьен вцепился в подлокотник кресла и усмехнулся.

— Пропал? — Внезапно все части головоломки встали на место. — Вы хотите, чтобы я его нашел.

— Ваши таланты в магическом поиске станут огромным подспорьем, — согласилась мисс Мартин. — Немногие обладают такой серьезной способностью.

Если он сможет ими управлять, ведь не обращался к силе больше года. Откат от попытки остановить демона, которого он призвал по приказу так называемого отца... оставил шрамы не только на теле.

— Почему бы вам не воспользоваться услугами карманного предсказателя Верховного?

— Кинжал пропал из закрытого ящика с наложенными чарами, прямо из святого святого особняка Верховного. Дрейк сам устанавливал защиту. Следов взлома нет, поблизости не видели посторонних...

— Значит, украл кто-то из своих. — Теперь все обрело смысл. — Вот зачем вам я. Кто еще работает над делом?

— Только мы.

Люсьен вздрогнул. В ордене были другие свободные мужчины и женщины, которые тоже занимались темными искусствами. Колдуны-сикарии, поддерживающие порядок в магическом мире, хотя немногие знали их истинные имена.

— Верховный многого не договаривает.

При этих словах мисс Мартин встала и с волнением подошла к окнам, глядя на красноватое сияние на востоке.

— Вы долго пробьили в заключении. Я забываю, как мало вам известно о нашем нынешнем мире. Подойдите.

Вполне безобидная просьба. Люсьен выпрямился и подошел к ней. На секунду он удивился ее смелости, когда мисс Мартин повернулась к нему спиной, но уловив отражение голубых глаз в окне, понял, что она не так уж и доверчива.

— Да? — Люк встал у нее за спиной на приличном расстоянии из-за элегантного турнюра, однако достаточно близко, чтобы она слегка повернула голову и напряглась, почувствовав угрозу.

— Видите это? — Мисс Мартин указала пальцем на красноватое сияние за облаком.

Люсьен резко вздохнул и, позабыв обо всем, шагнул вперед. Она отшатнулась к окну, и он инстинктивно придержал ее за талию. Его благородство никуда не делось, в отличие от всего остального.

— Утренняя звезда, — прошептал Люсьен и чуть сжал затянутую в корсет из китового уса талию мисс Мартин, лишь догадываясь о том, что скрывают нижние юбки. Однако, несмотря на одежду, он ощущал жар ее тела и соблазнительную округлость бедер.

— Ретберн, — предупреждающе произнесла она.

— Сколько она уже в небесах?

— Красная комета появилась два дня назад.

Теперь понятно, отчего Верховный так встревожился: появление кометы свидетельствовало о смене стража вне зависимости от его желания. Она висела в небесах в конце царствования трех прежних Верховных, появляясь примерно раз в тридцать лет. Восхождение грядет, и новый Верховный займет резной черный трон, на котором нынче сидел герцог.

— Неудивительно, что ублюдку понадобилась наша помощь. Восхождение грядет, алтарный клинок украден тем, кому он доверяет, и скорее всего, его ждет падение.

А то и смерть.

Мисс Мартин развернулась и прижалась спиной к окну.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы этого не произошло.

Все, что угодно, чтобы защитить любовника.

— Конечно, и я дал слово помочь.

Она облегченно опустила плечи. И хотя не укорила Люка вслух за нарушение личного пространства, он видел нервозность в ее глазах.

— Именно. Может, присядете? Я бы хотела заключить узы.

— Еще нет.

Вместо этого Люсьен потянулся и заправил прядь черных волос ей за ухо. Мисс Мартин вздрогнула. Ее кожа оказалась мягче шелка, хотя, возможно, только потому, что он привык к жестким известковым стенам и грубым холщевым рубашкам.

Цвета расплывались по ее лицу, словно размытые дождем меловые рисунки на дорожке. Люсьен теперь видел эмоции в виде цветов. Он постепенно выяснил, что проблема в разуме, а не в глазах. Как бы ни отразился на нем откат, часть сознания откололась, и он опасался, что не понимает полной картины случившегося.

— Ретберн, — сурово прошептала мисс Мартин. — Не принимайте меня за какую-то там легкомысленную барышню. Вы в зачарованной комнате. Я могу отправить вас обратно в

Бедлам в течение часа, связанным, с кляпом во рту и обнаженным, если того пожелаю.

Бедлам. От угрозы сердце болезненно екнуло, а пальцы немного сжались, оставив отпечаток на ее округлой щеке. Люк сделает что угодно, лишь бы не вернуться в это место. Все, что угодно. Сама мысль о заключении лишала его присутствия духа.

«Ты свободен. Но как долго? Ведь ты ей бесполезен... в таком состоянии».

Они встретились взглядами.

Ей нельзя знать.

— Раз не хотите туда возвращаться, — хрипловато прошептала мисс Мартин, хоть ее глаза и остались кусками фиолетового льда, — держите руки при себе.

— Я не собираюсь причинять вам вред.

Во всяком случае, физический. Месть намного более сложная мозаика. Мисс Мартин понятия не имела, сколько ночей Люк строил планы, как бы уничтожить ее и Верховного. Это единственное, что сохраняло ему рассудок долгими тихими часами, когда с ним никто не разговаривал, никто не заходил, даже свет не проникал в помещение... Только тарелка с жидкой кашей периодически просовывалась через отверстие в двери. Люсьен тогда считал себя настоящим безумцем. А люди из проклятых фантазий были его единственными спутниками.

Но теперь...

Мисс Мартин смягчилась, перестав быть той холодной, закаленной в бою женщиной, которая ворвалась в его номер в отеле «Гросвенор» и поймала в круг тринадцати. Тогда Люсьен был полуслепым, его влажная кожа натянулась и все еще воняла горячей серой. Он понимал, что совершил одно из самых страшных преступлений перед Орденом и что его точно приговорят к смертной казни, даже без суда. Но Верховный потребовал привести обвиняемого к нему и долго и неспешно его рассматривал, будто пытаюсь найти в лице Люка свои черты.

А потом повернулся к нему спиной и отправил в Бедлам.

— Нет? — все еще настороженно уточнила мисс Мартин, словно не в силах поверить, что он не желает ей зла.

— Нет.

«У меня на тебя другие планы». И намного интереснее всего уже придуманного. Ведь Люк на собственном опыте выяснил, что смерть бывает милосердной. Он отошел от мисс Мартин, и та вздохнула, зарделась, но справилась с собой, как будто между ними ничего не произошло.

— Заключим сделку, — объявил Люсьен, вернувшись к столу и взяв теплый чай.

— Сделку?

— Я вам нужен больше, чем вы мне.

Мисс Мартин добавила совсем немного сахара, но Люк столько времени провел без сладкого, что с трудом сглотнул, надеясь, что его не стошнит.

— Спорный вопрос.

— Вы угрожаете мне ссылкой в Бедлам за малейший проступок, но скоро Орден возглавит новый Верховный. Сколько пройдет времени, прежде чем исполнится связанное с появлением кометы пророчество? — Люсьен бесцеремонно вылил чай в горшок с липой. Кот подошел туда и принялся в поисках съестного. — Кого еще вы можете позвать на помощь, мисс Мартин?

— А новый Верховный освободит вас из Бедлама?

Его ответная улыбка сказала ей больше, чем слова. У Люсьена время есть, а у нее — нет. Сузив глаза, мисс Мартин скрестила руки:

— Что вы предлагаете?

— Вам нужна моя помощь, но есть разница, когда делаешь что-то с неохотой или же прилагаешь все усилия для достижения цели. Я могу замедлить поиск и привести вас к неудаче или, наоборот, разберусь очень быстро. А я очень, очень хорош, когда стараюсь.

— Продолжайте.

Судя по прищурю глаз, она ожидала неминуемого подвоха.

— Мои дни в вашем распоряжении. Я буду послушно исполнять любой приказ, пока мы связаны узами, и послужу щитом. Помогу в меру сил, обеспечу защиту и постараюсь найти пропавший артефакт поскорее. Но... моя дорогая чародейка... — Люк понизил голос: — Ваши ночи принадлежат мне.

Мгновение мисс Мартин непонимающе смотрела на него, затем округлила глаза и изумленно открыла рот. А затем пошла розовыми и красными пятнами.

— Прошу прощения?

— Хотите, чтобы я помогал? Заплатите цену.

— Я вызволила вас из Бедлама. Вы поклялись, что пойдете со мной и будете слушаться указаний.

— Буду, — подтвердил Люсьен, откидываясь в кресле и наслаждаясь моментом. — Я стану в буквальном смысле повиноваться вашим приказам. Ни больше. Ни меньше. Поэтому советую тщательно подбирать слова.

Он загнал ее в ловушку. Люк понял это по шокированному взгляду мисс Мартин и мириадам цветов, плясавших на ее коже. Напускное самообладание трещало по швам, и скрытый колодец эмоций готов был взорваться. Она замечательно впишется в его план.

Переживает за Верховного, своего любовника? Люсьену казалось, что тревога должна выражаться другим цветом. А вокруг мисс Мартин вихрем кружили оттенки зеленого, синего и фиолетового. Наверное, это страх, если соотнести цвет и чувство. Настороженность. Отчаяние.

Ярко-розовое желание.

Люсьен застыл, ощущая, как напряглась мошонка. «Черт побери». А вот этого он не ожидал.

Мисс Мартин села в кресло напротив. Повисло натянутое молчание. Она нервно отпихнула дрожащими пальцами блюдечко, то задрезбуждало... Глубоко вздохнув, мисс Мартин наконец перевела взгляд с фарфоровой чашки с позолоченным краем на Люсьена:

— Почему?

— Потому что желаю лечь с вами в постель.

Она отпила чаю.

— После всего, что я вам сделала, вы уверяете меня, будто руководствуетесь не мезтью?

— Мезть тоже присутствует.

Мисс Мартин прищурилась:

— Я не позволю вам причинить мне боль.

— Дорогая... — Люк подвинул к ней сахарницу. — С чего вы решили, будто я собираюсь? — Он вложил в голос всю испытываемую страсть. — Может, вам даже понравится.

— Ну разумеется. И как я не догадалась? Почему я вообще сомневаюсь в ваших

мотивах?

Люсьен лишь улыбнулся. С ней легче общаться, чем с остальными обитателями этого мира. Часть давления от наплыва эмоций исчезла, и теперь осталось лишь разобраться с неуместным возбуждением.

— Не обольщайтесь, я намереваюсь от души воспользоваться вашим сладким телом. И проявлю не только любезность, но и самую тонкую разновидность жестокости.

Мисс Мартин моргнула и подавилась чаем.

Люсьен взял ее руку в кружевной перчатке:

— Обещаю, вы получите удовольствие и, возможно, даже попросите меня быть немного жестче.

Пролив чай на запястье, она выругалась, высвободила руку и взяла салфетку. Люсьен опустился перед ней на колени, забрал салфетку и принялся промокать пятна на юбке. Мисс Мартин отставила чашку, и их глаза встретились.

— Да будет так. — Она гордо вздернула подбородок. — Жизнь предоставила мне разнообразный выбор жестких испытаний. Вытерплю и еще одно.

— Тогда доставайте набор чернил, выведите руны на нашей коже, и свяжем себя узами. — Люк улыбнулся. — Пока день не подошел к концу...

А ночью она заплатит цену, хотя помощи он ей еще не оказал.

Ианта с сильно колотящимся сердцем медленно устраивалась на каменной плите. Тут, в подвале, оранжерея казалась такой далекой, пока Ретберн зажигал чадающие фитили во множестве канделябров. Воск потек по свечам, создавая на их боках зловещие лица.

Именно здесь Ианта занималась колдовством: на полу виднелся огромный магический круг из чистого серебра. Внутри располагались два круга поменьше, один в другом, а между ними — начертанные руны, чтобы ничто не нарушило проводимый ритуал.

Стоило зажечь последнюю свечу, и энергия главного круга стала вдруг осязаемой, затрепетала на коже и затанцевала между бедер. Ианта оказалась в магической ловушке с мужчиной, которого желала больше всего на свете.

Мужчиной, чьи ласки не забыла. Ианта облизнула губы. Она знала его аромат, шелковистую кожу, мускулистое тело.

И боль, причиненную той единственной ночью...

«Соберись. Ретберн лишь средство для достижения цели».

— Кто замкнет круг, я или вы?

Ретберн с каждой минутой обретал уверенность, все больше походя на того лорда из отеля. В юности он не был таким дерзким и высокомерным, не умел проявлять жесткость. Наоборот, в ту далекую ночь он с завораживающей нежностью уложил Ианту на плащ. Целовал, будто желал забрать ее дыхание, ласкал пальцами средоточие ее женственности под юбками. Конечно, лишение невинности не было безболезненным, но вскоре все прошло, и Люсьен, обнимая, двигался в ней, шепча на ухо шокирующие и сладкие слова.

— Как пожелаете, — ответила Ианта.

Взяв ритуальный кинжал, Ретберн осторожно провел им по пальцу и выдавил несколько капелек крови на первый серебряный круг. Тут же появился купол, закрывая их внутри. Когда кровь попала на внутренний круг, судя по ощущениям, возник второй, не менее

прочный невидимый купол. Для того, чтобы не выпустить магию в мир.

Ретберн посмотрел на Ианту, вскинув бровь:

— Идеальная работа.

— Не ожидали?

Поигрывая ножиком, он обошел ее, оглядывая блестящими янтарными глазами:

— Не в том дело, просто напоминает работу Верховного.

— Я подражала его манере. Дрейк — мой учитель.

— Во всем, — прошептал Ретберн.

Слова причинили боль, хотя Ианта знала о слухах. Ну да, как же молодой здоровой чародейке обойтись без любовника, если она не замужем и живет одна, тем самым подтверждая, что ее моральный облик оставляет желать лучшего?

Плевать на мнение Ретберна. Нужно лишь найти тех, кто охотился за реликвией. На мгновение Ианте стало плохо, на глазах выступили слезы.

Ретберн остановился:

— Ты расстроилась.

— Что? — Она вскинула голову. Возможно, в нем осталось что-то от ее прежнего любовника.

Или ей просто хочется найти союзника, которого не существует.

— День не бесконечный. — Ианта отвернулась. — Рисуи уже свои дурацкие символы, и покончим с этим. След остывает с каждой минутой.

Ретберн опустился на колени на краю каменной плиты:

— Да будет так. — И прикоснулся к пуговицам ее платья с высоким воротом.

Жест оказался шокирующе интимным. Ианта вцепилась в мужскую ладонь, пытаясь освободиться.

— Я сама.

Ретберн поднял руки:

— Просто пытаюсь ускорить дело.

Судорожно сглотнув, она расстегнула платье, и, повозившись с воротником, Ретберн обнажил ее декольте. Его ленивые тигриные глаза потеплели, пока он любовался телом Ианты. По ее голой коже пробежал холодок, напоминая, что под платьем лишь сорочка и нижние юбки. Чувствуя, как участилось дыхание, она уставилась в потолок и попыталась не обращать внимания на жар, исходивший от Ретберна. Она всегда чувствовала его страсть, с того дня, когда он вошел в бальный зал Дрейка и потребовал, чтобы их с Иантой представили друг другу.

Будто это и не он вовсе несколькими годами ранее лишил ее невинности.

— Кровь для уз, — прошептал Ретберн, и в комнате запахло медью, когда он снова порезал палец и выдавил струйку крови в котелок, который Ианта использовала именно для таких ритуалов. — Слюна для дыхания жизни. — Он сунул раненый палец в рот, посасывая. — Чернила, чтобы отметить плоть.

Сплюнув в баночку чернил, он провел по ней окровавленным пальцем, и Ианта ощутила в себе первый отзвук магии, но подавила желание беспокойно дернуться. Лишь несмышленный аколит не умеет сосредоточиться.

Хотя даже Дрейк согласился бы, что поводов для волнения у нее предостаточно. Сам Ретберн, поиск реликвии и... чувство вины и горя.

На глаза вновь навернулись слезы.

«Не думай сейчас об этом».

— *Necarrh cairedh mi caratha...* — прошептал Ретберн искусно подобранные слова — скорее всего, именно так звучала его личная формула силы.

Свечи замигали, и пламя волной взметнулось к потолку. Всплеск силы теплом отдался в животе и легко надавил меж бедер. Колдовство всегда носило для Ианты слегка сексуальный характер. Но привязанность магии к чему-то определенному зависит от человека и его магических особенностей, на которые он или она наиболее настроены. Некоторые предпочитают бурление крови, предвкушают возможность вырезать магию из кожи. Другие реагируют на могилу и энергию смерти.

Судя по взаимному притяжению, Ианта точно знала, к чему тяготеет Ретберн. Мышцы его бедер напряглись, когда он сунул палец в смесь из чернил, слюны и крови. Она заметила возбужденный член под батистовыми штанами и поспешно отвела взгляд, когда Ретберн оседлал ее бедра.

— Это необязательно, — запротестовала Ианта.

Он нежно погладил ее выбившуюся прядь:

— Тс-с.

И коснулся окровавленным пальцем ее груди, словно перебирая струны лютни. Чары прокатились по ней, кровь закипела в жилах. Ианта закусила губу и крепко сжала колени.

Милостивые небеса.

Какие интимные узы возникли между ними? Она жаждала чувственного удовольствия, а Ретберн, стоя на коленях, обхватывал ее прикрытые платьем бедра ногами.

Вскоре энергия утихла, но он все продолжал нависать над Иантой, тяжело дыша. Его черные волосы упали на ошарашенные глаза. Он опустил руку на каменную плиту возле головы Ианты, а другой легко погладил руну, которую нарисовал на ее коже.

Осталось лишь ей сделать шаг.

И это ее прерогатива.

Ианта вцепилась в галстук и потянула Ретберна на себя... Совершенно законный способ закончить ритуал, но если таково влияние одной руны, что же случится, когда все запреты исчезнут и дойдет до того, чего они оба желали? Насколько сильны их узы?

И каким станет результат?

Существует три вида уз между двумя чародеями: ключевые, где один из пары дает контроль над своими способностями другому; взаимовыгодные, между якорем и щитом, хотя главным обычно является якорь; и узы душ, очень редкая связь между любовниками, которую невозможно нарушить.

Впрочем, Ианта недостаточно романтична, чтобы в это поверить.

По крайней мере, якорные узы можно разорвать, когда настанет время.

Даже если глухая боль между бедер заставляет чувствовать странное неудовлетворение.

Сегодня эту жажду Ианта утолит, ведь они заключили сделку.

— Мы закончили? — спросила она, одновременно страхась и испытывая приятное возбуждение при мысли о том, чтобы оказаться в постели Ретберна и в его власти.

— Конечно. — Он погладил ее ключицу, вызвав трепет, встал и принялся расстегивать рубашку, демонстрируя в золотистом пламени свечи крепкие плечи и мышцы. — Теперь моя очередь.

Если мисс Мартин обитала в центре театрального района, то Верховный — куда как в более приличном месте. Вообще-то его резиденция располагалась совсем недалеко от родового гнезда Ретбернов, просто у Люсьена не было причин туда наведываться, пока его дело не попало в суд. Неужели Верховный не мог поселить свою зазубу в район побогаче?

— Как я понимаю, люди Верховного уже обыскали особняк? — спросил Люсьен, когда экипаж замедлил ход на круговом проезде.

Звенели колокольчики, лошадиные копыта цокали по гравию.

— Разумеется, только тайно. — Мисс Мартин не выражала видимой тревоги, но все же беспокойно постукивала туфелькой и сжимала края газеты, которую читала.

— То есть остальные домочадцы кражи не заметили?

— Нам пока удалось пресечь слухи. Дворецкий на рассвете сообщил Дрейку о пропаже, и тот послал за мной ни свет ни заря. Те немногие слуги, что в курсе дела, связаны руной подчинения, а накануне вечером приходило лишь двое гостей, и они на роль преступника не подходят.

«...послал за мной ни свет ни заря...» Куда именно? Похоже, ночевала мисс Мартин не в герцогской постели.

— Ты остановилась в его особняке?

— Да. Я только вчера вернулась с севера, и Дрейк попросил меня остаться и поужинать с Россами. К тому времени, как мы ушли в гостиную, было уже поздно, и мне не хотелось мокнуть под дождем.

Она опустила газету и вздохнула.

— Что за Россы?

Появившийся в груди Люка отпечаток ее магии беспокойно пульсировал. Если бы он не знал мисс Мартин, то заподозрил бы, что она все больше и больше нервничает.

— Миссис Росс и ее племянница Аделина — старые друзья Дрейка.

— Это ничего не значит, любая из них могла совершить кражу.

— Адди едва исполнилось пятнадцать, и она — синий чулок. Ее тетушка Элинор Росс имеет алиби на время исчезновения реликвии. Раз уж на то пошло, можешь и меня обвинить за компанию.

— Не стану. — Люсьен мрачно улыбнулся. — Твоя преданность Верховному не подлежит сомнению. И только тебя я не считаю виновной.

— Я бы посоветовала не обвинять никого из дам семейства Росс без веской причины. Дрейк в них души не чает.

Он пропустил ее слова мимо ушей:

— Значит, под подозрением слуги, представительницы семейства Росс и любой, кто умеет разбираться в чарах. Ты упомянула, что признаков взлома нет. Мог ли кто-то влезть в особняк незамеченным?

— Все возможно. Невероятно, но возможно. До сегодняшнего дня я не думала, что кто-то способен обойти чары Дрейка.

Чары — интимная магия. Только человек, отлично знакомый со стилем наложения защиты, мог коснуться их, не обжегшись, а тем более пройти насквозь.

Однако у Люсьена осталось ощущение, что мисс Мартин чего-то не договаривает. Как,

черт поberi, он сможет помочь, если она выдает сведения по крупице?

К остановившемуся экипажу похромал мужчина, тяжело опираясь на трость с серебряным набалдашником. В черных волосах Верховного серебрилась седина, а его плотная фигура была столь же сильной и грозной, как и год назад, когда Люсьена притащили к нему в заговоренных цепях.

Дрейк де Винтер был могущественным противником, но Люк не сводил взгляда с его трости. При их прошлой встрече в кабинете на верхнем этаже ее еще не было. Уставший Дрейк тогда сидел за столом. Накануне демон появился в его особняке прямо в разгар бала Равноденствия, разметал вопящих аколитов и кинулся прямо на Верховного.

Монстр не успел причинить больше вреда только потому, что Дрейку удалось взять его под контроль и отправить назад к хозяину.

«Пожар. Грудь будто полосуют кнутом из чистого электричества». Люсьен вцепился в ремень экипажа и не отпускал, пытаясь выбросить воспоминание из головы.

— Что случилось с его ногой?

— Демон отхватил от нее изрядный кусок, когда понял, что Верховный магически защищен от чародейского нападения. Дрейк чуть не истек кровью до смерти.

Слабое утешение. Люсьен втянул воздух через нос и, когда лакей открыл им дверцу, протянул спутнице руку:

— Идем?

Мисс Мартин явно изумилась его галантности. Но, по правде говоря, ему нравилось чувствовать ее маленькую ладонь в своей. Стоило их пальцам соприкоснуться, как мир замедлился, а его края стали четкими и резкими, вместо постоянного тумана ощущений и цветов. До того Люсьен не сознавал, насколько ему важен якорь, чтобы зацепиться за действительность.

Когда мисс Мартин с его помощью шагнула на мокрый гравий, Люсьен принялся изучать мужчину, который его зачал. У них были одинаковые темные волосы, но на этом сходство заканчивалось. Экзотические янтарные глаза и густую шевелюру Люсьен унаследовал от матери.

В голове роилась тысяча вопросов. Что привлекло графиню Ретберн к Верховному много лет назад? Люсьен подсчитал, что родился примерно через год после свадьбы четы Ретберн. Как-то быстро мать решила изменить супругу, хотя, если вспомнить нрав лорда Ретберна, вряд ли стоит удивляться, что она бросилась в объятия другого. Однако почему именно Верховного?

Люсьен крепко обнял мисс Мартин за талию и сжал шелк ее платья, нуждаясь в спокойствии, которое приносило ее присутствие. Этот собственнический жест, без сомнения, не укрылся от пронизательного взгляда Верховного.

«Подавись!» — мстительно подумал Люсьен, улыбаясь главному чародею.

— Вот мы и встретились снова.

— Ретберн, — протянул герцог.

— Я слышал, у вас возникла проблема, и нужна моя помощь.

Верховный посмотрел на мисс Мартин:

— Ты связана с ним узами?

— Это показалось мне разумным, — ответила та, с нежностью глядя на Дрейка. — Он опасен, ваша светлость.

Верховный, словно ища что-то, заглянул своими пронзительными серебристыми

глазами в самую душу Люсьена. В ауре Дрейка виднелась старая грусть.

— У тебя материнские глаза...

— Давайте покончим с любезностями, — раздраженно перебил его Люсьен. — Мы с вами ничего не значим друг для друга. И я тут только потому, что вы предлагаете мне желаемое — свободу. Так давайте не притворяться, будто есть что-то еще.

Повисло неловкое молчание.

Дрейк де Винтер медленно кивнул, усталый, как никогда. Люсьену почти стало его жаль, но Верховный уже похромал к дому.

— Да будет так.

Люк стиснул зубы. Он поддался эмоциям. Что там говорила мисс Мартин? Герцог подозревает кого-то из близкого окружения? Значит, надо открыть глаза и уши, а не сверлить взглядом затылок Верховного, стискивая кулаки. Нельзя мстить так резко и грубо. Нет, у Люсьена есть план получше: увлечь мисс Мартин в свою постель. Возможно, увести ее у этого ублюдка. Вернуть реликвию, а затем подождать исполнения пророчества.

«Я с удовольствием понаблюдаю, как тебя поставят на колени...»

— Мы идем прямо в личное крыло Дрейка. — Мисс Мартин передала шляпку и перчатки груму и неодобрительно посмотрела на Люсьена: — Время поджимает. Тебе что-то нужно?

— Сперва хочу увидеть, где хранился кинжал.

В верхнем крыле было тихо и спокойно, там явно располагались личные апартаменты Верховного.

— Вот тут хранилась реликвия. — Низкий голос Верховного разнесся по коридору с мраморными полами.

С полдюжины китайских урн на постаментах стояли у стены вперемишку со стеклянными витринами. Магия пульсировала в воздухе, мимоходом мазнув по коже Люсьена. Он буквально видел ее волны, будто зной в летний день.

— Это ведь был ритуальный кинжал?

Люсьен моргнул, испытывая боль от воздействия, и обошел пустую витрину. На постаменте одиноко лежала красная бархатная подушечка — на ней еще остался отпечаток кинжала, но реликвии больше не было. Витрина шириной девяносто сантиметров и длиной сто двадцать выглядела нетронутой.

— Реликвий всего три: кинжал, чаша и волшебная палочка. Вместе они — артефакты преисподней. Кинжал выковали из железа упавшей звезды и добавили обсидиановую рукоятку; чаша вырезана из слоновой кости, а палочка — из китовой.

— Зачем было их создавать?

— Меня вело любопытство, а других — жажда власти. Мне было восемнадцать, и я быстро делал карьеру в Ордене. Предыдущий Верховный был совершенно безнравственным ублюдком. Мой друг Тремейн сам метил на его место. — Дрейк посмотрел на пустую витрину. — Заклинание мы взяли из гримуара, который Тремейн приобрел в путешествиях по Востоку. Я взялся провести ритуал, даже зная об опасности, а моя бывшая жена Моргана всегда рвалась к власти. Считается, что именно демоны научили людей колдовству, открыли нам, какой силой мы обладаем. Чему же еще они могли нас научить? А что известно высшему демону? — Он поморщился. — В то время я еще не знал, какие последствия ждут тех, кто занялся темными искусствами. Только потому, что можешь что-то...

— Не значит, что следует это делать, — прошептала мисс Мартин.

Они обменялись слабыми понимающими улыбками.

— А без других реликвий?.. — спросил Люсьен.

— Этот артефакт и сам по себе очень могущественен и опасен, — ответил Верховный. — Никто из нас тогда не постиг одну тайну, то есть, я надеюсь, что не постиг: для того, чтобы активировать реликвию из преисподней, нужно жертвоприношение, а не просто кровь. И раз порезавшись тем кинжалом, очень сложно остановить кровотечение. — Он поднял руку и расстегнул запонки, показывая серебристый шрам на оливковой коже. — Мы все дали кровь для первой попытки ритуала. И тогда я впервые понял, что все не так, как кажется. Рассказал остальным сразу же и зарекся продолжать.

Магия смерти. Люсьен помимо воли заинтересовался рассказом.

— И что?

— Мы согласились прекратить, но я видел взгляд Тремейна. Клинок позволяет ненадолго овладеть способностями другого человека, для этого надо пролить его или ее кровь и использовать в наложении чар. На этой стадии мы с бывшей женой решили, что слишком опасно оставлять артефакты у Тремейна.

— То есть Моргана хотела сама ими завладеть, — вставила мисс Мартин.

— Как я уже сказал, в то время я понятия не имел о последствиях обращения с силой. — Верховный отступил. — Моргана — мастерица иллюзий и виртуозная обманщица. Она создала копии реликвий и заменила ими подлинники. Тремейн понятия не имел о содеянном, пока не стало слишком поздно и... к тому времени прежний Верховный — сэр Дэвис — прознал о наших экспериментах.

Эту часть истории Люсьен знал на зубок: сэр Дэвис прислал убийц-сикарий за Тремейном и Винтером. Их притащили на собрание Ордена в день равноденствия. Сэр Дэвис потребовал, чтобы кто-то из них бросил ему вызов, иначе грозился казнить Моргану. Тремейн заколебался, потому что никогда не сражался с таким сильным колдуном, как предыдущий Верховный.

А вот де Винтер тогда был готов ради жены на все.

— Когда я занял пост Верховного, Тремейн был в ярости, — пояснил герцог. — Пытался использовать против меня кинжал, и разумеется, даже иллюзии Морганы не скрыли того факта, что я не истекаю кровью, как должно. Тремейн осознал, что мы его обманули, и настаивал на возвращении артефактов. В пылу ссоры я выбросил его за порог дома и потребовал, чтобы он не показывался мне на глаза под страхом смерти.

Люсьен провел по витрине пальцами, и отклик чар едва его не ослепил. На мгновение коридор заполнился мерцающими цветами. Герцог словно состоял из зеленых красок — свидетельств грусти, а вот мисс Мартин обволакивала смесь почти отвратительного желтого с серым — символом отчаяния.

Люсьен коснулся носа, чтобы посмотреть, не идет ли кровь.

Мисс Мартин взяла его за руку, и он тут же ощутил облегчение. Его якорь развеяла сбивающий с ног напор чар, чтобы они не наседали лишь на Люсьена. Он снова смог дышать.

— Ты ловец отголосков? — шепнула она.

Ловцы ощущали все нити колдовства и умели ими управлять, хотя часто оказывались не в состоянии справиться с потоком. Люсьен не мог рассказать ей правды, поэтому просто пожал плечами.

— Предлагаю пройти в тихий уголок, чтобы ты пришел в себя. Что нужно? — вмешался

герцог.

— Чаша чистой воды, ритуальный кинжал и... — Люк посмотрел на зачарованное стекло, недоумевая, почему чары не поколебались, если витрину при краже открывали и, соответственно, тревожили защиту. — Достаточно будет кусочка бархата с подушки.

Талант к предсказанию передавался в его семье по материнской линии. Когда-то матушка была Кассандрой, самой сильной предсказательницей в поколении. И хоть Люсьен не умел видеть будущее, он мог провести поиск на расстоянии и обладал способностью к психометрии — улавливал историю предмета.

Герцог и мисс Мартин молчали, пока Люсьен готовился, сидя на полу и выдыхая для успокоения, пока не ощутил все свое тело. Вскоре его окутала пустота, мир погрузился в тишину, и все органы чувств сосредоточились на задаче.

Люк взял переданный герцогом ритуальный кинжал, порезал палец, накапал крови в чашу с водой и, погрузив кусочек бархата в получившуюся смесь, прошептал заклинание. Тут же его разум соединился с материей, и видения пошли одно за другим: кинжал, поглаживающие бархат руки, окружающая магия, и еще дальше, к тому, как кто-то спал на подушке, а затем как ее шили... Люсьен попытался оттолкнуть все это, сконцентрировав внимание на том, что случилось на рассвете.

«Где ты сейчас?» — спросил он.

В ответ ничего, лишь колеблющееся изображение дома Верховного.

Тяжело дыша, Люсьен раскрутил моток видения. Ворожба рассеялась, будто ее никогда не было. Все отвлекало: волоски на руках, ясно видимые поры. Пыль, танцевавшая вокруг Верховного, и сам колдун... Уже пробивающаяся после недавнего бритья щетина, тоненький шрам под губой и проблеск серебра в радужках... Люсьен чувствовал, что теперь центром поиска стал сам хозяин дома, и в голове закрутились видения.

Женский смех. Детский голос, зовущий маму. Неясное изображение особняка Ретбернов в Кенте, еще до ремонта 1862 года. Люсьен остановил поток и вдруг увидел могилу. Верховный стоял над ней в снегу, грустно читая надпись, высеченную в граните: «В память о сыне, которого я никогда не знал. 1868 г.»

Скривившись, Люсьен прижал руку к глазам. Мисс Мартин поспешно задернула занавеси, погружая комнату во тьму.

— Что ты видел? — спросила она.

Слишком много. Такого с ним прежде не случалось. Обычно он читал лишь предметы, не людей. Последнее — редкая и непредсказуемая способность. Он с усилием опустил в кресло, а желудок взбунтовался, желая извергнуть чересчур сладкий чай мисс Мартин на турецкие ковры Верховного.

— Что такое? — Она встала на колени у кресла и сжала руку Люсьена в своей.

— Оставь его в покое, Ианта. — Верховный выжал тряпку над чашей с водой и приблизился, оставив трость у стола. Затем распустил плохо завязанный галстук и положил компресс Люсьену на затылок. — Опусть голову и смотри в пол. Зрение вернется в обычные рамки через несколько минут.

Откуда ему это известно? Люсьен послушался, слишком устав, чтобы спорить.

— Я видел... Боже...

— Меня, — мрачно констатировал Верховный. — Образы из моего прошлого. Я заметил краем глаза.

Люсьен вскинул голову и тут же пожалел о несдержанности. Верховный снова заставил

его наклониться, крепко удерживая затылок.

— Меня заверили, что произошел выкидыш, — с тихой горечью прошептал он. — Могила — прощальный подарок от бывшей жены в ответ на угрозу развода. Я увидел только это. — Он заколебался. — Было что-то еще?

— Особняк Ретбернов, смех моей матери. — Маленький мальчик звал ее. — А еще я заметил тебя и себя.

Верховный перестал давить.

— Мне нельзя было видаться с тобой, но твоя мать разрешила одну встречу.

— А как же реликвия? Ты ее увидел? — настойчиво спросила мисс Мартин.

Нет. Люсьен надеялся, что его дар прорицания не пострадал от того, что с ним сотворили демон и лорд Ретберн. Он ошибался.

— Нет. Я увидел лишь дом. — Люсьен искоса посмотрел на Верховного. — Возможно, меня сбивают наложенные на особняк чары.

— Не должны, но все возможно, — согласился тот. — Я знаю о предсказаниях лишь то, что рассказала твоя мать. Это ее вотчина, не моя.

Плечи мисс Мартин поникли.

— Ни следа. Ну что ж, я пошлю за багажом. Нам пора. Мне надо повидаться с Ремингтоном. Поищем там. — Она пожала руку герцога. — Мы найдем кинжал.

— Остается лишь надеяться. — Он вытер рот.

— Надеюсь до того, как комета исчезнет, — сказал Люсьен, хоть и без той злобы, что испытывал до посещения этого дома.

Происходило что-то странное. Герцог пытался увидеть его в детстве?

— Надеюсь до того, как пропадет еще одна из двух оставшихся реликвий. Если кто-то затеял призвать высшего демона... — начал Верховный.

Больше слов не требовалось. Одно это подстегивало Люсьена выполнить задание. Демон, которого он призвал под влиянием лорда Ретберна, был именно высшим. Что же может натворить злодей вместе с таким созданием? Лондон не выстоит.

— Вы знаете, у кого остальные две реликвии?

Верховный кивнул, но не поделился сведениями:

— Я их предупредил.

Люсьен пошатнулся, и мисс Мартин схватила его за руку. Аромат ее соблазнительных духов кружил голову.

— Пойдем, у нас нет времени. Отдохнешь в экипаже. — Она обратилась к Верховному: — Мы ведь можем воспользоваться твоей коляской?

— Бери все, что угодно. — Он медленно поднялся, сжимая серебряный набалдашник трости, и посмотрел на руку мисс Мартин, что сжимала рукав Люсьена, а потом встретился с ним взглядом: — Береги ее.

— Сберегу. — Люк нашел в себе силы для последней колкости: — Мисс Мартин слишком много мне должна, и я собираюсь стребовать с нее все.

Под вопросительным взглядом герцога она покраснела, без слов отвечая на невысказанный вопрос.

— Удачи, — пожелал Верховный, снова необъяснимо дернув бровью, и Люсьен не понял, обратился ли он к мисс Мартин или пожелал успеха в поисках им обоим.

Ианта наблюдала за погрузкой багажа, который привезла из недавнего путешествия в Эдинбург. Положив руку на самый большой чемодан, она аккуратно пустила чары сквозь деревянные панели, но отклика не получила. Ничего. Шотландский мастер следовал всем ее указаниям, сперва обложив тайник свинцом, который славился своими глушащими магию свойствами, а потом закрыв его отводящими глаза рунами.

Ианта медленно выдохнула.

«Мне очень жаль, Дрейк...»

Она надела перчатки и подавила все эмоции, которые могли отразиться на лице. Этому Ианта научилась еще в детстве. Ретберн как-то странно взглянул на нее, но она махнула кучеру:

— Отвезите чемоданы в мои апартаменты, и пусть их отнесут в спальню, а мы пока в театр.

Ей было страшно выпускать большой чемодан из вида, но что делать? Нельзя навлечь на себя подозрение.

Когда-то Ианта думала, что ничто не заставит ее предать своего учителя. «Но у каждого можно найти слабое место, верно?»

Осталось надеяться, что она выпутается из неприятностей до того, как Дрейк узнает о ее вероломстве.

Теребя медальон на шее, Ианта смотрела, как чемодан с зачарованным тайником исчезает в городе. Сердце в груди превратилось в свинцовый ком.

Хвала богам, что Ретберну не удалось найти кинжал.

*«У Ордена Рассветной звезды два назначения:
во-первых, мы стремимся познать великие
тайны жизни и предсказания,
а во-вторых, желаем служить своей стране,
защищать ее от злых сил из иных измерений
и тех, кто хочет ими воспользоваться».*

«Понимание предсказаний», сэра Энтони Скотт

Первая остановка случилась на забитых зеваками улицах Ковент-гардена. Ианта грациозно выпрыгнула из герцогского экипажа.

Люсьен мрачно огляделся:

— Считаешь, тут мы найдем вора, забравшего кинжал?

— Нет, но поиски стоит начать именно здесь.

— Ничего не понимаю.

— Со временем поймешь, Ретберн.

У входа в театр «Феникс» висели яркие афиши с заголовками: «Не пропустите! Великий Ремингтон Кросс и его красавица-помощница, экзотическая Сабина».

Вытащив ключ из сумочки, Ианта отперла двери.

Люсьен вошел первым. Он снял солнцезащитные очки, которые теперь носил с собой, а она невольно задержала взгляд на его нелепо длинных не по моде волосах.

Черт побери Дрейка за то, что свел их вместе, когда ей нужно сохранить ясную голову.

Ианта направилась за ним по мягким красным коврам мимо стен с обоями в желтую полоску. Какой контраст по сравнению с входом для рабочего класса, который специально отделили от богачей. Тот коридор вел прямо на галерку — единственно доступную для бедняков. Ни обоев, ни мягких ковров. В этом когда-то знакомом Ианте мире бал правила иллюзия.

Люсьен развернул край выцветшей афиши и посмотрел на нарисованную девушку с дьявольской улыбкой, в светлом завитом парике и платье с блестками. Таинственная Сабина. Он обратил взгляд золотисто-карих глаз на Ианту, и та сразу поняла намек.

— Я просто работала, — пояснила, подталкивая его к зрительному залу. — Идеальная должность для чародейки. Не всем же быть богатыми наследниками.

— Ты использовала чары на потеху толпе?

Ианта резко повернулась, заставив Люсьена отшатнуться, чтобы избежать столкновения.

— Давай, насмехайся надо мной. Я ведь могу приказать тебе пропрыгать на одной ножке остаток дня. Ты же знаешь, что придется повиноваться. — Она прищурилась. — Или хочешь облачиться в платье?

Он дал слово подчиняться, подтвердив его кровью. Метка на груди Ианты до сих пор покалывала.

— А сегодня вечером ты будешь моей. — Люсьен погладил тыльной стороной руки

гладкую кожу ее декольте, словно клеймя своим прикосновением, и гневно сжал губы. — Только представь, как я отомщу.

Ианта представляла, даже слишком хорошо. Когда-то она поддалась желанию, что и стало ее гибелью. Проявила слабость, и от воспоминаний об этом тело пронзила дрожь.

Судя по страстному взгляду Люсьена, он не остался равнодушным.

Внезапно напряжение между ними сменилось чем-то другим.

— Бойся своих желаний, — прошептала ему на ухо Ианта, встав на цыпочки и осторожно сжимая воротник его камзола. — Месть сладка. Если думаешь, что я стану сопротивляться, то сильно ошибаешься. Если полагаешь, будто я не смогу обвести тебя вокруг пальца и одновременно поддаться желанию... не торопись и подумай еще. Я проберусь тебе под кожу, Ретберн. Заставлю позабыть всех женщин, с которыми ты был.

Соблазнительным речам она научилась в роли Сабины. На сцене Ианта распалила желание мужчин, пока те не падали к ее ногам, вне себя от жажды.

— И когда все закончится, и мы разорвем узы... Ты будешь умолять взять тебя обратно.

Ианта отодвинулась и посмотрела на него из-под ресниц.

Люсьен сжал стальными пальцами ее запястья и опустил голову, дыханием лаская ее чувствительные губы. В его глазах зажегся интерес.

— Хочешь пари?

Ианта на миг поддалась иллюзии беспомощности. Она могла бы приказать ему прекратить. И оба это знали.

— Какое именно?

— Которое покажет, кто главный. — Люсьен мазнул губами вдоль линии ее подбородка, зубами прикусил теплую мочку уха. — Кто из нас быстрее заставит другого умолять?

Ианта затрепетала.

— Я думала, ты хочешь со мной переспать.

— О, обязательно, Ианта. Я буду иметь тебя так часто и так страстно, как смогу, но не стану тебя целовать, если только ты не падешь на колени и не попросишь.

— Ты так высоко оцениваешь свои поцелуи? — От тревоги и желания голос задрожал.

Грубая прямота Ретберна шокировала. Ианта никогда в жизни так не выражалась... и в глубине души ей даже понравилось.

С очередной жаркой улыбкой, Ретберн отпустил ее руки и отступил:

— С поцелуем делишься частью души. Если считаешь, что цена завышена, значит, тебя никогда по-настоящему не целовали. Проиграет тот, кто сдастся первым.

Разум призывал отказаться, но Ианта прищурилась и опустила руки, все еще ощущая фантомную хватку Люсьена.

— Уверена, ты не выдержишь первым, так что я согласна на пари, милорд. Это придаст нашему договору интригующую нотку. — Он хотел возразить, но она жестом его остановила: — Пойдем. Какой бы захватывающей ни была беседа, мы опаздываем. Кросс с меня голову снимет.

— Кросс? — спросил Люсьен, вскинув бровь.

— Мой другой дикий и несдержанный повелитель.

Ответ ему явно не понравился, но Ианта спокойно двинулась дальше в зрительный зал, чуть сильнее покачивая бедрами.

Глухая тишина сильно отличалась от шума улиц. Люсьен последовал за мисс Я-заставлю-тебя-умолять, зная, что не соблюдает дистанцию.

Их пари стало для него неожиданностью. Он уставился нахалке в затылок. В ней, оказывается, крылась сногсшибательная соблазнительность, хотя вот так, глядя в эти нарочито наивные очи, и не подумаешь.

Сегодня... Сегодня Люсьен снова ощутит ее чувственную натуру, хотя она вся будто закрылась, застегнувшись на все пуговицы. Она упомянула о сладости мести, и он с нетерпением ждал возможности проверить ее слова на практике.

Раздался громкий треск, и на сцене взорвался столб дыма и искр. Люк, не думая, сбил Ианту с ног, закрыв их обоих щитом. Медный браслет на руке похолодел от струившейся через него магии. Защитный браслет — один из первых сделанных им самим артефактов. Какое же облегчение, что он все еще работает.

— Ретберн! — воскликнула Ианта.

Он поднял голову, чувствуя, как в голове звенит гулкая тишина. Из дыма шагнул мужчина в кроваво-красном шарфе, рубашке, черном шелковом сюртуке и безукоризненно отглаженных брюках в тонкую полоску.

— Он обожает эффектные появления, — прошептала Ианта, пытаясь освободиться.

Тут Люсьен понял, что придавил ее к полу.

— Как будто другие этого не любят! — крикнул мужчина со сцены на весь театр. — Вы уже закончили лапать мою помощницу?

Встав, Люсьен протянул ей руку.

— Даже не начинал.

Ианта покраснела от намека.

— Реми, познакомься с Люсьеном Деверо, графом Ретберном. Ретберн — это Ремингтон Кросс, великий чародей.

— Приятно познакомиться, — безэмоционально ответил Кросс.

Теперь Люсьен узнал человека с афиш, хотя рисованное изображение ему льстило. На деле пронизательные черные глаза и орлиный нос казались скорее хищными, а не симпатичными. Однако нельзя было отрицать потрясающую харизму артиста. Люк понял, что имеет дело с мастером-чародеем, хотя никогда не встречал Кросса на собраниях Ордена, а на его пальцах не было колец, указывающих на статус.

— Взаимно.

— Я уже не твоя помощница, Реми, — с нежностью сказала Ианта, наконец поднявшись. — Помнишь? Уже три месяца как. Да и Ретберн не лапал меня, он...

— Я решил, что на нас напали, — нахмурился Люк.

— Сколько? — Кросс пересек сцену и спустился по лестнице.

— О чем ты? — уточнила Ианта.

— Сколько мне заплатить, чтобы ты вернулась?

— Аннабель играет не хуже меня. Радуйся, что кто-то еще готов с тобой мириться.

— Да, но ей не хватает твоего шарма. — Кросс поцеловал ей руку, будто Люка вовсе не было рядом.

— У нее нет моего выдающегося декольте, — парировала Ианта. — Ты знаешь, почему я перестала выступать, и причины не поменялись.

Они молча переглянулись.

— Ха, — фыркнул Кросс, — респектабельность всего лишь иллюзия.

— Не для меня. К тому же я занята. Чтобы сдать экзамены на следующий уровень, нужно учиться, а еще я исполняю обязанности сенешаля Дрейка. — И будто поставив точку, она прижалась губами к гладкой щеке Кросса и криво улыбнулась. — Я тоже по тебе скучаю, Реми.

— Ты пришла повидаться?

— Увы, дело не в этом.

Как ни странно, говорила Ианта с искренним сожалением, а ведь Люсьен никак не мог разглядеть, в чем же привлекательность этого «великого чародея».

— Как там щенок де Винтер?

— Неплохо.

— Проблемы?

— Что-то затевается. — Она взяла Кросса под руку. — Мне надо поговорить с тобой наедине. Ретберн, пойдешь с нами или посторожишь театр?

— Ни за что не пропущу, — ответил Люк и направился вслед за ними за кулисы в личные апартаменты Кросса.

— Ну? — спросил артист, налив им всем немного виски. — Что привело вас к моему порогу?

— К сожалению, плохие вести. — Ианта бросила красивую шляпку на кресло и с серьезным видом взяла стакан.

— Виски? — предложил Кросс Люсьену.

Тот согласился, а потом принялся к янтарной жидкости, одновременно разглядывая комнату с разной бутафорией.

В углу стоял саркофаг, разрисованный под артефакт из Древнего Египта. Люсьен подошел к декорации, и газовая лампа отбросила тень на стену. На полках пылилось множество предметов: маленький портрет мужчины в одежде времен Тюдоров, набор драгоценных камней и змея, так похожая на живую...

— Не прикасайся.

Люк застыл с вытянутой рукой и посмотрел Кроссу в глаза. Что-то в нем ему не нравилось.

— Ни к чему не прикасайтесь, — добавил Кросс, наливая себе еще глоток из бутылки. — Никогда не знаешь, что может тебя укусить.

Люсьен уставился на безжизненную статую кобры. На ее коже черными чернилами (хотелось верить, что чернилами) были небрежно нацарапаны символы. Внезапно показалось, будто она пошевелилась, а камень во лбу засиял.

— Тут есть чары, но они мне незнакомы, — сказал Люк, небрежно сунув руки в карманы штанов.

— Индийская магия. Наги, — пояснил Кросс, словно читал лекцию. — Защищает от ракшасов.

— Индийских злых духов.

— В общем, да. — Блеснув глазами, он поднес стакан к губам. — Я коллекционирую реликвии и артефакты.

— Вот поэтому я и пришла к тебе, — вмешалась Ианта до того, как Кросс успел продолжить. — Надо выяснить, кто бы мог купить пропавшую реликвию или заказать кражу.

Ты занимаешься темными искусствами и должен знать.

— Давненько я не ввязывался в дела Ордена, — фыркнул он, хотя явно заинтересовался. — Что за реликвия?

Она не ответила.

Кросс нахмурился:

— Зависит от самого предмета, но если он связан с темными искусствами, я бы назвал Магнуса Кокрейна, лорда Тремейна, леди Эстер Ламберт и не такого уж distinguished мистера Элайджу Хорроуэя. Если вам нужна лишь информация, лучше сначала поговорите с леди Эберхард. Подергайте тигра за усы, прежде чем сунуть голову в яму со змеями. У нее потрясающая коллекция, и она явно знает, с кем можно связаться. А потом загляните за сведениями на черный рынок Кокрейна.

Леди Эберхард. Даже Люсьен вскинул бровь. Подергать тигра за усы — это мягко сказано. В списке ставленников Ордена, с которыми Люк не желал связываться, было и имя этой леди. Но все же...

— Я думал, что Хорроуэй покойник.

— Поговаривают, что да. Он ведь изучает замогильное искусство.

Шутка подмастерьев. В Ордене процветало три разновидности магии: светлая, темная и серая. Светом занимались в основном целители, астрономы и предсказатели. Люсьен благодаря своим пророческим талантам генетически был предрасположен к свету, а Ианта посвятила себя серой магии, судя по кольцам с гематитом на ее руках. К этой категории принадлежало большинство чародеев, учитывая широкий спектр их талантов. Те, кто занимался темным искусством, не всегда сеяли зло, но лично Люк считал, что большинство подобных адептов нарушают границы дозволенного. Именно темная магия питает жажду власти. Часто они становились сильными чародеями, пусть и не всегда. Самым темным колдовством была некромантия, и Верховному пришлось придумать особые правила по использованию замогильных чар.

Некроманты редко отличались психическим здоровьем, и их мотивы нельзя назвать невинными, а Элайджа Хорроуэй считался самым сильным местным некромантом.

— Я полагал, что невозможно победить смерть, — заметил Люсьен.

— Некоторые все еще пытаются. — В глазах Кросса появилось непонятное выражение. — Неоспоримая истина, что человек, увлеченный властью и загадками, всегда постарается остановить Смерть.

— И это ничем хорошим не заканчивается, — пробурчала Ианта. — Человек не должен жить вечно.

Они с Кроссом переглянулись.

— Нет, не должен, — кивнул он. — Значит, реликвия пропала, и на ее поиски Дрейк отправил свою правую руку. И какая? Обруч Рассветной звезды? Пентаграмма Мерлина? Алтарный кинжал?..

Наверное, Ианта выдала себя выражением лица.

— Вот как... значит, кинжал?

— Реми, — предупреждая произнесла она.

Не обращая внимания на их перепалку, Люсьен снова уставился на миниатюрный портрет. В нем было что-то знакомое. Люк потянулся к изображению и, нахмурившись, сдул с него пыль.

Ну разумеется.

На портрете был изображен Ремингтон Кросс, а психометрия Люка уже заработала, погрузив его в видения. Свежая краска, итальянское поместье, спелый виноград, художник в наряде эпохи Ренессанса. Вот мастер лизнул кисточку, вот красавица блондинка открыла подарок и увидела миниатюру, затем кровь, тьма, ревность и смерть... Люсьен ахнул и едва не выронил портрет. Ему было более трехсот лет, а Кросс не выглядел ни на день старше. Как?.. Люк резко вскинул голову и встретился с ним взглядом.

— Это никогда ничем хорошим не заканчивается, — тихо повторил Кросс и повернулся к Ианте. — Если буду нужен, ты знаешь, где меня найти.

— Я считала, что ты предпочитаешь держаться подальше от дел Ордена.

Он опустил веки:

— По крайней мере, с начала восемнадцатого века, но сейчас готов сделать исключение, ради тебя. Я чувствую силовую воронку, здесь, в Лондоне, она втягивает в себя море энергии. Появляется на некоторое время, а потом пропадает, и так уже неделю. Никогда не испытывал ничего подобного.

Краски заплясали на коже Ианты: неловкость, страх и что-то непонятное, серо-желтого цвета.

— Дрейк ничего об этом не знает.

— Дрейку не хватает моего опыта, — ответил Кросс и вдруг уставился Люсьену в глаза, не позволяя отвернуться. — А еще у него нет моих способностей к магическому поиску. Вокруг вас клубок теней, что как-то связано с кинжалом и силовой воронкой. Поклянись, что сохранишь Ианту в безопасности.

Уже второй раз кто-то просил Люсьена дать обет.

— Клянусь.

— Хорошо. — Кросс немного расслабился, а потом нахмурился. — Что-то темное зарождается в Лондоне, и я не знаю, выйдете ли вы из передряги живыми, однако знаю вот что: вы нужны друг другу, чтобы выжить.

Люсьен вышел из экипажа у окруженного золотистым светом особняка. Через час ожидался великолепный закат. Взяв протянутую руку, Ианта в ворохе юбок тоже ступила на тротуар и посмотрела на дом леди Эберхард, территорию которого, будто предупреждение, окружал черный кованый забор. Из кустов пышного разросшегося сада слышался тихий щебет, словно кто-то засел в засаде.

— Очаровательно, — протянул Люсьен. — Какая гостеприимная атмосфера ловушки.

— Советую следить за тем, что говоришь, — тихо отозвалась Ианта. — Леди Эберхард весьма... эксцентрична и могущественна. Мы ведь не хотим ее обидеть.

Люк открыл скрипучие ворота. В кустах стало тихо. «Да, совсем не зловеще», — подумал он, содрогнувшись.

— Разве не правильнее называть ее «спятившей»?

— Что ж. О вас говорят то же самое, милорд.

Ианта прошла мимо, искоса взглянув на него из-под края лихо сидящей лиловой шляпки с развивающимся как военное знамя страусиным пером. Она вообще всегда вышагивала стремительно, будто заявляя права на место в мире.

Люк натянуто улыбнулся и последовал за ней.

— И по-твоему, они правы?

— По-моему... капля безумия есть во всех, выбравших этот путь.

— Это не ответ.

— Сейчас я могу дать только его.

Ианта нажала на звонок, и в доме раздался громкий раскатистый «дин-дон». Они с Люсьеном переглянулись.

— Я мало общался с леди Эберхард, но мне известна ее репутация. Она похоронила трех мужей, все умерли при подозрительных обстоятельствах.

Ианта нахмурилась:

— Насчет первых двух согласна, но что подозрительного в гибели третьего? Кажется, он сломал шею при падении.

— Упав с ночного горшка в борделе.

Она вскинула брови:

— Не знала.

— Такое не для невинных ушей.

Ианта фыркнула.

Дверь распахнулась, и на пороге появился бледный как мертвец дворецкий:

— Сюда, милорд, мэм. Леди Эберхард вас ожидает.

Странно. В ответ на выразительный взгляд Ианты, Люсьен махнул рукой:

— Дамы вперед.

Дверь за ними захлопнулась, заставив обоих подскочить. Со стены скалилась львиная голова, рядом с которой красовалось чучело тигра. Весь коридор был уставлен охотничьими трофеями, и у Люсьена возникло жуткое чувство, что их стеклянные глаза наблюдают за ним.

Он бывал и в более ужасных местах, к примеру, в Бедламе, но что-то в здешней натянутой тишине вызывало ощущение слезки.

Из гостиной доносились голоса, но когда дворецкий элегантно распахнул перед гостями дверь, внутри никого не оказалось.

— Подождите здесь, миледи вскоре подойдет, — прошептал он.

Десяток свечей стоял у зеркала на столике. От фитилей все еще поднимался дымок, будто их задули всего секундой ранее. Рядом находился фарфоровый чайный сервиз, и в чашке, точно облака на легком ветру, двигались дымчатые тени. Всмотревшись в них, Люсьен заметил что-то... Леди Эберхард славилась как искусная предсказательница, но он никогда не видел ничего подобного. Наклонившись, Люк различил небольшие изображения. Черный дым, казалось, манил и затягивал его, пока полностью не погрузил в видение.

Женщина лежала на красных шелковых простынях. Ее волосы цвета вороного крыла рассыпались по подушке. Незнакомка прижала к груди гадюку и рассмеялась.

— Три сына. Три брата. Три жертвы. — Она улыбнулась зловеще и победоносно. — У меня уже есть одна реликвия и еще одна на подходе. Третья пропала. Где же она?

Раскосые зеленые глаза стали отсутствующими, будто она уставилась в пустоту. Затем знакомка выдохнула:

— Вот, вот где она — прямо за тобой.

Люсьен оглянулся через плечо, и женщина исчезла. Остался лишь смех и обещание:

— Я иду за ней.

Видение поменялось, теперь показывая мужчину в переулке, опирающегося на трость с ручкой из слоновой кости. Верховный. Моложе, чем сейчас, и невероятно прекрасный, вот только глаза мертвые, словно ртуть. На мгновение эти серебристые зрачки будто посмотрели на Люсьена из глубин чашки. Цепи, сотканые из теней, сковывали его запястья, но Верховный их не замечал. Затем что-то разорвало красивое лицо, и изнутри показался демон, отбросив плотскую оболочку как одежду. Люк знал эту тварь.

— Здравссстсссуй, повелитель, — прошипел монстр, и Люсьен вскрикнул, внезапно потеряв способность двигаться.

Он не мог сбежать. Холод пронзил тело, Люк оцепенел, а этот ужасный шепот выжигал каждое слово огненными буквами в разуме.

— Люсьен? — вскрикнул кто-то и потянул его за руку.

— Месссть — блюдо, которое лучше подавать холодным...

Затем в груди Люка зародилось пламя, сжигая изнутри, превращая в ничто. Он закричал...

Рука, появившаяся между ним и чашкой, разорвала видение.

Люсьен отшатнулся, и Ианта повела его к ближайшей кушетке. Он упал, тяжело дыша, хлопая по одежде, которая все еще дымилась. Проклятый ад. Демон все еще там. Странно, разве его не изгнали? При одной мысли об этом голову пронзила острая боль, и Люсьен прижал руку ко лбу. Он чувствовал в себе что-то, пытающееся разорвать его изнутри, как демон Верховного в видении.

— Mercurah abadi di absolom, — прошептала Ианта голосом, пронизанным силой, с каждым словом повышая громкость и пальцем выводя вокруг него блестящие символы.

Они ярко засияли, а потом вошли в его плоть, будто ментоловые сигареты, одновременно горячие и холодные.

— Mercurah abadi hessalah di abscrolutious.

— Тебе здесь не место, темная тварь! — вдруг вмешался другой голос. — Прочь. Прочь. Убирайся отсюда, выродок!

Кто-то задул свечу. Боль и давление в голове Люсьена внезапно пропали, оставив его дрожащим и в поту.

Мир начал понемногу возвращаться к прежнему виду. Люк ощутил у себя на коленях кого-то пахнущего сиренью. Ианта обняла его, прижав лицом к своему плечу, и погладила по волосам:

— Тс-с, все в порядке. Здесь он тебя не достанет. Ты в безопасности. Он ушел.

Люк содрогнулся, цепляясь за нее и стараясь вернуть себе рассудок.

— Мальчик, зря ты смотрел живые сны другого человека, — на удивление приветливо сказала стоящая рядом пожилая женщина. — Что ты увидел?

Ианта отстранилась, но он не мог перестать дрожать. Неужели это та воронка, о которой упоминал Кросс?

— Проклятый ад! — Люк пригладил мокрые волосы, но мало чем помог своей прическе.

— Ретберн. — Ианта взяла его за руку, и колечки из гематита и изумрудов засияли. — Оно тут тебя не достанет.

— Что это было? — прохрипел он.

— Ночные тени, — ответила хозяйка, выливая дымчатую субстанцию в чайник. У нее был мужеподобный хриплый голос человека, привыкшего повелевать. — В них не проникнуть, если только не обладаешь даром предсказания, а у тебя, мой мальчик... великий дар.

Взяв Люка за подбородок, леди Эберхард всмотрелась в его глаза своими, черными как угли.

— Ах, теперь колеса закрутились. Неудивительно, что Дрейк послал вас ко мне, — проворчала она.

Ее лицо, словно вне возраста и времени, приковывало взгляд: широкие скулы намекали на былую экзотическую красоту, а прямой патрицианский нос напоминал об эпохе Древнего Рима. Не классическая прелестница, но Люсьен не сомневался, что мужчины при виде нее застывали, не в силах оторвать глаз. Зная, что эта могущественная, полная достоинства женщина способна завладеть их волей.

— Рассказывай, что видел, — приказала она и, зашуршав черным кринолином, устроилась в кресле напротив и погрузила в длинный ворс ковра шокирующе босые ступни.

Большие с приподнятыми внешними уголками глаза таинственно блестели. Если бы не серебристые волосы, Люк не смог бы угадать ее возраст.

Он прижал ладонь ко лбу. Голова снова заболела, но он попытался разобраться в множестве образов и облечь ощущения в слова.

Когда он закончил, леди Эберхард просто уставилась на него, жуя figy, взятую с тарелки на столе.

— Интересно. Опиши ту женщину, — отрешенно пробормотала она.

— По-моему, демон — угроза посущественнее, — заметил Люсьен.

— Опиши женщину.

Ианта ткнула его локтем.

— Я еще не встречал такой красавицы, хотя она уже немолода. Черные волосы с несколькими седыми прядями, похожими на осветленные, и зеленые глаза. — Он задумался. — Она казалась такой загадочной, будто знала секреты, о которых я понятия не имею. Словно получала от этого удовольствие. Я уверен, что у нее на запястье татуировка,

кажется, змея или уроборос. Она сказала, что придет за последней реликвией.

Леди Эберхард побледнела:

— Это невозможно.

— Вы ее знаете? — спросила Ианта.

Леди Эберхард встала и, повернувшись к потухшему камину, уставилась на угли.

— Максвел!

Дворецкий появился у двери будто по волшебству:

— Миледи?

— Пошли записку Бишопу. Скажи, чтобы пришел сюда незамедлительно.

Она чуть вскинула бровь, и дворецкий снова пропал.

Леди Эберхард потеряла руки:

— Три сына. Три реликвии. Проклятый ад. А теперь еще это.

Ианта встала и подошла к ней:

— Я ничего не понимаю. Кто эта женщина?

— Моргана де Винтер. — Леди Эберхард поджала губы. — Судя по всему, хотя не думала снова ее встретить по эту сторону Английского канала после того скандального развода.

Люсьен вскинул голову, через узы ощутив беспокойство Ианты. Она побелела.

— Бывшая жена Верховного.

— Да, стерва вернулась, — мрачно подтвердила леди Эберхард.

Ианта, разумеется, знала эту историю, хоть и исключительно по слухам. Дрейк никогда не упоминал о бывшей жене и скандальном разводе.

Только однажды он грустно заметил: «Она прекрасно владеет иллюзиями, а что есть иллюзия, как не обман? Чего я не понимал, когда женился на ней, так это того, что она сама, по сути, иллюзия. Она дарит именно то, что окружающие хотели видеть, а под маской была ложь. Под ней... незнакомка».

— Все началось почти тридцать пять лет назад. За пару лет до этого в Орден пришла юная девушка, моля об убежище. Она не сообщила своего имени, лишь то, что умеет колдовать и желает именоваться Морганой в честь всем известной колдуньи.

Одним движением брови леди Эберхард показала, что об этом думает.

— Это должно было сразу насторожить. Через несколько лет обучения она познакомилась с Дрейком на балу Равноденствия. У них нашлось кое-что общее, интерес к тем, кого мы зовем демонами, и измерениям, мирам, откуда они явились. Моргана обожала флиртовать, играя эмоциями окружающих, включая Дрейка и его тогдашнего друга Тремейна. Одно мгновение она, казалось, принимала ухаживания Дрейка, а в следующее уже прогуливалась с Тремейном. — Леди Эберхард фыркнула. — Я никогда не доверяла этой мерзавке, но Дрейк ее завоевал. Однако соперничество между ним и Тремейном не закончилось, и каждый решил стать первым, кто сможет управлять высшим демоном. Только создав реликвии преисподней, Дрейк начал понимать, как опасно это творение. Что и стало первым шагом к разрушению его брака. Моргана помогла ему украсть артефакты у Тремейна, но события уже завертели. Она стала супругой Верховного колдуна Ордена, заняв подобающее, по ее мнению, место, и пользовалась любой возможностью, чтобы

помыкать нами, простыми адептами. Впрочем, Дрейк уже отстаивал свое главенство и не шел на поводу у жены. Моргана снова начала флиртовать, желая управлять молодым супругом с помощью ревности. — Леди Эберхард закатила глаза. — Они все время мерились силой воли, часто заканчивая спор в постели, но спустя время... Дрейку надоела эта война. Он наметил новый путь для Ордена и посвятил себя служению молодой королеве и ее министрам. Все, что угодно, лишь бы унять страх простых людей в отношении колдовства, который стал особенно силен после правления сэра Дэвиса. Дрейк занялся достойным делом, а Моргана злилась на его невнимание. У них не было наследника, и муж все чаще проводил время вдали от нее. Даже слухи о любовнике не заставили его вернуться. Дрейка привлекла другая молодая леди, которая разделяла его идеи, помогала своими талантами в прорицании и почти никогда с ним не спорила. Они идеально подходили друг другу. Жаль только, что она уже была замужем.

В комнате повисло многозначительное молчание. Люсьен посмотрел на хозяйку дома горящими золотистыми глазами:

— Моя мать.

— Твоя мать, — с удовлетворением подтвердила леди Эберхард. — Мне нравилась леди Ретберн. Она как-то сообщила мне, мол, всегда знала, что встретит любимого, когда станет слишком поздно. Проблема в том, что будущее видится лишь кусочками, а не целой картиной. Лорд Ретберн, разумеется, был не в восторге, что жена носит бастарда другого мужчины. Дрейку пришлось расстаться с твоей матерью, но беременность леди Ретберн привела Моргану в ярость. Она хотела получить власть обратно.

— И тогда решила отравить племянника Дрейка, — прошептала Ианта, знавшая эту часть истории.

У нее в голове не укладывалось, как женщина могла так поступить с ребенком.

— К несчастью, да, — ответила леди Эберхард. — Моргана понимала, что, лишь подарив Дрейку наследника, вернет былое могущество. Она начала работать с зельями, чтобы оживить свою бесплодную утробу, вот только потеряв племянника, Ричарда, супруг больше не стремился к ней в постель. Дрейк был... разбит. На моих глазах эта стерва подольстилась к нему, сочувствуя и утешая, и три недели спустя радовалась своей беременностью. Тогда я начала что-то подозревать. Кто больше всего выиграл от смерти Ричарда? Она. Кто занимался темным искусством? Кто разбирался в ядах? Моргана. След медленно вывел на нее, и тварь арестовали. Первым делом она заявила Дрейку, что если тот попытается настоять на разводе и на наказании для нее, то никогда не увидит своего ребенка живым. Дрейк пришел в ярость и отдал ее дело на рассмотрение Ордена. Они приняли решение в его пользу, а королева в Парламенте даровала ему развод. — Глаза леди Эберхард стали печальными. — Никто из нас не думал, что Моргана исполнит свои угрозы. На следующий день ее охрану нашли перебитой, а она сама исчезла. Неделю спустя Дрейку прислали тельце нерожденного сына в коробке. Тогда он поклялся, что если Моргана вернется сюда, то ее тут же арестуют и казнят за предательство Ордена. Приказ так и не отменили.

В комнате стало тихо.

— Откуда вы все это знаете? — спросил Ретберн.

Леди Эберхард отпила чай, внимательно поглядывая на гостей.

— До того как в последний раз выйти замуж, я была одним из трех советников Ордена. Я подписала тот приказ, мальчик мой, и знаю множество секретов, неизвестных больше

никому.

— Значит, Моргана вернулась на эту сторону Английского канала неспроста, — прошептала Ианта.

Ретберн потер подбородок, его взгляд стал суров.

— Интересно, зачем именно?

У Ианты похолодело в груди.

«Луиза».

Она с содроганием вспомнила о человеке, который столкнулся с ней на улице недели две назад и, сунув в руку прядь черных волос малышки, сказал:

— Отдай нам алтарный кинжал, иначе больше не увидишь свое дитя.

Ианта бросилась домой, чтобы собраться с мыслями, прежде чем рассказать все Дрейку, и нашла в спальне записку:

«Расскажешь кому-нибудь, и она умрет. Мы наблюдаем за тобой и Верховным, так что веди себя прилично. Никому не доверяй. Подозревай всех. Дальнейшие инструкции получишь, когда украдешь артефакт. Мы с тобой свяжемся. Мы узнаем».

Ианта потеряла медальон на шее, где носила портрет девочки. Она не считала себя хорошей матерью, потому что не могла во всеуслышание заявить о рождении ребенка, но похитители ударили по самому уязвимому месту, и теперь Ианта ввязалась в опасную игру, стараясь жонглировать одновременно полудюжиной чашек и ни одной не разбить. Нервы и так на пределе от ожидания сообщения от шантажистов, а тут еще и Дрейк навязал ей в напарники Люсьена.

— Моргана, — хрипло выдавила Ианта.

Она никогда бы не узнала человека с улицы и терялась в догадках, что за загадочное общество украло ее дочь и убило бедных Джейкоба и Эльзу, приемных родителей Луизы.

Связана ли с происходящим бывшая жена Дрейка?

И если так, что делать? Помощи ждать неоткуда. Нельзя ни обратиться к Дрейку, ни довериться кому-то из других чародеев. Если допустить, что в записке написана правда, значит, кто-то рядом с Верховным следит за ней, ожидая, что Ианта ошибется и раскроет себя. И тогда они убьют ее дочь. Разве что...

Она запнулась и с ужасом посмотрела на суровое лицо Ретберна. Только этот колдун не связан с похитителями.

Можно ли ему доверять? Он заявил, что желает отомстить ей и Верховному. Будет ли иметь для него значение безопасность незнакомого ребенка, пусть и его собственного?

Ианта понятия не имела. Она слишком мало знала Ретберна, чтобы довериться и попросить помочь вернуть дочь, когда у него есть возможность отомстить биологическому отцу.

«Подожди несколько дней, и выяснишь, какой он», — прошептал внутренний голос.

Но что, если они захотят получить реликвию раньше?

— Ты в порядке?

Ианта моргнула и осознала, что Люсьен зорко наблюдает за ней янтарными глазами, будто ощущая ее тревогу. Она застыла, сжимая в руке медальон.

— Да, да... я... я просто удивилась тому, что она вернулась. Что, если за всем стоит Моргана? И если ей в руки попадет кинжал? — закончила Ианта дрогнувшим голосом.

Ретберн вскинул бровь, будто заметил ее смятение.

«Что, если мне придется отдать ей кинжал, чтобы вернуть дочь?»

— Одна реликвия есть, — размышляла вслух леди Эберхард. — Означает ли это, что она уже завладела одним артефактом, а с кинжалом получит два? Или имеется в виду, что кинжал уже у нее, и надо найти остальные два предмета?

— Сомневаюсь, что кинжал уже у нее, — быстро ответила Ианта. — Прошло едва ли часов двенадцать. Кто бы его ни украл, он затаится на время, а никто не покидал поместье в спешке.

— Стало быть, у нее уже есть одна реликвия, и вскоре кинжал окажется там же, — заключил Ретберн. — Значит, тот, у кого последняя реликвия преисподней, в опасности.

Леди Эберхард подняла на него взгляд:

— Возможно.

Секунду спустя в доме послышался нарастающий звон колокольчиков. Она склонила голову на бок и побелела.

— Что это было? — спросила Ианта.

— Сработали охранные чары? — уточнил Ретберн.

— Да. — Леди Эберхард вскочила с кресла и отдернула шторы на окне. — Кто-то или что-то вторглось на территорию дома. Что-то волшебное или созданное с помощью чар, и оно не собирается вежливо стучать.

Ианта тоже поднялась. Беспокойство на лице леди Эберхард ничего хорошего не предвещало. Эксцентричная дама считалась совершенно неуязвимой. По слухам, она целый год в одиночку охотилась на демона, так почему испугалась сейчас?

— Зачем им нападать на нас?

Она повернулась к Ианте:

— Потому что именно я защитница третьей реликвии — хранительница чаши.

*«Магические конструкты — энергетические создания,
не обладающие собственной волей,
оживленные чародейским заклинанием и
желанием их повелителя.
Но будьте осторожны, потому как
все они жаждут жизни и,
если выйдут из-под контроля,
попытаются выпить ее из ваших жил».*

*Сэр Джастин де Фино, придворный чародей и мастер
конструктов*

В повисшем молчании гости переваривали новости.

— Черт побери! — выругался Люсьен. Какое жуткое совпадение и как же не вовремя.

Он подошел к окну, чтобы узнать, кто нарушил чары. — Где чаша сейчас?

Снаружи ничего не было, лишь легкая дымка в роскошном розовом саду. Щупальца тумана ползли к дому, словно на что-то охотились.

— Надежно спрятана. — Леди Эберхард повернулась и позвонила в колокольчик.

— Полагаю, на дом наложена хорошая магическая защита, — попыталась успокоить всех Ианта.

— Дом Дрейка тоже был защищен.

— Они еще стреляют? — спросил Люсьен, подходя к шкафчику с охотничьими пистолетами леди Эберхард.

Женщины удивленно посмотрели на него, затем леди Эберхард кивнула. Люк зарядил два пистолета и бросил пару обойм в карман.

К тому времени его собеседницы уже вышли в коридор. Люсьен тихонько выругался и поспешил следом.

— Позвольте, я пойду впереди, у меня ведь браслет-щит, — напомнил он, схватив Ианту за руку.

Она округлила голубые глаза, но махнула, пропуская его. Они пошли по лестнице под шелест дамских юбок. Леди Эберхард выступила вперед и провела клинком по своей широкой ладони — из аккуратного пореза просочилась кровь, — затем стиснула пальцы в кулак и резко разжала, окропляя порог, стеклянную дверь и сияющие мраморные плиты алыми каплями. Люсьен ощутил покалывание.

— Восстань!

Дверь и окна затрещали, будто дом медленно просыпался, повинуюсь воле хозяйки. Давно спящие защитные чары активизировались, засияв яркими, тонкими, как паутинка, покровами на окнах и у входа. Леди Эберхард наверняка месяцами плела эти охранные чары. Люсьен едва видел каскад мерцающего колдовства, потому что боль пронзила левый висок.

«Когда же это кончится?»

Сейчас не время для слабости, когда вокруг столько чар.

Проведя окровавленной рукой по мраморным львам в прихожей, леди Эберхард прошла дальше. Первый лев оторвал голову от каменных лап, его глаза зажглись золотистым светом. Кусочки мрамора посыпались на пол, когда зверь тряхнул гривой и издал громкий рык. Его близнец напротив молча потянулся, сбрасывая лишнее. Они спрыгнули и двинулись за хозяйкой. Плиты трескались под их тяжелыми лапами.

Магические конструкты — энергетические создания, у которых нет свободы, нет разума и собственной воли. Люсьен слышал о големах, созданных из глины раввинами с помощью колдовского слова, вырезанного у них на лбу для оживления, и эти звери слегка их напоминали.

Конструктов можно создать из чего угодно — листьев и грязи, металлов, камней, теней, иногда даже из плоти и крови, если колдун увлекается замогильным искусством. Вот такими конструктами сложнее всего управлять, так как плоть еще не забыла о жизни и жаждала ее попробовать. Девять лет назад сэр Аластор Уолтон оживил десяток зомби-конструктов, и когда потерял над ними власть, они устроили погром в Ист-энде. Понадобилось сорок чародеев, чтобы уничтожить тварей, так как отрезанные части пытались перестроиться, и в конце концов пришлось все сжечь. Сэра Аластора осудили в Ордене и казнили, а Верховный поклялся королеве, что с этих пор создание конструктов из плоти запрещено и больше подобного не повторится.

Бум! Бум! Бум!

От первой атаки на защитные чары весь дом содрогнулся.

Концентрация заклинаний едва не поставила Люсьена на колени. Выставив внутренние барьеры, он на мгновение вцепился в перила, пока с крыши сыпалась пыль, а в окнах сиял злоеущий зеленый свет.

— Ты в порядке? — спросила Ианта.

Когда к нему вернулось обычное зрение, Люсьен заметил, что она сжала его рукав и внимательно всматривается в лицо.

Он не мог позволить ей увидеть его слабость.

— В порядке, — угрюмо ответил Люк и пошатнулся, когда что-то ударило в дом и срикошетило от чар.

Взрыв актинового света снаружи напоминал ореол. Люсьен закрыл глаза рукой и зажмурился. От чар кровь вскипела, разум охватил огонь, с губ сорвался крик.

«Мать честная!».

— Какого черта там происходит? Явилась тварь из ада?

Легкое прикосновение сгладило силу ощущений, связь якоря и щита активизировалась. Когда Ианта попыталась отойти, Люсьен стиснул ее ладонь. Они обменялись взглядами. Люк моргнул, а она приоткрыла губы. Они словно оказались в непроницаемом пузыре. Вот теперь Люсьен снова смог дышать.

— Боюсь, сейчас я не в силах обеспечить тебе должную защиту, — признался он к своему раздражению. — Меня освободили слишком недавно, я ослаб от недостатка пищи и условий заключения. А еще не пользовался колдовством больше года, если не считать сегодняшнего утра. Все это... давит.

Ианта перестала хмурить брови и сжала его руку:

— Так позволь мне быть твоим якорем. Мог бы и раньше сказать.

Люсьен небрежно пожал плечами. В нем все противилось тому, чтобы отдаться на ее милость, но реликвии важнее. Даже он, который и слезинки не прольет, если Верховный

лишится своего поста, знал, насколько эти артефакты опасны, попади они не в те руки.

Прохладное заклинание легонько скользнуло по его коже под одеждой, формируя защиту. Как только она замкнулась, давящее ощущение магии исчезло. Люк снова смог дышать и видеть.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Они долгую минуту смотрели друг на друга.

Входная дверь распахнулась, и Люсьен, загородив собой Ианту, в мгновение ока выхватил кинжал из рукава и метнул.

Незнакомец скрестил руки у лица, клинок с зеленоватой вспышкой ударился о щит и со звоном упал на пол.

— Какое гостеприимство, — протянул новоприбывший, опуская руки.

Он был одет в пальто и низко надвинутую касторовую шляпу. Часть пальто все еще тлела. За плечом гостя вспыхнул энергетический пожар, когда что-то бросилось на ступеньки, а потом исчезло в треске обжигающего белого света.

Ианта схватила Люка за рукав:

— Не надо, он на нашей стороне. Мистер Бишоп, как вы поживаете?

— Кто мне объяснит, почему на дом напали бесы?

Улыбка Бишопы, несомненно, похитила не одно сердце; лицо выглядело молодо, но голос звучал хрипло, словно что-то повредило его связки, а в глазах мерцал холодный мрак. Там таились тени, неведомые грехи и тьма. А в сочетании с крупными обсидиановыми кольцами на пальцах это значило, что Бишоп — адепт седьмого уровня и наверняка опасен. Седьмой — наивысший ранг подмастерьев, над ним только советники Ордена и Верховный колдун с девятым уровнем.

— Есть у меня кое-какие предположения, — ответила вернувшаяся леди Эберхард. За ней шел лишь один из львов. — Закрой дверь, да поживее. Защита сейчас спадет, и на нас ринется толпа адских тварей. Кто-то вытащил их из теневого измерения.

Бишоп переступил порог, тяжело шагнув на пол. Мрамор содрогнулся. Трещина, словно линия подземного разлома, пробежала от ног Бишопы к сапогам Люсьена, где и замерла.

Какого черта? Люк опустил взгляд. Ничего не случилось, но он не мог стряхнуть ощущение дежавю, будто уже видел этот момент в замедленном темпе снова и снова, а возможно, шел к этой минуте всю свою жизнь.

Да и Бишоп остановился, явно тоже что-то ощутив.

— Что ты такое? — Слово для уверенности Бишоп коснулся ножа, заткнутого за ремень.

Их взгляды встретились. В воздухе остро чувствовалось напряжение, опасность и подспудный черный поток чар, пока мужчины брали себя в руки.

— А ты что такое? — спросил Люсьен в ответ, сделав шаг вперед.

— Довольно, вы двое, мы разберемся в вашей ситуации позже. Сейчас у нас на подходе десяток бесов, — напомнила леди Эберхард, выступая вперед с кочергой. — Бишоп, ты как всегда вовремя. — Она выглянула через боковые стеклянные дверные панели. — Твари разрушили первый круг чар. — Она погладила по голове каменного льва, который ее сопровождал. — Похоже, собираются брать штурмом парадный вход. Наверное, почувствовали брешь во втором круге после последней атаки.

— А мы можем чем-то помочь? — спросила Ианта.

Леди Эберхард угрожающе улыбнулась:

— Не мешайте мне и отгоняйте от меня тварей.

Где-то сбоку разбилось стекло.

— Я займусь, — заявил Бишоп, отправляясь на шум.

На ходу он соорудил из воздуха бело-синие кинжалы, с которых срывались небольшие разряды.

Люсьен смотрел ему вслед, все больше убеждаясь в опасности гостя. Он не был уверен, кто такой Бишоп, но узнал в нем хищника, а момент его появления так и остался в памяти, повторяясь снова и снова, будто высеченный на сетчатке. Опять раздался звон стекла, где-то в глубине дома.

— Идите! — приказала леди Эберхард, и перед ней сформировался красный шар чистой энергии.

Определенно пришла пора оставить леди одну. Она явно знала, что делает.

— Прикрой мне спину! — Ианта, тяжело дыша, схватила Люсьена за руку и потащила его в глубину дома мимо лестницы.

Люк держал один из пистолетов наготове, ощущая себя невероятно бесполезным. Что же делать? Сейчас его магия ничем не поможет: ноги как свинец, а бес сглотнет пулю и выплюнет обратно в стрелка.

— Ты справишься?

— А как же. — Ианта улыбнулась через плечо, открыла дверь на кухню и вошла, шурша лавандовыми юбками.

Бес запрыгнул на кухонный стол и зашипел. Его кожа мерцала тускло-бронзовым цветом, и даже одетого в мальчишечью куртку и штаны, его можно было узнать по черным глазам и острым как бритва зубам. Тонкий хвост мотался из стороны в сторону, будто у кота, выслеживающего добычу.

Низший демон все равно черпает огромную силу из теневого измерения. Люсьен направил пистолет прямо твари в лоб и выстрелил.

Бес зашипел, когда пуля вошла в голову. Черная дыра зияла, напоминая третий глаз. Затем стала затягиваться, покрываясь гладкой кожей без следа повреждения.

— Какую часть команды «прикрой мне спину» ты не понял? — Ианта застыла посреди комнаты, вытянув руки в стороны, и зашептала заклинания.

Температура упала, бес зашипел на появившийся магический шар размером с кулак, сиявший точно синяя молния. Опасный, но не жаждущий крови, как творение леди Эберхард.

Молния вылетела из сферы, целя в беса. Тот побежал, цокая когтями по полке с кастрюлями и по пути бросаясь в Ианту различной кухонной утварью, затем, когда к нему понеслась другая молния, развернулся и спрыгнул к раковине. Люсьен схватил сковородку, отбивая ножи и кастрюли. Только так он мог помочь — дать Ианте время сосредоточиться.

— Где ты этому... научилась? — выдохнул Люк, когда очередная молния зашипела, оставляя дымящиеся следы на потертых деревянных столах.

Большинство боевых шаров — это всего лишь энергетические сферы, которыми швырялись в противника. Умения Ианты в телекинезе впечатляли.

— У Дрейка. — В ее глазах блестела сила. — Я предрасположена к телекинезу, а не к телепатии.

«В отличие от меня». Люк обучился телекинезу, но телепатия была его врожденным

талантом, его силой.

Бес окинул их хитрым взглядом и схватил огромную чугунную сковородку. Но вместо того чтобы швырнуть ее в людей, он бросил ее как диск в магический шар. От соприкосновения с металлом электричество заискрилось и зашипело, заставив Ианту и Люсьена отшатнуться, а затем шар пропал.

— Ианта!

— Я в порядке. — Она заморгала, переживая откат и вдруг оттолкнула Люка в сторону. — Поберегись!

Когти чиркнули по кухонной тележке на колесиках, и та по инерции покатила на них, сбив Ианту. Тварь, перепрыгнув через нее, взмыла вверх.

— Ианта...

Бес оттолкнулся со стены, собираясь напасть сзади.

Люсьен действовал без раздумий: огромный боевой шар искрящегося красного цвета слетел с его рук напрямик в беса. Штукатурка треснула, тварь взорвалась, и Люк пошатнулся, чувствуя, как из него хлещет сила. Он осознал, что наделал. В комнате вылетели все стекла, горшки, сковородки и ножи, ударившись о стены, упали на пол. На штукатурке осталось пятно эктоплазмы медного цвета.

Мир задрожал, и Люсьен оперся на стол и моргнул. Голова словно наполнилась расплавленной лавой, обоняние пропало. В ушах звенело. Все вокруг было... слишком ярким, слишком громким. Созданный Иантой защитный блок, приглушавший органы чувств, рассеялся.

— Пригнись. Тут еще один!

Ианта в прыжке сбила его с ног. Люсьен рухнул в облаке фиолетового шелка, когда бес пролетел там, где он только что стоял. Тварь прокатилась по плитке, царапая когтями пол и срезая стружки, пока не остановилась.

Затем вновь бросилась на них. Люсьен попытался столкнуть Ианту прочь, и...

Огромный каменный лев выпрыгнул из ниоткуда и откусил бесу голову. Замотав мордой, хищник разбрызгал капли расплавленной медной жидкости по стенам и потолку. Эктоплазма зашипела и стекла по прозрачному мигающему куполу, который их защищал, оставляя лужицы на полу.

— Пронесло, — выдавила придавленная Люсьеном Ианта.

Взглянув на нее, он осознал, что от боли не очень хорошо видит правым глазом.

Люк поднес руку к носу и заметил кровь.

— Ты в порядке? — спросила Ианта, касаясь щетины на его щеке.

Она снова наложила чары, забирая большую часть боли.

— Да, — решительно ответил он, вставая на колени, когда окружающий мир перестал вращаться.

Зрение вернулось, в глазах больше не двоилось. «Боже...»

— Ретберн... ты использовал экспрессию.

От отчаяния Люк бросил в беса заряд энергии, вместо того чтобы сформировать ритуальное заклинание, которому его учили. Экспрессия всегда связана с эмоциями и потому опасна. Но какое же чувство настолько выбило его из колеи, что заставило забыть годы учебы и ритуальной практики?

Люсьен как наяву опять увидел случившееся: сбитая с ног Ианта, бес, перепрыгивающий по стенам к ней. Как сердце подскочило к горлу...

Люк покачал головой, отбросив мысль. Он поклялся защищать Ианту, вот и все, но сама вспышка несвойственной ему кровожадности потрясала. Он до странного сильно отреагировал на атаку, но об этом можно подумать и позже.

— Больше этого не повторится. Мне нужно время, чтобы собраться с силами и помедитировать.

— Уверен?

— Закончили? — Леди Эберхард открыла дверь и оглядела поле боя, а заодно, слава богу, спасла Люсьена от расспросов. — Только взгляните на эту грязь. Бедным Максвелу и горничным придется потрудиться.

Лев боднул головой бедро хозяйки, едва не сбив ее с ног.

— Закончили, — ответил Люсьен, помогая Ианте подняться.

Судя по взгляду, позже она собиралась вернуться к разговору.

«*Через мой труп*». Последнее, чего хотел Люк — это признаться в своем страхе, что он больше не сможет владеть магией, как надо. Или объяснять, мол, увидев, как на Ианту напали, он вдруг будто стал зеленым адептом, который только и умел, что выдавать экспрессию.

Леди Эберхард выдернула нож из стены.

— Хорошо. Давайте вернемся к беседе в библиотеке. Теперь, когда непосредственная угроза миновала, можно полакомиться пирогом с печеньем и выпить чаю. Не знаю как вы, а я умираю с голоду. Схватка с тварями из теневого измерения способствует аппетиту.

— Дайте нам пару минут привести себя в порядок, и мы встретимся там, — ответила Ианта.

Однако Люсьен поспешил к двери, стараясь сбежать, что, конечно, не осталось незамеченным.

По библиотеке словно тайфун промчался. Один из мраморных львов лежал разбитый на полу. Осколки вонзились в потолок и стены, как если бы он взорвался, а три лужицы расплавленной медной эктоплазмы повествовали о судьбе нескольких бесов.

— Бедняга Аврелий, — прошептала леди Эберхард, сбросив мраморные осколки с кушетки.

Второй мраморный лев грустно положил голову ей на колени, будто разделяя горе усевшейся хозяйки.

Люсьен переглянулся с Иантой, которая хранила впечатляющую невозмутимость.

— Мы всех перебили, — сообщил Бишоп, входя в библиотеку.

При такой комплекции двигался он на удивление тихо, и это тревожило. Люк следил за ним как змея. От ощущений, возникших при их первой встрече, не осталось и следа, но в крови бурлило некое знание, дурное предчувствие.

Этот мужчина несет угрозу, и что бы Люк тут ни узнал, они оба окажутся на опасной тропе.

— Чаю, сэр? — спросил Максвел.

Люсьен кивнул, не отрывая глаз от Бишоба. Тот уселся напротив, положив руки на подлокотники кресла, и в кольцо мигнул черный обсидиан. Итак, кое-кто занимается темными искусствами.

— У меня чувство, будто мы знакомы, — сказал Бишоп своим хриплым голосом. — Уверен, что запомнил бы тебя, окажись оно так.

— Вы не встречались. — Леди Эберхард быстро раздала им по большому куску

имбирного пирога со сливками. — Было решено, что лучше держать вас порознь, пока не возникнет необходимость.

— Держать порознь? — переспросил Люсьен.

— Познакомься с Эдрианом Бишопом, бастардом Верховного от миссис Амелии Бишоп, родившимся через несколько лет после развода Дрейка, — промурлыкала Леди Эберхард, присев и внимательно разглядывая мужчин. — Эдриан один из сикариев Ордена и когда-то был моим учеником.

— Агата, — укоризненно протянул Бишоп, будто она его предала.

Бастард Верховного. Люсьен замер. Слова отразились в голове, словно звон стали. *«Не может быть...»* Леди Эберхард наверняка шутит. Наверняка. Ведь иначе получается, что этот мужчина — его младший брат.

Не только... брат, но еще и опасный тип.

Теневой серп, убийца. Люк еще не сталкивался с такими, но многое о них слышал. Считалось, что их в Ордене пятеро, колдунов, практикующих замогильное искусство и убивающих по указке Верховного. Немногие знали, кто такие сикарии на самом деле.

Бишоп сжал губы:

— Я так понимаю, у тебя веская причина раскрывать столько информации?

— Очень веская. — Леди Эберхард явно не закончила, так как указала рукой на Люсьена, и тот внезапно занервничал. — А это Люсьен Деверо, граф Ретберн, и первый бастард Верховного. — Хозяйка дома по-кошачьи улыбнулась. — Поздоровайтесь, мальчики.

Бишоп резко и недоверчиво уставился на Люсьена, шрамы на его висках дернулись.

Шрамы... пожалуй, единственное, в чем они похожи.

— Значит, он мой брат? — уточнил Бишоп.

— Почему они не знают друг о друге? Кто так решил? — вмешалась Ианта.

— Тогдашняя Кассандра, мать Люсьена, сделала предсказание к его рождению. Дрейк зачнет троих сыновей, но узнает их слишком поздно. И они не должны знать друг о друге. Ибо как только кто-то из его сыновей столкнется с другим, Орден и мальчиков ждет катастрофа. — Леди Эберхард глотнула чаю, поглядывая на остальных над краем чашки.

— Катастрофа? Тогда зачем вы устроили эту встречу?

— Потому что несчастье уже случилось. — Она вдруг заговорила чужим голосом: — Когда красная комета появится в небесах, Верховный падет. Новый Верховный встанет во главе Ордена. Три сына. Три реликвии. Три жертвы. Только так удастся сместить Верховного. Но есть шанс их спасти. Змея, пригретая на груди, первой бросит кости, начав игру, но может стать единственной, кто сдержит наплыв безумия. У Воровки будет фальшивое лицо, но правдивое сердце; и только Слепая увидит, как спасти сердце зеркала.

На комнату будто опустился покров тишины, на фоне которого ровное тиканье часов на каминной полке казалось очень громким.

— И что все это значит? — спросил Бишоп.

Леди Эберхард пожалала плечами:

— Ничего не понятно, знаю. Так обычно и бывает с предсказанием. Я размышляла об этом годами и единственное, что осознала: сыновья — дети Дрейка, и если принести их в жертву, используя реликвии преисподней, Верховный падет.

Повисло молчание.

Весь год после того, как узнал правду о своих родителях, Люсьен мечтал о мести. Иногда во снах он видел, как отец падает у его ног, но теперь, услышав эти новости,

задумался, в самом ли деле то были сны, а не проявления пророческого дара.

Его отец ползал по полю, усеянному черепами, впалое лицо было иссечено порезами. Тут он вцепился в сапоги Люсьена. С трех алтарей капала кровь двух мужчин, лиц которых он не мог рассмотреть.

— Беги, — прошептал Верховный. — Тебя здесь быть не должно. Ты никогда не должен был увидеть это.

Повторяющийся сон. Люк сглотнул. Одно дело желать зла отцу, и совсем другое осознать, что сам каким-то образом приложишь к этому руку.

Ианта побелела:

— Дрейк сказал, что для ритуала по пробуждению реликвий преисподней нужна замогильная жертва, чтобы открыть ворота в измерения теней. Если они призовут высшего демона в этот мир без обычных ограничений, то легко разберутся с Дрейком. И никто не сможет этому помешать.

— В самом деле, — загадочно протянула леди Эберхард.

— А кто третий сын? — прищурил черные глаза Бишоп.

— Увы, много лет назад произошел выкидыш. — Леди Эберхард со вздохом поставила чашку. — Младенец не выжил.

— Значит, одного сына уже принесли в жертву, — задумчиво протянул Бишоп, будто не переживая, что может стать следующим.

— Двое на очереди, — прохрипел Люсьен, встретившись с ним взглядом.

— Меня не так уж легко убить, — ответил Бишоп.

Его — да, но от Люсьена сейчас избавиться — раз плюнуть.

— Всех можно уничтожить.

— Потом обсудим, сейчас не время. — Леди Эберхард крепко сжала жемчужное ожерелье. — Бишоп, я вызвала тебя не просто так. Моргана вернулась и охотится за третьей реликвией, чашей, которую я храню. Нужно, чтобы ты забрал ее и защитил даже ценой собственной жизни.

— А как же вы? Она вернется, если считает, что чаша здесь, — уточнил Бишоп.

— Я справлюсь, — отмахнулась она. — Лучше переживай за свою шкуру, она мне дорога, мой милый мальчик. Не хотелось бы ставить тебя под удар, но, кажется, никто лучше не сохранит этот артефакт.

— Агата... — предупреждающе начал он.

Этих двоих явно связывали сильные чувства.

— Решено, — сказала леди Эберхард, ставя точку в разговоре, и обратила пронизательный взгляд на Ианту и Люсьена. — Удачи с поисками кинжала. Думаю, она вам понадобится. И держите меня в курсе. Когда наступит время ловить Моргану — зовите, у меня к ней серьезные счета.

Тени вытянулись, солнце на несколько секунд превратилось в тонкую янтарную полоску на горизонте, а потом пропало.

— Ночь, — прошептал Люсьен.

Его глаза замерцали золотом в темноте экипажа, полные тайн... и правды.

В груди Ианты что-то перевернулось, и магический поводок поменял направление в сторону Люсьена. Она с легким вздохом прижала руку к груди, словно корсет затянулся сильнее.

— И теперь ты моя.

Ианта облизнула сухие губы. Люсьен не кинулся к ней, лишь чуть пошевелился. Весь день она размышляла о сложившейся непростой ситуации и забыла о его намерениях, но теперь голову наводнили образы: вот она стоит на коленях в экипаже, ласкает затянутыми в перчатки руками стройные мускулистые бедра Люсьена под его невозмутимым взглядом. Можно себе представить, что он ей прикажет.

— Вызови магический шар, чтобы я тебя видел, — велел Люсьен, раскинув руки по спинке сиденья.

Небольшая белая сфера возникла из теней, освещая экипаж. Люсьен задернул занавески. Теперь они остались вдвоем в ограниченном пространстве. Ианта покраснела от смущения, одежда вдруг показалась тесной.

— Сегодня ты сдержала свое слово, поэтому я сдержу свое. Я не джентльмен в постели, Ианта, но если тебе чего-то не захочется, просто дай знать.

— Я настоятельно требую использовать защитный футляр, — ответила она.

— Я...

— Не обсуждается, Ретберн, я не хочу забеременеть. — Сердце глухо застучало в груди.

Он медленно кивнул:

— Не возражаю.

Затаив дыхание, Ианта в ожидании опустила руки на колени. С каждой секундой напряжение нарастало. Пульс частил. Она вспомнила, как он стоял над ней на коленях в тайной комнате, кончиком пальца рисуя проклятый символ между грудей. Символ будто вошел в ее плоть, а между ними с Люсьеном возникли колдовские узы.

— Подними юбки.

А ему нравится повелевать.

Ианта вдохнула и выдохнула, чтобы успокоиться, а потом очень медленно приподняла юбки.

Это новая игра. Пари, в котором кто-то из них проиграет, сдавшись первым.

Если Ретберн посчитал ее щепетильной...

Ианта язвительно улыбнулась и, вскинув бровь, с уверенностью посмотрела ему в глаза. Потянула ткань выше и заметила, что ее задумка удалась. Не только ей мучиться от желания.

Ретберн поджал губы, в глазах вспыхнуло голодное пламя.

— Ну? — поторопил он, затем оперся на кулак и лениво махнул свободной рукой, словно говоря: *«Как только ты будешь готова, моя дорогая»*.

— У нас же впереди вся ночь, не правда ли? — промурлыкала Ианта и обнажила колени, а потом и бедра, плавно двигаясь под шелест юбок.

Прохладный воздух омыл чувствительную кожу. Вынужденная повиноваться Люсьену, Ианта ощутила влагу и томление.

— А может, у меня планы.

— Да? Какие же?

Он опасно улыбнулся:

— Нет, ни за что. Мне больше нравится, когда ты не знаешь о моих намерениях. Сними белье.

Ианта затаила дыхание.

— А ты сам не хочешь его снять?

Янтарные глаза яростно сверкнули.

— Если бы я хотел сделать это сам, то не сидел бы здесь, глядя на тебя.

Да будет так. Подчинение — всего лишь возможность управлять ситуацией. Ианта поерзала и сняла бело-розовое льняное белье, нечаянно опустив нижние юбки. Сжав исподнее в кулак, она уставилась на Люсьена. Что теперь?

Ретберн протянул руку, и Ианта, краснея, отдала ему белье. Не отрывая от нее глаз, он положил его во внутренний карман пиджака.

— Прикоснись к себе.

Его требование ее шокировало.

— Что?

— Я хочу посмотреть, как ты ласкаешь себя. Ты ведь наверняка умеешь.

Разумеется. Когда в основе колдовской энергии сексуальность, а у чародея или чародейки нет возлюбленного, приходится искать другие варианты. Но это личное дело каждого. Судя по страстному взгляду, Люсьен это знал.

Черта с два она позволит ему взять верх. Раздвинув ноги, Ианта робко провела пальцами по внутренней стороне бедер. Томление усилилась. Она облизнула губы и прикусила нижнюю. Принялась медленно выводить пальцами круги на внутренней стороне бедра, вызывая мурашки. Под пронизывающим взглядом Люсьена Ианта повлажнела. А еще ей понравилось, как напряглось его сильное тело. Он уже почти потянулся к ней... Ианта содрогнулась.

Люсьен полуприкрыл глаза и оперся подбородком на руку.

— Пытаешься дразнить меня, дорогая?

— И как, получается?

Он чуть поерзал и улыбнулся:

— А как ты думаешь?

Ианта легонько коснулась клитора кончиком пальца и задрожала.

— Я думаю, кто-то из нас не выдержит первым.

Суровый взгляд Ретберна смягчился и стал ленивым, будто она сказала что-то забавное.

— Ты хочешь узнать, кто из нас терпеливее. Это игра? Кто продержится дольше?

— Тебе нравится меряться силами?

Она опять коснулась пальцами тайного местечка. Люсьен ничего не видел из-за юбок, но Ианта заметила, как его зрачки сузились, а ноздри раздулись от резкого вдоха. Они оба купались в теплом свете магического шара.

— То же самое могу сказать о тебе. Сначала ты заключаешь пари, кто кого первый поцелует, а теперь это... Кто играет в игры, Ианта?

Ианта. То, как он произносил ее имя, вызывало мурашки. И вдруг Ианте пришла в

голову озорная мысль. Люсьен приказал ей ласкать себя и не остался равнодушным. И ей хотелось выиграть пари и задеть его за живое.

Используя телекинез, она легонько погладила его широкую грудь.

Люсьен застыл, изумленно глядя ей в глаза. И явно возбудился.

Улыбаясь, Ианта ласкала свои уже влажные складки. Затем приподняла юбки чуть выше. Ее грудь тяжело вздымалась в тугом лифе.

— Интересно, кто же продержится дольше? — прошептала она, «поглаживая» его живот.

Прикосновение было очень легким, едва ощутимым. Соблазняя и дразня, она доводила Люсьена почти до пика наслаждения.

Маленькая чертовка наблюдала за его реакцией, закусив пухлую нижнюю губу, опустил ресницы и медленно лаская себя между ног.

— Я подумала, ты хотел, чтобы я доставила удовольствие тебе, Ретберн.

— Ты и доставляешь. Я хочу, чтобы ты повлажнела, — сказал Люсьен, прислонившись к окну и наблюдая за ней.

Он напустил на себя невозмутимый вид и стиснул зубы, когда невидимые руки погладили внутреннюю поверхность его бедер. Люсьен невольно сжал кулаки. Проклятая женщина. Она мешала ему ее соблазнять. Ему захотелось просто войти в нее, сейчас же.

— Когда мы приедем, я хочу, чтобы ты поднялась в свою спальню, перегнулась через спинку кровати и подняла юбки. Я желаю, чтобы ты была готова для меня, Ианта. Я собираюсь взять тебя без прелюдии.

Ианта перестала касаться себя и округлила глаза.

— Да будет так, — шепнула она и снова продолжила ласки.

Проклятье! Люсьен заскрежетал зубами, брюки едва сдерживали возбужденный член. Ианта прекрасно знала о его состоянии и насмеялась над ним, не прекращая своего занятия. Ее мягкая и порозовевшая плоть время от времени мелькала под множеством нижних юбок.

— Сильнее, — прошептал он.

И снова в ее глазах мелькнула неуверенность, но Ианта все же скользнула пальцем в лono. И будто бы в противовес, фантомным пальчиком погладила его член по всей длине. Люсьен застонал. Он еще никогда не был с женщиной с такими способностями.

— Ты думаешь об этом? О том, как я тебя возьму? — спросил Люсьен, обхватывая напряженный член через натянутую ткань. Ему было необходимо коснуться плоти. — Как тебе нравится, Ианта: нежно и медленно или со всей страстью?

Потом спрашивать возможности не будет.

Она запрокинула голову и вновь прикусила нижнюю губу. Тело Ианты покраснелось от желания, изо рта вырвался тихий стон. И в тот же миг она крепко «стиснула» его член, доводя до грани.

— Прекрати, — приказал Люсьен.

Она тут же остановилась, не вынимая пальцев из влажного лона, и неверяще посмотрела на него затуманенным взглядом. Люсьен улыбнулся, наслаждаясь моментом.

— Перестань ласкать себя и касаться меня.

— Почему? — выдохнула она.

— Я хочу довести тебя до пика, дорогая, но не так. Ты получишь удовольствие, когда я овладею тобой. Только тогда, Ианта. Сейчас же я запрещаю тебе ласкать себя без моего разрешения. Даже днем.

С видимым волнением Ианта опустила юбки на колени, откинулась на сиденье и прижала руку к губам. Она избегала его взгляда. Судя по пульсирующей жилке на горле, ее сердце бешено стучало.

— К тому же мы почти приехали, — заметил Люсьен.

А сам поднес ее покрытые влагой пальцы к губам и коснулся языком, смакуя мускусный вкус. Ианта вздрогнула от изумления.

— Готова?

— Не то слово.

В фиолетовых глазах сверкнул вызов. Она на удивление быстро пришла в себя.

— Хорошо, — сказал Люсьен, поглаживая костяшки ее пальцев, когда экипаж остановился. — А теперь иди готовься и жди меня.

Сам же Люсьен решил потянуть время и приказал дворецкому принести бренди. Ианта окинула его раздраженным взглядом и пошла наверх.

Как странно находиться тут, заниматься обычными делами, будто ничего не изменилось, и не было никакого Бедлама. Люсьен потягивал бренди, наслаждаясь вкусом и запахом, но больше не мог врать самому себе. Он хотел ощутить аромат тела Ианты и вкус ее кожи. Она ушла почти пять минут назад. Хватит ждать, он уже показал, кто тут главный.

В возбуждении Люсьен опустошил бокал и поставил его на каминную полку гостиной. Не стоит притворяться, будто он может думать о чем-то кроме соблазнительницы в спальне наверху.

— Принесите легкий ужин ровно через полчаса, — поручил Люсьен горничной по пути наверх.

Он дрожал от желания и даже не потрудился постучать, а просто быстро вошел, с легким щелчком закрыв за собой дверь. Судя по резкому вздоху, его появление не осталось незамеченным. У Люсьена пересохло во рту, он медленно повернулся...

И зачарованно уставился на открывшийся вид. Соблазнительные розовые чулки до середины бедра и легкие кружевные подвязки. Гладкие ягодицы и влажные розовые складочки, которые он собирался ласкать. Комната дрогнула. Люк призвал на помощь остатки самообладания и накрутил галстук на кулак, чтобы не забыть о своих намерениях.

Ианта тихо всхлипнула, не видя Люсьена.

Он налил себе еще бренди из графина на буфете и выпил залпом, не сводя с Ианты пристального взгляда. Когда зазвенело стекло, она заерзала на постели. Ее руки задрожали, и юбки начали сползать вниз.

— Не смей, — приказал Люсьен, бросив галстук на пол, и двинулся к Ианте по мягким турецким коврам. Затем провел пальцем по гладкому изгибу ее ягодиц. — Ты великолепна.

В попытке унять боль желания, он плотнул еще обжигающего бренди. От одного вида этой женщины Люсьен едва не кончил, а это не входило в его планы. Сначала надо сломить ее желанием.

Поставив бокал на прикроватный столик, Люсьен повернулся к Ианте. На кровати рядом с ней лежал пакетик с промасленным футляром.

— Ты так и не ответила мне, — напомнил Люк, не спеша расстегивая брюки. Освободив член, он чертыхнулся про себя, обхватил рукой плоть и вытер капельку

жемчужной смазки, выступившую на пульсирующей головке. Затем поспешно натянул футляр. — Быстро или медленно?

— Черт тебя побери! — прошептала Ианта в матрац. Ее лицо скрывала завеса темных кудрей. Люк встал сзади. — Давай уже, быстро. Возьми меня.

Он пришел в восторг от ее полустона-полумольбы. И не отпуская член, провел влажным пальцем у нее между ног, погладив мягкий бутон клитора. И чуть не кончил при первом же прикосновении. Ианта застонала и одной рукой вцепилась в покрывало, другой пытаясь удержать юбки.

— Скажи «пожалуйста», — шепнул Люк, сжимая ее бедра и оставляя следы пальцев на бледной идеальной коже.

Она покачала головой.

Он поставил ее на колени на краю матраца, так что лодыжки повисли. Затем толкнулся вперед, чуть раздвигая нежные складки.

— Я могу ждать всю ночь.

Ложь. Боже. От одного ощущения атласной кожи Люку пришлось закусить губу. О чем бы ни просила Ианта, он не мог взять ее, как хотелось. Если начать прямо сейчас, то все кончится через несколько секунд, а ему требовалось продлить удовольствие. Он желал оставить свой след внутри нее и победить в игре.

— Пожалуйста, возьми меня. Сейчас же, — простонала Ианта.

— Как пожелаешь.

С горловым стоном он вошел в сладкое лоно. Узость ее тела пьянила. С бьющейся на виске жилкой Люк сжал бедра Ианты и толкнулся глубже.

И стиснул зубы, наслаждаясь горячим послушным телом.

От легчайшего фантомного прикосновения к яичкам, Люсьен вздрогнул. Затем задрал мягкие складки платья, пока не нашел жаркое средоточие страсти. Ему хотелось увидеть Ианту свободной и потерявшей самообладание, целиком отдавшей желанию. Он гладил ее влажную плоть, толкался мягко и неглубоко, доводя их обоих до грани наслаждения. И с каждым прикосновением его пальцев ее тело сжималось сильнее, пока он не оказался близок к пику, и пришлось закусить губу, чтобы не кончить.

Но что-то мешало Ианте отдаться удовольствию.

— Ты красавица, настоящая красавица, — прошептал Люсьен.

И снова ощутил легкую ласку на мошонке, запрокинул голову и зажмурился.

— Черт побери! — простонал он

В основании позвоночника зародился жар и теперь поднимался по телу. Поддавшись желанию, Люк запустил другую руку в растрепанный шиньон Ианты, заставляя ее поднять голову.

— Кончи для меня, дорогая, кончи.

Ианта закусила губу и покачала головой.

— Этот танец не завершится, пока ты не испытаешь наслаждения.

Он в последний раз провел пальцами по чувствительному местечку, и тут Ианта закричала, сжимая его своими мышцами.

— О. Боже. Мой, — ахнула она. — Ретберн!

Люсьен зашипел и, толкнувшись в последний раз, кончил.

Тяжело дыша, он опустил голову, все еще выписывая бедрами небольшие круги. Ианта затрепетала. Оба тяжело дышали, пытаясь прийти в себя. Прошла минута, другая, и

постепенно ее юбки опустились, скрыв с глаз место их соединения. Люк с сожалением отстранился, снял и выбросил футляр и застегнул штаны.

Первый проблеск рая. Каждая клеточка его тела словно ожила и налилась силой. Несмотря на случившееся, он все еще горел, будто мог всю ночь заниматься с ней любовью и так и не насытиться.

Поправив юбки Ианты, Люк обнял ее за талию и поставил на колени.

— Проголодалась?

Прядки ее шелковистых черных волос прилипли к мокрому лбу, а остекленевшие глаза моргнули. Люсьен поцеловал местечко за ухом и прижал ее спиной к своей груди. В такой позе он любовался ее декольте и чувствовал мягкий изгиб живота под нижними юбками. Такая женственная, такая желанная. Богиня.

— О чем ты? — переспросила Ианта.

— Я заказал ужин.

Отступив, Люсьен заставил себя перестать ее ласкать. Можно подождать. Поспешное соитие немного утолило его желание, а у них впереди вся ночь.

Люсьен отодвинул мягкое кресло от камина и установил перед ним небольшой стол. С кровати, прижав колени к груди, за ним наблюдала покрасневшая Ианта.

— С каких это пор ты приказываешь моим слугам?

— С закатом солнца, случившимся сорок минут назад. — Плеснув виски в стакан, Люк отдал его ей и снова заткнул бутылку.

Ианта немного отпила, настороженно изучая его поверх кромки. В пылу страсти волоски на ее виске встали торчком, хотя в остальном она выглядела вполне пристойно. Только Люсьен знал, что белья на ней нет, а скрещенные колени скрывают влажное местечко между бедер.

Резкий стук в дверь привлек его внимание.

— Войдите, — крикнул он, переступая скомканный галстук.

Горничная присела в реверансе и втокнула в комнату небольшую тележку с несколькими прикрытыми подносами. От аромата ягненка у Люка едва слюнки не потекли. Он указал служанке, куда поставить блюда. Ианта отошла от кровати к окнам и уставилась в ночь, потягивая виски. Все слуги знали о том, что происходит между хозяйкой и гостем и в чьей постели он сегодня окажется, но горничная и Ианта старательно делали вид, будто ничего особенного не происходит.

— Что-нибудь еще, милорд? — пробормотала служанка.

Отпуская ее, Люсьен попросил их не беспокоить. Взяв салфетку со стола, он принялся открывать запотевшую бутылку шампанского. Пробка с громким хлопком выскочила, оросив пеной его руку. Ианта вздрогнула от неожиданности.

— Иди сюда. — Он налил ей шампанского.

— А тебе нравится отдавать приказы, — заметила она, поставив пустой стакан и подходя к Люсьену.

Блики свеч танцевали на платье и лице, придавая теплый оттенок сливочно-белой коже. Даже шелест юбок соблазнял.

— А тебе нравится мне повиноваться, — ответил Люк, протягивая ей бокал.

Их пальцы соприкоснулись, и Ианта посмотрела ему в глаза.

— Шампанское на пустой желудок? Мы что-то празднуем?

— Возможно, я просто... расслабляюсь.

Устроившись в кресле, он протянул ей руку. Ианта в замешательстве нахмурилась, но позволила усадить себя на колени. А когда Люк убрал невесомые прядки с ее шеи, напряглась и с волнением оглянулась через плечо.

Никогда еще месть не была так сладка, хотя способы ее достижения изменились. Осталась лишь маленькая проблема. Люсьен прижался губами между шеей и плечом Ианты одновременно расстегивая платье на ее спине. Разумеется, жемчужные пуговицы.

Он всегда любил загадки женского тела, изучал каждую клеточку. Одна из бывших любовниц как-то назвала его сластолюбцем и не погрешила против правды.

Искоса посмотрев на Ианту, Люк расстегнул пуговицы дальше и припал ртом к обнажившейся коже. Провел пальцами по краю сорочки и корсета, пощекотал дыханием шею. Теплое свечение камина озаряло ее кожу мягким золотым сиянием.

Пора разобраться с упомянутой проблемой.

— Ты не кончила, — шепнул Люк, слизывая с Ианты капельки пота.

Она посмотрела на него:

— Ничего подобного.

— Не лги, — предупредил он, сверля ее взглядом. — Ты отлично изобразила оргазм, но не ощутила вершины наслаждения.

Значит, все же выиграла. В момент их близости Люсьен точно не знал, но сейчас...

Ианта покраснела:

— Женщине это не всегда легко. У меня много забот. Пока... тяжело отдаться ощущениям.

— Дело в моих ласках?

— Нет. — Свет озарил тонкие черты лица и круги под глазами. — Если честно, ты тут ни при чем. Ты доставил мне... удовольствие. Просто сейчас я не могу достичь оргазма.

Люсьен задумался:

— Я предпочитаю честность во всем. Если ты не в силах почувствовать la petite morte, не притворяйся.

— Договорились, — едва слышно ответила она, но расслабила плечи, будто с них сняли тяжесть.

— Значит, я продолжу ласкать тебя, пока ты не закричишь от наслаждения, — промурлыкал он и снова вернулся к пуговицам. — Обожаю выигрывать пари.

А Ианта всеми силами бросала ему вызов. Месть будет сладка, и теперь надо подумать о способе ее достижения.

«Я тебя украду, моя дорогая. Заставлю желать меня так же сильно, как я желаю тебя... Ты забудешь его имя и свою преданность ему...»

Расстегнув последнюю пуговицу, Люк потянул платье, снимая его с плеч. Ианта издала тихий стон и напомнила:

— Ужин стынет.

— Мы скоро поедем, — ответил Люсьен, спуская рукав по изящной руке до самых кончиков пальцев. — Так удобнее.

В мягком свете показались полные груди, приподнятые бледно-розовым корсетом. Ажурное венецианское кружево привлекало взгляд и манило коснуться. Люсьен поцеловал

обнаженное плечо Ианты, одновременно снял с нее второй рукав и прижался твердым членом к округлым ягодицам.

Ианта сидела в ворохе юбок и тяжело дышала. Желание танцевало на ее коже розовыми и красными мазками, на сей раз его ни с чем нельзя было спутать. Проблема явно не в мастерстве Люка и не в отсутствии интереса со стороны Ианты. Он подцепил кончиком пальца рукав сорочки и стянул его с плеча. Теперь Ианта выглядела нежной и растрепанной.

— А может, ты главное блюдо.

— Я бы предпочла сравнение с десертом, — ответила она, и именно в эту секунду ее желудок громко заурчал.

Ианта порозовела и прижала руки к животу.

Люсьен после паузы поцеловал ее в шею.

— Ешь, — приказал он, снимая крышку с супницы с белым бульоном. — Я не хочу сражаться за твое внимание с желудком.

Ианта взглянула на него в полном замешательстве:

— Мне принести другое кресло?

— Нет. — Люсьена устраивала сложившаяся ситуация.

— Но как ты?..

— Я не особо голоден, — честно ответил он.

Они поели у Верховного, но Люк сумел проглотить всего пару-тройку ложек. Сначала в заключении он питался регулярно и неплохо, но в последние пару месяцев после нападения на охранника, его кормили лишь раз в день, причем жидкой кашей. Смириться с голодом было сложнее всего, но тело привыкло. Удивительно, сколько может вынести человек.

Люсьен кормил Ианту со своей вилки: отрезал кусочки мятного ягненка и подносил их к ее пухлым губам, а затем оставлял ломтик себе. Соус был очень вкусным, но немного пьянил. Люк удовольствовался хлебом, отщипывая кусочки и не обращая внимания на масло. В Бедламе ему снились булочки с маслом, но последнее, чего ему сейчас хотелось, это переест. Он слишком привык к каше и воде, да к тем твердым камням, которые там именовались хлебом, и не желал всю ночь корчиться от боли.

Вместо этого Люсьен наслаждался тем, как ела Ианта. У большинства хороших воспитанных дам был аппетит птички, но она явно получала удовольствие от пищи. Колдовство сжигало много энергии адепта, а ей понадобятся силы.

Люк просто гладил шелковистый корсет и наблюдал за Иантой. Она закончила трапезу, аккуратно положила нож и вилку и опустила голову.

— Что-то не так?

— Я не могу тебя понять.

Он ухмыльнулся:

— Неужели?

— Твое поведение не похоже на месть.

Люк заметил, как ее голубые глаза загадочно заблестели, в полутьме приобретя оттенок фиолетового. Такой взгляд из-под ресниц ласкал его пах будто горячей рукой.

«А я тебя понимаю уже лучше, моя дорогая». Ианта умелая кокетка, привыкла оценивать мужчин. Ей не нравилось, что с ним у нее не получается как обычно.

Поглаживая ее бедра, Люсьен наконец сжал юбки, снял с нее платье через голову и бросил наряд в другой конец комнаты. Ианта ахнула.

— Пытаешься меня отвлечь?

— Получается?

Она улыбнулась, но тут же стала серьезной.

— Возможно. — В ее глазах промелькнула грусть. — Возможно, я просто хочу отвлечься.

Его шокировала боль потери в ее глазах. Ианта явно что-то скрывала.

— Что такое?

— Ничего. — Она покачала головой. — Все. Я беспокоюсь о Дрейке.

Ну разумеется.

— Уверен, он получит то, что заслужил.

Ианта пронзила его взглядом. Люсьен щелкнул ее по носу, и она куснула его палец, напоминая, что хоть и подчиняется сейчас, но полностью ему не принадлежит.

Как интересно.

— Ты послушная любовница. Если будешь продолжать в том же духе, получишь награду.

В глазах Ианты мелькнул огонь, и Люсьен рассмеялся, устраивая ее у себя на коленях поудобнее. Тоненькие нижние юбки всколыхнулись у лодыжек, и он рывком их сорвал.

Ианта ахнула, но быстро успокоилась и ухватилась за лацканы его пиджака:

— Ты мне должен новый гардероб, Ретберн.

— Я одену тебя, как хочешь, — прошептал он, касаясь губами ее груди. — Лишь бы только мог потом все это снять.

И заработал возмущенный взгляд.

— Я способна одеться сама, благодарю покорно.

Просунув палец под край корсета, Люк высвободил сосок и улыбнулся.

— Ты горда и независима. — Он склонился и, не сводя взгляда с лица Ианты, принялся посасывать розовый бутон.

— Советую об этом не забывать, — прошептала она, но ее нахальство кануло в лету, стоило ему усилить ласки.

Ианта судорожно втянула воздух.

Люсьен сначала обласкал одну грудь, затем другую. Он воспринимал каждый стон Ианты как награду и улыбнулся, когда она сжала его руку и потянула вниз. А затем прижала его пальцы к влажной плоти между своих бедер.

— Чего ты хочешь? — шепнул Люсьен.

— Коснись меня.

— Пожалуйста, — напомнил он.

— Пожалуйста.

И он послушался. Она была невероятно отзывчивой и влажной. Его охватило желание.

— Принеси еще футляр, — попросил Люк, отодвигая тележку с ужином.

Прижимая к груди расстегнутый корсет, Ианта отправилась выполнять приказ. По возвращении Люк устроил ее на коленях между своих ног.

— Мне нравится, как ты послушна.

— Не надейся, что это надолго, — предупредила она.

Он улыбнулся:

— Не стану. — И вытащил из ее волос несколько шпилек. — Надень на меня футляр.

Она хитро посмотрела на него, расстегнула ширинку брюк и провела бледными руками по члену. Люсьен принялся гладить Ианту по волосам и, чуть нажав на затылок, вынудил

коснуться губами головки.

— Соси, — шепнул он.

Она облизнула его плоть, и Люк закусил губу. Не сводя с него взгляда, Ианта взяла возбужденный член в теплый влажный рот почти до основания.

О боже! Рай! Люк закатил глаза и принялся управлять глубиной погружения. Неопытность Ианты сторицей восполнялась ее старанием.

— Достаточно, — наконец потребовал Люсьен, чувствуя мурашки на спине.

Ианта надела на член футляр, облизнула плоть в последний раз, будто показывая, что слушается только до определенного предела, а потом позволила усадить себя на колени спиной к Люку.

Она оседлала его бедра своими молочно-белыми и с любопытством оглянулась, гадая, что же он задумал. Люсьен чуть нагнул ее, так что Ианта ухватила за тележку, и осторожно направил член между бедер.

— Садись.

Ианта опустила на него, содрогнулась и чуть поерзала.

— А тебе нравится брать меня сзади.

— Разумеется, у меня свои причины.

Она приподнялась, и он шлепнул ее по заду.

Ианта вздрогнула и снова села. Люк потер красный след своей пятерни на ее округлой попке, облизнул палец и стал поглаживать нежные складочки.

Она вонзила ногти в кожу своих бедер и всхлипнула.

— Вниз, — прошептал Люк.

Ианта дважды опустилась на него, каждый раз сильно сжимая внутренние мышцы.

— Ретберн! — Она вздрогнула всем телом, а по обнаженным рукам побежали мурашки.

«Тебе надо лишь сказать “нет”». Но Ианта не возразила, лишь ускорила ритм.

Во власти страсти и возбуждения, она прыгала на Люсьене и стонала от ласк его рук и члена. Напряжение в ее теле росло.

— Коснись себя, — потребовал он, чувствуя, как сжимаются яички.

Черт! Люк хотел отстраненно насладиться ее капитуляцией, но становилось все сложнее сохранять ясность мысли. Он запрокинул голову и оскалился, когда Ианта принялась ласкать себя нежными пальчиками. Может, у нее у самой лучше получится. Она застонала, запустила свободную руку в растрепанный шиньон и закричала, постепенно замедляясь...

А потом тряхнула головой и вцепилась в край сорочки.

— Не могу, — призналась с раздражением.

— Еще получится, — заверил Люк.

Он не мог больше сдерживаться и яростно задвигался. Ианта схватилась за стол, роняя тарелки и столовые приборы в отчаянной попытке удержаться. Люк растворился в ней и этой чудесной близости. Волны наслаждения накрыли его, и он кончил.

Казалось, мир никогда не перестанет вертеться. Люсьен выдохнул, только сейчас осознав, что задержал дыхание, и вышел из Ианты. Она чуть не соскользнула с его колен, но он подхватил ее, снова прижал к груди и помятому сюртуку и нежно поцеловал женские пальчики.

— Ты великолепна, Ианта. — А потом перевернул руку и поцеловал в ладонь.

Она сонно посмотрела на него прекрасными глазами.

На мгновение их лица оказались совсем рядом. Люк потянулся к манящим, потрясающе вкусным губам, но тут понял, что делает.

Он отодвинулся, и Ианта открыла глаза. Люк выдавил улыбку:

— Готова проиграть пари?

Взяв себя в руки, она выпрямилась:

— А я-то думала, это ты решил сдать.

Он отнес ее к кровати и опустил на покрывала. Ианта растянулась в перекрученной сорочке, сползших чулках, с разметавшимися по плечам волосами и выражением лица, какое и должно быть у довольной женщины.

— Знаешь Ретберн, а мне нравится твой способ мстить.

В глубине души Люку хотелось встать перед ней на колени, слизать капельки пота с кожи и сорвать все эти маленькие шелковые тряпочки с тела. Доставить ей высшее наслаждение.

Терпение. У него полно ночей, чтобы развернуть этот замечательный подарок, а еще надо выспаться. Тело уже наливалось свинцом, а использование магии, от которой Люсьена надолго отстранили, истощило силы.

Вряд ли лежащая перед ним женщина оценит, если у него начнут дрожать руки.

Люк потушил свечку у кровати. Ианта приподнялась на локтях, свела колени и посмотрела на него, будто мысленно раздевая.

Член мгновенно затвердел. Однако никто не увидит, что демон сотворил с телом Люка. Достаточно прорывающихся признаков безумия.

— Надеюсь, я тебе приснюсь. — Люсьен пошел к двери, но все же успел заметить, как Ианта удивленно открыла рот.

— Куда ты?

На ходу подобрав галстук с пола, Люсьен ответил:

— В свою спальню. Ты же не думала, что я улягусь здесь?

Даже хорошо, что Ретберн не остался.

Секунды складывались в минуты, а потом в часы. Ианта металась и ворочалась, пытаясь забыть о проблемах, но тщетно. В безмолвной тьме она не могла отвлечься и подумать о чем-то другом. Днем было не так сложно, ведь она что-то делала, пробовала вернуть дочь... Но по ночам думала лишь о Луизе. Где сейчас ее малышка? Голодна ли? Мерзнет? Вдруг ей больно?

В первый день похитители подкинули письмо:

*«Дорогая тетушка Ианта,
Я замечательно провожу каникулы.*

Кузен Себастьян рассказывает мне о розах. Он их обожает, но не позволяет к ним прикасаться. Мне нравятся красные. Да и чаепития он не жалует, в отличие от тебя. Уверяет, что чашечки слишком маленькие, ему не по руке, и он не умеет играть в шарады. Еще я скучаю по мистеру Эгмонту и Хилари. Без них все не так. Мне не хватает мамы, папы, тебя и Табби.

Себастьян попросил меня тебе написать. Не знаю зачем, ты ведь должна навестить меня через неделю. Верно? Ты всегда приходишь в последние выходные месяца.

Надеюсь, к тому времени я уже буду дома. Я скучаю по маме. Себастьян говорит, что все зависит от тебя, так что, пожалуйста, забери меня поскорее домой! Я хочу снова повидать Табби. Он, наверное, уже так вырос!

С любовью, Луиза».

Тогда Ианта заплакала, хотя весь день сдерживалась. Письмо действительно написала Луиза. Оставалось надеяться, что она и правда ничего не поняла. Похоже, Джейкоба и Эльзу убили не у нее на глазах. Хоть какое-то утешение.

Смысла в слезах не было, это не вернуло бы малышку, но Ианта поддалась буре эмоций и уткнулась покрасневшим лицом в мокрую подушку. Она прижала маленького тряпичного медвежонка Луизы, Хилари, к груди и попыталась успокоиться.

Что же делать?

К Верховному идти нельзя. Ианта не осмелилась рисковать, ведь на кону жизнь дочери, но ожидание... выводило из себя. Первые три дня после похищения она делала все, чтобы найти Луизу. Пыталась использовать магию, бродила по Лондону, потратила целое состояние на наемников, чтобы отыскать ее или этого Себастьяна... и наконец упала без сил, потому что довела себя до грани истощения. Вот и пришлось поступить по-другому — пойти на поводу у похитителей и украсть для них кинжал.

По крайней мере, теперь Дрейк поручил ей найти «вора», а Ианта сможет вести тайное расследование, не опасаясь, что безымянные похитители отыграются на дочери. Если они опять примутся угрожать, придется ответить, что ей пришлось заметать следы.

А такие ли уж воры безымянные?

Моргана де Винтер. Про нее Ианта была наслышана, хотя лично с дамочкой и не встречалась. Моргана опасный противник, но если за похищением стоит она, то хотя бы ясно, с кем бороться.

Да и Ианта не такая уж безобидная. Стоило подумать об этой твари, как мгновенно накатила волна дикой ярости. Матерью Ианта себя почти не считала, но если похитители полагали, будто могут украсть медвежонка у медведицы и уйти как ни в чем не бывало, то сильно ошибались.

Злость лучше горя, а действие лучше бездействия и ожидания. Завтра Ианта отправится за новыми сведениями, чтобы осторожно выяснить, не Моргана ли похитила Луизу.

«Завтра», — сказала она себе и закрыла покрасневшие глаза. Нужно поспать или наутро от нее не будет толку.

«Сэр Джеффри Меллорс, колдун Георгианской эпохи, писал, что для каждого чародея или чародейки есть в мире половинка души, и если суждено обоим встретиться, их отношения будут замечательными, союзом равных. Возлюбленные, чьи сердца бьются как одно, не разлучатся до самой смерти».

— *Записи леди Эберхард касаются духовных уз*

На следующее утро они быстро позавтракали за столом. Ианта надела бархатное платье бордового цвета, что закрывало тело от шеи до кончиков пальцев на ногах и все же оставалось опасно чувственным. Цвет шел к ее темным волосам и бледной коже и часто привлекал взгляд Люсьена. Повисло молчание, нарушаемое лишь шелестом бархата и звоном ножей и вилок. Эти звуки чем-то напоминали фехтование. Люсьену показалось, что они и правда сражаются, переглядываясь украдкой и используя молчание в качестве оружия.

Только на сей раз оно было полно непристойных фантазий — по крайней мере, с его стороны. Когда Ианта плавно двигала руками, он вспоминал, как она обмякала под ним во время соития. Когда наклоняла голову к тарелке, демонстрируя длинную шею, эта поза напоминала Люку о других признаках покорности. Кровь закипела, но судя по тому, как Ианта отвлеченно глядела через стол в никуда, она думала совсем о другом.

Люсьен нахмурился. Он внимательно рассмотрел ее — не просто восхищаясь — и заметил, что прекрасные глаза слегка припухли.

Будто Ианта провела полночи в слезах.

Люка словно под дых ударили. Когда он уходил, она была счастлива. Что же довело ее до слез? Он причинил ей боль? Тогда Люсьену было не до нежности, но вроде бы напор Ианте нравился.

— Ты хорошо спала?

Она взяла чашку и посмотрела ему в глаза:

— Подремала несколько часов.

Совсем ни о чем не говорит.

— Ты выглядишь усталой... я не причинил тебе боли?

Теперь Ианта обратила на него все внимание и удивленно моргнула, на губах заиграла усталая улыбка.

— А если и причинил, тебя бы это волновало?

— Обычно я не обижаю женщин. Разумеется, меня волнует твоё состояние.

Они уставились друг на друга: она с любопытством и задумчивостью, а Люк оборонительно.

Ианта кивнула, отдавая ему должное:

— Моя усталость не имеет к тебе никакого отношения. Сейчас у меня другие заботы на уме. Вот из-за них я и не могу спать. Твои приказы прекрасно меня отвлекли, дали

возможность забыть... на мгновение.

На бледном лице промелькнула грусть, словно растворившаяся в воде акварельная краска. Ианта покачала головой и взяла себя в руки:

— Но довольно об этом. Я думала о вчерашних событиях в поместье леди Эберхард.

— И что? — Люк налил себе чаю, недоумевая, с чего она затронула эту тему.

— Ты не использовал свои силы, Люсьен, не считая вспышки экспрессии.

Люсьен. Она впервые назвала его по имени. Это свидетельствовало о... близости, но, с другой стороны, прошлой ночью их отношения были ближе некуда. Однако конец фразы его взволновал.

— Ианта, этот год был долгим. — Он тоже теперь станет звать ее по имени. — Я потерял силы. Среди холодных каменных стен энергии и пропитания маловато.

Ее глаза блеснули.

— Хорошо. Прошлая ночь должна была восстановить твои резервы. Это меньше, чем я могу помочь. — Ианта указала на его пустую тарелку, где лежал слегка намазанный маслом и тонким слоем варенья тост. Ее же собственный завтрак состоял из отбивной, бекона и омлета. Чародеи частенько ели вволю. — Не хочешь добавки? Мне ты нужен сильным и цельным.

— Боюсь, мой желудок большего не потерпит. Он привык к ограничениям.

— Ты говорил, что потрясен. Наверное, твой разум был заблокирован, и ты не имел доступа к своим силам.

— Вроде того.

На ее лице промелькнуло сочувствие.

— Этого и следовало ожидать, после сильной психической травмы, которую ты получил из-за демона.

Люсьен отвернулся и со звоном опустил чашку. На миг жуткие образы промелькнули перед взором.

— Я почти ничего не помню.

Ианта отодвинула стул, встала и, шурша юбками, обошла стол. Коснулась плеча Люка кончиками пальцев, обновляя узы. Сегодня их связь была сильнее, крепко оплетала обоих; без сомнения, результат плотских отношений.

— Я могла бы помочь тебе, если хочешь...

— Нет.

Он сам справится, просто нужно время.

— Люсьен, после того, как демон напал на тебя, в день нашей встречи в отеле "Гросвенор", твоя аура была вся в дырах. И то, что ты залечил ее всего за двенадцать месяцев, просто невероятно. Увы, весьма возможно, что ты не сможешь продолжать в одиночку или без долгих успокоительных медитаций, а времени у нас нет. У меня есть знакомый чародей, способный лечить болезни разума. Или... обратись к Дрейку...

— Я подумаю.

Ианта раздраженно выдохнула:

— А я считала, что ты уцепишься за любую возможность, ведь в пророчестве предсказана твоя смерть.

— Я же сказал, что подумаю, а пророчество, по-моему, весьма расплывчато. — Люк налил себе еще чаю. — Там сказано, что моя смерть — часть ритуала, если злоумышленникам удастся задуманное. А это еще неизвестно. И если вспомнить все, что

случилось вчера, я удивлен, что ты выбрала именно эту тему.

Ианта опустила ресницы. Она явно что-то скрывала, и у него возникло неприятное подозрение...

— Ты знала про Бишопа?

— Знала.

Люсьен возмущенно засопел:

— И даже не подумала сказать: «Кстати, у тебя есть брат»?

Он полночи размышлял об этом и теперь разозлился. Верховный всю жизнь то отталкивал, то притягивал его, как пешку на шахматной доске. Именно Дрейк решил, что Люсьен не достоин стать частью его жизни, а также, что братья не должны узнать друг друга. Люк резко поставил заварник на стол.

Брат. Черт. Незнакомец. Сколько раз он наблюдал за играющими детьми, всегда хотел к ним присоединиться, но по приказу лорда Ретберна все время посвящал занятиям. Люк бы не чувствовал себя таким одиноким, если бы знал, что где-то есть еще кто-то, способный его полюбить. Легче принял бы факт, что является ублюдком Верховного, а не сыном лорда Ретберна, и что Дрейк и знать его не желает.

— Прости, я не понимала... просто... на меня в последнее время столько всего навалилось, что я даже не подумала.

— Мне кажется, вся моя жизнь — ложь, Ианта. — Что еще ему неизвестно? — И всякий раз, когда я выясняю некую подробность, от нее ведет еще дюжина нитей. Та действительность, которую я знал, рушится. Я каждый день хожу по зыбучим пескам без союзника и кого-то, кому я небезразличен.

— Твой отец...

— Обрек меня на эту жизнь. Не называй его так. Он мне не отец. Его обязанности закончились, когда он пролил семя, и я этого не забуду. Если ты считаешь, что я позволю ему... помочь мне... Боже. — Отвернувшись, Люк попытался сдержать эмоции. — Что еще ты от меня скрываешь?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ианта сдавленно всхлипнула:

— Я... я

Он махнул рукой:

— Забудь.

Вот, к чему привело то, что Люк позволил ей забраться ему под кожу. Когда он увидел ее припухшие глаза, то заволновался. Когда она положила руку ему на плечо, чтобы успокоить, Люсьен забыл, что в первую очередь Ианта — оружие Верховного. Ложь. Все ложь, и больше он об этом не забудет.

— Враг моего врага мой друг. Больше ничего между нами нет.

— Мне так жаль, Люсьен...

На лестнице загрохотали шаги, а потом появилась девочка с румянцем на бледных щеках и блестящими карими глазами.

— Ты вернулась! Я не слышала, когда ты вернулась. У меня получилось, Ианта! Я заморозила чашку чая! — Она перевернула ту самую чашку вверх дном, сильно потрясла и только потом увидела Люсьена.

Ианта напустила на себя совершенно невозмутимый вид, однако не смогла скрыть дрожь в голосе.

— Люсьен, познакомься с моей ученицей, мисс Теей Дэвис. Тея, это Люсьен Деверо, граф Ретберн, в настоящее время мой щит.

У Теи округлились глаза. Она сделала книксен:

— Здравствуйте, милорд.

— Рад познакомиться, — поздоровался Люсьен.

Ианта вернулась на свое место и жестом приказала ученице сесть рядом.

— Замечательный прогресс, особенно если вспомнить, что в мое отсутствие тебе следовало учиться по книгам и не практиковать чародейство.

Тея перестала улыбаться.

— Я была осторожной.

— А что случается, когда ты выходишь из себя?

Тея заерзала.

Ианта еще несколько долгих минут выдерживала неодобрительную паузу.

— А теперь растопи.

Тея упрямо поджала губы:

— А можно мне сначала позавтракать?

— Растопи чай и завтракай.

Тея поставила чашку на стол и уставилась на нее. Добрых две минуты ничего не происходило, хотя Люсьен ощутил, как в девочке бурлит энергия. Когда-нибудь она станет сильной чародейкой, возможно, даже сильнее него. Одно ее присутствие вызывало резь в его левом глазу.

— Естественный талант Теи в телепатии, — гордо пояснила Ианта. — Однако ей тяжело дается телекинез, и она не всегда собой владеет. Тея настолько хочет добиться успеха, что часто может получить результат лишь в раздражении, но редко по своей воле и никогда в состоянии спокойствия.

Тея поджала губы, стиснула кулаки и зло уставилась на чашку. Почти минуту спустя ледяной комок начал таять, потом в чашке появился маленький айсберг, затем все быстрее побежали пузыри, и наконец чай закипел.

Потрясающее зрелище: чистая сила воли вместо ритуала или магических слов. Или было бы потрясающим, не похолодай так в комнате в процессе. Люсьену пришлось отойти — подальше от накатывающей силы девочки.

— А теперь заморозь воду снова, но на сей раз я хочу, чтобы ты сосредоточилась на медитативной технике. Вспомни, как мы обсуждали смысл ритуала? Ты снова разозлилась и смогла растопить чай, но нельзя ставить себе блок, который свяжет твою силу только с эмоцией, иначе ты никогда не сможешь добиться большего.

— Я добьюсь.

Тея вздохнула, чтобы успокоиться, и зажмурилась, но эмоции окрашивали ее лицо в разные цвета — гнев, дерзость, раздражение, надежда, кажется, даже страх, если Люк правильно определил этот темно-синий оттенок.

Чай перестал кипеть, но когда Тея зашептала ритуальные слова, все равно ни на йоту не охладился. Она заморгала и начала сжимать кулаки.

— Прекрати, — приказала Ианта. — Ты снова злишься. Отпусти все, Тея. Отпусти все свои эмоции и силу и позавтракай. Потом начнешь сначала.

Тея открыла глаза, в них горело возмущение.

— Я сумею.

— Как ты его замораживаешь? — спокойно спросил Люсьен.

— Забираю энергию из воды, — пояснила Тея. — Она и сила трения заставляет воду кипеть, однако если убрать энергию, можно заставить чай охладиться.

— И все же эмоция заставляет нас тратить энергию, вот поэтому нагреть воду легче, чем охладить.

— Да, но я замораживаю воду, даже когда использую эмоцию вместо силы воли!

Люсьен улыбнулся и переглянулся с Иантой.

— Я начинаю сочувствовать твоей наставнице.

Ианта глотнула чаю:

— А я начинаю понимать, почему Дрейк доверил ее мне. Я многому учусь сама, особенно понимаю того, что у его светлости странное чувство юмора. Он, наверное, ждал этого момента с тех пор, как я начала собственное обучение.

— А разве вежливо обсуждать человека, сидящего с вами за столом? — Тея резко вонзила вилку в копченую селедку. — Я не понимаю, почему мы не можем просто пользоваться тем, что нам уже дано. Экспрессия работает! Почему так важно, испытываю ли я злость, страх или...

— Разве твоя наставница не объяснила, почему мы привязываем чары к ритуалу и словам силы?

Ианта подняла взгляд:

— Люсьен...

— Девочка должна знать правду.

Она поджала губы:

— Я не хотела ее пугать.

— О чем вы? — округлила глаза Тея.

— Большинство наших первых опытов в чародействе вызвано эмоцией, — пояснил Люсьен.

Вроде его вчерашнего всплеска, какой бы неловкой ни была правда. Он прогнал эту мысль.

— Например, девочку так часто избивает отец, что однажды ментальный блок в ее разуме сносит, и она настолько жаждет избавиться от мучений, что ее желание исполняется. Желание и эмоциональная энергетическая сила заставляют законы природы следовать воле девочки, часто мгновенно и без всякого контроля. Может, она отбросит отца в другую часть комнаты? Или переломает ему все кости или придушит? Иногда девочка даже может заставить отца никогда больше не поднимать на нее руку, поставив блок принуждения, хотя такое случается очень редко. Чаще всего телекинез и пирокинез, что-то уничтожающее, то, что относительно просто совершить. Иногда такие девочки и мальчики настолько пугаются своих способностей, что ставят в разуме ментальный блок. Они... подавляют свои чары. Произошедшее становится загадочным чудом. Наверняка ты слышала о таинственных исцелениях, смертях или катастрофах?

Взгляд Теи стал отсутствующим, и ее нижняя губа чуть задрожала.

— Я... я...

— Довольно, Люсьен, — шепнула Ианта, взяв подопечную за руку. — Она понимает, что может случиться.

Конечно, понимает. Редко кто не догадывался, и теперь Люк случайно задел больное место Теи.

— Прошу прощения, я не хотел тебя обидеть. — Он кашлянул.

Он не раз за эти дни нарушал принятые правила приличия и совершал просчеты в отношениях с другими людьми. До заключения Люк никогда не был таким невнимательным.

Он встал на колени у ног Теи и взял ее руки в свои:

— Экспрессия — очень сильное колдовство, сильнее, чем чары, управляемые волей, но очень опасное, Тея. Неуправляемое. Вот поэтому мы используем ритуалы и медитацию, чтобы научиться управлять желаниями.

Она выглядела совершенно подавленной.

— А если у меня не получится?

Ианта поцеловала Тею в лоб и обняла.

— Я помню, как когда-то сама не верила, что научусь управлять своей волей. Чем дольше у меня не получалось, тем раздраженнее и нетерпеливее я становилась. Но наконец у меня вышло, и потом колдовать стало намного проще, Тея. Вот поэтому сначала мы ставим не такие простые задачи — мысленно развязать веревку или телекинезом передвинуть кусочек у подножия головоломки-башни, при этом удерживая остальные части. Экспрессия очень сильное колдовство, но оно не может выполнять трудные задачи. У тебя получится, Тея, поверь мне.

Та кивнула.

— Доедай, — настояла Ианта. — Хватит разговоров об экспрессии и опасных несчастных случаях. У нас и так достаточно забот. — Она посмотрела на Люсьена, допивая чай. — Вы закончили, милорд? По-моему, пора допросить старого приятеля Морганы о том, где она может находиться, а также найти реликвию преисподней.

Люсьен встал:

— Вообще-то, я уже удивился вашему редкостному терпению. Вы слишком спокойны, учитывая, что опасная мстительная колдунья, за голову которой назначена награда, возможно, украла две опасных реликвии.

— Одну реликвию, Ретберн. Мы пока не уверены, что у нее есть и вторая. А касаясь моего терпения, прошлой ночью Дрейк отправил ловцов по лондонским улицам в поисках отголосков чар. Если бы они что-то нашли, мы бы уже знали. — Ианта тепло улыбнулась ученице: — Я хочу, чтобы ты потренировалась в заморозке и нагревании чая. Однако если почувствуешь раздражение, займись медитацией. Используй ритуалы, чтобы собрать силы, а потом рассеяй энергию и повтори. Чем больше тренируешься, тем больше твой разум привыкает, пока это не превратится в инстинкт. Надеюсь, сегодня вечером мы увидимся.

Они ушли, оставив Тею печально созерцать стол.

Люсьен откинулся на спинку сиденья экипажа, пытаясь не смотреть на связанную с ним женщину. Он чувствовал ее эмоции, как покалывание иголок. Невзирая на безмятежное лицо Ианты, ее окружали чрезвычайно яркие краски.

Она уставилась на пару детей, играющих в парке на другой стороне улицы. Девочки, не больше девяти-десяти лет, они со смехом прыгали по лужам, обдавая друг друга брызгами. Ианта сжала медальон на шее и смотрела на них так, словно мир вокруг перестал существовать.

Через узы казалось, будто у нее разрывается сердце.

Люсьен снова посмотрел на девочек. Радостные, укутанные в клетчатые шали малышки в шляпках. Блестящие черные волосы одной были собраны в косу, а у другой — в хвостики.

Люсьен совершенно не понимал, почему вид детей причинил Ианте такую боль. Он прижал руку к своей груди, но испытал лишь фантомное чувство. Их узы стали крепче. Если он не поостережется, вскоре начнет слышать ее ярчайшие мысли, а она — его собственные.

— Ты любишь Тею, — сказал Люк из любопытства и чтобы выяснить, что вызвало ее эмоции.

— Тебя это будто удивляет.

— Наверное. Никогда бы не подумал, что у тебя развит материнский инстинкт.

Ианта дернулась, словно от пощечины.

— Ты меня совсем не знаешь. Понимаю, ты винишь меня в своем заключении, но это не значит, будто я холодная бесчувственная тварь.

— Знаю. — Люсьен кашлянул. — Прошу прощения, я не хотел тебя обидеть. Просто... пытаюсь понять.

— Высокого же ты обо мне мнения. — Она натянуто улыбнулась. — Как только ты меня не называл: любовницей, шлюхой, не-матерью...

— Я никогда не называл тебя шлюхой, — резко парировал Люсьен.

Фиолетовые глаза блеснули от обиды.

— Вспомни, что ты потребовал от меня? — Увидев, как он вздрогнул, Ианта горько улыбнулась. — Все в порядке, Ретберн, я привыкла.

И снова отвернулась к окну.

Люсьен ощутил себя мерзко и устыдился.

— Прости, что обидел тебя. Я не рассматривал наше соглашение с этой стороны, как не считаю себя менее мужественным из-за необходимости исполнять твои приказы днем. Я захотел тебя и опасался, что наши отношения будут однобокими, поэтому и поставил такое условие. — Он опустил взгляд. — Возможно, я ошибся.

Повисла гулкая тишина. Подняв голову, он заметил, как расширились глаза Ианты. Сейчас она казалась такой юной.

— Надо же, как мы добры друг к другу. Такого я не ожидала.

— Возможно, мы просто составили неверное впечатление друг о друге?

Снова возникла неловкая пауза. Ианта покраснела.

— Какие отношения связывают тебя с Верховным? — Люсьен начал подозревать, что ошибся в своих предположениях.

— Зачем тебе знать?

— Чтобы я перестал строить догадки. К тому же прошлой ночью мы были... близки. Мне хочется выяснить, какая ты. У тебя тело куртизанки, но в постели ты несколько... не то чтобы робкая. Возможно, не слишком уверена в моих намерениях. Ты колебалась.

— Вероятно, подойдет определение «неопытная», — ответила Ианта, гордо расправляя плечи. — Надеюсь, я не показалась скучной столь искушенному кавалеру.

— Конечно, нет. Скорее, я получил больше, чем надеялся, — ответил он, не переставая размышлять о ее словах. — Неопытная?

Она отвернулась:

— Забудь.

— Нет. Я хочу знать, что ты имела в виду. — И тут его пронзила мысль, от которой сердце екнуло. — Верховный тебе не любовник?

— Надо же, я уж засомневалась, сколько ты еще будешь гадать. Твоя попытка отомстить пропала впустую, милорд. Я не любовница Дрейка, никогда ею не была и не стану. Это место уже занято. Почему, как думаешь, я так уверена, что миссис Росс не крада реликвию? Скажем так, ее местонахождение в ту ночь точно известно, а алиби надежно.

— Но ты его любишь?

— Конечно, люблю, он мне очень дорог.

Ианта явно наслаждалась неловким положением Люка.

Он прищурился. Она хрипло рассмеялась, именно так, как ему нравилось.

— Иди сюда.

— Но милорд, сейчас день. — Ианта дразняще взмахнула ресницами. — Я вовсе не обязана вас слушаться, скорее даже наоборот.

Люсьен подхватил ее, она вскрикнула от неожиданности, но успокоилась, когда он устроил ее у себя на коленях. Юбки накрыли его бедра, а попка прижалась к паху. Ианта резко втянула воздух.

— Почему он тебе дорог? — спросил Люсьен, играя с пуговицами на ее платье.

Ианта была наглухо застегнута, лишь у самого подбородка виднелся край кружева. Красный цвет ей шел. Оттенок роковых женщин, хотя признание в неопытности несколько с ним не вязалось.

— Почему мои отношения с Дрейком так тебя волнуют?

Он попытался поцеловать мягкую кожу под подбородком, но Ианта остановила его, прижав пальцы к губам.

Люсьен поднял взгляд и взял в рот один из них, поглаживая языком. Зрачки Ианты расширились, а губы чуть приоткрылись. Возможно, она и не привыкла к таким ласкам, но они пришлись ей по вкусу. Она прикусила нижнюю губу белыми зубками. Люсьену очень захотелось заменить их своими губами.

И он не мог.

— Меня они не волнуют, — солгал он.

И снова ее пальцы его остановили.

— Ответь на мой вопрос, и я отвечу на твой.

Люсьен почувствовал раздражение. Ему не особо улыбалось раскрывать свои намерения, но узнать правду хотелось еще больше.

Он прикусил пальцы Ианты:

— Потому что я хочу тебя и желаю забрать у него. Потому что я хочу поиметь тебя так, чтобы ты выбросила его из головы. Вот поэтому и стремлюсь узнать, что он значит для тебя, особенно теперь, когда ты сообщила, что у него другая любовница.

— Его нет в моей голове.

— Значит, он в твоём сердце.

Люсьен начал расстегивать пуговицы у ее шеи.

— Милорд, — шепотом запротестовала Ианта.

— Сейчас не ночь. Тебе не обязательно принимать мои ласки, если не хочешь. Но ты задолжала мне ответ.

Она прикрыла фиолетовые глаза густыми ресницами и при этом выглядела одновременно беспомощной и восхищенной. Ианта положила руку ему на грудь, пытаясь сдержать.

— Дрейк — отец, которого у меня никогда не было. Тебе не нужно заставлять меня

забыть о нем. Он тебе не соперник.

Это откровение уняло что-то в глубине души Люсьена, но также вызвало множество вопросов.

— Твой родной отец возглавляет Комитет по надзору над колдовством. — Грант Мартин был помехой для них всех, и к тому же тем еще кретином. — Это как-то отражается на твоей жизни?

— Разумеется, отец считает меня грязью. Когда мне исполнилось семнадцать, он выкинул меня на улицу, в чем я стояла. У меня не было никого и ничего. А на жизнь я могла зарабатывать, лишь раздвигая ноги перед каким-нибудь богатым любовником. — Ианта резко рассмеялась. — Тебе не понять, что Дрейк для меня сделал. Он ощутил мои чары, когда они вырвались из-под контроля, и стал искать. Предложил мне независимую жизнь и взял под крыло в качестве ученицы, когда остальным было плевать на меня, а такое положение весьма почетно. Разумеется, все в Ордене решили, что я его любовница. Какой еще прок мужчине от девушки? Зачем еще ей помогать? Я люблю его за это. Люблю за то, что показал, что мужчинам можно доверять. Что кто-то захочет стать для меня отцом, ничего не прося взамен. Ты не знаешь, каково это — расти, испытывая лишь стыд...

Странное чувство охватило его, скрутив желудок до боли.

«Вообще-то знаю...»

— А потом осознать, что ты достойна. Что талантом, который ты презираешь, можно гордиться, говорить о нем вслух и даже его развивать. Понимаешь? — На глазах Ианты выступили слезы, но слезы решительные. — Я сделаю для Дрейка все, что угодно.

Как же ранило, что Верховный стал отцом для нее, но при этом плюнул на собственного сына, родную плоть и кровь. Мерзкое чувство. Люк даже не сознавал, как жаждал отцовского внимания.

— Да, теперь понятно. — А также ясно, почему она разозлилась, когда он пришел к тем же выводам, что и остальные. Нежно отведя руку от своей груди, он положил ее на лацкан сюртука, а сам обхватил Ианту за подбородок, касаясь большим пальцем губ. — Почему ты согласилась?

— Потому что сама тебя хотела, — шепнула она. — Может, я знала, какое удовольствие мы получим вместе? Возможно, хотела... отвлечься. Когда ты касаешься меня, я перестаю испытывать одиночество. А сейчас мне не хочется быть одной.

По ее фарфоровой коже скатилась слезинка. Обхватив лицо Люсьена обеими руками, Ианта наклонилась и провела языком по подбородку.

Возбужденный, он оскалился и откинул голову, давая ей лучший доступ, а сам сунул руки под юбки. Люку не нравилось, что Ианта отдалась ему, считая себя шлюхой или чтобы защитить Верховного, но последнее признание разбудило в нем нечто первобытное.

Какая у нее мягкая кожа... теплые округлые ягодицы... Люсьен без лишних церемоний просунул пальцы в разрез в белье и ухватил другой рукой ее бедро. Так влажно. Ианта ахнула. Люк обвел большим пальцем клитор и целиком погрузил пальцы в ее лоно.

— Двигайся на моей руке, — шепнул он, прижимаясь губами к шее Ианты.

В ее глазах промелькнула неуверенность, но потом она послушалась и принялась осторожно покачивать бедрами.

— Ты не девственница, — сказал он.

Ианта хрипловато усмехнулась и в ответ сжала внутренние мышцы.

— Почему я так тебя интересую?

«Не знаю».

— Возможно, просто хочу узнать твои пределы. — Люк увидел в ее глазах такой же вызов, что бросил ей сам.

Сжимая его пальцы, она медленно наклонилась, будто начиная понимать, чего он хочет и чего ей самой надо.

— Узнавайте мои пределы, как хотите, милорд, я не сломаюсь.

Умело ушла от ответа.

— Сколько у тебя было любовников?

Ианта подняла на него понимающий взгляд:

— Два. Первый... все случилось неожиданно, но не по принуждению. Мне было одиноко и любопытно. Я хотела узнать, что чувствуешь, когда ты кому-то небезразлична всего на одну ночь... Ну, он превзошел мои ожидания. Во второй раз я вступила в отношения из любопытства, они были недолгими и плохо закончились, на несколько лет отвратив меня от физической близости.

Не невинна, но неопытна.

— Вчера я тебя шокировал.

Люсьен принялся медленно выписывать круги вокруг клитора. Запах ее желания был насыщенным и пьянил. Когда Ианта двигалась на нем, ее ресницы трепетали, будто от слишком острых ощущений.

— Да, Ретберн, — выдохнула она, вцепившись ногтями в его плечо.

— Да?

— Я наслаждалась каждой секундой, — шепнула Ианта, двигаясь резко и быстро.

Он ощущал вес ее тела, как оно сжимается под лаской. Мысль о том, что она наслаждается его господством, усилила желание Люка. Он хотел, чтобы Ианта поделилась с ним наслаждением. Хотел, но не собирался заставлять.

— Что именно тебе понравилось? — шепнул Люсьен, прижимаясь щекой к щеке и лаская дыханием ухо. — Соитие? — Ее тело опять напряглось. — Или повиновение?

Вот. Вот оно. Ианта слегка застонала, впиваясь ногтями в рукава его камзола.

— Все.

Обхватив свободной рукой ее затылок, он притянул Ианту ближе, уткнулся лицом в нежную шею, а потом принялся расстегивать пуговицы, облизывая сливочно-белое тело, пока не нашел мягкий изгиб груди в обрамлении кружев и во власти корсета. Люсьен просунул язык под лиф, находя твердый сосок.

— О да, — выдохнула она, выгибаясь навстречу.

— По-моему, тебе нравится мне подчиняться.

Люк чуть прикусил тугую вершинку.

Ианта вскрикнула и вцепилась в волосы Люсьена. Он посмотрел на ее потрясенное лицо, а потом зализал прикушенное место. Что же в ней так сводит его с ума? Ему хотелось задрать ее юбки, уложить на сиденья и любить до потери рассудка. Она вела его к безумию. Он никогда еще так не хотел женщину.

«Соберись...»

Повернувшись, он усадил ее на сиденье и встал на колени между раздвинутых ног. Шелковые панталоны Ианты уже промокли насквозь. Схватив за ягодицы, Люсьен притянул ее к себе ближе к краю и вжался лицом меж бедер, лаская через ткань, выводя языком маленькие круги у твердого бутона. Его член был тверд и болезненно пульсировал, но сейчас все

наслаждение предназначалось Ианте.

И это никак не связано со сдерживанием собственного яростного желания.

— Ретберн! — ахнула она.

— Не время для вопросов, милая. — Люк раздвинул ее белье.

Ианта затрепетала, почувствовав его дыхание на чувствительной коже, а потом замерла в предвкушении. Люсьен оттягивал момент, пока Ианта не стала дрожать.

— Только посмотри, какая ты красивая и розовая.

И тут он коснулся языком ее клитора.

Ианта стиснула его голову бедрами.

— О боже!

Она была восхитительной и восприимчивой. Люсьен полностью отдался занятию, прислушиваясь к тихим стонам, ощущая, как ее тело напрягается все сильнее и сильнее, пока...

Она с криком кончила, сжав его волосы. Люсьен тяжело дышал и с удовлетворенной улыбкой смотрел на ее покрасневшее лицо.

На этот раз Ианта не притворялась.

После он усадил ее к себе на колени и позволил положить голову себе на грудь. Ничего не поделаешь, когда они приедут, Ианта будет выглядеть совершенно неприлично. У него екнуло в груди. Судя по ее расслабленной позе, она о себе пока не думала, но ему не нравилось, что по приезде в Лабиринт Балтазара внимательные зрители заметят, как растрепаны ее волосы, как покраснела кожа на шее, где он оцарапал ее щетиной, и подумают о ней именно так, как она себя назвала.

Шлюха. Мерзкое слово, которым мужчины бросаются слишком часто. Похоже, Ианту не раз так называли.

Она коснулась пуговиц на его сюртуке:

— А ты разве не хочешь?..

Боже, конечно да. Люку хотелось поставить ее на колени и войти в покорное тело. Однако он покачал головой:

— Вечером у нас будет время.

Ианта посмотрела вниз и заметила признак его возбуждения. Она явно сомневалась и испытывала чувство вины.

— Что такое?

— Ничего. Просто... я не должна была получать удовольствие, когда все идет кувырком.

— А как с точки зрения восполнения энергетического резерва?

Она нахмурилась:

— Замечательно.

— Твой талант к чародейству зиждется на сексуальности. Считай, что мы просто придали тебе сил. Нечего стыдиться. А теперь сядь ровно. Мы почти приехали.

Ианта быстро расправила плечи. Люсьен застегнул на ней платье, потом развернул ее у себя на коленях, чтобы поправить волосы. Вышло не очень, так как у него лучше получалось разрушать прическу, но возможно, они сумеют обмануть всех невольных зрителей, не считая самых глазастых.

Когда он закончил, Ианта вопросительно посмотрела на него из-под густых черных ресниц.

Люсьен устроил ее на сиденье рядом.

— Я поклялся защищать тебя, стало быть, и твою репутацию.

Она на мгновение задумалась.

— Ты... сложный человек.

Они несколько долгих минут глядели друг другу в глаза.

— Да, что есть, то есть, — ответил Люсьен.

Девчонка снова плакала.

Моргана отложила незаконченное письмо и раздраженно зыркнула на дверь, отделявшую гостиную от комнаты, которую Луиза, судя по всему, сейчас стремилась затопить. Моргана пыталась не обращать на нее внимания, но усталые полувсхлипы слишком напоминали о том, как ее саму в детстве дядя избивал и запирали в подсобках. Разница лишь в том, что Моргана вскоре перестала плакать, так как слезы совершенно не помогали. В конце концов, у девчонки есть настоящая спальня с удобной постелью и мягкими одеялами, а не чуланчик под лестницей или даже ящик, где приходилось сидеть целый день. Луизу не морили голодом, не били за то, что она не мальчик, а лишь обуза, которую надо кормить, когда еды и так мало. И вообще лить слезы надо над чем-то похуже.

Моргана со скрипом отодвинула стул, встала, шелестя темно-фиолетовыми юбками, и громко постучала.

— Замолчи сейчас же или останешься без ужина!

Сработало. Наступила тишина, замечательная благословенная тишина. Наконец-то.

— Снова угрожаете детям, матушка?

Моргана едва не вздрогнула. Общение с Себастьяном всегда требовало железных нервов, а теперь он повадился подкрадываться как кот. Иногда Моргана подозревала, что сын знает, насколько ее изводит.

— Ты опоздал.

Как всегда.

Он постоянно задерживался минут на десять-пятнадцать. Она ворчала, но наказание за каждый мелкий проступок ни к чему бы не привело. Этому ее научил дядюшка: чем больше наказываешь, тем скорее жертва к этому привыкает. Если делать больно редко, напряжение возрастает. Ты всегда ждешь удара, всегда начеку и следишь за мучителем. Иногда Моргане хотелось, чтобы дядя уже избил ее и покончил со всем этим.

Озаренный серым дневным светом, ее сын смотрел из окна на парк и машинально вертел в руках касторовую шляпу. Камзол и штаны безукоризненны и богато украшены. Себастьян походил на залихватского щеголя, но его отличал внутренний стержень, а не то, что Моргана дала ему богатой одеждой, хорошей обувью и бесконечными часами обучения. Он унаследовал от отца надменно вздернутый подбородок и сурово поджатые губы — признаки нетерпимости к слабостям других людей.

Единственный изъян заключался в отсутствие галстука и полурасстегнутой рубашке, в воротах которой виднелся золотой ошейник. Иногда Моргана подозревала, что сын специально демонстрирует ей это украшение, будто говоря: «Пусть ты меня им контролируешь, матушка, но я никогда не забуду, что ты со мной сотворила, и не прощу».

— У меня было важное дело, — ответил Себастьян.

Наверняка чтение книг в библиотеке, прогулка за дом или уход за его драгоценными чертовыми розами.

— Себастьян, события развиваются быстро. Мы воплощаем наш замысел. Если ты заставишь меня ждать еще раз...

Он холодно посмотрел на нее. Ртутный цвет глаз сын тоже взял от Дрейка, а вот хищное выражение — нет. Ее бывший муж никогда не был таким опасным, он воплощал собой тепло

и страсть, а вот Себастьян походил на чистый лед.

— И что? Поставишь на колени с помощью ошейника? — Похлопывая шляпой по ноге, он шагнул к Моргане и улыбнулся, но выражение глаз не изменилось. — И сколько, как думаешь, это колечко на пальце защитит тебя? Сколько я пробуду твоим рабом?

Она думала об этом почти каждый день с его двенадцатилетия, когда у Себастьяна впервые проявились способности, а колдовская сила вызывала грозовые тучи на горизонте. Моргана никогда не видела ничего похожего, хотя давно знала, что украденный у Верховного отпрыск будет опасным и практически неуправляемым.

В конце концов, предыдущая Кассандра, леди Ретберн, предсказала такое развитие событий, нося под сердцем бастарда Дрейка.

Этот день навсегда остался в памяти Морганы. На чаепитии все члены Ордена злорадно наблюдали, как две дамы Верховного маневрируют у стола с маленькими сэндвичами, медовыми пряниками, булочками, вареньем и густыми сливками. Все знали, что Моргана с супругом не в ладах после произошедшего несчастья — отравления его племянника и наследника. То, что она зачала Себастьяна, стало чудом. Моргана обернула бурную ссору себе на пользу, и теперь в ней зрело драгоценное оружие, гарантия против развода, коим ей грозил Дрейк.

Если бы не любовница Дрейка, леди Ретберн, и тот неприятный факт, что она тоже носит его ребенка, Моргане удалось бы склонить мужа в нужную сторону.

Где-то между астрологическими играми и началом чтений она на некоторое время упустила соперницу из виду. А затем они столкнулись. Леди Ретберн фальшиво улыбнулась, приторно пропела «Пардон, мадмуазель» и походя нечаянно коснулась затянутой в перчатку рукой живота Морганы, после чего удивленно округлила глаза и вошла в пророческий транс.

— Этот сын никогда не станет твоим, — громогласно и без акцента заявила орденская Кассандра, слепо глядя в никуда.

А потом вдруг ахнула и отшатнулась, сбив с ног служанку с тарелкой лимонных пирожных и чуть не уронив столик с сэндвичами. Все обратили внимание на происшествие и стали перешептываться за кружевными веерами.

Моргана не смогла больше там оставаться и убежала, прижимая одну руку к оборкам, скрывавшим ее располневшую талию, а другой стискивая носовой платок. Она скрылась от чужих глаз в тихом уголке сада, но от мыслей спрятаться не могла.

«Он никогда не будет моим». Моргана могла и дальше себя обманывать, уверять, что наконец нашла того, кто в любом случае ее полюбит и никогда не предаст, но сомнения терзали душу. Ребенок ведь должен любить мать, разве нет? Но эта надежда пошатнулась, а от пророчества во рту остался неприятный привкус.

И дитя, которое сейчас беспокойно шевелилось в ней, резко толкнулось, будто подтверждая сей вывод.

Времени придумать выход не было. Неделью спустя Дрейк подал на развод. Даже угрозы аборта не остановили его надолго. По закону ребенок принадлежал ему. Орден приговорил Моргану к казни за отравление племянника Дрейка, лишая ее возможности увидеть, как растет сын, и пресекая попытки склонить его на свою сторону.

Единственный выход — бежать из Британии, и она со злорадным удовольствием пересекла Английский канал, зная, что Дрейк уже получил ее послание с окровавленными останками в тряпице.

«Вот твой сын. Скажи своей любовнице, что ее предсказание сбылось: я никогда не

буду владеть им, но и тебе он не достанется».

Разумеется, Моргана солгала, но в те дни только мысли о причиненной Дрейку боли помогали ей улыбаться. Никто не смеет ее выкидывать. Хватит мужчинам портить ей жизнь кулаками и лживыми обещаниями. Больше она не будет им доверять.

Даже собственному сыну.

— Если попытаешься снять ошейник, Себастьян, то ощутишь такую боль, которую даже я не смогла бы причинить тебе за неповиновение. Мне говорили, что избавиться от него... практически невозможно.

Лишь трепет крыльев носа выдал его волнение.

— Поживем — увидим. Помнишь, ты рассказывала мне о своем дядюшке? О том, как он наконец доигрался, запирая тебя в тот ящик? Интересная сказка на ночь для семилетнего мальчика, но я ее не забыл, как и многие другие. В этой истории есть занятная мораль. Я тут подумал: как скоро для меня наступит тот момент, когда боль станет лишь мелким недоразумением, а желание убрать эту... штуку, — Себастьян дотронулся до шеи, — всепоглощающим? И будешь ли ты столь же самоуверенна тогда?

Моргана слегка улыбнулась, хотя по спине поползли капельки пота.

— Так пусть это послужит еще одним уроком: надо держать козыри в рукаве, Себастьян. Ты ошибаешься, если думаешь, будто я управляю тобой лишь через ошейник.

— И как же еще? — Колдовская сила в нем рвалась на свободу. Воздух похолодел, когда Себастьян стал втягивать в себя энергию. — Я сильнее тебя.

«Сильнее — да, но хитрости тебе не достает».

— О, я не стану противостоять тебе колдовством, Себастьян. Я знаю, на что ты способен и как силен. А еще тот городок в Провансе точно знает, что ты умеешь.

Моргана улыбнулась, когда сын неуверенно нахмурился, и шагнула ему навстречу. Ее не мучили угрызения совести. Люди умирают, дома рушатся. Иногда земля сама себя разрывает. Такова жизнь, и Моргане совсем не было жалко чужаков. Никто никогда ее не жалел. Но в Себастьяне слишком много от отца. Нельзя об этом забывать. Она прекрасно знала его натуру. Если он сорвался на экспрессию и уничтожил столько людей из-за одной смерти какой-то жалкой служанки, которую едва замечал, не то что любил (девчонка погибла под колесами экипажа могущественного союзника Морганы), то что же сделает, когда угроза нависнет над тем, кто ему небезразличен?

У Морганы изо рта вырвался пар. Воздух стал ледяным, дыхание застревало в легких, но она сделала еще шаг и потянулась к вороту сына.

— Если ты освободишься, Себастьян, я не стану с тобой сражаться. Я позволю тебе уничтожить меня, даже не попытавшись создать заклинание. — Она застегнула последнюю пуговицу, убирая ужасный ошейник с глаз, и отступила, нежно погладив сына по щеке. — Но я прихвачу с собой всех. Девчонку, что плачет в соседней комнате... — Себастьян резко повернулся в ту сторону, но мать схватила его за подбородок, обращая внимание не себя. — Дворецкого, горничных, грумов... Ту старую гарпию по соседству, к которой ты привязался... Я не стану бороться с твоими способностями, Себастьян, а усилю эффект. Представь, сколько лондонцев я заберу с собой, воспользовавшись твоей силой? Представь, скольких ты убьешь? Я уж позабочусь, чтобы ты выжил, мой драгоценный. Ты останешься среди развалин, будешь слышать крики раздавленных детей и матерей, оплакивающих своих чад. Запах крови и смерти — вот, что ты подаришь этому миру.

Моргана впервые увидела такие сильные чувства в его глазах. Себастьян жил в страхе,

который она ему живописала. А неумолчное чувство вины делало воспоминание еще ярче.

Пол сдвинулся у нее под ногами. Моргана уставилась на сына. Опасная ситуация. Если он потеряет контроль над эмоциями, то, независимо от их намерений, сравняет город с землей. Стало трудно дышать, а воздух так похолодел, что у нее едва глаза коркой льда не покрылись.

— Вспомни о девчонке, что плачет на кровати. Сопrotивляйся своему гневу страхом того, что ты можешь с ней сотворить. Управляй им, Себастьян.

Он зажмурился и крепко сжал кулаки. Из него вырвалась волна чистой силы, пошатнув стол и раскидав стулья по полу. Моргана вцепилась в камзол сына, пытаясь не упасть.

Затем ее слова дошли до его сознания, и Себастьян стиснул зубы. Пол перестал подрагивать, а хлопанье ставней стало тише.

Идеально выбрав момент, Морагана пропустила чары через кольцо на пальце. Ошейник на горле сына немного сжался, и он побелел, ощущая боль во всех нервных окончаниях. Эта агония помешала ему контролировать эмоции. К тому времени, как Себастьян рухнул у ее ног, тяжело дыша и сжимая ошейник обеими руками, гостиная перестала трястись.

— А теперь вставай, и хватит разговоров на эту тему, — приказала Моргана.

Она снова села за стол, взяла письмо и элегантно подписалась, пытаясь скрыть дрожь в пальцах. Пусть Себастьян придет в себя после небольшого урока. Теперь проще. Первый раз было хуже всего. Тринадцатилетний мальчик вытаращил глаза, будто не веря, что она это сделала. Моргане не нравилось предавать, слишком это напоминало о ее собственном прошлом, но она постаралась замкнуть сердце и отвернулась от сына. И тогда, и сейчас.

Если бы только он принадлежал ей... Если бы полюбил с самого начала, все было бы по-другому. Он сам навлек на себя ее недовольство. Ни одной матери не понравится, что собственный ребенок ее презирает.

— Полагаю, тебе от меня что-то нужно, — прохрипел Себастьян, вставая.

Моргана запечатала письмо.

— Для тебя несколько поручений. Как я уже говорила, наш план претворяется в жизнь. Вот. — Она вручила ему послание. — Нужно доставить это лорду Тремейну. Передай, что я согласна на его условия.

— Ты ведь говорила, что он слишком много просит.

— Я передумала. Его условия допустимы. — Моргана откинулась в кожаном кресле и сложила пальцы домиком. — Кстати, они напрямую касаются тебя. Я бы не хотела, чтобы ты вышел из себя, когда меня нет рядом, если граф вдруг об этом упомянет.

— И с чего мне выходить из себя? — Этот его смертельно опасный тихий тон она знала. Себастьян теперь быстрее оправлялся после их мелких «стычек». — На какое задание ты меня подписала? Убить кредитора? Трахнуть его жену или любовницу, а то и обеих одновременно, чтобы старому козлу не пришлось утруждаться?

— Нет, Себастьян, я знаю, что подобное тебе противно.

Три месяца назад леди Уормуолд, союзница Морганы, захотела посмотреть, так ли Себастьян красив без одежды, как и в ней. Он всегда был прекрасной приманкой для потенциальных союзников, и колдунья никогда не гнушалась предложить им сына. Однако после случившегося с леди Уормуолд... Моргана даже не думала, что мужчинам претят подобные обязанности, но лучше не ставить его в подобную ситуацию, когда он может поддаться эмоциям. Пришлось подкупить супруга леди, чтобы замять дело. Ему, считай, оказали услугу, избавив от стервы. Себастьян был самым опасным оружием Морганы, и

нельзя допустить, чтобы до Дрейка дошли слухи об отпрыске.

Себастьян немного расслабился.

— Так что мне надо сделать?

— Жениться на его дочери. Этот союз подтвердит мое доверие Тремейну на сей...

— Нет. — Он ударил рукой по столу, рассыпав бумаги. — Нет, я этого не сделаю.

Моргана подняла голову, оценивая его недовольство, и решила, что опасаться не стоит.

— Сделаешь. Тебе и не придется иметь маленькую сучку. Супруги часто ночуют в отдельных спальнях, а Тремейн хочет, чтобы она осталась невинной. Я бы возразила, но мне предпочтительнее не смешивать нашу кровь, потому что у меня есть планы на Тремейна, но...

— Неужели мне нельзя ничего решать в своей чертовой жизни? Совсем ничего?

— Если перебеешь меня еще раз, Себастьян... — Она не стала заканчивать угрозу.

Он рассмеялся, глаза дико заблестели.

— Дяде следовало перерезать тебе горло. Он должен был понять, какую змею пригрел на груди и какая ты отравка. Оказал бы миру услугу.

— Тогда бы тебя не было на свете!

Нет, ей не больно. Нельзя поддаваться эмоциям.

— Разве это было бы так ужасно?

К удивлению Морганы, комната опять содрогнулась. Она даже не почувствовала, как он собирал силу. Нож для писем скатился со стола и скрылся среди бумаг на полу. Моргана ухватилась за столик и сглотнула. Этот импульс был сильнее прежнего и едва не разбил стекла в окнах.

Но на сей раз Моргане ничего не пришлось останавливать. В маленькой соседней спальне что-то разбилось, и раздался испуганный крик.

Землетрясение тут же прекратилось.

Девочка снова заплакала, прижавшись к двери, будто хотела сбежать. Моргана никогда в жизни не была так рада чужим слезам.

Она позволила им острыми иглами пронзть сердце сына. Себастьян зажмурился и опустил голову, словно наконец смирился.

На столе остался ледяной узор вроде того, что появляется утром на окнах... Пугающе. В комнате было так холодно и тихо. Весь дом замер, как будто из него за секунду вытянули все тепло и жизнь.

«Опасен. Он намного опаснее, чем я полагала».

Даже Дрейку не под силу собрать столько энергии так быстро.

И страх тут же пропал.

Даже Дрейк не выстоит против мощи Себастьяна. Триада советников склонится перед ее величием. Моргане лишь надо забрать у сына способности.

С пустым беспомощным выражением лица он взял письмо:

— Ты еще чего-то от меня хочешь?

Да. Намного больше, но сейчас Моргана не осмелилась это озвучить. Неужели она упустила признаки того, как близок он к срыву? Или Себастьян научился это скрывать? Надо быть с ним очень-очень осторожной.

— Просто... доставь это письмо. И это. — Она перебрала разбросанные бумаги и выудила закрытый конверт с прядью волос и инструкцией по доставке. — Пора заставить мисс Мартин выполнить свои обязанности. Проследи, чтобы наш дружок оставил послание у

нее на кровати. Надеюсь, она приняла к сведению мои угрозы и сделала, как велено.

— Я не позволю тебе причинить боль этому ребенку.

— Я и не собиралась. — Моргана натянуто улыбнулась. — Убийство — на редкость грязное дело.

И бесповоротное. Можно уничтожить рычаги давления, но кто знает, вдруг они понадобятся снова? По этой же причине она родила Себастьяна.

— Мне надо лишь убедиться, что девчонка исчезнет без шума. Ее больше никто не увидит и не узнает, где она.

Себастьян положил оба конверта в карман камзола. Моргану нервировало, что он ничем не выдал своего согласия или несогласия.

— Тогда... сегодня днем ты свободен, — медленно процедила она. — Сделай что-то для себя, что тебе нравится, только не выдай нас. Выбери сам. Увидимся за ужином, вечером у нас дела. — Она склонила голову, заметив недоверчивый взгляд сына. Возможно, им удастся осторожно манипулировать. — Я могу быть доброй, Себастьян, сама бы так предпочла. Только перестань мне сопротивляться.

Он зажмурил красивые пустые глаза, обрамленные черными ресницами.

— Проблема в том, поверю ли я тебе?

Дрейк захлопнул книгу и поднял голову, глядя на юг. Воздух сгустился от чар, которых он прежде не видел. Они походили на яростную бурю. Часть ее вырвалась и ударилась о землю, словно молнии. Непредсказуемые и беспощадные, точно огромная приливная волна, что угрожающе замерла на горизонте. Дрейк никогда не сталкивался с таким колдовством. Обычно чары состояли из аккуратно связанных нитей. А эта сила хотела просто бить, атаковать, излиться в мир, словно извергающийся вулкан.

Вся кровь отхлынула от рук и ног к сердцу Верховного.

Вот черт!

Заметив его внезапную реакцию, Элинор Росс оторвалась от карты, над которой водила карманными часами:

— Какого дьявола произошло? — Она слишком хорошо знала Дрейка, чтобы прочитать сигналы лица и тела. — Что случилось?

— Кто-то пользуется экспрессией.

— Где? Ты можешь остановить это или выследить колдуна?

Он ощутил металлический привкус чар и закрыл глаза. Юг. Не слишком далеко, в пределах трех миль. Нужно было пересмотреть первоначальную оценку. Судя по всему, всплеск просто чудовищный по размаху. Ни один человек не может справиться с такой волной энергии.

С самой пропажи реликвии Дрейка мучила бессонница, но случившееся только что его ужаснуло. Найти этого колдуна — первостепенная задача. Пусть Ианта и Ретберн ищут артефакт, но если не вычислить того, кто выпустил столько силы на Вест-Энд, этот район перестанет существовать.

А то и сам Лондон канет в Лету.

*«Не все радуют об Ордене Рассветной звезды.
Пусть это и самая законопослушная группа чародеев в Империи,
но есть те, кто нарушил правила или был изгнан...
И разумеется, оккультные создания, которые вообще не были
людьми...»*

*Из «Размышлений о лондонском оккультизме» сэра
Джеффри Меллорса*

Ретберн провел Ианту по заполненному зеваками рынку Портобелло-роуд. Вокруг голосили уличные торговцы и слышались музыка и смех.

Со вздохом облегчения Ианта заметила искомое и вслед за спутником прошла в паб «Черная лошадь». Мгновение они постояли в полутьме, привыкая к скудному освещению. Присутствие Люсьена придавало уверенности. Он, словно защищая, обнял Ианту за талию и огляделся. Какие-то трое мужчин попивали эль и задумчиво сверлили взглядом столы. В «Черную лошадь» приходили вовсе не пообщаться. В оккультном мире паб считался нейтральным убежищем, и здешнюю атмосферу прямо пропитывало черное колдовство. В зале царила легкая зловещая аура, будто горькое затхлое пиво смешалось с воздухом из свежевыкопанной могилы.

Ианте тут определено не нравилось.

Бармен протирает грязную стойку, но застыл, увидев новых посетителей, и поджал губы. Ни слова не говоря, он сплюнул на пол и с вызовом вскинул подбородок.

Этот коротышка стоял за стойкой на табуретке и поглядывал на них через очки-полумесяцы. Ходили слухи, будто в его родне водились бесы. В любом случае, человеком в полной мере его не назвать. От бармена несло тeneвым измерением, возможно, потому что он давно интересовался теми слоями бытия, в которых никому не стоило копать. Чародейство Кокрейна было черным как сама ночь.

— Мистер Кокрейн, рад вас видеть, — вежливо поздоровался Люсьен.

— Я тоже, — ответил Магнус Кокрейн, затем отложил тряпку и оперся о стойку. — Я думал, ты в Бедламе.

— Верно, но меня решили выпустить.

— Даже не подозревал, что Верховный такой добренький.

Кокрейн снова сплюнул на пол. Из-под рукава показался широкий латунный браслет с горящими медными амулетами. Браслет привязывал коротышку к таверне, где тот не мог никому навредить. Кокрейн мастерски умел обходить законы Ордена, но слишком зарвался. Пошел против общественных интересов.

Он презрительно посмотрел на Ианту:

— А вот и кошечка Верховного пожаловала, теперь понимаю. Что-то ищете?

— Мистер Кокрейн, — поздоровалась Ианта, пытаясь не обращать внимания на его сальный взгляд в ее декольте. Все было прикрыто, но она вдруг почувствовала себя голой. — Я...

Люсьен схватил коротышку за галстук и прижал носом к следу от пивного бокала.

— Не груби, Кокрейн. Еще раз скажешь что-то вульгарное о мисс Мартин, и я прослежу, чтобы остаток своих дней ты ел с ложечки.

С милой улыбкой Люсьен выпустил хозяина паба, и тот отшатнулся, едва не свалившись с табуретки.

Вокруг стало тихо. Один из посетителей со скрипом отодвинул стул, будто собрался убежать.

Ианта медленно закрыла рот.

Она снова вспомнила, как Люсьен нежно пригладил ее волосы, спокойно расправил платье. Ианта тогда не знала, что и думать, а сейчас его поведение тем более ставило в тупик.

«Он меня защищает, вот и все».

Однако непохоже, чтобы новообретенный интерес к ее репутации зиждился только на данной клятве. Нет, Ианта заметила реакцию Ретберна, когда назвала себя теми же словами, коими — разумеется, за ее спиной — бросались орденские чародеи.

Они с Люсьеном словно... заключили перемирие. И Ианта не могла притворяться, что в глубине души не желает большего. Иногда он так на нее смотрел... Она много лет провела в одиночестве, пытаясь делать вид, что смысл ее жизни заключается лишь в обучении чародейству, но в тишине ночи в постели иногда желала чьего-то общества. Мужа, рядом с которым можно просыпаться. Семьи. Чтобы дочь, за взрослением которой Ианта наблюдала издали, сидела у нее на коленях. Ей хотелось ощутить сладкий аромат роз, что всегда исходил от волос Луизы...

Увы, ничему этому сбыться не суждено.

Их связь опасна и заставляет желать недозволенного. Под конец этого задания Ианта вновь останется в одиночестве, да еще и с разбитым сердцем. Надо думать лишь о дочери и больше ни о чем.

Магнус Кокрейн снова оценивающе ее оглядел, но не так похотливо.

— Понятно.

Судя по всему, он действительно сделал какие-то выводы, но не осмеливался высказать их вслух.

Зеваки с облегчением вздохнули, и Ианта расслабилась. Напади Кокрейн на Ретберна, ей пришлось бы его защищать. Ведь, несмотря на продемонстрированную вчера силу, вряд ли он мог постоять за себя сам.

— Так чего вы хотите? — спросил коротышка.

— Пройти в лабиринт Балтазара. Мы ищем мистера Элайджу Хорроуэя. Надо задать ему пару вопросов.

— Его тут нет, — бесстрастно ответил Кокрейн.

— Значит, с духом мистера Хорроуэя, — парировала Ианта. — И я знаю, что он в лабиринте, без сомнения, старается найти способ воскреснуть. Ну же, Кокрейн. Если ты слишком замешкаешься, мой спутник потеряет терпение. Поверь, тебе этого не захочется. Его сложно назвать утонченным человеком.

Кокрейн хмыкнул, соскочил с табуретки и исчез за стойкой. Ретберн изумленно посмотрел на Ианту. Она пожалала плечами.

Им была видна лишь лысая макушка бармена. Он проковылял вглубь помещения и позвонил в колокольчик. Красные бархатные занавеси разошлись, открывая огромное

железное колесо на стене, что напоминало дверь в банковский сейф, чем, собственно, когда-то и являлось.

Дверная панель приоткрылась на пару дюймов, и показалось холодное каменное лицо, похожее на маску или на скальную живопись.

— Да? — раздался резкий шепот, словно из свежераскопанной могилы.

— Господа желают пройти на постоянный двор. — Кокрейн указал на Ианту и Люсьена большим пальцем.

— Они заплатили?

— Еще нет.

Кокрейн махнул на небольшой каменный алтарь рядом с дверью.

Ианте стало не по себе. Из колоний до нее доходили слухи о проклятиях, которые можно наложить, используя волосы, ногти или кожу жертвы. Однако кровь есть кровь, а в лабиринте обитали приверженцы темных искусств.

Вытащив небольшой ритуальный кинжал, который обычно носили при себе чародеи, Ианта раскроила едва зарубцевавшуюся подушечку большого пальца и капнула кровью в серебряную чашу на алтаре.

— Клянусь не причинять вреда намеренно, позволяю чародеям лабиринта свободно проходить и прошу того же для себя.

На дне крови было на пару сантиментов, и едва капля ее собственной коснулась поверхности, как по спине прошел холодок магии. Клятва принята, и если Ианта вздумает ее нарушить, то пострадает. Она молча передала клинок Ретберну, и тот последовал ее примеру.

— Готово, — сказала Ианта Кокрейну, пряча кинжал в сумочку. — А теперь пропусти нас.

— С удовольствием. — Злобно и презрительно улыбнувшись, коротышка всем весом навалился на колесо. Оно с трудом сдвинулось, а потом пошло как по маслу, пока круглая дверца не открылась.

Тут же стало шумно. На улице высокая женщина в плаще с капюшоном спорила со сгорбленным стариком у его тележки с товарами. Ианта с Люсьеном словно оказались в другом мире, скрытом от обычных жителей Лондона. Вместо газовых фонарей темную копию рынков Портобелло освещали сальные свечи, с которых стекали крупные капли расплавленного воска. Тут скрывались десятки оккультных лавок, садов трав, аптек, лабораторий и музеев. А еще болтали, будто во дворе таверны в конце Главной улицы даже устраивают смертельные дуэли потехи ради.

— Добро пожаловать в лабиринт Балтазара, — махнул рукой Кокрейн.

Стражник с другой стороны медленно и тяжело отодвинулся. Ианта перепрыгнула порог, стараясь не выказывать беспокойства. Она не впервые оказалась в лабиринте, но всегда ощущала волнение. Здесь у нее не было защиты. Верховный не управлял тем, что творится в этом скользком лабиринте переулков, скрытых от глаз правосудия. Конечно, некоторые обитатели все еще опасались Дрейка и будут вести себя с ней осторожно, но другие пожелают отомстить Верховному. Уничтожение его посланницы сделает их великими среди тех, кто прозябает на задворках Ордена.

Страж медленно прикрыл за ними дверь и легко повернул колесо. Наполовину конструкт, он напоминал громадного каменного голема. На его лбу виднелся кровавый символ, а пустые глаза походили на серые колодцы.

Заперты. Если бы только Ианта не беспокоила так сильно. Но продемонстрировать это не стоит, иначе следящие за ними люди тут же бросятся на добычу, как стервятники.

— Пойдем поймем эту крысу Хорроуэя и выясним, что ему известно.

— Давай лучше я пойду первым, — шепнул Люсьен, поглядывая на уличный сброд.

Ианта взяла его за рукав:

— И что именно ты сделаешь? Благодаря Дрейку, я отлично управляюсь с заклинаниями. И тут меня мало чем можно удивить. Прикрой мне спину.

И шурша турнюр, она решительно зашагала по мостовой, будто королева.

«Чертовка», — пробурчал Люсьен и направился следом. То было единственное место в Лондоне, куда ему не хотелось приходить. Лабиринт — беспорядочные улочки, чей возраст насчитывал несколько сотен лет. Они напоминали город времен Шекспира. Покатые карнизы и крыши почти касались соседних домов. Небольшие витрины выходили на улицу, предлагая ассортимент товаров: лапки летучих мышей, зелья, всякие диковинки, редкие астрологические книги, гримуары, черные кулоны и украшения для защиты от проклятий... В каждой лавке таились темные чары, а владельцы незримо следили за ними из-за застекленных витрин.

Грязные окна наверху охраняли дома от непогоды и любопытных глаз. Узнай Парламент, что тут находится, половина бы закатила истерику. Много лет назад Орден принес присягу монархии и участвовал в нескольких войнах и колониальной экспансии, помогая Британии подмять под себя несколько стран. Королева и ее министры считали чародеев по меньшей мере своими союзниками. Военные герои и путешественники, по мнению обывателей, были слугами империи. Их считали салонными трюкачами, умеющими запускать красивые фейерверки. Не особо респектабельными, но очень забавными и смелыми.

Если бы до министров дошло, что из себя представляет колдовство с кровью, смертью и ядами, то отец Ианты смог бы наконец протолкнуть закон против чародеев. Это был один из зловещих лондонских секретов, место, полностью принадлежащее оккультизму, куда не дотягивались длинные руки Верховного. Тут царили свои правила и те, кто был готов их отстаивать.

— Сюда, — позвала Ианта через плечо и провела Люка по боковой улочке, которая казалась еще уже и темнее.

Из-за струйки пара, что вырвалась сквозь решетку между булыжниками, юбки Ианты чуть всколыхнулись. Несколько пареньков-торговцев следили за ней и Люсьеном и казались людьми, пока один из них не моргнул и полупрозрачное веко на мгновение не закрыло его глаз. Люк сжал пистолет на поясе и пристально посмотрел на тварей. Отродья преисподней или их потомство. Ианта поутру зачаровала для него пули, вырезав на них аккуратные маленькие руны силы, смерти и неуязвимости против колдовства. Теперь он не такой беспомощный, как вчера.

— Хорроуэй обычно сидит в «Гримдарк и Гастингс» — книжной лавке, которой заправляет его приятель Мариус Гастингс. Не верь ни одному из них и не поворачивайся к ним спиной.

— Серьезно? А я-то думал, что уже миновал пору ученичества. — Люсьен вслед за

Иантой обошел непонятную лужу — чернильная жижа на мощеной улице издала странный всплеск, и в темных глубинах что-то зашевелилось. — Я уже приходил сюда.

— Правда?

— Где еще, по-твоему, я мог купить книгу с заклинанием для вызова демона или подобрать предметы для ритуала?

— Тогда ты был... другим.

То есть, сильнее.

Люсьен не успел ответить, так как увидел знак «Площадь Осириса». Совсем недалеко расположилась искомая книжная лавка.

Ианта застыла на пороге, словно желая войти с большей помпой, и сурово оглядела присутствующую пару.

— Элайджа Хорроуэй, прошу на пару слов.

У прилавка стоял мужчина: потрепанный цилиндр отбрасывал тень на лицо, воротник пальто поднят. Само же пальто было покрыто пылью и изрешечено ударами кинжала. На руках красовались пестрые перчатки без пальцев. Он не пошевелился, увлеченный книгой.

Однако его приятель, мистер Гастингс, отошел к стене, вскинув руки в знак поражения.

— Мисс М-мартин, — пролепетал он. Свет отразился от его очков-полумесяцев. Сквозь зачесанные на одну сторону волнистые рыжие волосы проглядывала ранняя лысина на затылке. — Какая приятная неожиданность.

Он беспомощно посмотрел на Хорроуэя, который выпрямился и сунул что-то обратно в пальто.

— Чо надо? — сухим замогильным голосом процедил Хорроуэй, положив руки на прилавок и склонив голову набок.

Люсьен все никак не мог рассмотреть его черты, да и вряд ли хотел бы. Однако спокойно прошел в зал, не убирая ладоней с ремня. С Хорроуэя станется нарушить гостевую клятву. Хотя, возможно, в его случае ритуал не работал. Все-таки в этом теле не осталось крови.

— Гастингс, прочь отсюда.

— Д-да, мэм. — Мариус Гастингс бросился к двери и исчез.

Ианта не спеша сняла перчатки, разглядывая комнату. Люсьен заподозрил, что она питает слабость к некоторой театральности.

— Я за информацией, Хорроуэй.

— Правда? — Некромант сухо усмехнулся, вытащил из кармана фляжку и плеснул содержимое в бокал. Без сомнения, его же эликсир. — Бесстыжая девка... С чего ты взяла, будто я тебе помогу? Что ты мне предложишь? Перепихнуться в переулке?

Хорроуэй заглотнул свое пойло — особый напиток, который привязал его дух к позаимствованной плоти. Во всяком случае, так говорили.

— Не грубите, мистер Хорроуэй. Полагаю, вежливость — то небольшое, что еще поможет вам хоть сколько-то сохранить нынешнюю оболочку.

Хорроуэй искоса прищурился, Люсьен приблизился на шаг.

Некромант медленно повернулся и оперся локтями о прилавок. Его лицо было словно из страшилок — или из могилы: рябое и вялое. Мертвенно-бледные губы не слушались, придавая человеку вид хватающей воздух вспоротой рыбы. Только он совсем не дышал. На скрытой в грязном сюртуке латунной цепочке висели песочные часы. Когда песок заканчивался, — по слухам, ежемесячно, — Хорроуэю приходилось искать тело посвежее.

— Похоже, эта изрядно поизносилась, — заметила Ианта.

— Угрожаешь? Ты здорово ошиблась, явившись в мою вотчину. На мя право гостя не действует, в отличие от вас.

— Гостевая клятва запрещает мне тебя калечить, — мило ответила Ианта.

Энергия скользнула в нее, точно шелк по песку. Щеки разругались, она практически засветилась. А затем, пробормотав заклинание, взмахнула рукой, и Хорроуэй перелетел через прилавок и ударился о стену, дрожа и зависнув в паре сантиметров от пола.

— Однако я имею право тебя задержать. Интересно, сколько это дурно пахнущее тело протянет? Что случится потом, если ты вылетишь из него или не примешь эликсир вовремя? Заклинание задержания не приносит прямого вреда, ведь правда?

— Проклятая ковент-гарденская шляха.

— Довольно, — пригрозил Люсьен, сложив руки на груди и разглядывая этого... типа. — Еще раз так выразишься, и я избыю тебя до крови. Рассказывай мисс Мартин то, что она хочет знать, и мы уйдем, а ты можешь продолжать гнить дальше.

Хорроуэй злобно на него зыркнул:

— Чего хотите?

— Правду. Как давно Моргана вернулась в Англию? — начала Ианта, бесстрашно шагнув ближе.

Хорошо, что она не спросила, в стране ли Моргана вообще: так Хорроуэй не догадается, сколько им известно.

— Не знаю, — ответил он, облизывая губы сухим потрескавшимся языком. — Не видел ее с того самого развода.

— Ой, да брось, Хорроуэй. Я не идиотка. Когда-то вы были не разлей вода... Вроде даже были помолвлены до ее обручения с Верховным. Ты ходил за ней как привязанный, пока Моргана не бросила тебя ради Дрейка. А еще поговаривают, что именно ты помог ей сбежать из страны, когда Дрейк и Совет Ордена назначили цену за ее голову. Она с тобой связывалась?

— Зачем? — презрительно протянул Хорроуэй.

— Не знаю. — Ианта пожалала плечами, а ее глаза странно блеснули. — Может, ей нужно было убежище? Или информация о... неких реликвиях.

— Ничего не знаю ни о каких реликвиях.

— Интересно, что из всех заданных мною вопросов ты ответил именно на этот.

Именно такой Ианта предстала перед Люком год назад в отеле «Гросвенор», когда явилась его арестовать. Искусной, коварной, умной и уверенной в собственной мощи... Только в своих покоях она выказывала уязвимость. Опасная смесь. С одной стороны его восхищала ее сила воли, а с другой — будоражила мысль, что Ианта обратилась к нему за утешением. Люсьену хотелось выяснить все ее тайны, понять, почему иногда у нее такой грустный взгляд, когда она отрешенно выглядывает в окно...

— Не знаю, где Моргана, не знаю, чего она хочет, не знаю...

— Но ты не отрицаешь, что она в Англии.

Хорроуэй замолчал, а потом оскалился:

— Клятая стерва, ты не знала!

На губах Ианта заиграла легкая улыбка. Она медленно, шурша юбками, прошла перед Хорроуэем, словно ученый, задумавшийся над проблемой.

— Она вернулась в Англию, в Лондон, но не пришла к тебе за помощью. О, как тяжело

падать с небес на землю. Бедный Элайджа. Ты был так ей предан, надеялся, что когда-нибудь она к тебе вернется... Однако теперь, когда ты такой, надежды нет. Моргана не захочет неполноценного мужчину. Нет, к кому же еще она бы обратилась? — Ианта постучала пальцем по губам. — У нее никогда не было союзниц, только союзники. Хотя, скорее марионетки. И кто же из них жив и пляшет под ее дудку? Ну разумеется, Тремейн, но они расстались не в лучших отношениях, когда Моргана вместе с Дрейком украли у него реликвии преисподней. Тремейн долго с ней возиться не будет. Есть Роджер Мэддесли, но какой от него прок? Честер Хеммингфилд амбициозный мужчина и недолюбливает Верховного... — Ианта обратилась к Хорроуэю: — Кто из них?

— Пыжься сколько влезет, выживай сведения, я не собираюсь идти у тебя на поводу.

Люсьен вытащил из пальто карманные часы:

— Сколько у него осталось?

Обернув руку платком для защиты, Ианта достала цепочку из-под рубашки Хорроуэя.

— Хм, трудно сказать. Несколько дней от силы.

У них не было столько времени...

— Давай отвезем его к тебе домой и запрем в подвале, подальше от свежих тел?

— Гм.

— Да пошли вы! — рявкнул Хорроуэй, дергаясь в незримых путах на стене.

— Тремейн, Мэддесли или Хеммингфилд? Кто ей помогает? — потребовал ответа Люсьен.

— Откуда, черт побери, мне знать? — огрызнулся Хорроуэй. — Разве похоже, что я слежу за ее поклонниками? Может, вам расширить список? Много чародеев устало от гнета Верховного.

— Он лжет, — уверенно заметил Люсьен. Ему было намного сложнее читать слабые блики на лице Хорроуэя, чем радужные переливы у Ианты. Но он знал, что не ошибся. — Только что солгал.

На Люсьена уставилось две пары глаз. Затем Ианта вскинула бровь и перевела взгляд на Хорроуэя:

— Значит, кто-то из списка.

— Да пошла т...

Она выкрикнула одно из ритуальных слов и стиснула кулаки. Хорроуэй ахнул, а его фляжка вылетела из кармана прямо к Ианте. Та сняла колпачок и наклонила сосуд, грозя вылить содержимое на пол.

— Я уже предупреждала тебя об оскорблениях, и сейчас лучше не испытывай мое терпение. Моргана кое-что у меня ukrала, и я хочу это вернуть. — Зеленая струйка пролилась и зашипела, будто прожигая деревянные половицы. — Я уже на грани. Скажи правду, и я оставлю тебя гнить тут. Мне правда совершенно наплевать, что с тобой будет.

— Не смей... — Хорроуэй корчился от ярости, наблюдая, как Ианта выливает еще драгоценного эликсира на пол. — Сучка! Проклятая сучка! Ладно. Я знаю, где она. В отеле «Виндзор». С любовником. — Он ухмыльнулся и сплюнул. — И попробуйте пройти мимо него!

— С любовником? — Ианта прищурилась.

— Красивый щеголь, которого она таскает за собой. Он носит колдовскую личину, что-то вроде маски, но силен. Сильнее, чем ты и твой драгоценный Верховный! И вообще такого я еще не встречал.

— Значит, ты ее видел. — Еще одна зеленая капелька упала на пол. — Но не водишься с ней?

Хорроуэй потерянно отвел подернутые пленкой глаза. Несмотря на всю отвратительность этого мужчины, Люсьен ощутил укол сострадания. Теперь, когда Хорроуэй больше не мог доставить удовольствие той, кого, по слухам, когда-то любил, его отбросили, как использованную игрушку.

Однако он почти чудовище, и об этом нельзя забывать. Иногда некромант брал тела вовсе не из могил.

— Она тебя больше не хочет? — спросил Люсьен, приказав себе не размякать. — Что она у тебя попросила?

— Тебе ли не знать?

Люсьен помедлил.

— Что ты имеешь в виду?

— Дневник твоего отца-лорда. — Хорроуэй сплюнул. — Он нужен Моргане, я без понятия зачем. И мне плевать.

— Лорда Ретберна? — Мозг Люсьена заработал на всю катушку. Он и не подозревал, что его «отец» связан с Морганой. — Ты его достал?

— Не нашел проклятую книжку. Это правда, — прибавил Хорроуэй, заметив, как они переглянулись.

— Не уверена, что ты вообще знаешь такое слово, — пробормотала Ианта.

— Катись в ад. Я никакой дневник в глаза не видел.

— Если скажешь, кто стал союзником Морганы, мы уйдем, оставим тебя в покое и займемся им.

— Ага, удачи. — Хорроуэй горько и саркастично усмехнулся. — Я многого не знаю, но не глупец. — Он с ненавистью уставился на них. — Он ей не друг, но намерения у них одни — убрать Верховного.

— Кто?

— Тремейн. — Хорроуэй презрительно ухмыльнулся. — Кто еще хочет вернуть реликвии и покончить с Верховным так же сильно, как Моргана?

Из лабиринта Люсьен и Ианта вышли беспрепятственно.

— Напомни мне никогда тебя не злить, — заметил Люк, взяв ее под руку. — Ты совершенно безжалостна.

Ианта снова о чем-то задумалась, но при этих словах погрузилась.

— На самом деле я вовсе не такая, — произнесла она так тихо, что он бы не услышал, если бы не прислушивался. — Но иногда нас вынуждают перейти грань. Сейчас меня мало что остановит...

— Ради возвращения реликвии? — спросил Люсьен, помогая ей сесть в экипаж, в котором они сюда приехали.

— Да, ради нее, — прошептала Ианта.

И во второй раз за день ему солгали. Люк окинул ее внимательным взглядом.

— А как насчет дневника твоего отца? — спросила Ианта, явно пытаясь сменить тему.

— Черт, даже не знаю. Лорд Ретберн, по-моему, никогда бы не опустился до того, чтобы вести дела с подобными людьми.

— Он заставил тебя вызвать демона. Ты спрашивал его зачем?

Эту тему Люсьен предпочел бы никогда не затрагивать. Капли пота выступили на шее.

— Вероятно, потому что желал уничтожить Дрейка. Если бы тварь убила Верховного... — Он запнулся.

Совет легко вычислил бы призвавшего демона колдуна, а, соответственно, через него и самого лорда Ретберна. Бессмыслица.

— Почему ты?

Люсьен нахмурился:

— Не знаю.

— А ты читал его дневник?

— Нет. — Он посмотрел на Ианту. — Но я знаю, где он его прятал.

«Иногда видения будущего — дар, иногда — нет».

Леди Ретберн

Мисс Клео Синклер, дочь графа Тремейна, ощутила на себе чей-то взгляд.

По спине побежали мурашки. Незвестный вел себя тихо, не желая, чтобы она его услышала. Какая досада. Клео бы испугалась, но была вполне уверена, что сегодня ее не украдут и не убьют.

О, она проснулась с ощущением, что сегодня что-то произойдет. От предчувствия время от времени покалывало кожу, а на горизонте будто маячило нечто огромное, но Клео точно знала: оно ей не опасно. Такие предчувствия всегда обрушивались на нее, выталкивая из монотонности бытия в поток предсказания, независимо от желаний самой Клео.

Неужели именно этого она ожидала весь день?

Не опасность, а нечто иное? Вряд ли. Ничего с ней не происходило, во всяком случае, ничего особенного. Она была курицей, несущей для отца золотые яйца. Ценнее литой статуи Будды. Изю дня в день Клео прозябала в особняке Тремейнов, пока ее не звали, чтобы дать очередное предсказание отцу или какому-то лорду или леди, выложивших за это целое состояние.

До розовой арки в отцовских садах оставалось четыре шага. Клео молча считала их, слушая шорох гравия под ногами.

Затем она почувствовала аромат духов — смесь лавровишневой воды, бергамота, капельки розового дерева и лимона. Значит, джентльмен. И небедный, потому что эта особая смесь исходила лишь от самых богатых приятелей отца. Тех, кто разговаривал с итонским акцентом и даже смеялся как-то по-особенному.

Клео подняла голову, и кончики повязки мазнули по шее. Она остановилась подле увитой розами решетки, закусил губу, а затем решилась.

— Вы меня преследуете, сэр?

Незнакомец изумленно промолчал. Он не ожидал, что она его заметит.

— Если, конечно, вы тут не случайно и просто хотели покормить уток в закрытом саду моего отца? — Клео повернулась, задев корзинкой юбки. Она ощущала аромат духов, но больше ничего. — А теперь вы заставляете меня чувствовать себя глупо, так как я знаю, что вы здесь. — Она коснулась повязки. Надо добавить немного тайны и театральности. — Вы не можете подкрасться к Кассандре, понимаете?

— Прошу прощения, я не хотел вас беспокоить, — произнес низкий голос.

Не старый, хотя и старше Клео. С легким французским акцентом. Незванный гость словно ощущал себя не в своей тарелке и не знал, что сказать.

— Не сомневаюсь. Вы так тихо за мной крались.

Повисло неловкое молчание.

— Прошу прощения.

— За то, что я вас поймала, или за то, что следили за мной?

Клео давно поняла, что на прямые вопросы люди отвечают правдиво, да и по их

реакции можно кое-что выяснить.

— Я не знал, что вы предсказательница, — печально ответил он, словно если бы знал, то и близко бы не подошел.

— Я не просто предсказательница, а самая сильная, во всяком случае, пока.

— А они все должны носить повязку на глазах? Я считал... — Мужчина замолчал, осознав, что забыл о вежливости, хотя сама Клео сочла его любопытство почти безвредным.

— Она помогает мне четче видеть. Отец надел на меня повязку, когда мне исполнилось пять. У меня было видение, что если я когда-либо снова увижу мир, то потеряю дар.

И поэтому Клео так никогда и не осмелилась снять повязку. Отца волновал лишь ее талант. Она не хотела терять его внимание.

— И вы ничего с тех пор не видели?

— Ах, многое, часто неприятное, иногда весьма занимательное. Что бы я увидела глазами, помимо травы и деревьев? А вот в повязке я вижу многое, иногда весь мир. — Клео не дала гостю времени прийти в себя и протянула руку. — Вы со мной не погуляете? Проводите слепую бедняжку до воды?

— Уверен, вы и без меня прекрасно справлялись. — Судя по тихому шуршанию одежды, он сцепил руки за спиной.

Клео склонила голову набок:

— Вам не нравится прикасаться к людям?

— Вовсе нет. Только вот, думается мне, касаться той, что видит весь мир, небезопасно. Вдруг вы узнаете все мои секреты?

Клео улыбнулась. Прикосновение часто позволяло ей узнать человека, иногда даже вызывало пророческое видение. О да, гость очень интересный.

— А у вас разве есть секреты?

— У всех они есть, — мрачно ответил он.

— Ну что ж, вы бросили мне вызов.

Незнакомец отступил, но Клео и не подумала хватать его за руку.

— О, не глумитесь, это было бы слишком просто. — Она проказливо ухмыльнулась.

Клео не хотела всего лишь узнать тайны этого мужчины, она собиралась их отыскать. Какой интерес в легко полученной информации, да и нет гарантии, что от одного прикосновения она впадет в транс. Для этого требовались долгие часы медитации. В противном случае предсказания случались помимо ее воли.

— Это меня и беспокоит, — прошептал незнакомец.

— Вы останетесь? У меня нечасто бывают гости, и ни одному из них я не интересна.

— Почему вы думаете, что я другой?

Клео взмахнула корзинкой. Ей не хотелось сообщать ему правду, но и терять собеседника тоже не улыбалось.

— Со мной редко заговаривают и задают вопросы лишь о себе. А на мои почти никогда не отвечают. К тому же, подозреваю, вам интересна я сама, а не то, что я способна дать.

Повисло натянутое молчание.

— Я останусь, — наконец сказал он, судя по ощущениям, не сводя с нее глаз, и сердце Клео екнуло.

— Так как вас зовут? Можно мне это узнать? — спросила она, снова повернувшись к пруду.

Незнакомец был прав, она не нуждалась в его помощи: за шестнадцать лет прогулок

вслепую Клео запомнила все дорожки.

После некоторого колебания, он произнес:

— Себастьян.

Себастьян. Она мысленно проговорила его имя. Красивое. Такого ей прежде слышать не приходилось, по крайней мере, в связи с отцом.

— Меня зовут Клео.

— Я знаю.

Как необычно. Клео считала, что ее существование держится в строгой тайне, если не считать некоторых посвященных, но уверенность в голосе гостя вызвала подозрения. Себастьян знал, кто она, и специально пришел в сад. Их встреча не случайна.

Он явно заинтересовался ею, а не ее отцом.

«Верно». Предчувствие накатило на нее, обжигая огнем.

Клео замаскировала вскрик покашливанием.

— И что вы тут делаете? Шпионите?

— Шпионю? — с удивлением переспросил он. — Я не шпионю. Меня прислали сюда доставить сообщение.

— Ах да.

Она слышала шум в прихожей и холодный мужской голос, который произвел впечатление на ее отца. Совсем не похожий на этого тихого осторожного незнакомца, которому по душе тишина. Чрезвычайно занимательное происшествие, потому что графа Тремейна нечасто получалось урезонить. Он бравировал своим гневом, словно плащом, и обычно его описывали как напыщенного задиру, громкоголосого и надменного... список заканчивался словом «тиран». Но что-то в этом госте заставило графа осторожничать.

— Вы доставили послание больше часа назад. Неужели отец позволяет посыльным оставаться на его земле?

Ответа она не получила.

— Кошка язык проглотила?

— Вы всегда такая... откровенная? Будьте поосторожнее с незнакомыми.

Он не угрожал, скорее, недоумевал.

— Со мной сегодня ничего не случится, иначе бы я почувствовала. — Клео указала на повязку. — Я не всегда вижу будущее в подробностях, но катастрофы и несчастья обязательно. Увы, громких скандалов мне не светит.

— Скандалов?

— Вы посоветовали мне быть осторожнее. Как в тех случаях, когда дерзкий молодой незнакомец верхом на коне похищает юную деву, дабы потом ею овладеть, или вы о чем-то другом?

— Вам читают эти газетные истории с продолжением?

— Моя компаньонка, — весело отозвалась Клео. — Ей особо по вкусу беспутные герцоги. Ну или на худой конец графы. — Не получив ответа, она склонила голову в сторону Себастьяна. — О, простите, я вас шокировала?

— Я... просто не знал, что сказать, ведь я не герцог и не граф, — с легкой смешинкой пояснил он.

— Я вас не виню. В конце концов, вы чистый Адонис. А за такое, похоже, все прощательно.

Судя по шуршанию камзола, гость резко повернулся:

— Откуда вы?..

— От вас все горничные в восторге. Даже кухарка упомянула ваши прекрасные глаза, а обычно она отзывается о мужчинах лишь как о никчемной обузе. Моей компаньонке больше понравились ваши бедра, хотя я не стану повторять ее мнение. Миссис Пендлебери следовало бы устыдиться своих слов. Она бы так и сделала, если бы знала, что я подслушиваю. В особняке Тремейнов подобного вам еще не было, а судя по тому, сколько посетителей приходит узнать будущее, это в самом деле незаурядное событие. — Клео склонила голову. — Вы снова молчите.

— Вообще-то, я размышлял, нет ли здесь норы, в которую можно забиться и спрятаться. Вы... я вас совершенно не такой представлял, — протянул Себастьян.

— Ожидали увидеть слепую бедняжку, сидящую на чердаке, чтобы ее не жалели? — невольно съязвила Клео.

Под ногами перестал хрустеть гравий, и она машинально повернулась, возвращаясь на тропинку. До беседки и озера еще шагов тридцать.

— Нет, я...

— И с чего вам вообще меня представлять? — продолжала она, выискивая правду. — Вы же пришли к отцу. Так почему же думали обо мне? Люди в основном не обращают на меня внимания. Кажется, отцу это по нраву. — Голос охрип. — Таким образом я остаюсь его скрытой в саду маленькой тайной.

Клео слышала кряканье уток, жужжание насекомых и крики одного из садовников во фруктовом саду в миле отсюда.

— Ну раз уж нам суждено пожениться, я попытался представить себе, какая же вы.

Клео уронила корзинку.

— Что?

Наверное, она ослышалась. Неужели? И с чего это вдруг дар не предупредил, что в будущем ее ждет красивый молчаливый незнакомец, источающий опасность?

Затрещал гравий. Себастьян поднял корзинку с ее содержимым и присел у ног Клео. Она не пошевелилась. Даже не знала, что и думать и ощущать. Может, разозлиться? Как смеет отец так с ней поступать? Он даже не упомянул... Ни словечка... Хоть бы представил их друг другу.

Она не знает этого Себастьяна. А теперь он будет ею владеть и принимать за нее решения. И, о господи, она не подумала сразу, но ведь Себастьян захочет иметь от нее наследников.

Миссис Пендлбери что-то говорила о его бедрах. Клео тогда не поняла, а теперь ей предстояло точно узнать, что имела в виду компаньонка.

Сногсшибательная новость...

— Простите. Мать сказала, что специальное разрешение готово, вот я и подумал, что отец уже сказал вам о свадьбе, а вы, оказывается, понятия не имели. — Себастьян встал на колени у ее ног, и Клео ощутила его взгляд на своем лице.

Судя по всему, ее щеки собирались в яркости поспорить с закатным солнцем.

— Я... я...

— У вас нет слов. Надо же.

Клео закрыла рот. Предчувствие пропало. Кожу больше не покалывало.

— Я хотел на вас посмотреть. Сколько вам лет?

И тут ее прорвало.

— И вы не спросили? Что это вообще за брак?

— Мне... не дали выбора. Я узнал об этом лишь несколько часов назад, когда мать послала меня доставить письмо с согласием. Я забыл спросить о вас. Слишком разозлился, потому что свадьба назначена на завтра.

— На завтра? Но... когда... я не...

Дар речи снова пропал. Неужели отец собирался сообщить ей новость непосредственно в день свадьбы и ожидал, что Клео с удовольствием наденет свадебное платье и выйдет за незнакомца?

Нет слов, совершенно нет слов. Но отец еще выслушает ее мнение, о да. Глубоко вздохнув, Клео потеряла виски. Они с Себастьяном не виноваты. А еще он задал вопрос.

— Мне двадцать один. Я прожила в особняке Тремейнов всю жизнь, поэтому многого не знаю. Без сомнения.

В некотором смысле. А в другом — она достаточно насмотрелась на всевозможные несчастья, кровь, разорванные тела, изменения погоды, колдовство, злобу... видения, от которых Клео просыпалась по ночам и не знала покоя.

Самой страшное появлялось вновь и вновь: гибель Лондона, как она его именовала. Огромная туча возникала на горизонте в сопровождении молний. Только, может, это и не молнии. Клео видела столько ужасного, однако эта простая туча оказалась самой пугающей из всех ее предсказаний. В ней было столько... пустоты, боли. Сердце болело, и возникало желание убежать прочь без оглядки.

Клео отбросила эту мысль. Если бы она о таком задумывалась, то проплакала бы большую часть жизни. Несчастья случаются. Если она позволит себе копаться в них, то просто сойдет с ума, а так не годится.

— Ну что ж, вы меня успокоили, — сказал Себастьян, встав и вернув ей корзинку.

— Что меня держали здесь взаперти?

— Что вы не дитя.

Без сомнения, Себастьян говорил о ее фигуре. Так как повязка скрывала большую часть лица, угадать возраст Клео не представлялось возможным, а тело было не особо развитым. К тому же отцу нравилось наряжать ее в пышные наряды из белых кружев. Тремейну явно нравился образ чистой, непорочной предсказательницы, какой Клео и представляли некоторые гости. Если бы единороги существовали, он бы посадил одного из них на цепь на лужайке.

— Значит... вы не спросили о моем возрасте, — проговорила Клео. — Да и вообще не особо обо мне не расспрашивали. Не интересовались, красива ли я?

— Не интересовался.

Такой ответ можно было истолковать двумя способами: либо ему плевать, либо это не имело никакого значения, потому что ситуацию уже не изменить. Вероятно, и то, и другое.

— Я же говорил, что разозлился. Думал, что мне не оставили выбора и придется жениться на незнакомке. — Себастьян медленно выдохнул. — И я знал вашего отца. Особо... ни на что не надеялся.

— Вы ожидали громадного тролля с большим носом, густыми черными бровями и пронзительными, слегка косящими глазами?

— Вы уверены, что ничего не видите? Описание весьма похоже на вашего отца.

— Я знаю его лицо. Только его и помню, — призналась Клео.

— Ваш отец частенько весьма неприятен. Я не представлял, что у него может быть...

такая дочь, — протянул он.

— О чем это вы?

— Вы совершенно не похожи на отца.

Клео снова не спеша двинулась дальше. Себастьян, ее жених, присоединился к ней. Как странно думать о нем, как о женихе. Все казалось таким нереальным.

— Вы считаете, что я красива? — спросила она, повернув к нему голову.

Повисло напряженное молчание. Ей начинали нравиться его красноречивые паузы.

— Вы... в своем роде очаровательны.

Клео расхохоталась.

— Кажется, вы никогда не ухаживали за девушкой.

— Нет. От меня не требовали ухаживаний, — немного холодно и тускло ответил Себастьян. — Я мог бы сказать, что вы прекраснейшее создание на свете, но это ничего бы не значило. Я уже встречал красавиц прежде и считал их самыми уродливыми чудовищами в мире.

Как странно он выражается — «не требовали ухаживаний»...

По коже пробежал холодок.

— Простите.

— За что вы извиняетесь? — спросил он уже не так мрачно.

— У вас грустный голос, а мне не нравится, когда окружающие грустят. В мире и так достаточно печали.

— Мне не грустно, мисс Синклер, я зол, — прошептал он. — Очень зол, и это меня пугает. Иногда мне кажется, что ярость поглотит меня заживо.

Платье Клео зашуршало по траве.

— Вам не нужно себя бояться, Бастьен.

— Бастьен?

Она спрятала улыбку.

— Мне нравится такое сокращение. Давайте отбросим формальности. Я знаю, что спешу, ведь мы только познакомились, но отец все равно отдает меня за вас замуж. И вы милый, я могу вам доверять.

— Мисс Синклер...

— Нет-нет, я уверена. — Клео намеренно коснулась его руки, весело помахивая корзинкой.

— Но вы меня совсем не знаете. Я совершил... многое, чего бы стоило стыдиться. На самом деле, мне совершенно нечем гордиться.

Она замешкалась. Бастьен, судя по ее способностям, совершенно нормальный. Клео прежде не ошибалась.

— А вы намеренно совершили те поступки?

— Нет.

— Тогда зачем вы их совершили?

— Мисс Синклер, не...

— Я никому не скажу, я умею хранить секреты.

Пару минут они шли в молчании.

— Моя мать Моргана — чародейка. Много лет назад ее обидели, и она поклялась отомстить всем виновным. Я... я...

— Она заставляет вас совершать жестокие поступки? Почему вы не отказались?

— Не могу. Выбора нет. — Его тон помрачнел. — Когда она чего-то хочет, то ее почти ничего не остановит. Она находит способ заставить человека.

Клео все равно не очень понимала.

— Она угрожает вашим близким?

Бастьен горько усмехнулся.

— Иногда. На мое двенадцатилетие она дала мне Рабский Ошейник. Предложила надеть его, уверяя, что это замечательный подарок. И я послушался.

Клео резко втянула воздух. Она лишь слышала о подобном ошейнике, что причиняет носителю невероятную боль и отдает его во власть обладателю парного кольца. Ее затошнило. Двенадцать... Всего в двенадцать лет. Мальчика предала собственная мать. Клео не знала, что сказать.

— Но это запрещено.

— Вы не знаете мою мать, она опасается моих способностей. — Бастьен снова усмехнулся. Звук был полон ненависти и жажды крови. Клео стало не по себе. — И не напрасно. Как только представится возможность, всего одна, я прикончу ее на месте. И кто я после этого? Вы по-прежнему считаете меня хорошим? — Мрачность его голоса едва не вызвала пророческий транс. — Лучше бы нам вообще не знакомиться.

— Возможно.

Клео задумалась. Она никак не могла воспринять Себастьяна в качестве злодея. Клео встречалась со злодеями прежде, они причиняли ей боль и требовали видений. И с теми, у кого руки в крови, встречалась. Он совершенно на них не походил. И у нее возникло легкое предчувствие, что Себастьян находится на краю пропасти. Один шаг в неверном направлении, и он упадет во тьму и тени и никогда не выберется. Но если отступит на шаг, его можно спасти. А если можно, Клео поклялась себе от всего сердца, что обязательно спасет новоиспеченного жениха.

— А если бы был выбор, вы бы совершили те поступки?

— Нет.

— Значит, не вам отвечать за свои действия, — просто сказала она. — Если у вас не было выбора, вина лежит на вашей матери. Вы не должны казнить себя за ее проступки. Вы инструмент в ее руках, Бастьен. Я... я понимаю, каково это. Мой отец использовал много моих видений себе на пользу, и я знаю: кое-какие пророчества воплотились лишь потому, что я ему о них сказала. Но по правде, я не могу остановить предсказания. Они накатывают на меня, независимо от попыток отгородиться. А отец сам решает, как распорядиться полученной информацией. Я тут ни при чем. И не стану брать на себя эти проблемы.

— Я даже не знаю, зачем вам это все выложил. — Себастьян вздохнул. — Ни разу никому не говорил о том, что она со мной делает. Вы не только красивы, мисс Синклер, — признался он с легким беспокойством. — Я начинаю думать, что вы опаснее своего отца.

— Ну вот, вы начинаете осваиваться. — Клео снова покраснела. — Девушкам нравится, когда молодые красавцы считают их опасными. Можно задать вопрос?

— Не уверен, что смогу вас остановить.

— Ну, этот вопрос... несколько откровеннее обычного.

— Боже милостивый, я уже боюсь.

Она рассмеялась:

— Прекратите, я серьезно.

И приняла его молчание за знак согласия.

Клео вздохнула, стараясь успокоиться. Сердце стучало в ушах.

— Вы хотите жениться на мне?

После долгого молчания Себастьян ответил:

— Нет.

Клео резко втянула воздух.

— Ну и я не хочу выходить замуж. Мы только познакомились, а я уже нахожу вас... мрачным. Вам следует больше улыбаться. — С этими словами она пошла вперед, ища в корзинке бумажный пакетик с крошками. Еще три шага.

Себастьян медленно двинулся следом. Он снова смотрел на нее.

— У меня мало поводов улыбаться.

— У меня тоже, — ответила Клео, бросив горсть крошек. Утки, крякая, кинулись к лакомству со всех сторон, задевая ее юбки перьями. — Я слепа. Меня закрыли в этом поместье, словно Рапунцель в башне. Я каждый день предсказываю ужасные события и иногда просыпаюсь с криками, потому что даже во сне не могу избавиться от видений. — Она склонила к нему голову. — У меня нет причин улыбаться, но это мне не мешает. Я нахожу повод радоваться. Например, покормить уток. Нельзя грустить, когда стая уток насмерть сражается ради кусочка черствого хлеба. Слышите?

Громкое кряканье определенно поражало.

— Что именно?

— Их боевой клич, — пояснила Клео, смягчаясь. — Я даже раздала им имена. — Вот тут... — она указала налево, — сэр Гагачий пух. Он всегда особенно агрессивен. И сейчас нападает на лорда Перьевой зад. Они вроде Монтеки и Капулетти. У них целая история взаимоотношений.

— По-моему, вы правы. — Себастьян чуть отвернулся, отчего слова стали менее разборчивы. — Тут явно намечается предумышленное убийство.

— Отлично. Очень мило. Вы явно прочувствовали ситуацию.

Он снова замолчал, и по коже Клео побежали мурашки.

— О чем вы думаете? Ненавижу, когда люди молчат. Я их не вижу, поэтому некрасиво с их стороны не рассказать мне о своих мыслях.

— Я думал о том, что на самом деле улыбаюсь. И что вы очень странная девушка.

— Это оскорбление, сэр? — спросила она с дразнящей улыбкой. — Имейте в виду, меня окружают рыцари. Будет жаль, если им придется защищать мою честь. Они поклоняются мне, я их леди Крошек. Они могут заклевать вас до смерти или по меньшей мере испортить вам обувь.

— Уверен, последнее уже произошло. Вам повезло, что вы не видите, где мы стоим.

Да уж, запах тут характерный.

— Вот спасибо. Теперь я переживаю, куда ступить.

— А куда вы хотите пойти? — спросил Себастьян, приблизившись.

Клео вздрогнула.

— Вы так тихо двигаетесь, сэр. В беседку. Мне хотелось бы посидеть на солнышке и насладиться теплом. Лето — мое любимое время года.

Он кашлянул:

— Вы... вы не возражаете?

— Против чего?

Он потянул за край корзинки, вынуждая Клео шагнуть вперед. Она выронила крошки и

ухватилась за ручку корзинки обеими руками. Утки ринуться в бой, а Себастьян отвел Клео в безопасное место.

— Нет, не возражаю, — признала она честно и очень тихо.

— Я не должен был так говорить.

— Вы о чем? — Сердце забилося чуть быстрее.

— Что не хочу на вас жениться.

Клео не знала, что ответить, но попыталась:

— Почему?

— Есть вещи и похуже...

— Готова поспорить, что леди в восторге от вашего красноречия.

Себастьян снова задумался и замолчал.

— Я и это не имел в виду.

— Вы имеете в виду, что не собирались жениться, и вам не нравится ситуация. Но после встречи со мной вы считаете себя везунчиком и едва сдерживаетесь, чтобы не овладеть мной прямо тут. Разумеется, это было бы не по-джентльменски, поэтому вы держите себя в руках.

— Что-то вроде того. — Кажется, Бастьен снова улыбнулся. Ей так хотелось увидеть это. Его голос смягчился. — У вас никогда не возникало чувства, будто вы не управляете собственной жизнью?

— Постоянно. Но зачем вы говорите о таких серьезных вещах? Вообще-то, я пыталась заставить вас рассмеяться. И кажется, мне оставалось совсем немного.

— По-моему, вы и правда на это способны. — Себастьян вздохнул и вошел в беседку.

Клео шагнула следом, ощутив прохладную тень. Уселась на любимое место на каменном парапете — небольшой озаренный солнцем кусочек, — откинула голову назад и принялась наслаждаться теплом. Так чудесно и совсем непохоже на утиный Ватерлоо. Такой мирный день.

— Знаете, я никогда не понимала, как можно любить таких, как Рочестер или Хитклифф.

Себастьян прислонился к перилам рядом с ней.

— Вы пытаетесь сравнить меня с ними? Простите, у меня на чердаке не завалилось безумных жен. Собственно, и чердака-то нет.

— Вообще-то, теперь я поняла, что мрачные мужчины довольно интересны. — Клео повернулась. Бастьен был совсем рядом.

Так близко, что она могла бы его коснуться, если б захотела...

Клео затаила дыхание. Осмелится ли она? Да, сегодня ей почему-то хотелось дерзить и поддразнивать, но так Клео переступит проведенную между ними границу.

«А если ты не сделаешь этот шаг?» Она представила себе свою жизнь, полную привычной рутины. Клео устала от пребывания в стеклянной башне, где ее берегли так, будто контакт с внешним миром ее уничтожит. Она вовсе не хрупкая статуэтка, а девушка из плоти и крови, которая желает прикосновений, попробовать что-то вне этих сцен, научиться тому, что есть в мире. Хоть раз поцеловаться.

Ну что ж.

Клео сделала шаг и нащупала край беседки. Затем приподняла юбки, встала на каменный выступ и указала на озеро:

— Смотрите!

Себастьян машинально повернулся. Он даже не заметил ее перчатку на своем рукаве,

пока не понял, что она не способна ничего увидеть.

Клео потянулась и, стоило ему повернуть голову, коснулась его губ. Себастьян резко вздохнул, осознав, что она сделала. Слишком поздно. Их губы встретились, и Клео наклонилась, заставив его либо подхватить ее, либо позволить ей упасть.

Руки уперлись в твердую грудь. Клео ощутила горячее дыхание Бастьена. Если бы не стук его сердца, она бы подумала, что ему все равно.

Но это было не так.

Совсем не так.

Боже мой, какой он высокий. И излучает тепло. Бастьен схватил ее за предплечья, удерживая на месте. Прерывисто вздохнул и прижался лбом к ее лбу.

— Клео, что ты делаешь? — шепнул он.

Затем напрягся и медленно отодвинулся.

— Кажется, это называется поцелуями, хотя в романах об этом говорится прискорбно мало, а миссис Пендлбери не делилась со мной интересными подробностями. Она просто хмыкала, кашляла и говорила: «Ну, довольно». И мне приходится подкупать одну из горничных, чтобы она прочитала мне такие сцены.

— Нам нельзя целоваться.

— Ничего страшного, я не видела твоих тайн, Бастьен.

Клео повернулась, сошла с выступа и схватила корзинку. Ее слегка покачивало. Наконец-то она впервые поцеловалась, прямо как в мечтах! Сердце торжественно стучало, будто ударные в оркестре в опере. Она словно парила, хотя поцелуй был невинным...

— Впрочем, не думай, что сумеешь их скрыть. Я считаю себя археологом человеческой натуры.

— Нет, я имел в виду...

Она остановилась и повернулась к Себастьяну. Грудь сжалась от нехорошего предчувствия.

«Нам надо сохранить чистоту твоих видений», — прошептал в голове голос отца.

— Только не говори, что отец запретил... целоваться, — произнесла Клео, дрожа.

Вот она, свобода, совсем рядом, но ее могут и отобрать. На мгновение у Клео возникла надежда на то, о чем она прежде и мечтать не смела: о браке, собственном доме, любящем супруге... детях.

— Таким было одно из условий договора, — ответил Себастьян. — Это брак по расчету, мисс Синклер. Союз между моей матерью и вашим отцом, дабы доказать их взаимное доверие. Нас это не касается. Вот и все.

— Поживем — увидим. — Клео не нуждалась в своем даре, чтобы предвидеть громогласный скандал с отцом.

— Нет, не надо. — Себастьян взял ее за руку, очень крепко, но не больно. Она заметила, что он касался ее через перчатку и шелк платья. Чтобы их разделяло два слоя ткани. — Нельзя переходить дорогу моей матери, я не смогу защитить вас от нее. — Он резко вздохнул. — Да и от себя тоже. Я не должен был приходить. Простите, мисс Синклер. Мне нельзя было приходить сюда посмотреть на вас.

— Ты можешь звать меня Клео.

— Полагаю, это ошибка. — Именно так он говорил в прихожей — суровый, холодный голос человека, не желавшего менять решения. — До свидания. Мы встретимся в день свадьбы, а потом будем редко видеться.

И Себастьян ушел, намеренно громко топая.

Клео стиснула кулаки:

— Я научу тебя улыбаться, Бастьен. Ты будешь смеяться, целовать меня тайком... и расскажешь мне свои тайны. Все тайны! Я не позволю отцу управлять моей жизнью. Я не позволю ему забрать у меня все. — Она подняла руки к повязке и быстро распутала узел. Шелк соскользнул по лицу, но Клео зажмурилась, едва не ослепнув от проникающего под веки света.

И остановилась. Пульс зачастил. Теперь Клео слышала лишь собственное колотящееся сердце.

Вдруг накатили сомнения. Что, если она в самом деле не нужна Себастьяну? Он ведь заявил, что намеревается проводить с ней как можно меньше времени. Что, если Клео снимет повязку и лишится дара? Такой она отцу будет не нужна. Какая польза от пустышки? А вдруг мать Себастьяна тоже откажется от затеи? Она хочет заключить союз, но наверняка не прочь получить и те знания, которые Клео способна дать.

Стало тихо. Она опять одна. Как всегда.

Клео медленно вернула повязку на место.

И сразу же ощутила приступ. Выгнулась и вроде бы вцепилась во что-то, чтобы не упасть, а потом по жилам потек жар, и она отрешилась от мира.

Видение ушло так же внезапно, как нахлынуло. Клео очнулась, стоя на разбитых коленях и тяжело дыша. Сердце билось, словно у загнанной лошади. Она ощущала тепло и смущение, словно все еще чувствовала жар его кожи. Клео никогда прежде не участвовала в видении, лишь молча наблюдала и пыталась расшифровать. Но это... Клео слотнула. Тут о разнице толкований и речи не шло.

Похоже, миссис Пендлбери была права.

Что ж... Клео неуверенно улыбнулась, не зная, сможет ли устоять на ногах.

— Ну беги, Бастьен. Все равно мы еще встретимся, — шепнула она.

Прежде чем запереть дверь своей комнаты, Клео склонила голову и прислушалась. Отец вышел из дома по делам, и, судя по тому, что удалось подслушать, явно что-то замышлял. Сперва бормотал о какой-то реликвии, а потом мерил шагами кабинет, нараспев произнося себе под нос какие-то слова. Клео когда-то уже их слышала и весь день промедитировала, пока не удалось извлечь из памяти искомое.

Отец пытался улучшить заклятие для вызова демона.

Клео знала законы. А еще хорошо знала своего отца. Она никогда не считала его злодеем — да, вероятно, он немного резковат, но ведь его навсегда сослали в это поместье за пределами Лондона, — только происходящее сейчас... пугало. Демон — самое опасное создание, с которым точно не стоит играть, сверхъестественное существо из другого измерения. Подобного можно обуздать ради какой-нибудь информации или услуги, но он частенько умудряется выскользнуть и обойти защиту. Все известные Клео истории про демонов заканчивались плохо.

Она обещала как-то помочь Себастьяну, и теперь ей предстояло принять еще одно решение, из-за которого внутри все переворачивалось.

Годами она изумлялась, что же уничтожает целый город в том видении о гибели Лондона. Раньше ответить на этот вопрос не получалось, но теперь... Спущенный с цепи демон вполне смог бы разрушить город. В одно мгновение.

Клео должна остановить отца, но пойти к нему — не решение. Даже упоминать о встрече с Себастьяном не стоит. Значит, придется самой заняться этой проблемой.

Одно из преимуществ жизни слепой, с извечной белой повязкой на глазах и кукольной внешностью, то, что люди считают тебя глупой или беспомощной. Отец воспринимал Клео исключительно как свою марионетку. Он открыто говорил в ее присутствии, словно считал, что она не способна ничего понять, и уж точно не может ни на что повлиять. Обучил ее, как обуздать собственные силы, но никогда не позволял ей изучать темы, не касающиеся таланта прорицания. Клео же всегда была очень хорошей ученицей. Она провела много, очень много часов, обрабатывая свои предсказания и прогнозы.

Вытащив специальный набор кристаллов, она по-турецки села на пол рядом с кроватью и прислонилась к ней спиной на случай видения. Когда разум очистился и открылся, Клео принялась шепотом перечислять тех людей, кто мог бы ей помочь.

Она пробежалась по всему списку, но ни одно имя не вызвало искорку возможного предсказания, а если и вызывало, помощи ждать не приходилось. Некоторые из образов оказывались настолько кровавыми, что она тут же выбрасывала их из головы.

В итоге Клео произнесла то, чего всячески стала избегать:

— Мой отец.

Слова вызвали темноту и звон криков. Тяжело сглотнув, она стряхнула дурное предчувствие. Разговор с отцом ни к чему хорошему не приведет.

Клео закусил губу. Кто достаточно силен, чтобы справиться с Себастьяном, ее отцом и этой таинственной матерью, о которой говорил Себастьян? Кто достаточно силен, чтобы справиться с демоном?

«Верховный».

Опасная мысль. Верховный уже предавал ее отца. Его имя запрещалось произносить в

стенах этого дома. Отец ненавидел Верховного, но кожу Клео стало слегка покалывать, как если бы она приняла верное решение.

— Верховный, — прошептала Клео.

Видение мгновенно накрыло ее, вызвав оцепенение.

Какой-то мужчина повернулся к своей любимой, женщине, чьими глазами Клео на него смотрела. Горе омрачало его лицо.

— Неужели нет другого пути? — прошептал он.

— Если ты их увидишь, то запустишь в движение цепь событий, которые приведут к катастрофе, — неожиданно для себя произнесла Клео чужим голосом.

Потом она увидела мужчину, который смотрелся в зеркало. Она не могла разглядеть его лица, только спину и камзол хорошего кроя, но отражение казалось намного старше обладателя. Перья седины на висках, сеточка морщин вокруг ртутно-серых глаз. И он будто смотрел прямо на Клео, будто видел ее за своим плечом. Мужчина потянулся вперед, коснулся зеркала, и оно взорвалось, вдребезги разбив его взрослое отражение.

Образы сменяли друг друга. Тот же мужчина вдруг разделился на трех, и каждого потянуло в разные стороны. Потом он стоял в комнате, к нему подкралась тень и ударила в спину. Брызнула кровь, затмив видение, а когда она вся стекла, Клео увидела три сверкающих реликвии вокруг высеченной пентаграммы. Около дюжины фигур в мантиях стояли на коленях, бормоча заклинания, а мужчина лежал внутри кольца, прибитый к полу, с окровавленной вскрытой грудной клеткой.

На смену пришла слишком хорошо знакомая картина. Гибель Лондона, только на сей раз Клео это не снилось. Все началось с привычного чувства ужаса, бурлящих над Лондоном облаков и с криком убегающих людей. Молния пронзала темноту, стремясь к чему-то, что не должно освобождать, к чему-то, способному уничтожить целый город. Клео в одиночестве стояла на городских улицах, не в силах ничего сделать с этой наступающей тьмой. Порывы ветра сносили дома, сбивали с ног людей.

Как и всегда, она погрузилась в свое видение и не могла сбежать.

— Нет, — прошептала Клео, хотя это слово тут же унесли ветра, что хлестали за ее спиной.

Туча неумолимо двигалась в ее сторону. Клео никогда не видела конца этого ночного кошмара, да и не хотела. Все всегда одно и то же. Всегда жуткая и безжалостная картина, высасывающая из мира даже малейшую надежду.

— Останови это, Клео! — сказала она самой себе, не в силах отвернуться. — Просыпайся!

Видение размылось по краям, словно ее физическое тело выдергивали из медитации. А потом что-то необычное привлекло внимание Клео.

На этот раз вверх поплыли искорки золотого света, словно в противовес тьме. Совсем крохотные и незначительные, хотя теперь казалось, что тьма не сможет поглотить весь мир.

С трудом дыша, Клео вынырнула из медитации. Она понятия не имела, что все это может значить, но по крайней мере уже не кричала.

Клео долго сидела с прижатыми к груди коленями, пока пот стекал по лицу. Она чувствовала себя совершенно выжатой, словно пробежала несколько миль.

Что же делать? Она не упустила знаки. Вот они. Себастьян как-то связан с ее самым ярким кошмаром. Так же как и Верховный, и ее отец. Видение скоро сбудется, и она совсем этого не хочет.

«Твое желание ничего не значит. Сделай что-нибудь».

«Но что? Я всего лишь девушка, запертая в своем кукольном домике».

Клео впиалась ногтями в ладони. Видение пришло неспроста. Она единственная знает, что грядет, и способна как-то помочь и остановить катастрофу. Такова цена предвидения.

Заставив себя подняться на ноги, Клео долго ходила по комнате. Что же предпринять? Непохоже, что обращение к Верховному приведет к катастрофе. Штормовые облака уже собирались на горизонте, и она просто единственная способна почувствовать их приближение.

Отрицание этого факта не поможет.

И вышагивание по комнате тоже.

Однако в видении была одна золотая искорка, которая устояла перед нависшей опасностью. Хороший знак. Клео вообще впервые увидела какой-то намек на решение надвигающейся катастрофы. Была ли она сама этой искоркой? Или это значило, что если она выйдет на связь с Верховным, то как-то выведет на поле нового игрока? Клео не знала, но это давало хоть какую-то надежду.

Итак, надо обратиться к Верховному. Убрав на место кристаллы, Клео вытащила из-под кровати письменные принадлежности. Чаще всего она диктовала свои письма миссис Пендлбери, но лет в тринадцать поняла, что в жизни может настать такое время, когда она не захочет, чтобы кто-то видел ее переписку. И с помощью линейки и небольшого приспособления, которое прижимало ту к листу бумаги, научилась аккуратно выводить буквы. Одна из служанок, Элли, была грамотной, и за несколько фунтов стала глазами Клео. Получалось не особо разборчиво, но Элли всегда удавалось распознать, что же написала госпожа.

Клео долго размышляла, что сказать. Наконец она взяла перо и принялась выводить записку. Придется дополнительно заплатить Элли, чтобы ее младший брат доставил послание адресату.

«Не позволяй колдуну жить...»

Грант Мартин, глава Комитета по надзору над колдовством

В отеле «Виндзор» не оказалось ни единого следа Морганы, впрочем, Ианта и не надеялась что-то найти. Разумеется, тварь съехала, как только забрала Луизу. Кроме того, непросто спрятать похищенного ребенка в общественном месте так, чтобы не пошли слухи.

Из-за свойственного всем колдунам аппетита Ианта и Люк задержались в «Виндзоре» на поздний обед. Ей приходилось заставлять себя быть прагматиком. В первые четыре дня после исчезновения дочери Ианта сама едва ела и сильно отошала, пока не стала шататься от слабости. В таком состоянии ей с бывшей женой Верховного уж точно не тягаться.

Поэтому теперь Ианта проглотила белый суп, два бифштекса и, к большому удивлению официанта, еще и крем-брюле. На вкус все казалось пеплом, но она заставляла себя есть, видя в питании способ достижения цели. Люсьен справился с супом и ложкой ее десерта, прежде чем отодвинул от себя креманку.

— Не голоден? — спросила Ианта, внимательно за ним наблюдая.

— Не привык к обильной пище.

Темные круги от усталости под его глазами потихоньку начали пропадать, но жестко очерченные впадины под скулами указывали на стесненность жизненных обстоятельств в последние несколько месяцев. В конце концов, он уже съел чуть больше, чем раньше, что само по себе хороший признак.

— Что ж, почему бы нам не выяснить, что Моргана планировала делать с дневником лорда Ретберна? Может, немного развлечемся.

— Ты ведь никогда с ним не встречалась, правда? — с легкой горечью улыбнулся Люсьен. — Я не удивлен, что он путался с Морганой. Жаль только, что их связь затронула и меня.

— Есть предположения, чем они занимались?

Они как раз выбрались на улицу, и он напрягся и слегка ссутулил плечи.

— Нет. Без понятия.

Ианта подозревала, что Люк обеспокоен сильнее, чем готов признать. Она искоса окинула его взглядом из-под ресниц.

— Ну, тогда вперед выяснять. Хоть от одной проблемы избавимся.

— Хорошо.

Вероятно, виной всему то, что она отвлеклась на Люсьена, или нехватка сна, растянувшаяся на много ночей, но Ианта уже была на середине улицы, когда увидела экипаж из лакированного черного дерева. Она невольно ахнула, разглядев золотой герб на двери, и резко остановилась, наблюдая за пассажирами. Из экипажа вышел высокий и худощавый мужчина в безупречном твидовом костюме и помог спуститься на землю стройной девушке в одеянии нежно-голубого оттенка. Однако Ианта едва ее заметила — она смотрела только на мужчину. Проклятье. Возраст едва оставил на нем свои следы: походка по-прежнему была

уверенной, темные волнистые волосы аккуратно напомаженными, жесткий рот как и всегда замер тонкой чертой, словно ничего во всем мире не радует его обладателя... и никогда не радовало.

Люсьен подошел к Ианте и взял за предплечье:

— Что с тобой?

Какая-то часть ее разума продолжала работать, хотя тело оцепенело от шока и страха. Она слышала, что он женился во второй раз. Вот бедняжка.

— Н-ничего. — Ианта отвернулась и не глядя направилась в противоположном направлении. Куда-нибудь. Не важно. Просто прочь отсюда.

Сзади раздались шаги Люсьена.

— Кто-то знакомый?

«Нет. Не особо. На самом деле, совсем нет».

— А ты не узнал герб на экипаже?

Он нахмурился:

— Ad servium veritatum?

— «Служить истине», — перевела Ианта. — Это эмблема Комитета по надзору над колдовством.

Осознание забрезжило в его янтарных глазах.

— Твой отец.

— Во плоти. Прости, он застал меня врасплох. Не ожидала его увидеть.

Люсьен схватил ее за руку.

— Ианта...

— Все в порядке. Не думаю, что он меня заметил, — поспешно и отрывисто выпалила она.

— Ианта, у тебя сердце колотится. И у меня. Практически из груди рвется.

Связь. Они уставились друг на друга.

Люсьен мягко направил ее в сторону небольшого сквера.

— Давай сюда, посиди. Выглядишь, будто призрака встретила.

— Что ж, это ты точно подметил.

Только один человек мог ее так сильно напугать. Она думала, что уже избавилась от власти этого мстительного призрака, но один только вид отца снова погрузил ее в воспоминания. Ианта опять превратилась в маленькую девочку. Много лет назад ей потребовалось все мужество и несколько недель подготовки, чтобы ему противостоять. И восторг от победы казался таким ярким. Тогда она впервые почувствовала себя могущественной, но сегодняшнее неожиданное столкновение с ним неожиданно открыло истину.

Грант Мартин всегда будет главным в их отношениях.

Каким-то образом.

Люсьен посадил ее возле небольшого фонтана. Ианта покрепче стянула на груди полы плаща. Из всех людей, которых только можно было встретить сегодня на улице. Именно сейчас. И здесь. Когда рядом Люсьен. Ианта не хотела, чтобы он видел ее в таком состоянии.

— Нам пора, — выдала она, заметив его любопытный взгляд. — Мы должны разыскать гримуар лорда Ретберна и выяснить, что имел в виду Хорроуэй.

Люсьен заупрямился и остановил ее, положив руку на плечо:

— У нас есть еще минутка перевести дыхание. — Стянув с себя пальто, он накинул его

Ианте на плечи и встал перед ней на колени. Тепло его тела придало ей бодрости. — Расскажи о своем отце.

— Ты наверняка уже его знаешь.

— Все колдуны в Ордене знают твоего отца. Он как раз соответствует моему представлению о демоне во плоти.

Как глава Комитета по надзору над колдовством, сэр Грант Мартин счел своим долгом выдворение колдунов из города. И если бы не их лояльность Королеве и то, что Дрейк в юности единолично спас правительницу во время нападения демона, отец Ианты вполне бы преуспел в изгнании их из сугубо религиозной страны. Оккультизм, однако, был в моде. Сама Королева однажды консультировалась у прорицательницы.

— Почему твой отец так сильно тебя ненавидит? Он всегда так к тебе относился?

Ианта отвернулась. Ненависть. Правда поразила ее прямо в сердце; Ианта даже не понимала, почему так переживает. При мысли о Гранте Мартине она лишь злилась и испытывала разочарование. Так почему в глубине души все равно желала его одобрения?

— У нас у всех когда-то впервые прорывается колдовство. Я... создавала фигуры из теней. Мама умерла, когда мне было четыре, а отец считал, что отсутствие телесных наказаний портит ребенка. Стоило мне нарушить любое из его бесчисленных правил, он запирали меня на чердаке на несколько дней, доставляя лишь поднос с едой под дверь. Мне было одиноко, я боялась темноты, но гувернантка частенько бросала меня одну в темноте со свечой. Как-то ночью я заставила тени танцевать. Они стали мне друзьями. Единственными друзьями.

Голова Люсьена склонилась к Ианте, руки легли ей на плечи. Такая нежность с его стороны смущала.

— И как он об этом узнал?

— Однажды, когда мне было двенадцать лет, я бегала по саду. Споткнулась и порвала прелестное платье прямо на глазах у одного из его гостей. Отец пришел в ярость и потащил меня на чердак. Я просто уже была не в силах туда вернуться. Опять остаться одной. Поэтому дала отпор. Мои тени обрели вес и форму. Они схватили его за руки и отбросили от меня. — Ианта сжала подол юбки, заново переживая те события. — Видел бы ты его лицо. Я думала, он меня убьет. На следующий день он отправил меня со всеми вещами к тетке в провинцию и приступил к истреблению всех колдунов в стране.

Где-то вдалеке часы на башне проббили четыре. Ианта посмотрела вверх. День уходил впустую, а они нашли лишь одну зацепку. На нее обрушился шквал мыслей: Луиза сейчас неизвестно где, одна-одинешенька, и рядом нет даже ни одной тени, чтобы ее утешить. Ианта тут же пришла в себя:

— Пойдем. У нас еще много дел, а день уже клонится к вечеру.

Она заставила себя подняться на ноги, протянула пальто Люсьену, но тот не шелохнулся, чтобы его взять. Лишь уставился на пальто, будто никогда не видел его раньше.

— О чем думаешь? — спросила Ианта, склонив голову. — У тебя такое выражение лица...

— О том, что прежде считал свое детство ужасным.

Сердце пронзило болью. Он даже не представлял. Не знал всего... Ианта тут же отбросила эти навевающие грусть мысли. Она свободна от Гранта Мартина и от воспоминаний.

— Не надо меня жалеть. Я редко о нем думаю, — призналась она, перекинув пальто

через руку Люсьена, и повела к их экипажу, стоявшему рядом с котсуолдскими конюшнями. — Я сделала все, чтобы он больше не смог мне навредить.

— Правда? — Люсьен, шагая рядом, внимательно вглядывался в ее лицо. Без пальто в дневных солнечных лучах его рубашка выглядела ослепительно белой, а серый жилет обтягивал сильное натренированное тело. — Или ты сама себя стараешься в этом убедить?

Ианта покраснела:

— Ты что же, сейчас пытаешься читать мои мысли?

— Нет. Просто у тебя мысли на лице написаны. Тебя беспокоит отец.

— А тебя — твой, — выпалила она в ответ.

Они обменялись долгими тяжелыми взглядами.

— Который из них? — уточнил Люсьен, насмешливо вздернув бровь.

— Полагаю, оба. Расскажи мне про лорда Ретберна, раз уж я все равно знаю суть вашего конфликта с Дрейком. Он тебя бил? Запирал? Заставлял бросать любимое занятие и проводить бессмысленные часы за молитвой?

Люсьен холодно посмотрел на нее:

— Нет. Ему было на меня плевать.

Затем повернулся и зашагал прочь через травянистую лужайку парка. Ианта уставилась ему вслед. То есть? И это после всех ее признаний?

— Подожди! — закричала она и, подхватив юбки, устремилась следом. — Ты не можешь просто так взять и уйти. — Наконец она схватила его за рукав и добавила: — Пожалуйста!

Люсьен отсутствующе смотрел сквозь парк. Ианта не представляла, что он собирается ей ответить, его тело превратилось в тугую струну. Потом Люсьен опустил ресницы, скрывая янтарь глаз.

— Знаешь ли ты, когда я наконец перестал быть безразличен лорду Ретберну?

Она покачала головой.

— Прямо перед тем, как он заставил меня вызвать демона. После стольких лет забвения ... нет, даже не так — полного безразличия, он наконец обратил на меня внимание. Пригласил в свой кабинет показать те загадки, что он изучал — о времени, пространстве, измерениях, превышающие мои знания. Потом предложил мне дар, Ианта. Ошейник. Я не догадался, для чего он нужен. Я никогда прежде не видел рабский ошейник, поскольку такие вещи запрещены. Отец сказал, мол, это усилит мои силы, чтобы я стал для него неистощимым источником энергии. Ему нужны были мои способности в качестве поддержки для выполнения трудной задачи. — Люсьен резко выдохнул. — Как же глупо было ему поверить, но... Мне и в голову не приходило, что он задумал подлость. У меня не было причин сомневаться в нем, и я так гордился, что он попросил меня о помощи. Я хотел как-то его порадовать. Отец ведь всегда предпочитал мне моего кузена Роберта. Это же оказалось то единственное, что Роберт не смог ему дать, поскольку способностей к магии у него не больше, чем у репы. — Подняв небольшой камешек, он принялся с ним играть, все еще глядя вниз. — Знаешь, что оказалось самым паршивым?

Ианта не могла сдержать внезапный приступ жалости. Она провела затянутой в перчатку ладошкой по руке Люсьена, потерла большим пальцем костяшки. Ей не нравилось видеть его таким.

— Что же?

— Что всему была причина, — сказал он, поднимая глаза и встречая ее взгляд. —

Почему Ретберн был так ко мне равнодушен. С какой-то стороны я даже испытал облегчение, когда наконец-то узнал правду. Ретберн просто мне не родной отец. Неудивительно, что он с трудом меня терпел.

— Но что же в этом плохого?.. — начала было Ианта, но тут же осеклась.

Губы Люсьена растянулись в тонкой улыбке.

— Вот именно. Я обменял одного безразличного ко мне отца на другого, которого даже никогда не встречал. И вот вдруг этот отец нуждается в моей помощи. Надеюсь, теперь ты не слишком удивляешься, что я не особо доверяю вашему предложению?

И впервые у нее не нашлось слов в защиту Дрейка.

Им удалось проникнуть в особняк Ретбернов на окраине Кенсингтона ровно за пять минут.

Люсьен вошел в хозяйский кабинет, поставил свечу на каминную полку и обвел помещение суровым взглядом. Тут мало что изменилось. Над каминной полкой висел портрет лорда Ретберна. Художнику удалось идеально передать его внешность, включая тонкие усики над верхней губой, пронзительно-недовольные глаза и излюбленное презрительное выражение лица.

Люсьен повернулся спиной к одному из своих призраков. Больше Ретберн над ним не властен.

Белые простыни на мебели покрывал слой пыли. До слушания, которое ожидалось летом, всем имуществом управляли приставы по доверенности. Как Роберт, наверное, злится! Люсьен даже мрачно порадовался этой мысли, пока не понял, что если по решению суда будет признан вменяемым, то унаследует лишь этот мрачный мавзолей и древнее обветшалое поместье.

Что за будущее его ждет?

Не желая знать ответа, Люсьен подошел к окну и отвел тяжелые бархатные занавеси. Несколько секунд спустя на него опустилась миниатюрная пыльная буря.

— Проклятье! — Он закашлялся, отвернулся и замахал руками, пытаясь разогнать пыль.

— Чего ты ожидал?

Ианта шагнула в кабинет и повернула бледное овальное лицо в сторону заполненных шкафов. Ее белоснежная кожа совсем лишилась красок. Эмоции были придушены, остался лишь легкий радужный блеск удивления. Красавица в красном платье светилась оттенками слоновой кости и розовых тонов. Люк задержал взгляд на бледном изгибе плеч. Теперь Ианту было трудно воспринимать как врага.

При виде нее напряжение в его груди чуть ослабло.

Ианта вовсе не походила на безумную злодейку, которую он представлял себе в мечтах о мести. Она оказалась женщиной из плоти и крови со своими демонами и секретами. Люсьен не был уверен, что ему нравится их зарождающаяся дружба. Он не слишком доверял напарнице, но в глубине души хотел узнать о ней побольше.

В какой-то мере они родственные души. Лишь Ианта понимала, что значит, когда тебя предает твоя плоть и кровь или тот, кого ты считал родным.

— Вот еще, — сказала она, приблизилась и стряхнула пыль с его камзола. — Похоже, пыль — самое опасное, что нас тут ждет.

И все же на входе Люсьен проявил осторожность. Лорд Ретберн ценил уединение и когда-то наложил на жилище множество чар и установил тайные ловушки. Однако никаких преград не осталось. Они превратились в прах вместе с хозяином.

— Будем надеяться.

— А где бы он спрятал свой гримуар?

— Не здесь.

Люсьен подошел к шкафу и вытащил древнюю пьесу Еврипида. Камин со скрипом сдвинулся в сторону.

— Тайная лестница?

— И не только. Лорд Ретберн был колдуном, предпочитал темное искусство. И все, что дало бы ему власть.

— Прощу, скажи, что там внизу мы не найдем трупов.

— Ну разве что парочку черепов.

Скрежет скрытого в стенах механизма утих. Люсьен поднял свечу и осветил темный туннель.

— Истинно готическая постройка.

Его гордая и неуязвимая Ианта, казалось, была на грани обморока.

— Ты в порядке? — спросил Люсьен.

Она медленно выдохнула и отвела глаза:

— Да. Просто... я не в восторге от узких темных помещений.

Например, чердаков. Сердце екнуло. Люк бы и не понял причину ее страха, если бы не их разговор о прошлом.

Черт, ему захотелось обнять Ианту и прижать к груди.

— У меня есть свеча, и я иду с тобой, — шепотом пообещал Люсьен.

Она пристально посмотрела на него, проверяя, не издевается ли он, а затем повернулась обратно к узкому каменному проходу. Люсьен почувствовал прохладный ветерок и понял, о чем задумалась Ианта.

— Свеча не погаснет.

— Не уверена, что в темноте не устрою постыдную сцену, — сухо заметила она, неудачно пытаясь пошутить. — Возможно, попытаюсь залезть на тебя, как на дерево.

— Ианта, дьяволица во плоти, боится темноты?

— Я могу и стукнуть тебя, Ретберн, — притворно зарычала Ианта, но на ее лице появился отсвет темно-синего и серого.

Страх.

Не думая, Люсьен призвал магический шар. Сияющая радужным белым светом сфера возникла в руке крайне неожиданно даже для него самого. И боли не было. Белые магические шары почти пустышки и все же... Точно ли его дар пострадал, или же дело в каком-то ментальном блоке?

— Ах, благодарю.

Люсьен махнул рукой. Сфера слетела с его ладони и зависла впереди. Люк тут же почувствовал напряжение, холодный пот на шее, но не развеял колдовства. Ианта вошла в туннель, задев платьем его брюки, а руку положила на локоть Люсьена, будто его общество помогало ей успокоиться.

Люк не мог упустить это из виду, даже если бы попытался.

— Окультный кабинет Ретберна недалеко. В конце коридора есть лестница в подвалы.

Он поднял руку, и Ианта двинулась вперед, словно желала доказать, что не боится темноты. Упрямица.

— Ианта, давай я пойду первым. Возможно, там остались охранные чары.

— Ладно, но лишь потому, что я хочу полюбоваться видом сзади.

Люсьен оглянулся, заметил ее хитрую улыбку и улыбнулся в ответ:

— Осторожнее, а то я могу подумать, что тебе нравятся ночи.

— Как тебе такое в голову пришло?

По ее стонам, тому, как Ианта выгибалась под ним, пока он ласкал ее кожу языком...

Сфера чуть потускнела.

«Сосредоточься», — резко напомнил себе Люк. Однако ее поддразнивание его заинтриговало. Обычно они мало шутили.

— Расскажи мне о Кроссе, — попросил Люсьен, шагая по узкому проходу.

В конце появилась зияющая бездна. Та самая лестница.

— Реми?

Реми. Люсьен сжал кулак. Это смешно. Он не ощутил никакой страсти между Иантой и колдуном, и она сама призналась, что Верховный никогда не был ее любовником... А значит, где-то есть еще двое ее возлюбленных.

— А при чем тут Реми?

— Как вы познакомились?

— Он искал помощницу и поместил объявление в газете. Мы прекрасно сработались. Он дал мне источник заработка и возможность раздражать отца, а я не боялась Реми, в отличие от других кандидаток. После детства в доме Гранта Мартина уже ничто не напугает. Сперва это озадачило Реми. Думаю, ему нравится, что люди либо благоговеют перед ним, либо боятся. Я не испытывала ни того, ни другого. — Ианта задумалась. — Уверена, что и Дрейк повлиял на Реми. Верховный хотел ссужать мне деньги на мелкие расходы после того, как я закончила обучение, но я отказалась.

Они спустились на нижний этаж. Люсьен оглянулся через плечо и протянул ей руку, помогая одолеть последние ступеньки.

— Почему?

Ианта прошла дальше, изучая темную комнату, но так и не отпустила его руки.

— Когда по воле отца я оказалась на улице, у меня не было ничего. Лишь горький опыт. К тому времени, как Дрейк помог мне встать на ноги, я поклялась, что больше не буду полагаться ни на кого, кроме себя. Когда я закончила обучение, то уже доверяла Дрейку, но не хотела быть у него на содержании. Я мечтала о независимости.

— Кросс так хорошо платит?

Люсьен не забыл роскошь дома Ианты и модный гардероб.

— Несколько лет назад мне досталось небольшое наследство от тети, — призналась Ианта. — Пора было думать о будущем, поэтому я купила этот дом, а остальное вложила в предприятия.

— Значит, тебе не надо было больше работать помощницей Кросса? Тогда почему ты ушла от него лишь три месяца назад?

Она улыбнулась:

— Люсьен, мне там нравилось. Так у моей жизни была цель.

— Помимо охоты за негодяями по указке Верховного?

— Да, вроде того.

Какая одинокая жизнь.

— Тебе никогда не хотелось выйти замуж и завести детей?

На бледном лице Ианты застыла вежливая маска.

— И кто бы со мной связался? По убеждению общества, я шлюха чародея. И если на то пошло, зачем отдавать мужчине свою независимость? Я могу жить так, как хочу.

— Ты не хочешь детей?

Ианта отвернулась, осматривая небольшой подвал.

— Не уверена, что из меня получилась бы хорошая мать.

Что-то в ее голосе привлекло внимание Люсьена. Она не говорила всей правды.

— А твой отец? Почему твоя работа у чародея его раздражала?

— Он попытался устроить скандал и подать на Дрейка в суд за то, что он меня испортил. Грант ужасно оскорблял Дрейка, обзывал колдуном, завлекающим невинных дев на сторону сатаны. Просто смешно, ведь отец сам от меня избавился, но некоторые друзья очень активно это обсуждали. Я хотела разбить вдребезги сказочку о невинной деве и бесчестном соблазнителе. И анонимно прислала отцу билеты в первый ряд на свое первое представление. Я знала, что он придет. Грант никогда бы не упустил случая пообщаться с представителями своего класса. Поэтому я вышла на сцену в блестящем наряде, чтобы показать, какой стала. Он сбежал после первого действия, но ждал меня в гримерке. — Ианта помрачнела. — И это была наша единственная встреча после того, как я покинула его дом. Ссора вышла ужасной, но в глубине души я ликовала. Наконец у меня появилась власть над ним. Я заявила, что если он продолжит угрожать Дрейку, я расскажу всему миру, кто такая «Сабина». Пригрозила, что стану известной любовницей богача. И смогу уничтожить отца. — Она вздохнула. — Тогда я была моложе, конечно.

— Разве ты не поступила бы так же и сейчас?

— Нет. Я устала принимать решения, только чтобы позлить его. — Ианта небрежно пожала плечами. — Теперь есть дела поважнее. И люди, которым я небезразлична, а не те, с кем имела несчастье жить с рождения.

Люсьену стало обидно, потому что у нее появились близкие, а у него нет... Он никогда не понимал, чего ему не хватает, пока в его жизнь не ворвалась Ианта, но хотя она являлась виновницей его неприятностей, дело было не только в ней. Люсьен с мрачной гримасой оглядел темный подвал.

— Считай, что с возрастом я приобрела толику разума. — Ианта горько улыбнулась, но тут же обратила внимание на подвал. — Ну что ж... миленько.

Она пошла вперед под тяжелые готические арки, что поддерживали потолок, и провела ладонью по одной из стоявших на страже крупных каменных горгулий.

Люсьен едва ее слышал. Все его тело дрожало от осознания правды: он один. Сейчас всем на него наплевать. Сердце заныло.

Он попытался напустить на себя безразличный вид: не хотел показывать, что что-то не так.

— Ты не такая уж и старая.

— И сколько, по-твоему, мне лет?

Люсьен уперся рукой в арку, рассматривая Ианту от элегантного шиньона до кончиков пальцев на ногах.

— Я не такой дурак, чтобы ответить. Джентльмен никогда не комментирует возраст дамы.

— А я полагала, ты не джентльмен. Это ведь твои слова?

— Дело не в этикете, а в чистом самосохранении, ничего больше.

Улыбка Ианты стала нежнее. Тени чуть скрадывали ее черты, выделяя опасные глаза. Они напоминали темные тучи, постоянно меняющиеся, беспокойные и впечатляющие, как приближающаяся буря. Люсьен никогда не забывал, насколько Ианта красива. И не мог отвести от нее глаз, когда она повернулась к книгам на столе.

«Возможно, потому, что ты так долго не был с женщиной?»

Либо да, либо нет. Он слегка встревожился. Ианта напоминала ему самого себя. Они оба были практически сиротами при холодных и отстраненных отцах, но если она нашла

место в жизни и преуспевала, он свое еще не отыскал. Люк восхищался силой воли Ианты и уважал ее.

И завидовал ей, если уж по-честному.

— Погоди, кажется, я что-то нашла, — произнесла Ианта, перелистывая книгу.

Лицо ее оживилось, и в груди Люсьена что-то сжалось.

— Это не дневник. Ой. — Ианта помрачнела, переворачивая страницы. — Весьма заурядно. Рассуждения по теософии, хотя лорд Ретберн вряд ли походил на просвещенного ученого. — Она поморщилась, разглядывая записи. — Боже мой, как скучно.

— А ты правильно его оценила.

Ианта продолжила рассматривать шкафы и книги в кожаном переплете на столе.

— Перевод «Эпоса о Гильгамеше», — шептала она, откладывая тома. — «Притча-аллегория». Шестая и Седьмая книги Моисея. Интересное собрание. Похоже, лорд Ретберн был скорее любителем, чем приверженцем определенной сферы учения... — Ианта заметила молчание Люка, пристально посмотрела на него и нахмурила брови. — Что такое? Что случилось?

«Ничего».

Люк запаниковал.

— Ты можешь мне рассказать. Ведь тебе известны мои самые постыдные тайны. В какой-то мере... — Она глубоко вздохнула. — Знаю, мы не друзья, но я ощущаю странное родство с тобой. Мы оба нежеланные дети. И я никогда не открою другим то, что ты мне рассказал.

«Ты будешь не один, если отважишься рискнуть».

Но Люсьен все равно колебался. Как давно он доверял кому бы то ни было?

Ответ пришел сразу же. Год. С тех пор прошел год. За это время Люк погряз в горечи и цинизме. И вдруг к своему удивлению осознал, что больше себя не узнает. Он стал очень настороженно относиться к миру.

— Правда сложно доверить кому-то свои секреты? Или свое тело, надеясь, что не обидят? — заметила Ианта.

Люсьен вскинул голову. Она переживала из-за его намерений, когда отдалась ему?

— Ты меня не боялась.

— Конечно, боялась, Люсьен. Я тебя почти не знала, а ты сам признался в желании отомстить. Оно и сейчас никуда не делось. Но ты не причинил мне боли. Я рискнула и не пожалела, а теперь тебе известны еще и некоторые мои тайны...

Ее предложение повисло между ними, такое же хрупкое, как мир между воюющими армиями. Люсьен подозревал, что в случае отказа Ианта больше ничего не скажет.

«Соглашайся или нет...»

— Мне тут не по себе, я словно в тени лорда Ретберна, — признался он в том, что давно держал в себе.

Ианта осмотрелась, но Люсьен знал, что с этой комнатой у нее не связано никаких тяжелых воспоминаний. Она видела лишь шкафы и громоздкий стол.

Тот самый стол, за которым лорд Ретберн провел большую часть жизни, выводя записи в проклятом дневнике, что Ианта сейчас держала в руках. Лорд не обращал внимания на маленького Люсьена, вместо этого уделяя внимание его коренастому и испорченному кузену Роберту, коим всегда был доволен. Почему-то тот во всем считался лучше Люсьена, как бы последний ни старался угодить «отцу».

Тут все было пропитано воспоминаниями: большой череп на столе, песочные часы, потертый рабочий стол, где Ретберн проводил алхимические опыты; ящик с ремнем, которым лорд лупил Люсьена по малейшему поводу; серебряный круг на полу, где Люк стоял, призывая демона...

Грудь сдавило. Он раздул ноздри, зажмурился и отвернулся.

— Именно тут... я призвал демона.

Люсьену стало не по себе. Вот тут его жизнь изменилась, и не к лучшему. В прошлый раз повсюду были раскиданы куски тела лорда Ретберна. Управляющее кольцо взорвалось от удара, и Люку удалось избавиться от ошейника. Он очнулся в крови и грязи, ощущая на душе метку демона и зная, что нельзя здесь оставаться. Надо бежать, куда угодно...

И вот, три дня спустя, Ианта нашла его в гостинице «Гросвенор».

— Это всего лишь комната, Люсьен, — прошептала она. — Воспоминания. — Он поднял голову, и Ианта зажмурила свои красивые глаза. — У нас всех они есть. Без сомнения, твои, как и мои, не сахар.

Она закрыла и отложила книгу, и направилась к Люку, легко шелестя юбками. Она будто видела его насквозь.

— Ретберн, на этот раз ты не один.

Ее слова помогли ему прийти в себя. Люсьен склонил голову, желая прикосновений Ианты, но не в силах о них попросить.

— Я всегда был одинок. Всегда сам по себе.

«А мне, черт побери, так нужен кто-то близкий».

— Отбрось воспоминания, — шепнула она, проводя рукой по его щеке. — И осмотришь еще раз. Это всего лишь комната.

Люсьен выдохнул. Ианта права. Он накрыл ладонью ее руку. Недостаточно. Ему хотелось прижаться к ней всем телом, обнять, уткнуться лицом в шею.

Ианта неуверенно обняла его и поначалу напряглась, но потом расслабилась, словно ей тоже хотелось прикосновений. Люсьен чуть попятился и наткнулся на стол. Оказался в плену юбок и запаха сирени. Восхитительная тюрьма, которую ему не хотелось покидать.

Никогда.

Несколько долгих мгновений они просто стояли. Ее грудь поднималась, его опадала. В сравнении с прохладой в помещении тепло тела Ианты казалось благословением. Член напрягся, но Люсьен заставил себя думать о другом. Покой, который она ему дарила, был таким же ценным, как и близость в постели. Впервые за много месяцев он ощутил спокойствие. И пусть все лишь притворство, но... Люк даже не догадывался, как ему этого не хватало.

— Что ж. Разве мы не идеальная пара? — заметила Ианта, выдохнула, отстранилась от Люка и поправила лацканы его камзола.

Слишком рано. Люсьену захотелось притянуть ее обратно. Но ведь это безумие.

Вместо этого он коснулся кончиками пальцев полного соблазнительного ротика Ианты, ощущая, как собственные губы покалывает от едва сдерживаемого желания. Люсьену хотелось поцеловать ее, но он не мог. Возможно в том и проблема? Из гордости он отказал себе в желании, которое лишь возросло от мысли, что нельзя овладеть Иантой, прикоснуться к ней и попробовать.

И она прекрасно его поняла.

Ианта прерывисто задышала и потянула его спрятанный под сюртуком галстук. А потом

бросила жаркий взгляд из-под ресниц. Очевидно, не только Люсьену пришли в голову неприличные мысли.

— Почему бы не создать новые воспоминания для нас обоих?

— Сейчас не ночь.

— Верно.

Ианта погладила его сюртук, будто ей нравилось касаться ткани, затем опустила руку, дотронулась до возбужденной плоти Люка и посмотрела на него фиолетовыми глазами.

— За разочарованных отцов, — шепнула она, легко улыбнулась и встала перед ним на колени в облаке юбок. Однако вовсе не за тем, чтобы молить о прощении.

— Боже! — выдохнул Люсьен. — Ты не должна...

— Я не сделаю ничего, что сама не захочу.

— Правда? — Он сжал ее подбородок и приподнял лицо, чтобы рассмотреть получше. — Значит, ты хотела оказаться в моей постели?

Ианта заколебалась, прелестно покраснев. Однако не румянец привлек его внимание. Цвета танцевали на ее коже: желтовато-зеленая дымка вины и что-то... голубое. Такое яркое и пронзительное, точно летнее безоблачное небо. Люсьен заколебался, пытаясь угадать, что же это. Желание? Однако в этом оттенке не было ничего сексуального. Потом чистый голубой цвет сменился темно-синим сомнением.

Люсьен застыл. Он никак не мог понять...

Они простояли так, пока Ианта не опустила веки, прикрывая красивые глаза. Она провела руками вверх по его бедрам.

— Я хотела быть с тобой в постели, — шепотом призналась Ианта. — Касаться тебя и пробовать на вкус... Мне нужно было позволение, чтобы взять желаемое. Позволение поддаться твоим стремлениям и таким способом узнать свои собственные.

— Тебя никто не останавливает, — шепнул он, убирая прядь с ее лица.

— Только я сама.

Люсьен понял ее. Ианту растили в строгости, и хотя она взбунтовалась, но все еще действовала в пределах общественных рамок. Требованием подчиниться ему по ночам Люсьен позволил ей начать исследовать свою растущую чувственность.

— Люсьен, мне было легко подчиниться твоим желаниям, ведь я смогла притвориться, что выбора нет.

Он погладил ее большим пальцем по щеке.

— И тогда ты могла получать удовольствие, не испытывая стыда.

Она опустила черные ресницы.

— Да.

— Смотри на меня, милая. — Она медленно повиновалась. Люсьен ощутил нервное напряжение, зная, насколько важна эта минута. — Нам нечего стыдиться. Мы испытываем желание, Ианта, чистое и цельное. Мне плевать на ложь твоего отца, которая тебя не оставляет, как бы ты ни утверждала обратное; он неправ. Мне плевать, что о нас будут говорить в обществе, они ничего не понимают. Сейчас важны ты и я, наши отношения. И знай: ты можешь поступать, как хочешь.

— Мы ведем важное расследование, — шепнула она, и Люсьен увидел в ее глазах чувство вины. — Ночью легче, ведь тогда наши обязательства откладываются до утра.

— Разве, поддавшись желанию, мы не найдем Моргану скорее?

— Нет.

— Но разве мы не станем сильнее, ведь в основе нашей силы лежит именно сексуальность?

— Верно.

Люсьен склонился.

— Я считаю, что это важно для нас и наших уз. Для тебя. Ты несешь на плечах лишний груз, и он тебе не на пользу.

Ее руки на его бедрах задрожали.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста. — Когда на ее лице промелькнули многообещающие эмоции, Люсьен решил упредить возражения: — Нет, в самом деле, воспользуйся мной, чтобы получить наслаждение. Поступай, как хочешь, я возражать не буду.

В ответ Ианта улыбнулась и окинула его решительным взглядом, заставив затаить дыхание.

— Тогда я так и поступлю.

Член в штанах напрягся. Люка охватил жар, когда ее руки скользнули выше, так легко, почти невесомо. Мышцы живота свело в чувственном предвкушении.

А ведь Ианта едва его касалась.

— Скажи, чего хочешь, — шепнул он.

— Хочу, чтобы ты меня ласкал, — чувственно шепнула она розовыми губками. — Руками, ртом. Хочу подчиняться тебе. Правда. Я хотела этого. Все так просто и в то же время сложно.

Она коснулась изящным пальчиком твердой выпуклости, и Люка словно пронзило молнией. Ианта осторожно расстегнула одну пуговицу, затем вторую... Она неспешно его соблазняла, сводя с ума, выбивая дыхание из легких и заставляя сердце биться чаще.

И все время смотрела на него своими опасными глазами.

В эту секунду Люсьен окончательно уверился, что встреча с мисс Мартин не пройдет ему даром. Он больше не будет прежним. Придется измениться.

— Знаешь, чего я хочу? — шепнул Люк, наматывая на палец непокорную прядь ее волос и проводя по всей длине черного локона. Мягкая. Такая мягкая.

— Что?

Черт его знает. Он увидел отражение своего желания в ее глазах, когда она потерлась щекой о его твердый член.

Люсьен резко втянул воздух и, пытаясь опереться рукой хоть на что-то, столкнулся со столом пару книжек.

— Я хочу, чтобы этот очаровательный ротик...

Что-то в комнате изменилось, привлекая его внимание.

— Да? — маняще спросила она. Люсьен застыл, запустив руку в ее волосы, а Ианта целомудренно поцеловала едва прикрытый штанами член. Люк затаил дыхание. Только не сейчас! Не сейчас, черт побери!. Но поднял голову, ощущая мурашки по коже. Что-то было не так.

— Ты это чувствуешь?

— Ты мне на что-то намекаешь? — поддразнила Ианта, лаская рукой его плоть.

Люсьен схватил ее за запястье. В темноте сверкнуло что-то красное.

Глаза. Блестящие красные глаза.

— Ианта, — шепнул Люсьен. Его член поник.

Наконец ощутив беспокойство Люка, Ианта посмотрела на него и прошептала:

— Что?

— Мы только что активировали местные чары, — сказал он ей, не отводя глаз от твари, которая с треском выбиралась с каменных силков. — Лорд Ретберн наложил заклинание на одну из книг на столе.

Ианта застыла спиной к угрозе и побледнела. Всю игривость как ветром сдуло.

— Что такое?

— Каменный конструкт. Горгулья.

В комнате раздался еще скрип, и до Люсьена вдруг дошло, что горгулий у входа было две.

— Черт побери!

— Хорошо, что мы не успели снять с тебя штаны.

Люсьен медленно отступил прочь и поспешно застегнул ширинку, чувствуя себя уязвимым как никогда.

— Сейчас не время шутить. Я уверен, что больше не смогу видеть тебя на коленях, не ощущая, как волосы встают дыбом.

— Да, я не совсем это имела в виду, когда говорила о новых воспоминаниях.

Люсьен невольно улыбнулся.

— Женщина, ты что, совсем ничего не боишься?

— Ненавижу замкнутые пространства, припоминаешь?

Да, но она не избегала таких мест, а старалась набраться смелости, стискивала зубы и шла в бой. Люсьен почувствовал восхищение.

— Конструкты, — пробормотала Ианта, поворачиваясь к двери. — Все-таки конструкты.

— По крайней мере эти всего лишь каменные.

— Не из плоти? — Ианта натянуто улыбнулась. — Милорд, давайте радоваться малому.

Люсьен поискал оружие, хоть что-нибудь. Но под рукой не было ничего, кроме кочерги. Боже милостивый, чем только не приходится орудовать. Однако он взял ее.

Ианта взглянула на кочергу и красноречиво посмотрела на Люсьена.

— Потом, — сказал он.

— Хочешь, чтобы я действовала первой?

Он мрачно кивнул.

— Если не возражаешь.

— Прикроешь мне спину? — Ианта сформировала над ладонями две магические сферы с голубыми молниями.

— Попробую.

— Нам придется это обсудить. Нельзя продолжать, как есть, Ретберн.

— Потом.

От дальнейших пререканий Люсьена спасла горгулья. Она кинулась к ним, цокая каменными когтями по плитам пола, а в ее глазах сиял пустой демонический свет. Скрытая магия придала твари сил, ее тело наполнилось цветом, пока шкура из каменной не стала напоминать радужную маслянистую пленку на воде. Чудище попробовало воздух розовым языком и скрылось в тени за колонной.

— Она быстрее, чем я думала. — Ианта подняла руки.

Ее сферы поплыли по воздуху, разгоняя тьму. Они негромко гудели и потрескивали, а по

их поверхности танцевали молнии.

Быстро, словно охотящаяся кошка, одна из горгулий метнулась вперед. Ударил молния, но тварь увернулась, и на полу осталась дымящаяся яма. Завоняло обожженным камнем. Вторая горгулья сделала ложный выпад, Ианта щелкнула пальцами, направляя молнию в цель, но чудище тоже мгновенно развернулось в воздухе.

Пара стражей будто по очереди выискивала слабости чародейки. Ианта сделала шаг назад к Люсьену.

— Без лорда Ретберна у них отсутствует человеческая смекалка, но животный инстинкт никуда не делся.

Нет, они лишь камни, призванные охранять территорию, пока не убьют нарушителей либо погибнут сами. Ничем иным их не остановить.

Замечательно.

Люк покосился на выход.

— Если мы покинем комнату, горгульи, возможно, останутся тут.

Они оба посмотрели на парочку конструкторов, вышагивающую между ними и дверью.

— А еще блестящие идеи есть? — спросила Ианта.

— Бежать? Кто-то из нас наверняка сумеет выскочить.

— Очень смешно. Откуда ты знаешь, что я тебя не обгоню?

Первая горгулья заскочила на полку и пробежала по ней как кошка, сбрасывая книги хвостом.

— Берегись! — закричал Люсьен, размахивая кочергой. Он повернулся к твари, но горгулья внезапно вцепилась черными когтями в полку, а затем лапой оттолкнулась от стены.

Черт! Горгулья летела на них верхом на огромном книжном шкафу. Люсьен схватил Ианту за талию, пытаясь убрать с дороги. Узкий, как кнут, хвост, обвил его сапог сзади и сбил с ног, пока шкаф несея на стол, приливной волной извергая книги. Магические сферы с грохотом взорвались.

Люсьен упал и ударил вторую горгулью сапогом по морде. Эффект был словно лупишь по стене: бесполезно и неприятно. Тварь щелкнула клыками и вцепилась в сапог. Острые кривые зубы достали до самой кожи. Люсьен взвыл, но каким-то чудом ему удалось сбросить обувь, а заодно и чудище. Горгулья замотала головой, как собака, разрывая сапог.

Люсьен в ужасе принялся озираться.

— Ианта?

Где же она? Он отпихнул стол. Под грудой книг и скособоченным шкафом он заметил красные юбки.

— Ианта!

«Вставай же!»

Люсьен прислонился спиной к тому месту, где шкаф повис на столе, и со всей силы, стиснув зубы, чуть сдвинул громоздкий предмет мебели.

— Двигаться можешь?

Ианта ахнула и перевернулась на четвереньки.

— Сзади!

Она вытянула руку и воспользовалась магией одного из колец. Край камзола Люсьена взметнулся, когда мимо пролетела чистая сила. Одна из горгулий как раз собиралась напасть, но ударилась в стену и раскололась на куски. Морда, словно маска, рухнула на пол,

красный зловещий свет понемногу исчез из глазниц, сперва став янтарным, а затем пропав окончательно. Остался лишь нос, оскаленные зубы и один глаз.

— С одной покончено.

— Осталась вторая. — Люсьен приподнял шкаф, вытаскивая из-под него Ианту, а затем снова уронил его на стол. — Где она?

Ответный стук когтей по камням чем-то походил на тихий смех. Люсьен развернулся, но ничего не увидел в тени.

— Я начинаю понимать, как чувствует себя загнанный олень, — сказала Ианта.

Сбоку кто-то пошевелился, но стоило повернуться, как там уже ничего не было.

— Она издевается над нами. — Люсьен отступил на шаг, и Ианта последовала его примеру. Они встали спиной к спине: она, собрав в руках энергию, и он, сжимая свою жалкую кочергу.

— Наверное, стоит развеять тени, — предложила Ианта и произнесла заклинание. В комнате ярко засияла парочка магических сфер.

Кравшаяся к ним горгулья застыла на полпути и зашипела.

— Лорд Ретберн определенно неровно дышал к своим конструктам. — Ианта засучила рукава, глядя на оставшуюся охранницу. — В эту игру можно играть вдвоем.

Магические сферы развернулись. Из стен возникли легкие тени, напоминающие человеческие фигуры. Затем они растянулись и задвигались.

Талант заклинательницы теней во всей своей красе.

Три тени бросились на припавшую к земле горгулью и вцепились в тварь. Чудище чуть замедлилось, забуксовало, но все же не остановилось полностью.

— Я могу их вызвать, но они почти ничего не весят. Горгулья тяжелее, — просипела Ианта.

— Сумеешь зачаровать конец кочерги?

Вспотевшая Ианта кивнула. Ей явно было тяжело удерживать разом несколько сложных плетений. Люсьен разозлился на самого себя. Он должен ей помочь.

И тут конец кочерги раскалился добела. Люсьен схватил оружие двумя руками, пытаясь его удержать, и пошатнулся. Пара красных глаз следила за ним. Вдруг горгулья перестала вырываться и присела, готовясь к прыжку.

Все произошло очень быстро. Чудище вырвалось из теней и бросилось вперед. Люсьен опустил кочергу с такой силой, что его учитель фехтования бы гордился. Кочерга прошла бок горгульи до самой лапы. Вспыхнула энергия, глаза твари расширились и...

Сила взрыва отбросила Люсьена на Ианту и опрокинула еще один шкаф. Люк разбил колено о каменный пол, а пара книг ударила его по плечам. Он закрыл Ианту собой. Еще одна книга стукнула его по спине острыми углами. Люсьен поморщился.

Затем все стихло.

Молчание. Тишина. Покой?

Боль обожгла колени. Наверное, из-за содранной кожи. Люсьен поднял голову, но ничто не пошевелилось.

Ианта сдула прядь с лица, затем заправила ее за ухо и села. Прическа растрепалась, платье порвалось. На бледной щеке виднелось грязное пятно, и все это вдруг привело Люсьена в ярость.

Его обязанность — защищать Ианту, и пока ему это плохо удавалось. Да на что он вообще годен? С тем же успехом мог бы просто прятаться за ее чертовыми юбками!

— Проклятье! — Он повернулся и отшвырнул погнутую кочергу, которую все еще каким-то чудом держал в руке. Кусок металла со скрежетом ударился об стену и упал на пол.

— Ретберн?

Люсьен опустил голову, тяжело дыша.

— Ничего. — Он с трудом сглотнул, борясь с приступом ярости. Энергия покалывала кожу, приподнимая волоски на руках. Как же просто пробить дыру в стене контроля, но это экспрессия манит его, а не чары или мастерство. Вовсе не то, чему он столько учился. Все навыки пропали именно тогда, когда оказались нужны ему больше всего.

Ианта нежно погладила Люка по спине. Он дернулся, сжал руки в кулаки, но сдержался.

— Мы ведь это обсудим?

— Нет.

Люк судорожно выдохнул и развернулся. Он едва сдерживал ярость, от нее буквально сводило мышцы. Ему хотелось ударить по чему-то, но мешало присутствие Ианты. Нельзя просто взять и разгромить комнату, если только не хочешь оказаться в...

Бедламе.

Люк раздул ноздри. Как ни странно, эта мысль помогла ему подавить ярость. Все кончено. Никто из них не пострадал, и он не безумец, чтобы беситься из-за происходящего. Он выше этого.

Определенно выше.

Люсьен повернулся к Ианте и заметил на полу книгу. Она выпала из тайника, вырезанного в другой.

Гримуар лорда Ретберна, полный оккультных записей. Возможно, там найдутся и упоминания о таинственной связи с Морганой.

— Вот он.

Ианта замерла вполоборота, словно тянулась к Люсьену, но все же в итоге опустила руку.

— Что?

— Гримуар! Я знал, что он где-то здесь.

Спрятан на самом виду.

Схватив том, Люсьен принялся переворачивать усеянные тонким почерком страницы. У каждого чародея был свой гримуар, одновременно дневник и сборник заклинаний, личных чар и ритуальных рун колдуна. Достаточно материала, чтобы скоротать в ближайшем будущем множество бессонных ночей.

Люсьен помахал гримуаром.

— Мы нашли его.

Ианта широко улыбнулась, и они оба ощутили неподдельный триумф. Ее кровь наверняка закипела, как и его собственная.

— Пора узнать парочку тайн лорда Ретберна.

— Уверен, чтение будет увлекательным. — Люк сунул книгу под мышку. — Пойдем, скоро стемнеет. — Он переступил через обломки, мрачно зыркнув на них. — Эти твари еще долго будут являться мне в кошмарах.

— Они всего лишь конструкты.

— Сама попробуй расстегнуть штаны, когда возбуждена, а рядом на коленях стоит женщина твоей мечты, и не думать о том, что кто-то наблюдает за процессом из темноты.

Ианта хрипловато рассмеялась, и все краски на ней засветились. Она растеряла весь

свой неприступный вид. И этот смех... Не то что бы его можно было назвать соблазнительным, но она словно стукнула Люка в грудь и сжала его бьющееся сердце.

«Я ее рассмешил».

Впервые он видел Ианту настолько раскрепощенной и ощутил наслаждение при мысли о том, что стал причиной ее веселья. Люк испытывал одновременно счастье и раздражение. Ианта мало смеялась. На самом деле за все их знакомство он почти не слышал ее смеха.

Люсьен потер грудь.

«Боги, что со мной такое?»

— Ты больше не сможешь наслаждаться ласками, не думая о возможной угрозе.

Ианта заправила за ушко выбившуюся из прически прядь черных волос. Теперь невозмутимая чародейка больше напоминала игривую молоденькую девушку.

— Спасибо, что напомнила, — протянул он.

— Нам придется это как-то исправить. — Ианта пристально и озорно посмотрела на него, а затем подобрала юбки и пошла прочь.

Ощущая трепет, Люсьен просто смотрел ей вслед.

Проклятье!

*«Музыка весьма напоминает чародейство.
Колдун прокладывает тропинку к ритуалу столь же
тщательно, как музыкант изучает ноты.
Чем больше практики, тем быстрее создаются
подобные «тропинки», пока человек не
становится способен изменить структуру
окружающего мира одной лишь силой воли.
Промежуточные этапы незаметны, но все равно важны».*

Иоганн де Вильберс «О музыке и магии»

Наступила ночь. На улице бушевала буря. Черные тучи клубились на небе, а вспышки молний освещали половину Лондона.

Люк знал, что скорее всего сегодня не уснет, однако отослал Ианту прочь, несмотря на ее выразительные взгляды. Он подозревал, о чем она захочет поговорить: о его слабости и неспособности колдовать. Не сейчас. Люк был не в настроении и просто хотел провести ночь один.

Отпив бренди прямо из горлышка бутылки, он провел кончиками пальцев по клавишам цвета слоновой кости. Рояль стоял в библиотеке, достаточно далеко от хозяйских покоев, чтобы не мешать. Люк принялся наигрывать любимую песню и тут же мысленно перенесся в другое место.

Он закрыл глаза, представляя хриловато смеющуюся мать с ниспадающими на плечи черными кудрями. Она учила его нотной грамоте. Он мало ее помнил: лишь тихий голос и неизменный аромат жасмина, а также идеальный вкус в одежде. Люк никогда не мог ясно представить себе лицо матери. Лишь глаза того же темно-янтарного оттенка, что и его собственные, но когда он пытался соединить черты ее лица вместе, разум живописал полустертый и потускневший от времени холст.

Будто под давлением эмоций, мелодия изменилась, стала медленнее и трагичнее. Эту песню мать часто играла. Пусть леди Ретберн и была воплощенной грацией и элегантностью, поговаривали, что она тяготела к темноте. Ей нравились музыка и опера. Она предпочитала трагедии комедиям и часто грустила. В ней чувствовалась горькая сладость. Однако мать любила Люка. Только он освещал ее мир и вызывал у нее улыбку.

Люсьен неуверенно играл мелодию, вспоминая ноты, иногда запинаясь и подбирая нужную клавишу. А затем повторял фразу, уже громче, медленней, находя тот самый вариант призрачной меланхолии, который лишь подчеркивала разыгравшаяся на улице гроза. Музыка и погода идеально вторили друг другу.

Люсьен уже позабыл, как любил музыку. Сколько прошло времени с тех пор, как он последний раз играл? Десять лет? Восемь? Однако она жила в нем, будто никогда и не исчезала. Спряталась, но не забылась.

Вкладывая в мелодию всю страсть и желание, Люк позволил своей силе расти, пока та чуть не прорвалась наружу.

Ему почти удалось поднять левитацией бутылку бренди, как вдруг в виске вспыхнула боль. Люк раздул ноздри, по шее потек пот, и небольшое заклинание развеялось. Бутылка даже толком не подвинулась, лишь слегка задрожала. Чары пропали.

Люсьен стукнул по клавишам и опустил голову.

Проклятье.

Так близко...

Что с ним не так? Почему он не может колдовать, не ощущая резкой боли? У него же получилось создать магический шар, но тогда он делал это бездумно, отвлекшись на переживания Ианты.

Никаких ответов тут не найти.

Люсьен снова схватил бутылку бренди.

Спиртное обожгло горло, упав в живот жарким комом. Забытье. Бесчувствие. Вот, чего он искал сегодня. Тело ныло от желания. Можно было его утолить — Ианта совершенно не возражала, но как бы Люку ни хотелось овладеть ею, страсть тоже стала проблемой.

Дело в том, что ему нравилась Ианта, но он не знал, как реагировать на свои чувства.

«Я по-прежнему хочу отомстить», — сказал Люк ей на прощанье, хотя даже ему самому эти слова показались отчаянными.

Положив руки на клавиши, Люсьен опять заиграл преследующую его мелодию. Первые несколько тактов выразили томительное одиночество. Можно ли верить Ианте? Неизвестно. Хотел ли он ей довериться? Да. И помощи небо, ему хотелось не только этого. Он желал раствориться в Ианте, закрыться от мира на следующие три дня и просто остаться с ней в спальне, будто у них совершенно нет забот. Будто тяжкое прошлое ничего не значит.

А хуже всего?

Люк мечтал поцеловать Ианту.

Он не мог выбросить из головы ее сводящие с ума губы. Его руки все быстрее летали над клавиатурой, изливая растущую страсть в неумолимом крещендо. Намного проще отдаться на волю чувствам, где не нужно думать, а просто выплеснуть из себя все. Кровь танцевала в жилах, он вкладывал в музыку сердце и душу.

Безумие. Он сам назначил условия пари, а теперь ему не терпелось их нарушить.

Опасная женщина.

Зачем он ей? У нее определенно есть секреты. Они таились в ее фиолетовых глазах. Всю дорогу от поместья Ретбернов Ианта то и дело набирала воздуха в грудь, как будто хотела что-то сказать, но под взглядом Люсьена умолкала.

«Ты не можешь ею владеть. Ты не должен ее желать».

Однако сколько бы он ни повторял это себе, все зря.

Окна заскрипели. Люсьен глотнул еще бренди и поставил бутылку на рояль, где уже появился клейкий след от доньшка. Люк провел рукой по растрепанным волосам и вздохнул. По спине побежали мурашки.

И только тогда он осознал, что не один.

— «К Элизе». Красиво, — печально заметила Ианта с порога. — Я и не знала, что ты умеешь играть.

Люсьен не поднял головы и даже не посмотрел на нее. Только не сейчас. Ему не нравилось, что она нарушила его одиночество, и в то же время в глубине души жаждал ее общества.

За шторами вспыхнула молния.

«Не проси ее... Не надо...»

— Присоединишься? — хрипловато уточнил он.

— Ты спрашиваешь или требуешь? В конце концов, сейчас ночь, а ты, как сам заявил, по-прежнему хочешь отомстить.

Мрачная шутка и вызов одновременно.

Люсьен медленно повернулся. Ианта стояла босиком в подпоясанном под грудью розовом шелковом халате и почему-то выглядела чувственнее, чем в роскошных нарядах. Со стороны их можно было бы принять за обычную супружескую пару.

Ничего подобного.

— Чего ты хочешь?

Ианте что-то не давало покоя. Она принялась расхаживать по паркету, поглядывая то на Люка, то на грозу за окном.

— Опасный вопрос.

— Правда?

Их взгляды встретились. Люсьен все ждал, спросит ли она о том, что сегодня случилось, но Ианта неожиданно коснулась его кисти. Невесомо, почти тоскующе.

— У тебя красивые руки. Теперь понятно, почему ты так умел в постели. Играешь легко, словно лаская клавиши. Так же, как ласкал меня.

Люсьен кашлянул.

— Не спится?

Ианта печально покачала головой. Ее волосы были собраны в небрежный шиньон, просто склоты шпильками. Люсьен взял Ианту за руку и усадил себе на колени. Розовый шелк плащом накрыл брюки, а крепкая попка прижалась к члену. Люк это почувствовал... он всегда ощущал жар в ее присутствии, но сейчас задвинул желание подальше, положил подбородок ей на плечо и снова опустил руки на клавиши.

Зазвучали первые ноты. Что-то полегче: «Вальдштейн» Бетховена. Люсьен сумел проиграть первые такты, но с Иантой на коленях не смог справиться с быстрыми пассажами рондо в левой руке. Он резко стукнул по клавишам, перестал играть и глубоко вздохнул.

— Мне тоже не спится, — признался Люк, уткнувшись в изгиб ее шеи и вдыхая аромат. Ианта пахла духами и собой.

— Ты прочел гримуар лорда Ретберна?

— Большую часть. Там какая-то бессмыслица. Он все пишет, что готовит меня для итогового жертвоприношения. А затем целые абзацы предвкушает, как наконец отомстит и вернет себе поруганную честь.

— Жертвоприношение?

Люсьен пожал плечами. От этой новости у него волосы дыбом вставали, особенно в свете сказанного леди Эберхард, но ему не хотелось особо задумываться о планах покойного.

— Люсьен, мне не нравится это слово. — Ианта склонила голову. По ее коже скользнул льдисто-голубой отблеск страха.

Люк провел большим пальцем по шелковому халату, впитывая ощущения.

— Правда? А почему? Волнуешься за меня?

— Конечно.

У него сердце екнуло.

— Не надо.

Ианта попыталась обернуться.

— Люсьен...

Он обхватил ее за талию и удержал на месте. Так Ианта не сможет увидеть его собственный страх.

— Может, поэтому я был ему нужен при вызове демона? Принести кровавую жертву и уgomонить тварь? Если так, то лорд Ретберн еще больший дурак, чем я думал. План обернулся против него самого.

— Но тогда зачем Моргане сдался этот гримуар?

— Возможно, она подчищает хвосты или посчитала, что лорд Ретберн ей о чем-то недорассказал? Что знал больше, чем говорил? Кто теперь выяснит? Очередной тупик.

Ианта дерзко нажала ля-бемоль. Нота прозвучала чисто как колокольчик.

— Возможно, возможно, возможно. Я устала бегать кругами. Надо найти колдунью. Чего она хочет, черт ее побери?

— Сердце Дрейка на блюдечке? — небрежно предположил Люк, и тут же понял, что зря так пошутил. Ианта мгновенно напряглась.

— Не говори так, пожалуйста, не надо. — Ее шепот рвал ему душу.

В горле встал ком. Люсьен погладил ее по бедру, поцеловал в шею. Он попытался успокоить Ианту, хотя сам не до конца верил тому, что говорит:

— Он в безопасности, милая. Верховный — сильнейший чародей в Англии, и его защищают несколько сикариев. В прошлом году он на клочки порвал физическую форму демона прежде, чем отослал его обратно ко мне. Никому другому такое не под силу. Моргане придется потрудиться, чтобы его обмануть.

— А если ей все-таки это удастся?

Голос Ианты разрывал его сердце на кусочки. Он переживал не за Верховного, а за нее. Люсьен поморщился. Их отношения стали совершенно непредсказуемыми. Он не понимал, почему проникся к ней нежностью. Сама мысль о мщении была ему неприятна.

— У нее не получится, — пообещал он. — Даю слово, я сделаю все, чтобы этого не произошло.

На сей раз Люк не помешал Ианте повернуться. Она внимательно изучила его лица фиалковыми глазами.

— Ты будешь его защищать?

— Не ради него. — Судя по взгляду Ианты, признание потрясло их обоих.

Что-то изменилось в атмосфере. Ианта отвернулась, будто не в силах и дальше смотреть на Люка.

— О. О, — повторила она и нажала на другую клавишу.

Люсьен прокашлялся.

— Зачем ты спустилась?

Ианта опустила голову и нажала «до».

— Думаю, ты знаешь, почему я пришла, — шепнула она. Затем вытащила что-то из кармана халата и положила на рояль.

Небольшую квадратную упаковку с презервативом внутри.

Проклятье. Люк поцеловал ее в прикрытое шелком плечо. Прежде она не осмеливалась в таком признаться. Теперь же не спеша расправляла крылья и училась брать желаемое.

Люсьен повернул Ианту и усадил на клавиши под гром фальшивых звуков.

Они посмотрели друг другу в глаза. На ее губах появилась грустная улыбка.

— Миссис Гастингс не будет знать, что и думать.

— Да уж наверное.

Он развел ей колени в стороны, и под халатом обнаружилась обычная полотняная ночная рубашка. Люк подвинул стул ближе. Ианта заколебалась и заправила прядь за ухо. На ее щеках появился робкий румянец.

— Мы могли бы помочь друг другу уснуть.

— Сомневаюсь, что сон входит в твои планы.

— Верно. — Люсьен поцеловал тыльную сторону ее запястья. — Однако сегодня важны не мои желания.

Ианта затаила дыхание. В ее глазах была грусть. Люк вдруг понял, что она часто грустит. Он застыл, но когда она моргнула, ее печаль исчезла как пыль на ветру.

— Зачем ты спустилась?

— Не могла уснуть, услышала, как ты играешь. Как-то... жадно. С тоской. Эмоции и привлекли меня сюда.

Пришла ли она специально к нему? Ианта обхватила его лицо рукой, погладила по щеке, коснулась большим пальцем губ.

Люсьен чуть прикусил ее ладонь. Они оба вздрогнули. Вдалеке мелькнула молния.

— А по чему ты тоскуешь?

— По тебе.

Как же он ее понимал.

— Наши отношения все опаснее.

Каждое прикосновение, каждая минута усиливали узы. Дело не только в сексе, но в близости. Соглашаясь на договор, Люк такого не ожидал. Если они продолжают в том же духе, вскоре их узы нельзя будет разорвать.

— Неужели такая перспектива настолько ужасна? — тихо спросила Ианта. Ее глаза напоминали бездонные темные водоемы. — Прошло несколько дней, а от мысли о том, что ты умрешь или что наша связь нарушится, у меня мурашки по спине. Она стала... частью меня.

Ианта гладила его лицо, и Люсьен наслаждался лаской.

— Я уже ничего не знаю. Просто хочу тебя.

Она сглотнула.

— А я тебя.

— Знаю, — сказал он, прикрыв глаза. — Чувствую. — Это и кое-что еще. — Ты от меня что-то скрываешь.

Ианта замерла.

— Не отвечай. И так понятно.

— А ты ничего не скрываешь? — сладко парировала она.

Люсьен поднял голову. Конечно, у него были тайны.

— Я не уверен, насколько могу тебе доверять.

Она опустила черные ресницы.

— Взаимно. Но знай: я никогда тебя не обижу, Люсьен.

— Не обидишь?

— Нет. — Она облизнула губы. — Ты... стал для меня важен. Не знаю, в связи ли дело или просто в том, что мы пережили. Временами мне кажется, что это было неизбежно. Ты. Я. Судьба. Что бы я ни делала, почему-то все время возвращаюсь к тебе.

— Ты о том, как задержала меня год назад?

— Да, — сказала она и снова опустила взгляд. — Меня тянет к тебе. Всегда к тебе.

— Тянет? Вот здесь? — Он положил руку ей на живот.

Она сверкнула глазами.

— Или тут? — шепнул он, опуская ладонь ниже.

Ианта закрыла глаза и кивнула. От столь явной демонстрации ее желания его сердце забилось чаще. И пусть они пока по-прежнему не до конца доверяют друг другу, так будет проще. Просто желать. Просто брать.

— Ты хочешь меня. Скажи.

Она теснее прижалась к нему бедрами.

— Я тебя хочу.

— И какую часть меня ты хочешь?

Ианта обхватила его за затылок и притянула к себе. Люсьен по инерции уперся костяшками в клавиши, произведя очередную какофонию. Ианта обдавала дыханием его рот. Люсьен посмотрел на ее сладкие губы. Как же хочется попробовать... Это желание сводило его с ума. Он провел руками вверх по ее бедрам, приподнимая шелк и ткань рубашки, ощущая теплую кожу.

«Поцелуй меня», — мысленно бросил вызов Люсьен.

«Сам меня поцелуй», — услышал он в ответ по их связи.

Но Люк еще не готов был сдаться.

Как и Ианта.

Неудовлетворенное желание мелькнуло на ее красивом лице, а затем она укусила Люка в шею, выражая свое раздражение. Он запрокинул голову, чтобы ей удобнее былолизать ноющую кожу, и вздрогнул, ощутив легкое фантомное прикосновение к бедрам. Оно переместилось выше, стало увереннее, а потом по мошонке словно перышком провели.

Люсьен сжал ее запястья. Они с Иантой уставились друг на друга. Фантомная ласка пропала. Люк завел Ианте руки за спину и посмотрел на нее с молчаливым предостережением. Сейчас он главный, а не она.

Затем провел пальцем по гладкой коже между ключиц и опустился к округлым грудям. Ианта сглотнула.

— Ты создана для мужских прикосновений, — шепнул он.

На ее лице промелькнула обида, и Ианта отвернулась.

— Мой отец как-то тоже так сказал.

И уж явно не в качестве похвалы. Люсьен пристально взглянул на ее профиль.

— Я не хотел тебя оскорбить. Ты прекрасная и страстная. Словно буря на горизонте, пусть и не такая свободная. В тебе бурлит дикая чувственность. — Он погладил ее по шее. — Нечего стыдиться.

Ианта опустила веки.

— Я знаю, что не должна стыдиться, но даже сейчас слышу его слова. Особенно сейчас.

— Почему?

Ианта медленно вздохнула и отвернулась. Ее щеки покраснели, словно небо перед рассветом.

— Из-за тебя. — Он едва различил ее слова, но они ранили его в самое сердце. — Потому что до тебя я не осмеливалась проявить чувства. До тебя... не испытывала желания. Вот так. — Она беспомощно посмотрела на него. — Мне было легко принять твой вызов и отдаться в твою власть по ночам. Легко, потому что тогда не надо говорить, что я хочу тебя,

хочу находиться в твоей постели, под тобой... — Она снова отвернулась и резко выдохнула. — Мне сегодня тебя не хватало. Я желала, чтобы ты пришел. Вот правда. Без тебя я не могла уснуть. Я слышала, что ты тут, и мне захотелось присоединиться.

Люк напрягся всем телом. Это было своего рода признание, что между ними что-то есть, что-то порочное и тревожное, опасное... нечто большее. И неудивительно, что именно Ианта высказалась первой. Она всегда была во многом храбрее его.

Раздался гром, и оконные рамы задрожали. Люсьен застыл, разрываемый нерешительностью.

— Я боюсь, и я одинока, а я больше не хочу быть одна. Только не сегодня.

Люк был потрясен. Ианта озвучила его собственные мысли. Он никогда бы не подумал, что она тоже это испытывает. Люк боролся со своими демонами и не видел, как хорошо Ианта скрывает своих. Он поцеловал ее в лоб, вдыхая аромат волос.

— Я тоже не хочу быть один. Я не собирался проникаться к тебе симпатией. — Люк легко погладил ее между бедер. И еще раз. Каждое следующее прикосновение было легче предыдущего. Ласками он заставлял ее трепетать.

— Но все же проникся? — прошептала она, тем самым показывая, что не так уж уверена в себе.

На языке вертелось несколько вариантов ответов. «Иногда, когда не хочется тебя придушить». «Да, особенно, когда ты вот так плависься подо мной». Люсьен склонил голову под весом нахлынувших чувств.

— Да, Ианта, ты мне нравишься.

— О.

Вот и все. Но Люк знал, что стрела нашла цель, заметил легкое смущение, сменившееся радостью, а затем страхом.

Он и сам испугался. Пол стремительно уходил из-под ног, оставляя вместо себя непроторенную дорожку в незнакомой стране.

— Ну вот, мы и оказались там, где не ожидали, — подразнил он.

— И что нам теперь делать? — спросила Ианта.

— Без понятия. Я не... Я тоже в растерянности.

Наступила тишина.

— Я... не думаю, что смогу. — Ее щеки зарделись.

Люсьен улыбнулся. Это был не отказ, а мера предосторожности, попытка снизить риск. Он понимал Ианту. И снова принялся ласкать ее.

— Тогда давай не усложнять наши отношения. Оставим все, как есть.

— Наши отношения никогда не были простыми, — напомнила Ианта с невеселым смешком.

— Значит мы постараемся их упростить. — Люсьен склонился, чуть ли не прижимаясь губами к ее уху. — Чего ты хочешь сейчас?

— Тебя во мне, — прошептала она ему в рот, почти касаясь губами его губ, но не пробуя. И так, решение принято. После его признания Ианта осмелела. — Хватит разговоров.

— Прекрасно. — Люсьен осторожно опустил крышку рояля. У Ианты снова выбился локон из-за уха, и Люсьену вдруг захотелось растрепать ее волосы. Он вынул одну шпильку, затем еще одну и еще... Пока пряди не рассыпались по ее спине. Зарывшись в них пальцами, он не спеша растрепал их по плечам. Волна полуночного шелка блестела в свете свечи. — Вот так лучше. Не идеально, но лучше.

— А что же будет идеально?

— Вот это. — Он стянул с ее плеч халат. Из-под ткани показались изгиб плеча и острая ключица. Люсьен потянул за пояс халата. Ианта резко вздохнула, но подчинилась, откинувшись на рояль.

— Вот так, — сказал он, отбрасывая пояс. Халат распахнулся, открывая задранный сорочку и белые атласные бедра... Люк провел ладонью по коже, наслаждаясь мягкостью, желая коснуться ее губами, а не только рукой...

— Так? — Не сводя взгляда с его лица, Ианта начала развязывать ночную рубашку. Розовые соски отчетливо просвечивали сквозь ткань, а сорочка ласкала округлые груди словно любовник.

Ианта повела плечами, и рукава соскользнули до локтей, Люсьен задышал чаще, видя в ее взгляде вызов.

— Да, — сказал он, проводя пальцем по рубашке над грудью. Член жарко запульсировал. От каждого прикосновения к коже Ианты по всему телу будто пробегали искорки. Люсьен ощущал тепло, желание и отчаянное предвкушение.

Он как никогда хотел доставить наслаждение Ианте. До сегодняшней ночи Люк всегда управлял ею, сдерживал свое желание, как и она свое. Прежде была лишь физическая близость. А сейчас... Что-то изменилось.

Люсьен осыпал поцелуями ее шею, щеку, ушко... Только не губы, сладкие опасные губы, которые поглотили его мысли. Намотав волосы Ианты на кулаках, он оттянул ее голову назад и укусил за подбородок. Мысли стали очень простыми.

Мне нужно...

Я хочу...

Ее...

Я хочу ее...

— Люсьен, — сорвалось с ее сладких губ.

— Чего ты хочешь?

— Этого. — Она накрыла его ладонями свою роскошную грудь.

Такая округлая, соблазнительная... словно созданная для мужского внимания. Хлопковая ткань смялась под его прикосновениями, и он отодвинул сорочку прочь. Ианта вздрогнула и издала почти животный крик:

— Да, пожалуйста, да!

Люсьен склонил голову, увидел потемневший сосок, твердый и трепещущий от ее учащенного дыхания, и сжал его губами.

Изумительно.

На сей раз он издал горловой рык. Принялся выводить круги языком, глядя на покрасневшее лицо Ианты. Затем осмелел и разорвал ее ткань от ворота до бедер.

Ианта ахнула, в изумлении схватилась за его предплечья, затем снова полуприкрыла глаза, расслабилась и откинулась назад. Полными страсти глазами она следила, как он медленно дорвал сорочку, да так и осталась лежать в золотистом сиянии свечи. Красавица Ботичелли во всем своем блеске. Мягкие изгибы, черные волосы и розовая как раковина плоть, влажно поблескивающая между бедер.

Люсьен провел дрожащими пальцами по коже между ее грудей и ниже, пока не добрался до завитков между бедер.

— Ты... потрясюще красива. — Он обвел языком пупок. — Настоящий пир для

умирающего от голода.

И ему не терпелось ее попробовать. Но сперва... надо подарить ей наслаждение, которое станет его погибелью.

Потеряв контроль, Люсьен впился в ее бедра чуть грубее, чем следовало касаться такой драгоценности.

Подвинул к краю, закинул ноги Ианты себе на плечи. Блестящая розовая плоть манила из-за черных кудряшек. Люк наслаждался зрелищем, дразня ее дыханием.

— Люсьен.

Похоже, Ианту волновала такая открытая поза.

— Не смущайся, любимая, я с тобой. — Он раздвинул нежные складочки и не спеша лизнул. Люк намеренно дразнил ее, доводя до безумия.

Ианта выгнула спину, упираясь пятками ему в плечи.

— Люсьен!

У нее был божественный вкус. Люсьен снова принялся смаковать и дразнить ее. Обхватив округлые ягодицы, он ласкал жаркую плоть, пока Ианта тихонько не вскрикнула, сжав его волосы.

Люк ввел палец в ее лоно. У Ианты вырвался полузадушенный всхлип. Затем она напряглась, откинула голову назад, и сладкое напряжение прорвалось наружу.

— Да. Да, умоляю, Люсьен. Еще. Пожалуйста.

От наслаждения она буквально извивалась на рояле.

Люсьен завозился с застежкой на брюках, высвободил пульсирующий член и зубами разорвал упаковку с презервативом. Ианта забрала у него промасленный футляр и натянула на твердую плоть. Боже. Он застонал, ощущая, как поджались яички. Сегодня все пройдет быстро.

— Возьми меня, — шепнула она.

— Как скажешь. — Люсьен погрузился во влажный атласный канал. — О боже.

Блаженство. Рай на земле. Все.

Первый толчок сопровождался шумом рояля, но бушующая гроза скрыла все звуки. Люсьен двигался медленно и размерено, но вскоре Ианте надоела его неспешность.

— Быстрее, — шепнула она, опоясывая Люка ногами. — Еще.

Он закусил губу. Комната словно растворилась. Буря, звуки рояля пропали, пока он снова и снова овладевал Иантой... Люсьен ощущал лишь ее и их близость. А потом почувствовал напряжение в пояснице, прижался к шее возлюбленной и потерялся в сладком наслаждении оргазма.

— Да...

Вечное блаженство. Никаких тревог и страхов. Ианта медленно гладила Люка по скользкой от пота спине, пока он приходил в себя. Каждая клеточка его тела была живой, как никогда. Кровь струилась по венам, сердце трепетало...

И в то же время Люсьен как-то по-особенному ощущал Ианту, словно находился в двух телах одновременно. Слышал стук двух сердец. Их связь. После этой ночи он не будет прежним. Это одновременно пугало и дарило надежду, которую Люк уже и не мечтал обрести.

Ианта удивленно подняла голову и прижала руку к сердцу Люсьена, будто ощущала его чувства.

— Узы стали крепче.

— Быстрее, чем я ожидал. — Люк поцеловал ее в лоб и обнял. Он обещал упростить их отношения, но теперь знал, что солгал.

Из всех текущих проблем эта была самой серьезной.

Но ни он, ни Ианта в этом бы не признались.

Если бы Ианта вернулась в детство, ей бы, пожалуй, понравилось расти в таком месте как коттедж «Вишня».

Расположенный в деревушке, всего в шестидесяти километрах от Лондона, он являл собой совершенно иной мир. Посреди огороженного сада раскинулся пруд, вокруг которого цвели дюжины примул, рядами росли лаванда и травы: розмарин и базилик. Пушистые пчелы вились над опущенными головками подсолнухов, а покачивающиеся дубы отбрасывали тени на зеленый газон. В укромном уголке на траве разостлали одеяло, на котором аккуратно расставили маленькие чашки и блюдца. Кругом валялись куклы и плюшевые медведи. Лучше не придумашь. Ианта вспомнила, что впервые увидела эту картину, когда Дрейк помог ей, бледной и вялой после родов, с крошечным младенцем на руках, выйти из кареты.

В солнечном свете сверкнули темные кудряшки, маленькая девочка пронеслась по газону и вбежала в сад.

— Пузатик, а ну отдай! — гневно прокричала Луиза. — Ты же знаешь, тебе нельзя брать мамины тапки!

Несмотря на внезапную острую боль в груди, Ианта жадно наблюдала, как девочка подлезла под изгородь, не заботясь о юбках. В этом они были похожи: в детстве Ианта тоже безрассудно жаждала приключений. Однако ее за подобную возню отец приложил бы наконецником трости. Луиза же зарылась в листья, не ожидая и не страшась порицания.

— Луиза! Иди сюда! К тебе пришли! — позвала Эльза, заметив у калитки Ианту, махнула ей, приглашая подойти, и, прихрамывая, вышла на дорожку из бульжника на заднем дворе. Очевидно у нее вновь разыгралась подагра.

— Тетя Ианта! — Личико Луизы озарилось неподдельной радостью. Она побежала к ним, шлепая босыми ногами по траве и сжимая в руке потрепанный тапок. Ее передник был весь в пятнах.

— Луиза, где твои туфли? — вздохнула Эльза.

— Ой. Я оставила их на грядках! Сейчас надену, мама. Я не знала, что к нам пришли.

Луиза присела в легком реверансе. Потом, видимо, осознав, что по-прежнему сжимает измочаленный тапок, смущенно улыбаясь, спрятала руку за спину. Позади маячил толстый щенок. Увидев болтающийся тапок, он подпрыгнул и вцепился зубами в испорченную обувь.

Завязалась игра «кто кого перетянет».

— Это мой?.. — охнула Эльза.

Тапок порвался, и щенок с девочкой рухнули на траву.

— О нет! Пузатик, гадкий звереныш! — прокричала Луиза. — Ты его порвал.

Уперев руки в широкие бедра, Эльза вперила в нее свой взгляд.

— Что я говорила об этом псе?

— Он не хотел, — ответила Луиза, беря на руки непослушного щенка. — Извини, мама. Я знаю, что не должна пускать его в дом. Наверное, он проскользнул внутрь, когда я искала Рассела, и...

— Вечером помоешь посуду, — сказала Эльза. — Это послужит тебе напоминанием, что не следует пускать собаку в дом. А Пузатик сегодня отправится спать в конюшню.

— Да, мама. Мне жаль. Правда.

Эльза взъерошила ей волосы.

— Я знаю. А теперь беги и покажи тете свое чаепитие. Уверена, она будет рада познакомиться с Расселом, сэром Эгмонтом и Хилари. А я принесу что-нибудь перекусить. — Она устремила неодобрительный взгляд на фигуру Ианты. — Твоя тетя слишком худенькая. Наверняка это душный лондонский воздух мешает тебе есть.

— Не утруждай себя. — Ианта удержалась от улыбки. У Эльзы накопилось множество предубеждений о Лондоне.

Ианта последовала за дочерью в сад, оставив Эльзу готовить им послеполуденный чай. Она слышала хихиканье Луизы впереди и уловила мелькнувший за изгородью белый передник, но когда зашла за нее, маленькой девочки там не оказалось, лишь покинутое чаепитие с тремя плюшевыми мишками, куклой и оловянным солдатиком.

— Луиза? — Ианта медленно обернулась кругом. Иногда они играли в прятки.

В саду не было ни звука. Он казался безжизненным. Даже ветер настолько стих, что лишь гудение пчел нарушало тишину. Ианта перестала улыбаться. Что-то было не так. Она это чувствовала. Жужжание становилось все громче, пока от него буквально барабанные перепонки не завибрировали.

Ее желудок ухнул вниз, солнце скрылось за облаками.

— Луиза?

В ближайшем кусте зашуршали листья, но девочки там не было. Тень накрыла небольшую укромную поляну, и Ианта поспешила в сад.

— Луиза, где ты?

Вот тогда она вновь взглянула на пикник. Чайные чашки были опрокинуты, а плед собрался складками у одинокого плюшевого мишки, словно с него стащили кого-то отбивающегося и кричащего.

Сердце Ианты подскочило к горлу.

— Луиза? — выкрикнула она, подхватила юбки и ринулась вперед.

«Как это произошло? Как я потеряла дочь, если едва успела глазом моргнуть? Где Луиза? Что скажет Эльза? Мне не следовало сюда приходить. Эльза защитила бы Луизу. Эльза не потеряла бы ее. Что же я за мать такая?»

— Луиза!

«Пожалуйста, не надо. Только не моего ребенка».

— Ианта. — Сильные руки обхватили ее предплечья. Некоторое время она боролась, пока теплое дыхание не коснулось ее лица. — Ианта, — тихо и нежно произнес Люсьен. — Ианта, проснись.

Ловя ртом воздух, она открыла глаза и обнаружила, что лежит в теплой, темной комнате, едва различимой в золотистом свете свечи. Кровь мчалась по жилам, мучительное ощущение утраты казалось почти непреодолимым. Люсьен навис над Иантой, расставив колени по обе стороны от ее тела, и сверлил ее пытливым взглядом. Одеяло, прижатое его коленями, сковало ей ноги. На Люсьене был явно накинутый наспех темно-красный халат, из-под которого торчало покрытое темными волосками мускулистое бедро.

— Тебе приснился страшный сон, — сказал Люсьен и стиснул плечи Ианты, словно боялся, что она исчезнет, стоит ее отпустить.

На нее нахлынули воспоминания. Дело не в сне. Ее реальная жизнь была настоящим кошмаром, от которого Ианте не под силу освободиться, как бы она ни старалась.

Она издала какой-то сдавленный звук, по щеке скатилась слеза. Ианта даже не знала, она ли первой потянулась к Люсьену или наоборот, однако обнаружила, что сидит, уткнувшись мокрым лицом в его мягкий шерстяной халат, а он нежно баюкает ее в своих объятиях, обхватив большими ладонями затылок.

— Все хорошо. Ты в безопасности. Ты проснулась.

Ианта зарыдала сильнее. В безопасности?

Она крепко прижалась к Люсьену, ее грудь вздымалась от усилий, которые она прикладывала, чтобы сдержать слезы. Его ладони медленно скользили по ее спине, пока он шептал ей что-то успокаивающее. До чего же приятно, когда тебя обнимают. До чего же приятно знать, что кто-то способен не дать тебе разлететься на осколки.

Но тут начала вторгаться реальность. Снова размечталась, разве нет? Ианте показалось, что тогда, в библиотеке, их отношения существенно переменились, но потом Люсьен оставил ее одну в спальне, тихо захлопнул дверь, а сам отправился в свою комнату. Она не знала, что и думать. Люсьен сбил ее с толку.

Оттолкнувшись от него, Ианта утерла щеки. Ее лицо горело, покраснело и опухло, словно на него напал рой пчел. Она расклеилась, что было непозволительно. Луиза нуждалась в матери, но, как ни горько признавать, у нее была только Ианта.

Этого должно хватить.

— Я к-кричала?

Длинные ресницы наполовину скрыли золотистые глаза Люсьена.

— Ты в порядке?

— Конечно. Это лишь дурной сон...

Люсьен обхватил ладонями ее лицо и приблизил его к своему, словно желая убедиться в правдивости ее слов.

— Я почувствовал твой страх через наши узы. Страх, гнев, горечь утраты такие сильные, что они вырвали меня из сна. Ты чего-то испугалась. Чего-то...

— Нет, я в норме. — Теперь уже паника вонзилась когтями ей в живот.

Интимность момента выбила Ианту из колеи. Это даже хуже, чем сидеть перед Люсьеном обнаженной, ведь тело — лишь оболочка. Ианта чувствовала связавшие их узы, чувствовала, как он перебирает эмоции, которые текли через них и отдавались в нем. А еще она чувствовала недавнее его болезненное любопытство, его непреклонность и некое легкое беспокойство. Узы упрочнялись, что одновременно успокаивало и тревожило. Вдруг он научится так чутко улавливать ее настроение, что она выдаст себя и свои секреты?

— Я могу чем-то помочь?

— Да. Возьми меня, — прошептала Ианта, наклонилась и коснулась губами его подбородка.

Щетина царапнула губы. Люсьен вопрошающе прижал большие пальцы к ямочке на ее подбородке, а после ослабил хватку. «Не отпускай меня. Заставь забыть». Закрыв глаза, Ианта лизнула его горло, ее руки сами собой скользнули под его халат, ощутили гладкую как шелк кожу.

А потом пальцы нащупали что-то плотное... неровные шрамы, что покрывали его грудь.

Удивленная, Ианта опустила взгляд. Лицо Люсьена застыло. Свободной рукой запахнув халат, он перехватил ее запястья ладонями, управляя ею так же легко, как марионеткой.

— Как пожелаешь, — прошептал Люсьен и прижал Ианту к матрацу. Он удерживал ее руки вытянутыми над головой, чтобы она снова до него не дотронулась.

— Что случилось с твоей грудью? — Он ни разу не раздевался перед ней, даже когда они... занимались любовью.

Темные ресницы скрыли его глаза.

— Ничего.

У нее екнуло сердце. Вот значит как. Один безумный шаг ей навстречу, потом два шага назад. Ианта отвернула лицо. Она вдруг разозлилась на него, хоть и не имела на это права. Разве у нее не было секретов?

Она забылась. До чего же легко увлечься собственной игрой. Слишком легко поверить ему. Отказ Люсьена лишь напомнил ей об истинной подоплеке их союза.

Люсьен жаждал мести. Ианта хотела вернуть дочь. Как только Луиза окажется в безопасности, Люсьен освободится от Ианты. Сегодня они, как ни странно, и дали друг другу передышку, однако затишье предвещало бурю. Ианта не могла позволить себе ни единой ошибки, только не сейчас.

Да будет так.

Ианта подняла взгляд на Люсьена. В его горящих янтарных глазах застыл вопрос, на которой она вряд ли смогла бы ответить. Простых ответов не было.

— Возьми меня, — вновь прошептала она, вместо того чтобы расспросить его о шрамах.

Несколько долгих мгновений Люсьен колебался, словно боролся с теми же сомнениями, потом склонил голову к ее груди. Его нежный стремительный натиск потряс Ианту, а давление мужского тела между бедер лишь напомнило ей о том, что случилось в библиотеке.

Не осталось места ни сомнениям, ни душераздирающим истинам. Между ними вспыхнула страсть. Руками и ртом Люсьен зажег тело Ианты, а потом неторопливо и нежно скользил по нему языком, не давая пламени угаснуть. С ее губ сорвался тихий вздох, с его — низкий стон желанья. В эту минуту она могла убедить себя, что этот мужчина любил ее не только телом, но и сердцем, и душой.

Когда он вошел в нее, их тела слились в сладостном ритме. Люсьен двигался медленно, словно боялся упустить момент, но ей хотелось большего. Она жаждала бездумного страстного забвения. Обвившись вокруг Люсьена, Ианта вонзила ногти в его плечи и довела его до вершины блаженства. В этот раз она не смогла последовать за ним, как ни старалась.

После они долго лежали, не шевелясь. Она свернулась в колыбели его тела и рук. Время от времени он гладил ее по голове, задумчиво наматывал на палец прядь волос. Ианта не привыкла к подобной близости. «Просто притворись», — сказала она себе, когда веки отяжелели, и ее наконец-то начало клонить ко сну.

— Кто такая Луиза? — прошептал в темноте Люсьен.

Ее тело одеревенело. Вероятно, она произнесла имя во сне. Не найдя, что ответить, Ианта закрыла глаза и, невзирая на сковавшее ее напряжение, притворилась спящей.

«Впервые рабский ошейник использовали в 1789 году коллеги-окультисты Джон Дэвис и Женестьева Хьюстон, трудившиеся над слиянием своих энергий. Идея состояла в том, чтобы объединить силы и таким образом сотворить магию, которую они не могли создать поодиночке. Однако когда миссис Хьюстон надела ошейник на мистера Дэвиса, она обнаружила, что вдобавок может подчинять Джона своей воле посредством кольца, управляющего ошейником».

— *«Летописи Ордена Рассветной звезды» Тадеуса О'Рурка.*

Дрейк сбросил перепачканное пальто и накинул другое. Изнуренный, он полночи рыскал по Лондону в поисках чародея, использовавшего экспрессию.

Его любовница Элино́р Росс помахала письмами перед его носом.

— Думаю, тебе стоит это прочесть.

— Не сейчас, — кратко ответил Дрейк и поцеловал ее в висок. — Необходимо отыскать нашего юного чародея, прежде чем он разрушит Лондон.

— Это важно. — Элино́р протянула один из конвертов. — Юноше заплатили кругленькую сумму, чтобы он лично его доставил. Дрейк, мой психометр зашкаливает. Я чувствую, дело срочное, как будто грядет что-то нехорошее. Я едва ли не чешусь. Остальные подождут, но это письмо — вряд ли.

Взяв конверт, Дрейк всмотрелся в лицо Элино́р. Она не была склонна к театральности, обладала скромным даром предвидения, но еще ни разу не ошибалась.

Он сорвал печать. Почерк был почти детским, но очень аккуратным, словно писали не спеша.

Утром мне представили юного чародея, носящего рабский ошейник. Его зовут Себастьян Монткалм, однако днем я проверил свой экземпляр списка членов Ордена, и его имени там нет. Кольцо от ошейника находится у его матери, и он признался, что она заставляет его совершать скверные поступки. Он хороший парень, желающий освободиться от рабства. Мне больше не к кому обратиться, но я верю и надеюсь, что вы сможете ему помочь.

Пожалуйста, помогите ему.

Вверяюсь Вам,

Обеспокоенный друг.

Дрейк потерял кусок пергамента. Рабский ошейник — это не к добру. Незарегистрированный чародей усугублял опасность. Дрейку полагалось знать всех чародеев, живших в Британии. Существовала лишь одна причина, почему Себастьяна от него скрывали, и это не сулило ничего хорошего.

Заговоры, куда ни погляди. Черт.

— Ну? — Взгляд Элинора смягчился, в нем читалось беспокойство. — Это важно?

— Да.

Дрейк отдал ей письмо, но оставил конверт.

— Можешь сказать, откуда оно пришло? Выудить из него хоть что-нибудь?

Элинора села в центре их кровати и скрестила ноги. Ее дыхание замедлилось, выровнялось. Несколько долгих минут Дрейк мерил шагами спальню, понимая, что стрелки часов на каминной полке неумолимо бегут вперед.

— Пишет девушка, — произнесла Элинора нараспев. Смеженные веки подрагивали, словно она что-то видела. — Я чувствую... Я ничего не вижу. Я пытаюсь писать с закрытыми глазами? Не знаю. Пальцами ощупываю буквы. Не хочу, чтобы меня поймали. Я беспокоюсь о... о ком-то другом? Я ничего не вижу, но не перестаю думать об отце. Она беспокоится об отце?

— Нет, я разыскиваю юношу.

— Юношу... — пробормотала Элинора себе под нос, потирая пальцами письмо. — Все труднее выудить хоть что-нибудь. Юноша, да. Опасный юноша. Мне... Мне жаль его. Я хочу ему помочь. — Она распахнула глаза, от потрясения у нее перехватило дыхание. Элинора выронила письмо. — Там был демон, Дрейк. Я немного уловила, но она беспокоилась о демоне.

— Проклятье.

Призывать демонов нынче строжайше запрещено, однако почтенные члены Ордена поначалу баловались этим из любопытства. За подобный проступок Дрейк упек в Бедлам родного сына, да и сам... грешил... в юности. Ну и что теперь делать? Он должен найти опасного, неуправляемого чародея, но и демон представлял не меньшую угрозу. Призвали ли уже одного? Или только намеревались?

— Монткалм... Монткалм... Никогда о нем не слышал в наших кругах. Как мне разузнать больше? — размышлял он вслух, обращаясь скорее к самому себе. — Я мог бы спросить Д'Арси, как отыскать эту девушку...

— Ты доверяешь Д'Арси? — тихо поинтересовалась Элинора. — Он твой провидец, однако ни о чем таком не упомянул, даже о краже реликвии. А ведь должен был предвидеть, что что-то произойдет. И по силам ли ему выудить из письма больше, чем выудила я?

— Нет. — И это правда.

— Есть кое-кто, к кому ты мог бы обратиться, — предложила Элинора.

— Почему мне кажется, что мне это не понравится?

— Потому что так и есть. — Прочистив горло, она положила письмо на колени. — Нынешняя Кассандра дочь Тремейна. Она крайне педантична, а ее способности намного превосходят мои. Она смогла бы отследить, откуда пришло письмо.

Дрейк бросил на нее скептический взгляд.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Меня он к ней не подпустит.

— Тебя нет. Но, возможно, подпустит кого-то другого, если ему хорошо заплатить.

Тремейну не обязательно знать суть просьбы. Я знаю, он не присутствует на большинстве чтений, и наверняка его повсюду сопровождают, но это можно уладить.

— Элино́р, — сказал Дрейк, начиная понимать, куда она клонит. — Нет. Тремейн опасен. Если бы я составлял список пяти чародеев, которые могли бы быть причастны к призыву демона, то определенно вписал бы туда его имя. — Взяв Элино́р за руки, он подтянул ее к краю кровати. — Я слишком тобой дорожу, чтобы потерять. Ты не представляешь, как долго я искал женщину, которую больше привлекал бы, как мужчина, чем то, что могу для нее сделать, будучи Верховным.

— Поэтому я и предлагаю свою помощь. — Элино́р сжала его руки. — Я люблю тебя и не хочу потерять. Но сейчас я вижу, что напасти сыплются на тебя со всех сторон. Комета в небе, кто-то украл опасную реликвию, по городу бродит чародей, готовый взорваться экспрессией, а теперь кто-то играет с демонами. Может, даже наш вор.

— Поэтому пойти должен я.

— И все же тебе к ней не подступиться. — Элино́р соскользнула с кровати. — Ты не можешь, зато я могу. Я большая девочка, Дрейк, и, если потребуется, легко управлюсь с Тремейном. Остается ответить на простой вопрос — кому еще ты можешь доверять? Ианта уже занята, и мы знаем, что в кругу твоих приближенных есть враг. Тебе больше некого привлечь. К тому же ты должен разыскать неуравновешенного чародея, иначе, может статься, будет нечего защищать от демона. Я могла бы найти этого чародея, используя экспрессию, но удастся ли мне с ним справиться? Нам обоим известен ответ. Оба дела не терпят отлагательств.

Она права, черт побери. Дрейк был занят под завязку, но не хотел в этом признаваться. Послать Элли навстречу опасности было равносильно тому, чтобы вырезать сердце из груди. Он притянул ее в объятия и поцеловал.

— Будь осторожна. — Отстранившись, Дрейк обхватил ладонями ее лицо. — Не дай себя убить. Мое сердце в твоих руках. Береги его.

— Всегда, — улыбнулась Элино́р.

Люсьен проснулся ни свет ни заря и несколько раз моргнул, с удивлением обнаружив, что лежит под простынями, тесно прижавшись к теплому, мягкому телу. После Бедлама он почти не спал. Люк отвык от мягких матрацев и мучился из-за обостренного восприятия окружающего мира. Лишь раз ему удалось немного поспать, когда он растянулся на ковре на полу своей спальни с одеялом и без подушки.

Такого... такого он не ожидал.

Подняв голову, Люсьен изучал свернувшуюся в его объятиях черноволосую красавицу. Ее шелковистые волосы растрепались, а бледные щеки были все еще опухшими от ночных слез, но она не шевелилась. Только ее спина вздымалась и опадала, а голова уютно покоилась на его бицепсе, пленив Люсьена.

А может, и не пленив. По правде говоря, ему нравилось, как ее ягодицы прижимались к его паху, и то, как она сплела свои пальцы с его. Уткнувшись лицом ей в затылок, он вдохнул ее запах.

Если бы ему не нужно было разыскивать вора, он бы с удовольствием провел день здесь. Судя по шуму дождя за окном, лучшего прибежища не найти.

— Ианта? — прошептал Люсьен, поглаживая изгиб ее талии. — Ианта?

А ее трудно разбудить. Люсьен закрыл глаза, наслаждаясь прикосновением. Бормоча, она полуобернулась и слегка выгнула бедра, когда он принялся выводить на них маленькие круги. Член сделался твердым как сталь. Люсьен поцеловал Ианту в шею, лизнул позвонок, его пальцы спустились ниже, неторопливо зарылись в мягкие кудряшки в развилке бедер и проникли между скользких складок.

У Ианты перехватило дыхание. Он почувствовал, когда она пробудилась, ощутил мимолетное «где я?» через связавшие их узы. Осознав, где находится, Ианта расслабилась и сонно взглянула на Люсьена.

— Доброе утро, — пробормотал он, обхватил ладонью ее бедро и раздвинул ноги. А потом снова принялся ласкать пальцами.

— Действительно доброе, — выдохнула Ианта.

Люсьен забылся, упиваясь ее телом и толкая Ианту к вершине наслаждения. Через несколько секунд ее тихие стоны и бесстыдные извивания увлекли обоих. Это продлилось недолго. Тихо ахнув, Ианта достигла пика и, вцепившись в подушку, обмякла. Люсьен знал, что ночью она не получила разрядки, и сейчас удовлетворил овладевшее им чувство долга.

Часто и тяжело дыша, Ианта медленно приходила в себя.

— Ты остался на ночь.

— Должно быть, я заснул.

Лежа на спине, она водила пальцем по волоскам на его груди. Люсьен перехватил ее запястье и мягко отвел руку. Он был укрыт простыней, однако не ожидал проснуться здесь. Помнил только, как пришел сюда ночью, поняв, насколько Ианта напугана.

Она протянула руку к простыне и сказала:

— Покажи мне.

Люсьен понял, о чем она просит. Каждый мускул в его теле напрягся.

— Нет.

На его теле не осталось живого места, а в комнате хватало света, чтобы Ианта разглядела отметины, которые оставил демон, изрезав всю его грудь и бедро. Люсьен сел и спустил ноги с кровати, но Ианта последовала за ним. Она прильнула грудью к его голой спине, обвила руками шею и плечи, не давая ему уйти.

— Я могла бы потребовать, — сказала она. — Сейчас день.

— Могла бы.

Люсьен напрягся. Подобное требование означало конец перемирия. Ианта поцеловала его в шею.

— Пожалуйста. Это сделал демон, верно? Позволь посмотреть, что сотворила с тобой эта тварь.

Раздувая ноздри, он отвернул лицо, но ее груди вновь потерлись о его спину, притягивая внимание.

— Ты видел мои, — прошептала Ианта. — Позволь взглянуть на твою.

Ее? Он нахмурился, но тут ее порочный рот скользнул по трапециевидной мышце, а зубы аккуратно прикусили кожу. Люсьена пронзило возбуждение, сорвав вздох с его губ.

— Проклятье, женщина.

Медленно она потянула его назад, и он повиновался. Удивительно, но повиновался. Оказавшись на спине, Люсьен уставился на Ианту, которая, перекинув ногу через его бедра, уселась сверху.

Оба были обнажены. Лишь серый свет раннего утра пробивался из-под занавесок, однако глаза Люсьена привыкли к полумраку, и он видел каждый дюйм ее тела: пышные, округлые груди, узкую талию, переходящую в широкие бедра... полоску темных волос между ног.

А значит и она его видела.

Это оказалось труднее, чем ему представлялось. Люсьен отвел взгляд, когда Ианта обвела одну отметину, потом другую.

— Я сожалею, — сказала она, и в души обоих закралась печаль.

— О чем?

— О боли, которую ты испытал. Об этом.

Ианта провела пальцем по худшей из отметин — пятну, выжженному огнем, — которая до сих пор иногда побаливала.

Но не сейчас. Прикосновения Ианты были сродни касанию шелка по оголенным нервам. Не то чтобы болезненные, не то чтобы приятные, но остро ощутимые. Люсьен шевельнул бедрами.

Ианта склонилась над ним и, не сводя глаз с его лица, высунула язычок и лизнула один из шрамов. Медленно она спускалась все ниже и ниже, не забывая ласкать и целовать каждую отметину... Люсьен с трудом сглотнул. Не в силах удержаться, он запустил руки в копну черных волос и направил Ианту ниже.

— Какая настойчивость, — прошептала она, но повиновалась. Ианта поцеловала впадинку на бедре, задев волосами чувствительный кончик члена.

«Черт». Люсьен дернул бедрами.

— По-моему, я задолжала тебе минет.

Розовый язычок скользнул по головке, и Люсьен содрогнулся. «Боже». Не в силах сдержаться, он толкнулся ей в рот, погладил по волосам и, зарывшись руками в густую, шелковистую копну, побудил Ианту взять член глубже.

Заглотив его, она заурчала, и Люсьена затопили ощущения. Дьявол. Он больше не владел собой. Не мог думать. Едва мог дышать. Только жаждал... Жаждал всего.

Зубы царапнули чувствительный член, когда Ианта принялась ублажать его влажным ртом. Люсьен застонал.

— Черт возьми, женщина. Хватит меня дразнить.

Словно желая его помучить, она закружила языком вокруг головки, а потом вобрала ее в жаркий рот. Ианта то полностью заглатывала член, то отступала, сдавливая рукой основание.

Волна жгучего наслаждения устремилась к низу живота.

— Ианта, — выдохнул Люсьен. — Я сейчас кончу.

Очевидно, именно этого она и добивалась, так как засосала быстрее. Он закатил глаза и выгнул спину, оторвавшись от кровати. Простыни сбились в сторону, но Люсьена больше не волновало, что Ианта думает о его шрамах. Как можно волноваться — как можно соображать — когда женщина вытворяет с тобой такое? И вдруг это потеряло значение, потому что ей было наплевать на шрамы. Впервые за много лет Люсьен открылся, полностью отдавшись Ианте. А потом кончил, и жгучее наслаждение бурлящим потоком понеслось по жилам.

Все затмило восхитительное тепло и давление. Мир сузился до ощущения коварного рта, который продолжал трудиться, словно Ианта хотела выпить Люсьена. До. Последней.

Капли.

Часто и тяжело дыша, пресытившийся Люсьен рухнул на кровать.

— Ни черта себе, — выдохнул он. — Можешь смотреть на мои шрамы, когда пожелаешь.

Раздался тихий смех. Теплое, пышное тело скользнуло в его объятия, а потом Ианта положила голову ему на плечо. Ее волосы щекотали лицо, но Люсьена это не раздражало. Наоборот, ощущение было приятным. Он был полностью удовлетворен, его вновь клонило ко сну, в его объятиях лежала теплая женщина, и ему казалось, что он мог бы провести здесь несколько дней. Вот так. Ни забот, ни тревог.

— Тебе нечего стыдиться...

Хорошее настроение как ветром сдуло.

— Я их ненавижу, — резко признался он. — Я ощущаю лишь боль, когда думаю о них.

Упершись подбородком ему в грудь, Ианта посмотрела на него своими фиалковыми глазами.

— А когда колдуешь? Тоже чувствуешь только боль?

Дыхание с шумом вырвалось из его груди. Вот только спрятаться было негде.

— Ианта.

— Ты не пользуешься магией. Я просто пытаюсь понять, почему.

— Не важно, — огрызнулся Люсьен и сел. Ианта упала на подушки рядом с ним, когда он перекинул ноги через край кровати, намереваясь уйти. Разговор окончен.

Но не успел Люсьен встать, как она обхватила его запястье.

— Можно кое-что расскажу? — прошептала Ианта.

Замерев, Люсьен опустил взгляд на ее пальцы.

— Конечно.

Она открыла рот, потом вдруг прижала ладони к глазам и простонала:

— Это почти неприлично.

— Уверен, мы достаточно говорили о прошлом, чтобы не стесняться друг друга.

— Да, но... мне неловко. Я помню все и тем не менее уверена, что ты понятия не имеешь.

— Вот теперь ты разбудила мое любопытство, — признался он, повернулся и лег рядом с ней. — А ну выкладывай. Я же выболтал свои секреты.

— Не все.

Он вперил в нее взгляд.

— Кто бы говорил.

— Справедливо, — раздраженно выдохнула Ианта и пронзительно посмотрела на Люсьена. — Думаю, у нас обоих хватает секретов, верно?

И лишь теперь, когда они начали доверять друг другу, эти секреты могли быть раскрыты. Люсьен легонько провел пальцами от ее плеча до изгиба бедра.

— Ты права. Однако, если мои подсчеты верны, ты задолжала мне один.

Ианта закрыла лицо ладонями.

— Помнишь, я сказала, что до тебя у меня было два любовника?

— Д-да, — осторожно, словно ступал по минному полю, произнес он. — Я третий.

— Строго говоря, это не совсем так. — Ианта бросила на него взгляд между растопыренных пальцев.

— Я... — Он захлопнул рот. — Нет. На самом деле я не знаю, что на это ответить.

— Ты ведь заставишь меня сказать?

— Естественно. — Люсьен положил голову на ту же подушку, что и она. — Я не пойду прямиком в ловушку безоружным, тем более что в данный момент ты из меня веревки вить можешь, и мне не под силу тебя остановить.

— Ха-ха, — шутливо протянула Ианта, но потом ее веселость улетучилась. — Ты первый мужчина, с которым я возлегла, — прошептала она. — Почти десять лет назад.

На секунду Люсьен решил, что ослышался.

— Что? Я уверен, мы никогда...

«Ой ли?» — промелькнул в голове уместный вопрос, и в памяти всплыли полдюжины лиц, но ее среди них не было...

Ианта прочистила горло.

— Мне было семнадцать, тебе — не знаю. Был 1884 год, праздник летнего солнцестояния, все обряды проводились в поместье леди Харингей в Брайтоне...

Внезапно на Люсьена нахлынули воспоминания: душный летний ветерок, прием в саду, прелестные фонари, свисающие с деревьев, и она. В платье из белого газа, в филигранной золотой маске, окруженная аурой нервозности. Его притянуло к ней словно магнитом. Они танцевали, смеялись, целовались... едва ли обменявшись парой слов. Пока Люсьен не взял ее за руку и не увел из рощицы, как раз когда начали проводить обряды.

— Ты моя таинственная дама?

— Приятно, что ты именно так сформулировал.

Неожиданно для себя он улыбнулся.

— В ту ночь я изрядно набрался. Я и не осознавал, что твои волосы такие темные. — Он опустил взгляд. — И прости мою бестактность, но я почти уверен, что тогда у тебя не было этих...

Ианта чопорно прижала простынь плотнее к груди.

— Я еще не до конца оформилась. Мне было всего семнадцать.

— Хм. — Люсьен потянул за простыню. — Надо бы освежить воспоминания.

— Люсьен!

Он едва расслышал ее, уткнувшись лицом в простыни. Ианта оттолкнула его, и Люсьен, смеясь, откатился, после чего тут же нахмурился.

— Поэтому ты едва поздоровалась со мной, когда меня официально тебе представили?

— Встретив тебя снова, я испытала потрясение, — призналась она. — К тому же было совершенно ясно, что, тогда как я знала, кто ты такой, ты не помнил... что между нами произошло.

Стоя на коленях, он посмотрел на нее сверху вниз.

— Все это время я гадал, что, черт возьми, тебе сделал. Ты меня ненавидела.

— Я не испытывала ненависти. — Ианта нахмурилась, потом сглотнула. — Ты всегда был частью моей жизни, — прошептала она. — Такое чувство, что мне никогда от тебя не сбежать, словно нам... суждено находить друг друга.

— Ты так говоришь, будто это плохо. — Его сердце пропустило удар. — Плохо?

— Нет.

Ее глаза превратились в темные озера, вся веселость исчезла, оставив за собой тусклые тени, которые заскользили по коже Ианты.

Секреты. Вот что их разделяло.

Люсьен наконец-то понял эту желто-зеленую эмоцию, иногда мелькавшую на ее лице.

Теперь, когда узы упрочились, он ощущал ее внутри. Он всегда чувствовал грусть, боль и страх... Однако никак не мог понять другую эмоцию, ту, которую никак не удавалось распознать. До сей поры.

Вина.

Она отразилась на лице Ианты, когда Люсьен впервые попытался провести поиск кинжала в доме Дрейка. Она отражалась там всякий раз, когда Ианта произносила имя Верховного, и отразилась сейчас, когда она призналась, что они занимались любовью раньше...

Мысль обрушилась на Люсьена подобно водопаду, смывая все остальные. Несвойственное Ианте терпение в отношении к реликвии, словно бы она чего-то выжидала, ее кошмары, бездействие во время поисков...

Лишь тот, кому Дрейк доверял, мог украсть реликвию. Тот, кто знаком с его защитными чарами, например... ученица.

Тот, кого никто не станет подозревать.

Люсьена пронзило потрясение. Нет. Нет, не может быть.

Однако все указывало именно на это.

И тогда Люсьен понял, кто вор.

Клео бросила крошки уткам. Она осталась одна, и впервые за долгие годы это ее не устраивало.

Себастьян не вернулся, не прислал письма. Клео уже было подумала, что он и вправду вознамерился избегать ее до свадьбы, назначенной на сегодня. Также не было видимых признаков, что Верховный получил ее послание. Клео не знала, что делать дальше. Не может же она сидеть сложа руки, как красна девица в заточении до конца своих дней.

— Знаете, мне жутко надоели все, кто знает, что для меня лучше, — обратилась она к уткам.

Те вели себя как им и положено и возмущенными криками давали понять, что хотят больше крошек. Клео бросила жадным тварям еще и повернулась к беседке.

Нахлынули воспоминания о том, что здесь произошло, хоть она и упорно отказывалась дотрагиваться до губ. Ведь это даже поцелуем было трудно назвать, Клео и думать о нем забыла. Вышло неплохо, хотя немного энтузиазма со стороны Себастьяна не помешало бы. В следующий раз ему лучше бы постараться, не то она за него не выйдет.

Клео вздохнула. Кого она пытается обмануть? Выйдет замуж за Себастьяна не смотря ни на что. Ведь ей необходимо вырваться из-под душащей опеки отца, а также помочь Себастьяну избавиться от ошейника и сбежать от матери. Если Себастьян убьет мать, это уж точно не принесет ему душевного спокойствия.

Клео шагнула в беседку и замерла, услышав шорох ткани. Здесь кто-то еще. Себастьян вернулся! Сердце наполнилось надеждой, и имя Себастьяна чуть не сорвалось с губ, но тут Клео почувствовала легкий запах духов.

Значит это женщина, любительница пряных ароматов, то есть скорее всего дама в возрасте. Молодые девушки отдают предпочтение цветочным ароматам, намекая на невинность.

— Эй! Я знаю, здесь кто-то есть.

Шелест шелка. Звук мягкий, а значит гостя принадлежит к высшему сословию, возможно дворянка или жена состоятельного торговца.

— Простите. — Голос бархатный и богатый. — Я не намеревалась вас испугать.

Что ж, второй раз за два дня.

Клео не чувствовала опасности. И хотя день не предвещал ничего дурного, она не собиралась рисковать.

— Я представляю Орден, — произнесла женщина. — По поручению Верховного и с условием, что вы сохраните мой визит в тайне, даже от отца.

Тут незнакомка впервые осеклась.

— Я... вот официальная бумага с просьбой о помощи, но я не предполагала, что вы не сможете ее прочитать.

Приказ Верховного. Сердце Клео забилося чаще.

— Вы не могли бы передать документ мне?

Гостя вложила бумагу в руку Клео и попыталась сопроводить ее к креслу, и та позволила, чтобы не разбить иллюзию незащитности. Слепых девушек принято недооценивать, и Клео это вполне устраивало.

Психометрия не была ее стихией, но она научилась ей на скорую руку. Бумага была

написана мужчиной. Клео ощутила, что он в плену мыслей, и тяжкое бремя давило на него, но ничего более.

Можно ли доверять этой женщине и приказу Верховного? Клео открылась своему внутреннему миру, и перед ней мелькнуло видение: золотая искра поднимается и разгоняет клубящиеся тучи тьмы, но в этот раз к ней присоединяется вторая.

Значит, так тому и быть.

— Кто вы? — спросила Клео. — И имейте в виду, я почувствую, если вы солжете.

Гостья замешкалась.

— Я не обязана вам помогать, — напомнила Клео. — Быть может, это вы должны убедить меня, что достойны доверия.

— Я — Элино́р Росс. Если бы ваш отец знал, что я здесь, он бы приказал убить меня. Он отказал мне в возможности встретиться с вами ранее. Мне пришлось проникнуть через стену.

Признание гостьи обеспокоило Клео: у ее отца не счесть проступков, но убийство? И тем не менее Элино́р говорила правду.

— Я ничего не скажу отцу. Вы упомянули, что пришли по поручению Верховного. Что ему нужно?

— Верховный получил письмо с предупреждением: молодой колдун связан ошейником и подчинен чужой воле. Его имя — Себастьян Монткалм.

— Каковы намерения Верховного в отношении молодого человека?

— Он хочет помочь. Ни один колдун не должен быть лишен воли насильно.

Клео наклонила голову, словно вслушиваясь.

— Это не вся правда. Хотя и ее часть.

— Я немного владею психометрией. С ее помощью я уловила, откуда пришло письмо, а также получила шокирующие видения замысла против Верховного.

— Ясно. Могу ли я задать вопрос?

— Какой же?

— Почему вы уверены, что мой отец убил бы вас, знай он, что вы здесь? Я никогда не считала его жестоким. Озлобленным — да, но не убийцей.

— Ваш отец... — Элино́р подбирала слова с осторожностью. — На его совести по меньшей мере одна смерть. Именно поэтому он был заточен в стенах этого поместья, без возможности когда-либо покинуть его. Полагали, что ваш отец несет ответственность и за несколько других убийств, однако не набралось достаточно доказательств, чтобы его осудить.

— Отец совершил убийство при помощи колдовства? — ужаснулась Клео.

— Да.

— Тогда почему его не казнили? В нашем Ордене за такое полагается смертная казнь.

— В обмен на помилование ваш отец выдал важные сведения о готовящемся бунте против Верховного. За это колдовские способности Тремейна были связаны Орденом, и теперь его чары крайне ограничены. Ваш отец может накладывать некоторые заклинания, но только в пределах возможностей адепта Второго Круга.

Отцу вряд ли пришелся по душе такой расклад.

Клео сжала губы. Она была не готова предать отца. Клео его не любила, но хотела бы полюбить. Или, быть может, хотела бы, чтобы отец полюбил ее. Но Клео была обязана поступить по совести, и если отец пытается установить связь с другим измерением и ей об

этом известно, бремя ответственности за возможные смерти ляжет и на нее.

— Мне кажется, отец пытается вызвать демона. Я слышала, как он работает над особым заклинанием. При помощи демона отец сможет разбить запреты, наложенные на него?

— Демон способен сделать намного больше. Вы не могли бы разузнать, готов ли ваш отец завершить заклинание? Быть может, вы?..

— Отец носит на шее охранный кристалл, который не позволяет мне читать его будущее. — Клео всегда гадала, что же скрывает отец. — Но я знаю, что он вступил в сговор с женщиной по имени Моргана и...

— Моргана?

Клео замолчала.

— Да. Вам она знакома?

— К сожалению. — Элинор заговорила отрывисто: — Я должна передать Дрейку все, что узнала. У нас еще меньше времени на подготовку, чем мы полагали. Спасибо. Я еще вернусь.

Клео замялась.

— Это я написала то письмо.

— Я знаю.

— Если Верховный поступит согласно намерениям, я готова оказать вам содействие. Я помогу Верховному остановить отца, но у меня есть несколько условий. Верховный должен помочь Себастьяну избавиться и от ошейника, и от матери. И что бы ни произошло, что бы Себастьян ни натворил под влиянием матери, с нами ничего не должно случиться.

— А ваш отец?

Превозмогая страдание, Клео произнесла:

— Если отец призовет главного демона, то нарушит закон. Станет опасным и непредсказуемым, ведь если совершит такой поступок единожды, до каких низостей опустится в следующий раз? Если он призовет демона, у Верховного не будет иного выхода, кроме как поступить в соответствии с нашими законами. Я... я буду горевать об отце, но он сделал выбор, а значит должен быть готов и к последствиям.

— Вы очень смелая.

— Я не знаю, правильно ли поступаю. — Клео склонила голову. — Но надеюсь, что правильно.

— Если решение дается трудно, — ответила Элинор, — то правильно. Пусть это служит вам путеводителем в будущем, что бы оно ни готовило. Я вернусь, когда разузнаю больше. Здесь самое безопасное место для встреч?

— Это единственное место, где за мной не следят. Но сегодня я выхожу замуж, и не знаю, где я буду жить.

— Можно взять у вас волос?

Клео кивнула и почувствовала, как волос резко дернули.

— С его помощью я всегда найду вас. Если через два дня я не вернусь, будьте крайне осторожны, прежде чем что-либо предпринять. И не упоминайте о моем визите тем, кто вас охраняет. Они работают на вашего отца, а не на вас.

— Я поняла это, когда мне было девять.

Элино́р спешно проби́ралась че́рез ро́щу, о́кружающую о́гороженный са́д на кра́ю поме́стья Тре́мейна. Демоньки. Госпо́дь ми́лостивый, знач́ит это́ правда. На́до пре́дупре́дить Дре́йка.

— Ну здра́вствуй, Элино́р, — произнес́ мужской го́лос.

Она́ замерла́, пре́жде че́м о́бегну́ться. Те́мные си́луэты́ с за́крыты́ми ка́пюшо́нами ли́цами вы́скользну́ли из-за де́реве́ев. Оди́н, дво́е, тро́е, че́тверо. За спи́ной тресну́ла ветка́, разда́вленная ка́блуком са́пога. Элино́р ре́зко о́бегну́лась и уви́дела е́ще о́дного мужчи́ну, вы́ше о́стальных. Его́ она́ зна́ла.

— Тре́мейн. — Элино́р сглотну́ла твёрдый ко́м, за́стрявший в го́рле. — Хоро́шо вы́гляди́шь.

Лорд Тре́мейн ме́дленно стяну́л перча́тки, о́ди́н па́лец за дру́гим. Он по́старел с их по́следней встре́чи, но гла́за бы́ли так же по́льны зло́бы, а то́лстые губы́ так же сжи́мались в неприя́тной улы́бке.

— Ты́ и впра́вду полага́ла, что поме́стье не о́храня́ется? Я де́йстви́тельно не мо́гу созда́ть стра́жа, спосо́бного за́щити́ть поме́стье или́ отва́дить вра́гов, но впо́лне спосо́бен со́твори́ть того́, кто о́пове́стит ме́ня, е́сли ка́кая пта́шка шны́ряет ту́т и та́м, пы́таясь о́статься не́замече́нной.

Взгля́д Элино́р ско́льзнул на фи́гуры мужчи́н, кото́рые сжи́мали ко́льцо́ все́ плотне́е, и о́братно́ на Тре́мейна.

— Ты́ ра́ньше не бы́л сто́ль и́скусным.

— Ве́рно, но те́перь у ме́ня е́сть вли́ятельные дру́зья. Они́-то́ и уча́т ме́ня со́верше́нствоват́ мое́ масте́рство.

— До ме́ня до́шли кое́-ка́кие слу́хи. Хо́тя я бы́ не ста́ла называ́ть э́тих по́кровите́лей дру́зьями. Ве́дь бы́вшая герцо́гиня вы́крала то́гда ро́ковые рели́квии у те́бя из-под но́са, хо́ть ты́ счита́л е́е со́юзником?

Элино́р нача́ла ме́дленно пере́направля́ть э́нергию́, кон́центри́руя во́лю. Её́ се́рдце заби́лось ча́ще. «Я со́вершила́ глупо́сть, при́дя сюда́ в о́ди́ночку».

Тре́мейн фы́ркнул.

— Ска́жем так, вра́г моего́ вра́га — мой дру́г.

— И ты́ хо́чешь за́получи́ть то́, че́м владе́ет Дре́йк, бо́льше, че́м ото́мсти́ть Морга́не?

— Я хо́чу верну́ть то́, что э́тот ме́рзаве́ц у ме́ня укра́л!

— А да́льше? — Элино́р тяну́ла вре́мя до́ того́ мо́мента, ка́к нако́пит до́статочно́ э́нергии́.

— Да́льше?

— Бро́сь. Да́вай не бу́дем притво́ряться́, бу́дто то́бой дви́жут беско́рыстные́ или́ благо́родные́ побужде́ния, Тре́мейн. Бы́вшая герцо́гиня подо́зрева́ет, что она́ до́лжна бы́ть пре́дельно́ о́сторо́жной, ка́к то́лько ты́ распра́вишь́ся с Дре́йком?

Его́ взгля́д вне́запно́ ско́льзнул вле́во.

— Еру́нда. Мой со́юз с Морга́ной не́рушим.

Все́ разгово́ры бы́ли ни́ к че́му. Элино́р возве́ла ру́ку, и по́ манове́нию о́дного́ ли́шь сло́ва о́гненные́ ко́мки э́нергии́ вы́плесну́лись из её ла́доней и сфо́рмирова́лись в ма́гические́ сфе́ры.

— Что́ ж, не бу́дем хо́ди́ть во́круг да́ око́ло. Я то́же на́учи́лась кое́-че́му, Тре́мейн.

Элино́р за́пусти́ла о́дну́ из сфе́р, а из дру́гой со́твори́ла за́кли́нание, ка́к вдруг...

О́громная́ э́нергетическая́ волна́ сби́ла её́ с но́г, закру́тила, по́вали́ла, и Элино́р

припечаталась лбом об дерево. Ее колдовство угасло, и на мгновение в глазах потемнело. Когда зрение вернулось, она увидела приближавшихся к ней двух мужчин. Вернее, одного. Что же произошло? Трмейн недостаточно силен, чтобы избавиться от ее чар и ударить энергетическим потоком такой мощи.

— Прекрасная работа, Себастьян. — В голосе Трмейна звучала гордость наставника.

Себастьян? Элино́р похолодела. Молодой колдун в ошейнике, именно его попросила спасти Клео, это он мгновение назад использовал экспрессию.

Мужская фигура, стоящая перед ней, сняла темный капюшон, и Элино́р потеряла дар речи.

— Дрейк? — Зрение ей изменило. Этот человек слишком молод, но у него те же темные волосы, да и глаза... Но более смуглая кожа и небольшая ямочка на подбородке. Потрясающее сходство, кто же...

И вдруг ее осенило.

Все эти годы скорби, боль в глазах Дрейка каждый год в июне, когда приближалась годовщина смерти сына... Элино́р побледнела. Ах, лживая стерва!

— Боюсь, ты ошиблась, Элино́р. — Трмейн подошел ближе и ударил носком сапога меж ее ребер.

Элино́р вскрикнула и повалилась в кучу листьев. Она уловила движение и вскинула руки, чтобы защитить лицо, но удара не последовало. Трмейн тяжело выдохнул.

— Она повержена. — Холодный жесткий голос сына не имел ничего общего с голосом отца. Незнакомец с лицом молодого Дрейка положил руку на грудь Трмейна. — Ни к чему ее пинать.

— Да что ты знаешь, мальчишка! — Мрачно улыбнувшись, Трмейн обернулся к Элино́р. — Она, считай, уже мертва. Но сначала нам необходимо выяснить, что Элино́р здесь делает, и что известно Верховному.

«Доверие — явление переменчивое».

Старинная пословица

— Расскажи мне о слугах, — Люсьен поудобнее устроился на диване в ресторане. Он до сих пор не знал, что делать с внезапным открытием, что напротив него сидит воровка. Однако понимал, что должен собрать больше сведений.

А главное разобраться, зачем она это сделала.

Умом он понимал, что должен выдать Ианту Верховному. Реликвия слишком опасна, чтобы оставаться в руках врага. Но часть его сознания, та, что чувствовала любовь Ианты, когда она говорила о Верховном, подсказывала Люсьену, что нужно подождать. Партия еще не сыграна. Картина не прояснялась, и особенно та ее часть, где Ианта предает дорогого ей человека. Пока Люсьен нашел лишь туза в ее рукаве.

И кроме того, он-то не предан Верховному. Если и обязан кому-то, то скорее самой Ианте. Нахмурившись, он отломил веточку от букета сирени на столе и повертел в руках. Цвет сирени напоминал о глазах Ианты, но слишком хрупкие лепестки легко мялись. Ианта не такова. По крайней мере Люсьен на это надеялся.

— Слугах? — Ианта задумалась, и вилка с кусочком жареного голубя повисла у ее рта. Она ела механически, ее мысли находились за тысячи миль отсюда. — Каких?

— Слугах Верховного, — ответил Люк и, заметив, что собеседница вновь отвернулась к окну, взял ее за руку. — Я понимаю, тебе трудно обвинить кого-то из них, но мы не сдвинулись с мертвой точки.

Они потратили целое утро в напрасных поисках и обошли половину отелей в этой части города. Может, Моргана и останавливалась в Виндзоре, но давно съехала.

— Не думаю, что слуги виноваты. Как насчет того, что Хорроуэй сказал о Тремейне?

— Несомненно, нам стоит потянуть за эту ниточку. Но сначала я хочу установить связь между Тремейном и особняком Верховного. Пока мы только ловим собственный хвост. Нам известно, что Моргана в Лондоне и возможно вступила в союз с Тремейном, но у нас нет никаких доказательств, что они украли реликвию. Нужно начать с начала, а не сверять по списку тех, кто мог или не мог украсть, и нам следует действовать быстрее. — Люк решил немного спровоцировать Ианту. — Судя по тому, как неспешно мы вели расследование в последние два дня, можно подумать, будто мы любимся красотами Лондона, а не пытаемся предотвратить неминуемую катастрофу.

— Ясно. — Ианта побледнела, но отняла руку и продолжила потягивать чай. Холодно-серый всполох окрасил ее лицо; она нервничала.

«Ну же, скажи мне правду. Признайся, где ты спрятала реликвию и что собираешься с ней делать».

— Кто из слуг желает Дрейку зла или мог бы поддаться на уговоры, будто в их интересах украсть реликвию?

— Ни у кого из них не было ни возможности, ни средств, — ответила Ианта. — Люсьен, мы с Дрейком рассмотрели все варианты.

— И все же подумай.

Ианта поставила чашку на стол.

— Я просто... не представляю, кто из них мог бы выкрасть реликвию.

— Не может быть, чтобы Дрейка любили настолько, что ни один из слуг не хотел бы вонзить кинжал ему в спину. Ведь кто-то это сделал. Ты питаешь к нему нежные чувства, но это не значит, что все остальные их разделяют. Нам следует собрать и допросить всех слуг.

— Дрейк — хороший господин, — возразила Ианта, — и хороший человек. Они могли оступиться по незнанию...

— Ты слишком хорошо о них думаешь. Не так уж мало причин, по которым верный слуга мог предать хозяина: алчность, страх... шантаж.

И только Люсьен это произнес, как его сердце замерло. Он выбрал неверный подход, пытаясь испытать преданность Ианты. Ведь ее верность Верховному вне всяких сомнений.

Однако хоть верность и является добродетелью, она также может быть и слабостью.

Черт побери! Люсьен похолодел, и каждая струна его интуиции уверенно завибрировала. Преданность Ианты никогда не ставилась под сомнение. Вот и сейчас она, как и всегда, рьяно защищала Верховного. Но вдруг ей чем-то угрожают?

— Мы не сможем их допросить, — пробормотала Ианта. — Дрейк не хочет огласки среди членов Ордена. После появления кометы нельзя допустить, чтобы Орден даже заподозрил, будто Дрейк уязвим.

О, Люсьен действительно подошел не с того конца.

— Что ж, хорошо. Мы продолжим искать того, кто больше всего желает завладеть реликвией.

Ведь именно этот человек шантажирует Ианту, в этом не было сомнений.

Моргана. И Тремейн.

— Быть может, нам следует разделиться? — предложила Ианта. — Ты продолжишь обходить гостиницы, а я навещу старого приятеля. Он знал Тремейна. И должна напомнить, мы не должны вступать в контакт, если вдруг обнаружим злоумышленников.

Люсьену не понравилось, что Ианта останется одна.

— Мне не хотелось бы...

— Я способна за себя постоять, Люсьен.

Ианта не любила, когда ее считали уязвимой, но быть может не понимала, что он беспокоится не о ее уязвимости, а о ее безопасности. Сейчас она сильнее Люсьена, но все равно смертна. Если с ней что-нибудь случится... Люсьен сжал кулак, и веточка сирени впилась в ладонь. Он разжал пальцы, чтобы не повредить цветки. Хоть пальцы Люсьена были слишком большими, он попробовал расправить один из смятых лепестков.

Что ж, не стоило так уж бурно реагировать. Он откинулся на диванчик, теребя цветок. Однако делиться своим открытием с Иантой не собирался.

— Где встречаемся?

— Дома? На ужин в шесть?

Дом Ианты, а не Люсьена. Но он начинал привязываться к нему.

— Тогда до встречи, — согласился Люсьен, встал и засунул чертов цветок в карман, прежде чем отправиться на поиски сумасшедших колдунов. — Будь осторожна.

— Я всегда осторожна.

Поравнявшись с Ковент-Гарден, Люсьен вдруг изменил планы. Он пообещал встретиться с Иантой через час, но, повернув на знакомую улицу, увидел очертания театра «Феникс» и замедлил шаг.

Через пару минут он уже решительно входил в концертный зал. Стояла тишина, сцена пустовала. Люсьен прошагал до середины прохода и остановился, охваченный неприятным ощущением холодка на затылке. Он резко обернулся.

Ремингтон Кросс стоял у входа, спрятав руки в карманы, и наблюдал, пронзая его загадочным взглядом темных глаз. Кросс был в одном жилете без пиджака, с расстегнутым воротом рубашки, будто только прилег отдохнуть. Люк не ощутил присутствия стражей, но очевидно его визит не остался незамеченным.

— Надо же, какие люди! — Глаза Кросса недружелюбно сузились.

— Спасибо за радушный прием. — Люсьен поджал губы. — Я бы рад повалять дурака, но есть дела поважнее. Мне некогда обмениваться с тобой колкостями.

Лицо Кросса на мгновение застыло, будто он был тигром и бил хвостом, решая, броситься ли ему на Люка или выслушать его.

— Ты хочешь поговорить об Ианте?

— Я беспокоюсь о ней. Мне нужно задать тебе несколько вопросов, но я не могу сказать зачем.

— Пойдем, — пригласил Кросс и направился в свою гримерную за сценой. Там он налил два виски и начал потягивать свой.

— Ианта в опасности?

— Не знаю. В настоящий момент беседует со знакомым, пытаюсь выяснить, есть ли новости о Моргане де Винтер и графе Тремейне.

— Моргана вернулась в Англию? — Кросс изогнул бровь. — И ты оставил Ианту одну?

— Не думаю, что мы сможем найти Моргану, и что она представляет опасность для Ианты.

До поры до времени. Если бы Ианта передала реликвию Моргане, та скорее всего уже избавилась бы от свидетельницы. Раз Ианта жива и ищет шантажиста, значит реликвия все еще у нее. Люсьен надеялся, что это именно так.

— Что происходит? Мне все это не нравится. Во что бы Моргана ни вмешалась, дело плохо.

— Я не знаю, могу ли тебе доверять, — признался Люсьен.

— Это самое разумное, что ты сказал, но ты ведь не пришел бы сюда, если бы были другие варианты, верно?

Они переглянулись.

— Я ведь не совсем дурак, — пробормотал Кросс. — В Ордене назревает буря, и трудно не заметить, что в Лондоне вот-вот произойдет что-то серьезное. А теперь ты упомянул Моргану. Все это мне ни на йоту не нравится. Ианта моя подруга. Мне не хотелось бы, чтобы она взвалила на себя непосильную ношу.

— Именно поэтому я пришел, — ответил Люсьен. — Я не до конца доверяю Верховному, и у меня есть одно серьезное подозрение. Если я прав, прав и ты. Ианта окончательно и бесповоротно взяла на себя бремя, которое ей не по силам.

— Рассказывай.

— Сначала скажи мне, кто такая Луиза.

Хоть это казалось маловероятным при такой смуглой коже, но Кросс побледнел и с громким стуком поставил бокал на стол.

— Рассказывай.

— Кто такая Луиза? — тихо повторил Люсьен голосом, не терпящим возражений.

Неизбежность довлела над ним, как отдаленный звон в ушах. Признание Ианты об их давней связи потрясло его, но даже поняв, что именно Ианта — воровка, которую он ищет, Люсьен не достроил цепочку до логического конца.

Но вывод напрашивался сам собой. Холодный пот пробежал по спине.

— Ты ведь знаешь, что с ней произошло. Признайся, ты никогда не задумывался, отчего отец выкинул Ианту на улицу?

Люсьен коснулся лица дрожащей рукой.

— Я полагал, из-за того, что она колдунья.

По крайней мере он на это надеялся.

Кросс изучал монетку, перебирая ее так проворно, что, казалось, она исчезала меж его пальцев.

— Ианта впервые использовала экспрессию, когда ей было двенадцать. Отец заставил ее прожить с ним в адских условиях еще пять лет.

Значит, нечто иное толкнуло Гранта Мартина на этот поступок. Нечто похуже экспрессии. Луиза была ключиком к разгадке, в этом нет сомнений.

Почему же отцы выгоняют дочерей в таком возрасте? Какой тайный позор вынудил Мартина на такой поступок?

— У Ианты есть дочь, — выпалил Люсьен, и как только слова сорвались с языка, он понял, что так и есть.

Он обратил внимание на тонкие серебристые линии на бедрах и груди Ианты, но не смог рассмотреть при тусклом освещении, обладала ли она более явными признаками деторождения. У многих женщин появляются едва заметные растяжки, когда они набирают или теряют вес, или когда приходят регулы и их тела изменяются. Не все женщины с растяжками — матери.

Шлюха. Люсьен поморщился. Ианту уже так называли. Вот почему она настаивала на использовании футляра, и ее неопытность в любовных утехах... Видимо, беременность научила Ианту опасаться последствий.

— Я никогда не слышал, чтобы она говорила о дочери. — Осторожный ответ Кросса тем не менее не исключал, что это правда.

— Но ты подозревал?

Кросс захлопнул ладонь, и монетка исчезла.

— Порой Ианта покупает игрушки и книги. Ей нравятся детские книги, особенно сказки и легкомысленные повести о принцессах, замках и рыцарях в сияющих доспехах. Всякая ерунда. Раз в месяц Ианта отпрашивалась на два дня, чтобы навестить кого-то за городом. Я никогда не спрашивал, кого.

Чертов медведь рядом с кроватью. Так вот зачем Ианта его хранила.

У нее дочь. Дочь, которую Ианта зачала, когда ей было семнадцать. Все части головоломки начали медленно складываться. «Ты первый мужчина, с которым я возлегла...»

Нет. Не может быть. Нервы Люсьена оголились, он закрыл лицо руками и тяжело задышал. Господи. У него есть ребенок, о котором он понятия не имеет?

Если это правда, то где девочка? Что с ней? Кто-то, возможно Моргана, пригрозил

раскрыть всем тайну ее существования, а может похитил дитя?

— Ты в порядке? — спросил Кросс.

«Нет, нет, я не в порядке». Пять и двенадцать равно семнадцати, а именно в семнадцать Ианта с ним возлегла. Однако Люсьен согласно кивнул. Он не мог открыть все свои карты, надо найти Ианту и услышать подтверждение из ее уст, прежде чем он сможет поверить, что это правда.

— Что ж, я рассказал тебе мой секрет, — напомнил Кросс.

Пришла очередь Люсьена. Он едва успел собраться с мыслями.

— Помнишь, мы ищем предмет, украденный из особняка Верховного?

Кросс кивнул.

— Мне кажется, я знаю, кто украл. Но не знал, зачем. — Ретберн и Кросс встретились взглядом. — Ты только что ответил на этот вопрос. Я никак не мог понять, но если кто-то похитил дочь Ианты...

Кросс побледнел.

— Ты обязан сообщить о своих подозрениях Верховному.

Ни за что.

— И тем самым предать Ианту?

— Парень, если все — правда, то Ианта в большей опасности, чем мы можем даже представить.

— Я подумую.

В ушах странно звенело, на Люсьена накатила слабость, будто недавнее открытие выбило у него землю из-под ног. Он считал, что одинок в этом мире. Что, если это не так?

Почему же Ианта молчала? На этот вопрос ответить легко: он ведь пообещал ей отомстить.

— По крайней мере подумай. Дай мне знать, как продвигаются дела. Ианта дорога мне, я не хотел бы, чтобы она пострадала. Так что если тебе понадобится помощь...

— Я дам знать. Но для начала мне необходимо подтвердить подозрения.

И удостовериться, что в мире существует девочка, в которой течет его кровь.

Дверь отворилась.

Элинор едва хватило сил повернуться на бок. Волосы потянуло: они пропитались запекшейся кровью настолько, что прилипли к подушке. Элинор поморщилась.

— Если вы хотите еще раз вступить со мной в схватку, — прошептала она сквозь потрескавшиеся губы, борясь с языком, который норовил прилипнуть к высохшему небу, — боюсь... ничем не могу вам помочь.

Элинор не была уверена, что у нее хватит сил выдержать еще один допрос. На последнем она потеряла сознание, но не выдала ответов, так яростно защищая того, кого любила, что прокусила губу.

Яркий свет ослепил чувствительные глаза, когда неизвестный поставил светильник напротив нее. Элинор застонала и зарылась лицом в выцветшую подушку, чтобы защититься от света.

— Воды? — спросил мужской голос.

Вода. Элинор открыла глаза и, дрожа, протянула руку. Незнакомцу пришлось

придерживать ее, когда она поднесла стакан к губам. Руки Элинор покраснели и покрылись кровоподтеками от полученного удара магии, обжигающего словно колючая проволока.

И тут Элинор поняла, кто стоит перед ней.

— Себастьян.

Взгляд Элинор метнулся к запертой двери и обратно на Себастьяна. Неужели Моргана позволила сыну встретиться с Элинор?

— Откуда вы знаете, кто я? — удивился Себастьян — Вы узнали меня?

Как, Себастьян не догадывается? Элинор внимательно посмотрела в его глаза, но увидела в них лишь черноту.

— Вы — копия отца.

При этих словах Себастьян заерзал. Он налил еще воды, пытаясь скрыть внезапно нахлынувшую волну любопытства и беспокойства, которую Элинор увидела в его взгляде.

— А вы — его любовница?

Элинор выдавила слабую улыбку, и трещина на губе снова открылась.

— Да.

Самый простой ответ. Как можно объяснить, что другой человек становится твоей второй половинкой?

— Вы не представляете, как счастлив он был бы, если бы знал, что вы живы. Он... мы все полагали, что вы мертвы.

Себастьян передал Элинор стакан с водой.

— Почему вы так полагали?

— Ваша мать отправила Дрейку письмо, в котором уверяла, что использовала яд, чтобы избавиться от ребенка. У Дрейка не было причин не верить ей, ведь Моргана прислала останки.

— Так отчего он был бы счастлив?

— Ч-что вы имеете в виду? Дрейк — ваш отец. Вы не представляете, как он горевал, поверив в вашу кончину. С тех пор Дрейк нес бремя вины: если бы он не настоял на разводе, Моргана так не поступила бы.

Себастьян долго разглядывал Элинор.

— Это просто красивые слова. Вы их отрепетировали?

Элинор резко села и тут же пожалела. Ребра саднило.

— Я понимаю ваши чувства. Я ведь знала вашу мать, мы учились вместе. Мало кто видит мир так, как Моргана, будто повсюду враги, которых она обязана победить раньше, чем они успеют ей навредить. Я знаю, Моргану нельзя назвать воплощением доброты. Но Дрейк... он мечтал стать отцом, но ему не удавалось. Вы были бы для него настоящим подарком.

Лицо Себастьяна осталось бесстрастным. Это начинало ее беспокоить.

— У вас два сводных брата, вы знаете? — Смелый шаг, но Элинор хотела заставить Себастьяна хоть что-то почувствовать. Она обязана понять, есть ли в нем хоть частичка отца, или он — марионетка в руках матери.

Себастьян удивленно приподнял лицо, но быстро справился с эмоциями.

— Неужели?

— Хотя вы — единственный, рожденный в браке.

— Значит, они незаконнорожденные. Кто они?

— Младший — Эдриан Бишоп, талантливый колдун, а старший — Люсьен Деверо, лорд

Ретберн.

— Ретберн? Если вы пытаетесь вернуть меня в объятия отца, то крупно просчитались. Я знаю, что Дрейк упек мерзавца в Бедлам. По-вашему, мой отец лучше, чем мать?

— Ретберн вызвал демона, — произнесла Эленор. — Ему повезло, что он избежал казни. Бедлам — единственное, на что согласился Совет. — Она поставила стакан на столик и положила руки на колени. — А теперь Ретберн освобожден и помогает вашему отцу в поисках алтарного кинжала.

Себастьян отвел взгляд. Элино́р протянула руку, пытаясь дотронуться до блестящего ошейника, который сковывал его шею. Но прежде чем она успела его коснуться, Себастьян твердо перехватил ее кисть.

— Не прикасайтесь.

— Хотите знать, зачем я пришла в поместье Тремейна?

— Вы расскажете мне, но не моей матери или Тремейну, несмотря на то, что они вас истязают?

— Я полагаю, что могу вам довериться. Думаю, вы захотите поделиться этим секретом с матерью не более меня.

— А вы любите рисковать, миссис Росс.

Элино́р улыбнулась.

— У меня это хорошо получается. Также я отлично умею определять, что за человек передо мной.

— Тогда вы знаете обо мне больше, чем моя собственная мать, — произнес Себастьян с ухмылкой. — Или думаете, что знаете.

— Возможно. — Элино́р потянула руку, и Себастьян выпустил ее. — Ваш отец получил невнятно написанное письмо от молодой девушки, в котором она просила о помощи. Говорила, что познакомилась с молодым чародеем, закованным в ошейник. Девушка предложила Верховному помощь в предотвращении заговора, если тот поможет найти и освободить молодого колдуна. Но Дрейк не мог связаться с ней в особняке Тремейна, и вместо него пришла я.

Эмоции промелькнули и погасли в черноте глаз Себастьяна. Он встал, отошел от Элино́р и сцепил руки за спиной. Он столько лет провел вдали от отца и тем не менее в точности повторил его жест, означавший крайнюю степень душевного смятения. Это дало Элино́р повод надеяться, что в Себастьяне больше от отца, чем от матери.

Элино́р перешла на шепот.

— Я полагаю, вы знаете, кто эта девушка.

— Если Тремейн узнает, что Клео его предала, он убьет ее. — Себастьян развернулся лицом к Элино́р, его ноздри раздувались. — Она понятия не имеет, что он за человек! Черт возьми, зачем она вмешалась?!

— Полагаю, мисс Синклер беспокоилась о вас, уверенная, что ваше положение куда серьезнее ее.

Впервые Себастьян выглядел потрясенным и моложе, чем казался ранее. Это сказало Элино́р больше любых слов.

Никто никогда не ставил нужды Себастьяна выше своих.

Сердце Элино́р разрывалось. Это будет нелегко и для отца, и для сына. И хотя Элино́р увидела лишь поверхностные шрамы, она поняла, как глубоко ранен Себастьян, и как тяжело заручиться его доверием. Если бы Элино́р могла как-то помочь ему, но сейчас помощь

нужна ей самой. Она совершенно беспомощна. И есть лишь одна возможность что-либо изменить: этот разговор.

— Я ничего не скажу вашей матери и Тремейну, но это не означает, что они не догадаются.

— Я должен обвенчаться с мисс Синклер через час. Тремейн настоял, чтобы она осталась жить в его поместье, но я попробую убедить мать, мол, выгоднее держать ее под боком. Тогда Моргана сама это предложит.

— Если у вас получится, это может спасти жизнь мисс Синклер.

— Когда замешана моя мать, всегда остается шанс, что Клео пострадает, но по меньшей мере так я за ней пригляжу.

— Вы можете помешать матери причинить девушке боль?

Элинор претила мысль, что Моргана получит шанс навредить невинной.

— Нет, — губы Себастьяна исказила усмешка, — и не посмею. Единственная возможность защитить Клео — убедить мою мать, что та ничего для меня не значит. Я умею быть жестоким. — Себастьян замолчал, как будто сама мысль об этом разрушала надежду. — Моя мать намерена вас убить. Она настроена серьезно.

Элинор ахнула и отшатнулась.

— Если вы не заговорите, Моргана не видит причины оставлять соперницу в живых.

— Соперницу?

— Вы получили то, что она всегда хотела.

Элинор опустила взгляд.

— Любовь вашего отца.

— И его уважение и доверие. Моргана до сих пор не понимает, как вам это удалось.

— Дело в том, что Моргана всегда верила, будто уважением и любовью можно управлять и даже торговать. Она не понимает, что любить означает беспокоиться о предмете любви так же сильно, как о себе. А быть может и сильнее.

Себастьян долго молчал.

— Возможно, вы лучше меня понимаете Моргану. Я не могу вас освободить. Я не могу вам помочь.

Элинор кивнула, хотя шок от услышанного корежил ее вены и разрывал сердце на куски. Она знала, к чему все идет, но не могла перестать думать о Дрейке. О том, что больше его не увидит. Об этом она сожалела превыше всего. Дрейк будет раздавлен, обвиняя себя, что отправил ее с поручением. Глаза защипало от слез, и когда Себастьян повернулся, чтобы уйти, Элинор поняла, что сможет сделать любимому прощальный подарок.

— Себастьян?

— Да?

— Я знаю, я обречена, но если с вами что-нибудь случится, и у вас не будет путей отступления, обратитесь к отцу. Я знаю, Дрейк рискнет своей жизнью, чтобы спасти вашу, каковы бы ни были шансы.

— Ловко же он вас приручил. — На лице Себастьяна играла горькая улыбка. — Какой мне от этого прок? Вызов демона — наименьшее из моих преступлений. Мне нет спасения, миссис Росс. Я давно это понял. Лишь надеюсь, что когда дела пойдут под откос, мне удастся прихватить мою мать-стерву с собой.

Себастьян едва заметно склонил голову в почтительном поклоне и вышел.

Еще один день потерян в напрасных поисках. Ианте хотелось кричать от бессилия. Все впустую, что бы она ни делала. Теперь, когда известно, кто же враг, осталось найти Моргану...

И что тогда?

«Я убью ее, — прошептал голос из темных глубин души. — И верну дочь».

Однако найти Моргану было не так просто. Никто из круга темных колдунов не знал о ее местонахождении, и Ианта часами напролет пыталась найти ведьму при помощи поисковых заклятий. Хотя Ианта не была сильна в магии такого рода, волос Луизы помогал ей сосредоточиться. Однако все усилия оказались напрасны.

Едва слышно выругавшись, Ианта начала было мерить комнату шагами, как вдруг заметила письмо на подушке.

Ей будто дали под дых. О нет!

Бумага та же, что и в прошлых письмах, и Ианта догадывалась о содержании послания. Пришло время доставить алтарный кинжал. Время вернуть дочь.

Но может ли она доверять похитителям?

Близилась ночь, и Люсьен обещал быть с минуты на минуту, после того как приведет себя в порядок. Ианте едва хватит времени, чтобы прочитать письмо в одиночестве. Нужно действовать быстро.

Схватив письмо, Ианта вспорола край ногтем и замерла. Ей стало дурно.

— Пожалуйста, — едва слышно прошептала Ианта, — пусть моя дочь будет невредима.

Она совладала с собой и открыла письмо.

«Сегодня в полночь на Хайгейтском кладбище, возле могилы Розлин Хейз. Приходите одна и принесите кинжал. Нет нужды объяснять, насколько важно, чтобы с вами никого не было. Если вы нас выдадите, девочка умрет».

Ианта уронила руку с письмом, и обжигающая слеза скатилась по щеке. Чувства переполняли ее, угрожая поглотить. Ианта смяла послание и бросила в камин. Она должна действовать, двигаться к цели, иначе рассыплется на мелкие осколки.

Черт побери. Как избавиться от Люсьена? Как вернуть Луизу и сохранить кинжал? Что будет, если Моргане все-таки удастся заполучить реликвию?

В глубине души Ианта знала: есть предел тому, на что она пойдет. Луиза — самое ценное, что есть у нее на всем белом свете. Ианта не сомневалась, на что падет ее выбор, если придется выбирать между кинжалом и дочерью.

«Давай же, думай».

Ах, если бы у нее было больше времени. И союзник, которому можно доверять. Трех дней недостаточно, чтобы понять намерения Люсьена. Порой, когда он смотрел на нее, его взгляд теплел, но можно ли полагаться на один лишь взгляд? Или Ианта просто хочет довериться Люсьену? Ведь только вчера Люк рассказал ей о своих намерениях отомстить ей. Возможно, в шутку, но как убедиться?

«Не знаю. Я так устала, я ничего не соображаю».

Люк должен прийти с минуты на минуту. Значит, пора действовать. Ианта откупорила графин с бренди, который он так любил. Потребовалось не больше минуты, чтобы разлить напиток по бокалам и вытащить маленький сосуд из шкатулки под кроватью. Всего

несколько капель в бокал Люсьена, и он впадает в сладкое забытие. Как только Ианта совершила задуманное, при взгляде на янтарную жидкость в бокале ее охватило сомнение. Господи, что она делает?

В дверь настойчиво постучали, будто мысль о Люке призвала его самого.

Со свинцовым грузом на сердце Ианта вернула бокал на место.

— Войдите.

Дверь отворилась, на пороге стоял Люк.

Высокий, красивый, головокружительно опасный. Черты Люка заострились. Он словно витал где-то далеко отсюда, но при виде Ианты в его глазах вспыхнул огонек. Люсьен повернулся к ней, будто его тянуло магнитом. Сердце Ианты забилось чаще. Всем своим существом она хотела упасть в его объятия, раствориться в нем и отдаться ему на милость.

«Пожалуйста, пожалуйста, помоги мне!»

Люсьен нахмурился, будто услышав ее мольбу.

— Ничего не удалось выяснить?

— Ничего.

Можно ли доверять Люку? Утром он рассказал ей о своих шрамах, откровенно поведав о том, что его мучит. Но как оба они признались, между ними еще остались секреты.

Люсьен внимательно посмотрел на Ианту.

— Нам нужно поговорить.

Ианта почувствовала, как в горле застрял комок.

— Да.

Люк со вздохом расстегнул воротничок и сдернул галстук. Впервые Ианте показалось, что Люсьен колеблется; весьма неприятное ощущение. Он всегда отличался уверенностью, и лишь недавно Ианта стала замечать проблески уязвимости. Даже лицом к лицу с полчищем тварей и полагаясь только на физическую силу, Люк не дрогнул.

Это из-за нее. Люк волновался за Ианту. А точнее, нервничал перед предстоящим разговором.

Не он один.

— Мы ходим вокруг да около уже столько времени, — начал Люсьен, отбрасывая галстук в сторону, — а ведь я чувствую, что мы становимся все ближе.

— Я тоже, — чуть слышно прошептала Ианта.

— И я надеялся, что ты будешь откровенна со мной.

— Люсьен...

Люк жестом остановил ее.

— Я понимаю, почему этого не произошло. Мы не лучшим образом начали наше сотрудничество. Черт возьми, да я практически пригрозил уничтожить тебя! — Вздохнув, Люк приблизился. Каждая черточка на его лице застыла в напряжении. — Мне нужно услышать правду, Ианта. Откройся мне. Клянусь, я оправдаю доверие.

Сердце Ианты бешено колотилось, она пристально посмотрела на Люка. О чем он?

— Возможно, я заслужу твое доверие, если сам буду откровенен.

Люк потянулся к Ианте и взял ее за руки.

Она не могла отвести взгляд от Люсьена, от завораживающего золотого свечения его глаз. Глаз, полных желания. Не секса, близости. Люсьен открылся ей, и узы меж ними воззвали к ней, побуждая открыться в ответ.

— Ты права. — Люк всем телом выражал нежелание продолжать. — Моя аура была

повреждена то ли демоном, то ли лордом Ретберном, когда я попытался разорвать узы, которые он на меня наложил. Я не уверен, что смогу в полной мере пользоваться колдовской силой... Каждая попытка причиняет мне боль, как от прямого удара кинжалом в голову, и я инстинктивно стараюсь избегать этой боли.

— Ах, Люсьен...

Но он продолжил:

— Я так напуган. Смогу ли я когда-нибудь воспользоваться своим мастерством? Не знаю. Но это не единственное, что меня страшит. У меня ничего нет, Ианта. Ни друзей, ни семьи, ни даже собственного угла. Я никогда никому не принадлежал. Кроме тебя. — Люсьена потупился, словно чтобы рассмотреть их сплетенные руки. — Я уверял себя, что между нами ничего нет.

Между нами. Что между нами не возникло чувство. Сердце Ианты защемило от горького осознания, как Люк одинок.

Люсьен поднял руку, но остановился, почти касаясь губ Ианты. Черные ресницы обрамляли его прекрасные глаза.

— Я не могу больше обманывать себя. Ты меня пугаешь. Ведь я хочу тебя больше всего на свете.

Люк приблизился, его веки потяжелели.

Сердце Ианты затрепетало.

Неужели он?.. Неужто он собирается?..

Однако дрожащих губ Ианты коснулись не губы, а что-то более нежное. Ианта ощутила мягкое, томное прикосновение к коже, и что-то внутри затрепетало.

Ианта отстранилась.

— Неужели это... — Цветок. Сирень, немного потрепанная, но все еще душистая.

— Мне необходимо знать, — хрипло прошептал Люсьен, — что мои чувства взаимны. Дорог ли я тебе? Хочешь ли ты меня с той же силой?

Он даже не представляет, с какой! Сердце Ианты кольнуло, она подалась к Люсьену.

— Конечно! Я хочу тебя больше, чем что-либо. — Ианта отвела цветок в сторону и посмотрела Люсьену в глаза. — Я считала себя сумасшедшей за то, что осмелилась, но...

— Ты доверяешь мне?

— Да. — Ианта обвила его за шею. Она ждала обещанного поцелуя, но Люсьен никак не замолкал.

— Я достаточно ждал, Ианта. Объясни же наконец, что происходит...

Пропади все пропадом.

Ианта подалась вперед и притянула Люка к себе. Она так долго ждала этого мига. Как только их губы соприкоснулись, Люсьен резко выдохнул и задержал дыхание, и тут же его сильные руки заключили Ианту в крепкие объятия, а поцелуи стали напористыми.

Поцелуй оказался именно таким, каким Ианта себе представляла: жадным, страстным, яростным. Полным вожделения, как будто оба мечтали об этом, сторали от предвкушения. Чуть дыша, охваченная желанием Ианта позволила настойчивым губам Люка полностью завладеть ею. Целую вечность их тела и губы выражали то, что они чувствовали. Языки любовников сталкивались, Люсьен теснил Ианту до тех пор, пока она не уперлась в стену. Ианта посмотрела на Люка. Он прижал ее запястья к обоям, темные тени плясали в его глазах. Люк тяжело дышал.

— Но почему? — Люсьен вглядывался в лицо Ианты.

Она нарушила правила и проиграла пари.

И ей было совершенно наплевать.

— Потому что мне не важно, кто выиграет, — прошептала Ианта, — мне важен лишь ты.

И снова поцеловала Люсьена.

Их первый поцелуй не походил на капитуляцию.

Напротив, он выражал требование, пылкую мольбу. Как будто две половинки одной души наконец воссоединились, зазвенев в унисон. На губах Люсьена отпечаталось ощущение от губ Ианты, и ему это нравилось.

Мог ли Люк мечтать о таком? Найти спутницу, которая восхищала бы и была ему ровней почти во всем? Эта мысль немного успокаивала. Ианта давала ему больше, чем поцелуи и секс, она давала ему надежду на будущее. Его будущее. В тот момент благодаря Ианте Люк видел не только холодные пустые комнаты родового гнезда Ретбернов. Но и смех, и нескончаемые горячие споры. Носящихся по дому детей с его глазами и улыбкой Ианты. Мог представить, как он сам будет лежать с ней бесконечными дождливыми утрами, слушать стук дождя по крыше и забываться в поцелуях.

Только бы распутать этот дьявольский клубок Морганы.

Люсьен прервал поцелуй, едва переводя дыхание. Прижав лоб ко лбу Ианты, он перехватил ее запястья, и Ианта более не могла дотянуться до него. Как бы Люку этого ни хотелось. Он готов был сгинуть в сладком забытии, но ставка слишком высока.

— Если бы ты не поцеловала меня первой, — прошептал Люсьен, — это сделал бы я. Боже, как я мечтал об этом!

— Тогда не останавливайся, — Ианта высвободилась и обхватила лицо Люка. Ее черты исказило отчаяние. — Поцелуй меня, Люсьен. Поцелуй со всей страстью, на какую способен.

— Страсти мне не занимать. — Он завладел ее губами, будто не мог справиться с желанием. Люк легко касался губ Ианты, словно она была самым хрупким сокровищем, а затем нехотя отстранился. — Но нам необходимо поговорить. — Он сам услышал сожаление в собственном голосе. — Я обещаю искупить вину сотнями поцелуев, тысячами! А сейчас скажи мне правду...

— Правду? — Ианта изумленно посмотрела на Люка, а потом вдруг подобралась, словно ожидая удара. Все вождление исчезло с лица.

Была не была. Люк должен это сказать.

— Я знаю, что ты взяла кинжал.

Ианту охватила паника. Именно эту эмоцию различил Люк на ее лице. Она отшатнулась, ухватилась за край стола, и слезы заблестели на ее глазах.

— Я не причиню тебе вреда, — заверил Люсьен, вскинув руки. «Верь же мне, черт возьми!» — Я не выдам тебя Верховному, но мне необходимо знать, что же происходит.

— О Господи. — Ианта прижала пальцы к губам, отвернувшись, неуверенным шагом дошла до камина и ухватилась за него. — Откуда ты...

— Откуда я узнал?

Ианта кивнула, но не оглянулась.

— Я начал подозревать тебя сегодняшним утром, — сказал Люсьен и взял бренди, чтобы успокоиться. Первый глоток обжег горло. — Ты казалась расстроенной, но тебя будто что-то сдерживало, и ты не особо торопилась в расследовании. Да, ты предпринимала попытки отыскать так называемого вора, но тебя вполне устраивала необходимость возвращать мне долг каждую ночь, как будто ты никуда не спешила. Ты чего-то ждала. С тех пор, как я вступил в схватку с демоном, я могу видеть людские эмоции, словно разноцветные пятна на коже. Я видел твой страх и ужас, но лишь сегодня утром опознал желто-серый оттенок вины. И сразу понял, в чем дело.

«Скажи хоть что-нибудь, черт подери!»

Ианта ссутулилась.

— Помоги мне, — прошептала она. — Я бы никогда не сделала этого, не предала бы Дрейка, но у меня не было выбора.

Люк почувствовал облегчение. Он допил бренди и со стуком отставил стакан.

— Рассказывай, — подбодрил Люк.

Ианта скрестила руки и медленно повернулась.

— Все началось неделю назад. Я нашла в комнате записку... — Взгляд Ианты остановился на пустом бокале, зрачки ее расширились. — Только не это!

— Что не это? — Люка бросило в жар, а затем захлестнуло волной усталости. Он медленно моргнул. Веки отяжелели.

Тут он почувствовал, как его держат за руки и не дают упасть.

— Ты выпил бренди!

— А что, не должен был? — Черт бы побрал этот шум в голове. Люсьен зашатался, и почувствовал, как его подхватили.

— Не должен. — Ианта выглядела подавленной. — Впрочем, не знаю. Я намеревалась опоить тебя, но потом... потом ты поцеловал меня, и...

Опоить? Люка охватила паника. Контур лица Ианты стали четче.

— Ианта, что ты мне подсыпала, черт возьми?

— Специальное снадобье. Снотворное. — По ее щеке скатилась слеза. — Но я передумала... я не собиралась... — Ианта посмотрела на Люка, на ее лице читалось чувство вины. — Они ждут, что я передам им кинжал. Сегодня. Я должна это сделать!

Все поплыло. Оба потеряли равновесие, и Ианта чуть не упала на Люка, когда тот завалился на кровать.

— Господи, — прошептал Люсьен. Комната кружилась перед глазами. Каким-то образом он сжал в кулаке юбки Ианты. — Не делай этого.

Люсьен не сможет ей помочь в своем нынешнем состоянии. Он не сможет ей помочь, а, судя по эмоциям, написанным на лице Ианты, она совершит какую-нибудь глупость.

— Прости меня. — Ианта смахнула слезы пальцами в кружевных перчатках, будто пытаясь держать себя в руках. — Я не знала, могу ли я тебе доверять.

— Не плачь. — Люсьен уронил голову на подушки.

— Но я должна была понять. Должна была довериться.

Остался лишь один вопрос, и, судя по свинцовой тяжести, разливающейся по телу, у Люка было не так много времени его задать.

— Девочка... Луиза... она — моя дочь?

— Что? — резко спросила Ианта, и внезапно Люк увидел ее серьезное бледное лицо. — Что ты сказал?

Все вокруг завертелось.

— Девочка — моя дочь?

Ианта открыла рот от изумления.

— Да, — прошептала она.

Тут Люк впал в забытье и ничего не успел подумать.

Ианта резко вскочила, у нее перехватило дыхание. Она не верила своим ушам. Люсьену обо всем известно. Он догадался и не осудил ее. Ианта зажала руками рот, чтобы не выпустить рвущийся наружу крик, но обмякшее тело Люка не пошевелилось. Всего несколько капель снотворного зелья отправили его в глубокое забытие, где он и останется, пока Ианта не завершит начатое.

Ну и кашу она заварила.

— Люсьен? — прошептала Ианта и осторожно потрясла его. — Люк?

Ответа не последовало. Люк захрапел.

Что же все это значило? Он кому-нибудь рассказал? Быть может, Люсьен — тот самый союзник, который ей так необходим? Но как Ианта могла об этом догадаться, если Люк сразу заявил, что его главная цель — отомстить ей?

«У тебя нет времени искать ответы на все эти вопросы», — подсказал внутренний голос.

И это правда. Остался всего час, чтобы одеться, добраться до кладбища и обменять кинжал на дочь. Близость цели помогла действовать решительно. Ианта дотянулась до подушки и подложила ее Люку под голову. Слезы катились по щекам.

— Прости меня, — Ианта наклонилась и поцеловала спящего в разгладившийся лоб.

Если бы только Люк открылся раньше, ведь ей самой не хватило смелости. Вытерев слезы, Ианта поднялась и, пошатываясь, дошла до сундука, в котором прятала кинжал. Дрожащими руками открыла потайное отделение и увидела реликвию. Она вытащила кинжал и на минуту засомневалась, но решимость быстро взяла верх.

Что ж, сделанного не воротишь. Люсьен еще долго не проснется благодаря целому бокалу бренди с подмешанным снотворным. В Ианте заговорила безжалостная и практичная сторона: поздно менять планы. Уже слишком поздно.

Ведь если Ианта не придет вовремя, неизвестно, что Моргана сделает с Луизой.

Некоторые колдуны интересуются ядами и снадобьями, а некоторые — нет. Люсьен принадлежал к числу первых, поэтому отлично знал, как вывести снотворное из тела.

Несколько секунд спустя, когда он приоткрыл глаза, Ианта как раз распахнула сундук, который принесла с собой в день их встречи. Затем Люсьен вновь потерял счет времени, а когда очнулся, Ианта уже исчезла.

Сундук стоял распахнутым, на дне его находилось потайное отделение, покрытое свинцом. Ну конечно. Все это время реликвия находилась так близко, лишь руку протяни. Но свинец полностью скрыл кинжал.

Люсьен с трудом поднялся и встряхнул руками, чтобы избавиться от действия снадобья. Как давно Ианта ушла? Он не помнил. Очевидно, ей хватило времени одеться, а значит, догнать ее будет нелегко.

Где же назначена встреча?

Люсьен схватил расческу, сел в кресло возле пылающего камина и попытался успокоиться. На то, чтобы открыть психометрические способности, ушло довольно много

времени. Ианта не учла лишь одного: Люсьен способен прибегнуть к ясновидению, чтобы вычислить, где она.

Обмотав черный волос Ианты вокруг пальца, Люсьен обратил взгляд в себя, сосредоточась на мерцающей звезде в уголке сознания. Золотое сияние разлилось вокруг, а пришедший образ зацепился за узы, которые связывали Люсьена и Ианту. На миг он увидел то, что видела сейчас она. Ноги запутались в плюще, Ианта запнулась и ухватилась за надгробие, чтобы не потерять равновесие. Кладбище. Деревья. Темная аллея, по сторонам каменные арки. Место казалось знакомым. Черт побери, где же он все это видел? Вспомянай! И вдруг видение потускнело; Ианта поняла, что происходит, и вытеснила его из сознания.

Люсьен резко вдохнул и вышел из транса. Хайгейтское кладбище. Он смутно помнил похороны матери, которые проходили там много лет тому назад. Дорожка — египетская аллея, место для неспешных прогулок, куда он иногда сбегал, чтобы скрыть слезы и спрятаться от того, кого считал отцом.

Что же Ианта делает на Хайгейтском кладбище?

Должно быть, именно здесь она встречается с Морганой, но вот во сколько? Много ли времени у него осталось? Люсьен не знал, но понимал, что действовать нужно быстро, иначе трагедия неизбежна, ведь в видении он вместе с Иантой держал в руке пугающе холодную рукоятку алтарного кинжала.

*«Белые боевые сферы наносят легкий удар.
Электрические синие способны
на краткое время остановить сердце.
А вот красные? Верная смерть».*

«Секреты чародейства» Грейн О'Нил.

Ианта поплотнее завернулась в плащ, остановилась перед могилой Розлин Хейз и внимательно взгляделась в темноту. Почти полночь, нервы натянуты до предела, а сама она словно готова из кожи выпрыгнуть.

Невдалеке хрустнула ветка. Ианта развернулась, быстро собрав внутреннюю энергию, так что воздух вдруг стал разреженным.

— Эй? Есть тут кто-нибудь?

Туман покрывал землю полупрозрачным покрывалом. Из темноты вышли трое фигур в плащах. Главный снял капюшон. Это оказалась красивая зрелая женщина с опасными зелеными глазами.

— Мисс Мартин, надеюсь, вы пришли одна.

Ианта взяла себя в руки.

— Конечно, Моргана. Где Луиза?

— В безопасном месте. Где кинжал?

— Спрятан, — отрезала Ианта. Не такая она дура, чтобы просто отдать реликвию. Этой змее доверять не стоит, Моргана никогда не держала слова. — Как только увижу Луизу, то расскажу, где он.

— Мы не об этом договаривались...

— Вы сказали прийти одной и принести кинжал. Ну что ж, я выполнила указания, хоть и спрятала требуемое. Если хотите получить реликвию, выполните мои условия. Я устала от прятков и лжи. Устала каждую секунду оглядываться через плечо, пытаюсь угадать, кому из домочадцев можно доверять. Так что либо выполняйте мои условия, либо останетесь ни с чем.

— А что помешает тебе обмануть нас?

— Не я славлюсь своей лживостью, — парировала Ианта.

Повисло молчание.

— Себастьян, выйди вперед, — наконец позвала Моргана с ледяным раздражением. — Покажи мисс Мартин, что мне можно верить.

Из темноты, словно из-за завесы выступил мужчина, держа за руку девочку. Малышка увидела Ианту и запаниковала:

— Тетя!

Луиза! Ианта с колотящимся сердцем сделала шаг, а затем остановилась, когда оба чародея в капюшонах рядом с Морганой напряглись. Ианте безумно хотелось ринуться вперед и схватить дочь, но надо было доиграть партию.

— Кинжал, — промурлыкала Моргана.

Ианта вытащила из кармана небольшой свиток. На лбу выступил пот из-за долгого сдерживания энергии.

— Тут написаны указания. Я закопала его у могилы на этой кладбище, но вы никогда не найдете реликвию без этих записей. — Она в отчаянии протянула руку, не осмеливаясь двинуться. — Луиза, пойдём. Иди ко мне!

Луиза дернулась, держась за руку незнакомца и с опаской поглядывая на Моргану, словно на змею. Куда только подевалась легкомысленная милая девочка, которая, живя у Эльзы, переживала лишь из-за проказ щенка. Эта Луиза знала, что в мире есть тьма. Она так сильно изменилась за неделю, что у Ианты екнуло сердце. В груди поднялась буря чувств, едва не лишив самообладания. Ианте хотелось уничтожить ту, что навредила ее дочери, но нельзя слепо следовать инстинкту. Экспрессия... Неуправляемые чары. Такой всплеск опасен.

— Иди к матери, дитя. — Голос Морганы сочился ядом. — А теперь отдай мне записку. Надеюсь там и в самом деле указано, где искать реликвию.

Мужчина по имени Себастьян внезапно склонил голову, будто услышал что-то неувловимое для других. И самое странное, что Ианта не могла различить черты его лица, скрываемые искажающей завесой. Но почему? Наверное, дело рук Морганы, с ее невероятными талантами к обману и иллюзиям.

— Что-то не так... — заметил он, сильнее стискивая руку Луизы. — Что-то... — И нахмурился, по крайней мере Ианте так показалось. — По-моему только что изменилась температура воздуха.

Моргана и Ианта настороженно переглянулись.

— Это не я, — сказала Ианта, глядя на дочь, и чуть подвинулась вперед. Луиза совсем близко.

— Я же предупреждала...

Воздух искрил от напряжения. Даже Ианта ощущала что-то... наподобие молнии вдалеке. Нечто невидимое.

— Какого черта?

Уловка? Ловушка?

И тут она поняла. Она уже чувствовала нечто подобное в прихожей дома леди Эберхард, когда Эдриан Бишоп перешагнул порог и встретился со своим братом Люсьеном.

Люсьен. О нет. Ианта ощутила его присутствие через узы, но только сейчас. Почему?

И тут она посмотрела на человека, державшего Луизу за руку. Завеса пала, открыв опасно красивого мужчину с лицом Дрейка. Нет, не Дрейка, а его более молодой идеальной копии, хотя глазам Себастьяна не доставало тепла Верховного. Его собственные походили на пустые безжалостные омуты, и по спине Ианты пробежал холодок.

Третий сын.

Тот самый, от которого Моргана будто бы избавилась. Тот самый ребенок, о потере которого Дрейк скорбел год за годом.

Щелкнул взводимый курок. Люсьен вышел из темноты и направил оружие Себастьяну между глаз.

— Отпусти ребенка, — прохрипел он.

— Люсьен? Что ты здесь делаешь?

Что-то не так. Он казался дымкой, тонкой и неясной.

— Лживая стерва! — рывкнула Моргана, и дальше все случилось в мгновение ока.

Чародейка вскинула руки и перед ней появилось три зеленых боевых сферы. Ее подручные начали произносить что-то нараспев, а выстрел пистолета почему-то донесся с другого края поляны.

Первая сфера, вспыхнув искрами, врезалась в Люсьена, и он исчез.

— Люсьен! — закричала Ианта, бросая в Моргану волну чистой силы.

Нет времени задумываться о последствиях. Ианта воспользовалась всеобщим замешательством и бросилась вперед, выпуская очередной поток грубой силы в направлении колдуньи. Медный браслет на запястье раскалился — то активировалась защита, отражая ответное заклинание Морганы. А потом Ианта врезалась в Себастьяна, сбив его с ног.

— Беги! — крикнула она Луизе.

Малышка на мгновение заколебалась, а потом побежала во тьму. Ианта лишь заметила мелькнувшие белые нижние юбки, а потом Луиза скрылась в зарослях. Люсьен? Где Люсьен? Что с ним? Он просто исчез.

Теплое тело под ней дернулось, и Ианта встала. Ее руки были покрыты кровью. Кровью с его рубашки, куда попала пуля. Себастьян прерывисто дышал от шока. Ей было тяжело видеть боль в его таких похожих на Дрейка глазах.

Но сейчас есть другие проблемы. Ее дочь и ее Щит, который последовал сюда без защиты, не считая парного медного браслета, а еще ослаблен снотворным. Черт, о чем он только думал?

На мгновение мысли разбежались, но затем она вспомнила о Луизе. Больше ничто не важно.

Ничто. Ни Люсьен, ни Дрейк, ни последствия ее поступков. Нужно найти дочь, пока не стало слишком поздно.

Ианта бросилась к деревьям. Люка на поляне не было, что могло значить что угодно. Моргана и ее трио чародеев приходили в себя после того, как их чары отразили что-то похожее на северное сияние. Это не Люсьен. Изящная опасная магия имела привкус жженной корицы и была будто плеть. Значит, тут кто-то еще.

Наверное союзник, но кто?

— Луиза? — шепотом позвала она.

Заухала сова, а позади раздался крик.

— Разойтись! Они где-то тут!

— Луиза? — Ианта слепо побрела вперед.

Неподалеку раздался треск, кто-то рвался через подлесок. Раздался детский крик, сердце Ианты пронзила боль. Она схватила юбки и бросилась в том направлении. Сквозь деревья проглядывал серп месяца, но освещал дорогу лишь на пару шагов.

Мелькнуло что-то белое. Лу. Ианта повернулась в том направлении, но из-за деревьев выскочила тень и подхватила Луизу. Себастьян.

Боги, ей придется...

Из тени вышел другой мужчина, перегородив путь и скаля в улыбке белые зубы.

— Мисс Мартин, как я полагаю. Мечтал познакомиться с вами. — В его руках появились белые магические сферы.

— А вы? — Ианта шагнула навстречу, вызывая свои сферы. Они потрескивали ярко-красным, намекая противнику, что шутить она не намерена. Такие сферы сложнее всего контролировать, и для их создания нужно много энергии. Ианта оглянулась через плечо и увидела, что ее дочь сопротивляется и кричит на Себастьяна.

— Тише, милая. — Незнакомец покосился на ее сферы. — Нам нет нужды враждовать.

— К сожалению, вы мешаєте мне забрать дочь, значит, давно выбрали свою сторону.

— Лоренцо, подожди, — рявкнул кто-то, выходя из-за ее спины. Этот не мелочился, его сферы сияли алым, как у Ианты. Второй колдун был сильнее Лоренцо, но не особо контролировал свою магию. Его сферы кружились чуть неуклюже, свидетельствуя о мощи, но не о мастерстве.

— Отлично, — выплюнула Ианта. — Мне было бы противно убивать ученика, но тебя...

Одним словом она отправила сферу в младшего противника. Вытаращив глаза, Лоренцо уклонился, и Ианта аккуратным жестом подозвала сферу обратно. Та закружилась вокруг хозяйки, рассыпая красные искры.

— Черт! — Белые сферы Лоренцо испарились, и он поспешно укрылся за деревом.

Минус один. Идиоты не понимали, с кем столкнулись. С Морганой справиться нелегко... Как и с этим Себастьяном, но Ианта адепт шестого уровня и правая рука Верховного. Продвигаясь в иерархии Ордена, ей последние пять лет приходилось сражаться вот с такими противниками.

Она бросила вторую сферу к старшему чародею, он швырнул в нее свою последнюю, но Ианта послала вдогонку волну чистой силы. Обе сферы замерцали, колдуна впечатало в дерево. Самое главное оружие — умение отвлечь внимание противника.

Рухнув на землю, он что-то прохрипел, и его магические шары взорвались.

— Дилетанты, — пробурчала она, бросаясь за Себастьяном. Вот, кто истинная угроза.

— Ианта! — закричал Люсьен.

— Я тут! — Она кинула сферу под ноги высунувшемуся Лоренцо.

Чертыхаясь, тот отполз на четвереньках прочь, а затем бросился за могильную плиту. Ианта швырнула в нее шар. Мрамор треснул. Следующая сфера полетела в другое надгробие, за которое перекатился Лоренцо. В воздух взметнулся столб пыли.

— Если я тебя еще раз увижу, доставлю к Верховному в цепях!

Увы, она не успела увернуться от прилетевшей с другой стороны силовой волны. Ианта упала, ударилась головой и растянулась на чьей-то могиле. Черт побери! Коснувшись рукой виска, она увидела кровь.

— Мама!

— Луиза! — выдохнула она, опираясь на надгробие, чтобы подняться.

Луиза тянулась к ней из-за плеча Себастьяна, будто могла вцепиться в ее руку.

«Мама». Дочь впервые так ее назвала. Ианта ощутила жгучее бешенство, адское пламя из ярости, страха и отчаяния.

Шатаясь и чувствуя, как по лицу стекает кровь, она пошла за Себастьяном. Энергия билась в ней, воздух вокруг заледенел. Ианта впитала в себя все, что могла.

Где-то за правым глазом болело, будто в мозг вонзилась игла. Пугающий знак. Ианта заколебалась. Она не могла ударить прямо в Себастьяна, не повредив дочери.

Слева с грохотом взметнулся сноп золотых искр. Реми? Какого черта он тут забыл? Это же его излюбленный сценический трюк.

Раздались крики, и кто-то кинулся по кладбищу в направлении взрыва. Реми захохотал, отвлекая внимание. Сердце Ианты подскочила к горлу. Она бросила последнюю сферу, раздробив правое крыло статуи ангела перед Себастьяном.

Он застыл.

— Не двигайся, — приказала Ианта.

Себастьян медленно повернулся к ней в свете луны. Он осторожно держал Луизу на руках.

— Мисс Мартин, не надо.

— Посмотрим.

Она сделала еще шаг. Две сферы соскочили с ее рук и закружились вокруг головы.

«Меня шантажировали, мне угрожали, на меня напали. Я не спала почти неделю. И вы, ублюдки, украли мою дочь и убили ее приемных родителей. С меня хватит!»

— Верни мне дочь, — приказала она, подняв руки и сплетая нити чар.

— Не могу, даже если бы захотел, — выдавил Себастьян.

Он стиснул зубы, дрожа, упал на колени и выпустил Луизу. Одной рукой Себастьян все еще цеплялся за ее юбку, но постепенно разжал пальцы.

Какого черта с ним происходит? Ианта сделала шаг вперед, настороженно изучая колдуна.

— Лу, иди ко мне, пожалуйста.

— Беги, — шепнул он Луизе, и его глаза почернели.

С визгом Луиза бросилась к Ианте и врезалась ей в живот.

— О боже, — прошептала Ианта, с трудом подхватив дочку на руки и глядя ее волосы. — Ты здесь. Ты в самом деле здесь.

— Не тронь его, — попросила Луиза, глядя через плечо на согнувшегося Себастьяна. — Он добрый.

«Не могу этого обещать».

— Не шевелись, и я тебя не трону, — крикнула Ианта колдуну.

Себастьян, шипя от боли, втянул воздух.

— Беги, тупая стерва. Она идет, у меня не будет выбора.

«Моргана».

Ианта похолодела.

Ощутила повисшее в воздухе напряжение. Не только она тянула из окружающего мира силы. Ианта буквально видела жар энергии, стремящейся к Себастьяну. Мороз прошел по коже, по рукам побежали мурашки.

— Какого черта?..

Изо рта вырвался пар.

Себастьян содрогнулся.

— Уничтожь их, — приказала Моргана, выходя из тумана. Ее кольцо сверкало изумрудным светом. Лицо казалось жутким и потусторонним. Все свое внимание она обратила на сына.

Себастьян обхватил голову руками, скрежеща зубами от боли. Он закричал, его тело дернулось, будто что-то двигалось под кожей.

— Давай! — крикнула Моргана.

Себастьян снова закричал и уронил руки, будто сдаваясь.

— Прости, — шепнул он, глядя на Ианту.

Мир замер. Пузырь тишины окружил Ианту, заставив ее застыть с дочерью на руках. Она ощущала сердцебиение Луизы... Медленно тянулись секунды. Она не могла ни двигаться, ни дышать... Мир стал вакуумом...

Тук-тук. На этот раз она услышала стук собственного сердца. А потом время понеслось с обычной скоростью, и в ушах зазвенело.

Кто-то сшиб ее с ног.

Ианта рухнула на спину и ударилась обо что-то острое. Люсьен прикрыл собой ее и Луизу. Вся энергия вытекла, словно вода из бурдюка, а потом мир стал белым. Она ослепла. Все органы чувств словно перестали работать. Взрыв экспрессии вырвался из центра, будто потревоженные камнем волны, пролетел над головой, ломая надгробия. Волосы выбились из прически и трепетали на ветру, и только твердое мужское тело защищало от удара.

От одежды несло горелым. Люсьен вскрикнул, ее собственные руки покрылись ожогами от магического огня. Земля под ними тряслась, будто норовистая лошадь. Ианте оставалось лишь обнимать Люсьена и Луизу в этом кошмаре.

«Откройся мне», — раздался в голове голос Дрейка, и знакомое ощущение золотом растеклось по коже.

Ианта послушалась. Между ними — наставником и учеником — протянулась связь, что обычно дремала до тех пор, пока в ней не возникнет надобность.

Не думая, Ианта полностью отдалась этой связи. Дрейк сумеет видеть ее глазами и поможет направить силу.

Магия легко протанцевала по ней, и каким-то образом Ианте удалось закрыть их троих блестящим щитом. Чужая энергия перестала рвать кожу, одежду, волосы... Люсьен тяжело рухнул, дыша так, словно пробежал марафон.

Потом Дрейк сумел воспользоваться ее способностями немислимым образом. Ианта ощутила, как он рассеял удар чистой силы, вырвавшийся из Себастьяна. Не стал противостоять ему, а просто дал энергии пройти через Ианту и свел чары на нет. Она стала лишь проводником, наблюдателем, и восхищалась изяществом колдовства Дрейка.

Моргана бросилась к сыну и заставила его встать, будто ощутив присутствие Верховного. Она потащила Себастьяна к лесу, и они исчезли. Его сила пропала так резко, что кожу Ианты закололо.

Кончено.

Наконец-то.

«Кто он?» — спросил Дрейк.

«Твой сын, — ответила она, обмякая под любовником и дочерью. — Тот ребенок, которого Моргана якобы убила».

От изумления Дрейк разорвал связь. Ианта снова ощутила свое тело, неподъемное, словно камень. Ее глаза закатились, и она провалилась в благословенную спокойную тьму.

— Она жива? — спросил Ремингтон.

Люсьен с трудом сглотнул, стоя на коленях на траве и пытаясь нащупать пульс на шее Ианты.

«Пожалуйста. Пожалуйста».

Есть. Он с облегчением кивнул. Спину покрывали магические ожоги, от запаха паленых волос тошнило.

— Да. Что-то произошло. Я ощутил чужое присутствие в ее сознании.

— Дрейк. Немногие способны на то, что она сделала, — ответил Ремингтон.

— Я отнесу ее домой. — Склонившись, Люсьен осторожно взял возлюбленную на руки. Ианта казалась такой маленькой и легкой. Казалось, что платье весит больше, чем тело. А

ведь обычно Ианта такая сильная и уверенная.

— Привет, Луиза, — поздоровался Ремингтон, вставая на колени перед девочкой, цепляющейся за платье Ианты. — Я работодатель твоей тети, Ремингтон, а это...

— Люсьен Ретберн... Друг твоей тети, — перебил его Люсьен. Луиза. Его дитя. Боже. Он посмотрел дочери в глаза. У нее они были того же необычного оттенка, как его собственные. Луиза застенчиво отвернулась к Ремингтону, а потом снова посмотрела на Люка, будто чувствуя в нем что-то странное.

— Я возьму Луизу, — сказал Ремингтон, глядя ему в глаза. Он тоже заметил их сходство.

Когда Ианта пошатнулась под ударом, сердце Люсьена будто кинжал пронзил. Он не смог ни защитить их, ни отразить, ни наложить чары. Единственное, что сумел — рухнуть на нее сверху и понадеяться, что они выживут.

Слишком поздно. Слишком медленно. Слишком слабо. В нужный момент Люк оказался ни на что не способен. Собственная беспомощность раздражала.

Год назад он бы ее защитил. Год назад его сила была равной способностям Морганы, и он сумел бы победить колдунью. Но теперь все иначе. И как бы ему не хотелось притвориться, что можно восстановить форму, времени нет.

«Если бы ты не цеплялся за гордость, то еще вчера встретился с ее целителем. Получил бы помощь. И уже сегодня воспользовался чарами».

Прижав к себе Ианту, Люсьен вдохнул легкий аромат духов, уверяя себя, что она цела. Он ощущал, что ее сознание начинает пробуждаться. Оставалось надеяться, что все с ней будет хорошо. Нет. С ней обязательно все будет хорошо.

«Вот почему большинство чародеев избегают уз, мальчик мой», — однажды заметил его друг.

Как все запуталось.

Клео считала, что со свадьбой ее жизнь изменится, но ошиблась.

Странное состояние для той, кто предвидит будущее, но уж что есть, то есть.

Сама церемония была довольно милой, хоть и короткой, и скорее напоминала сделку, чем союз двух людей. Клео даже показалось, что ее новоиспеченный супруг — незнакомец, так холодно он разговаривал с ней и почти не обращал на нее внимания. Она попыталась взять его за руку у алтаря, потому что в церкви чувствовала себя не в своей тарелке, но Себастьян мгновенно передал ее отцу и, не останавливаясь, заявил, что придет позже.

Видите ли, ему срочно понадобилось за новыми сапогами.

Ее сундуки уже перевезли в дом, который Себастьян снимал с матерью. Без дальнейших церемоний Клео усадили в экипаж.

Одну.

Она не покидала особняк Тремейнов с тех пор, как отец впервые надел на нее повязку.

На месте экономка миссис Гиббонс устроила Клео недолгую экскурсию по дому, а потом сопроводила в комнату.

— Через пару часов вам пришлют ужин, мэм.

— А можно погулять по саду? — спросила Клео.

Экономка замялась.

— Лучше отдохните в покоях, а я пришлю горничную, которая поможет снять платье.

Дверь закрылась. Клео с раздражением повернулась и принялась обходить комнату. Управилась за пять минут. Дверь в другом углу покоев не открывалась, как Клео ни крутила ручку.

— Покои хозяина через стенку, — упомянула ранее миссис Гиббонс и неловко кашлянула.

Через минуту Клео вскрыла замок шпилькой.

В покоях Себастьяна было прохладнее, но никаких личных вещей не имелось, если не считать неровной стопки книг. Они ничего не говорили о ее новоиспеченном супруге. Клео коснулась потрепанных кожаных переплетов, но даже не поняла, что это за книги.

Ничего, что свидетельствовало бы о его личных увлечениях. Какое же чуждое ощущение — сомнение. Она встретила с Себастьяном всего раз... Кто же ее супруг? Задумчивый парень, который с улыбкой вывел ее из-под огня тяжелой утиной артиллерии? Или тот холодный мужчина, не постеснявшийся утром пригрозить ее отцу так буднично, словно обсуждал погоду?

День медленно сменился вечером. Клео обедала в своих покоях, прислушиваясь к шуму за дверью. Что-то случилось. Хотя сегодня ее дар не посылал видений, наверное из-за нервов она потеряла концентрацию. В доме царил тяжелое молчание и напряжение. Клео приоткрыла окно и услышала, как Себастьян ругается с матерью.

— Мне плевать как, только утихомирь ее, пока не доберемся до кладбища. — Лошадь заржала, и колеса покатали по гравию. — Себастьян, нельзя провалить это дело. Мы должны забрать реликвию у мисс Мартин любой ценой. И лучше бы ей честно выполнить инструкции, иначе, клянусь, девчонка пострадает.

— Все в порядке, — прошептал Себастьян. Вот теперь он напоминал Клео того мужчину, что ей понравился. — Ты вскоре снова увидишься с мамой, обещаю. И тогда

будешь в безопасности. Просто помолчи еще немного. Сможешь?

— Постараюсь, — прошептала малышка.

— Умница, Лу.

Дверь экипажа закрылась, прервав всхлипы и голоса. Карета уехала, а из-за ночной прохлады Клео пришлось закрыть окна.

Надо же. Что, черт побери, происходит?

Она вышагивала по комнате по меньшей мере час, но супруг все не возвращался. Никто не пришел подбросить дров в камин или принести ужин. Про нее забыли. Клео все еще не сняла проклятое свадебное платье, оно сковывало движения, а кружево врезалось в горло.

«Дурочка, ты полагала, что будет лучше», — думала она, сонно моргая.

Клео замерзла. Забравшись в постель Себастьяна, она натянула одеяла, прикрыла глаза и размеренно задышала.

В коридоре раздались шаги, значит, ее одиночество скоро нарушат. Клео очнулась, не понимая, где находится. Резко села, сбросив покрывало.

Дверь открылась, и, судя по стремительным шагам, вошел Себастьян. Клео застыла, ощутив запах одеколona. Точно, ее супруг. Что-то легкое упало на пол, наверное, галстук.

— Черт!

— Долгая выдалась ночь? — спросила Клео.

Себастьян закашлялся и, кажется, обернулся.

— Мисс Синклер. Я... не ожидал вас.

Как неловко.

— Просто... я не могу снять платье. — Сглотнув, Клео вскинула подбородок. — Полагаю, теперь я миссис Монткалм? Или мадам? Как вам больше нравится?

— Лично мне плевать. Подозреваю, разница невелика.

Ну что ж, в эту игру можно сыграть вдвоем. Клео почувствовала себя увереннее. Пусть она не знала дом, не представляла, чего от нее ждут, но всему можно научиться. И прошло уже несколько часов с тех пор, как о ней вообще вспоминали.

— Значит, буду миссис Монткалм. Мне подходит. Вам помочь раздеться? — Она медленно встала и подошла к нему, мысленно вспоминая обстановку.

Себастьян обошел ее и сразу направился к шкафчику со спиртным.

— Нет, не надо.

Он будто от нее отмахнулся.

— Я всего лишь пытаюсь выполнить обязанности жены.

— В этом нет и не будет нужды, — ответил он чуть хрипло. Послышался шелест ткани. Он будто пытался снять плащ.

— Совсем? Но сэр, я не против...

— Совсем. — Он сбросил плащ и со звоном заткнул графин хрустальной пробкой.

— Что ж, а вот мне, к несчастью, помощь нужна. — Она повернулась к нему спиной и перекинула массу мягких кудрей через плечо. — Я не могу расстегнуть все эти пуговицы.

Повисла тишина. Себастьян сглотнул и отставил графин.

— Позвали бы горничную.

— Я позвала. Наверное, все заняты, — солгала она. — Что-то не так?

— Ничего.

Он по-прежнему держался от нее на расстоянии. Клео склонила голову набок, чтобы лучше слышать. По коже побежали мурашки, а лиф стал слишком тесным.

С тихим проклятьем Себастьян пошел к ней.

— Сейчас, — сказал он и резко потянул ткань, явно стараясь разобраться со всем как можно скорее. Одна из пуговиц-жемчужин оторвалась и укатилась. Себастьян снова выругался. Ему пришлось действовать медленнее. Клео ощутила его дыхание. Мозолистые пальцы изредка касались ее голых плеч и спины.

Кажется, затея была не лучшей. Клео словно стояла на краю обрыва, готовясь прыгнуть в воду и не зная глубины... Ей отчаянно хотелось сделать этот шаг. Каждое прикосновение Себастьяна воспаляло чувства.

Сердце гулко билось в груди. Клео закусила губу и наклонила голову. Она покраснелась и дрожала. Ей надо хоть что-то сказать.

— А ваши сапоги доставили?

— Что?

Странно, он все делал левой рукой, будто правая пострадала.

— Сапоги. Те, за которыми вы поспешили сразу после церемонии. Я подумала, что они очень ценны, раз вы пошли за ними в такое время.

Себастьян снова принялся расстегивать пуговицы, пусть и почти безуспешно.

— Да, очень ценны.

Лгун. Она поджала губы.

— Ну вот и все.

Платье едва не соскользнуло с плеч. Клео замялась.

— А корсет?

Молчание стало еще более напряженным.

— Клео.

Он задышал тяжелее.

— Я не могу сама его снять, — призналась Клео.

И снова Себастьян пришел ей на помощь. Резко развязал тесемки левой рукой, легко прижимая правую к ее спине.

Настоящая пытка. И Клео сама ее спровоцировала.

Себастьян со вздохом отступил.

— Вот и все. — Сунул ей в руки шелковый халат и снова прошагал к шкафчику со спиртным.

Клео слепо смотрела ему вслед, ощущая жар желания. Ее явно отвергли. Она не знала, что делать. Ну по крайней мере теперь можно снять платье. Она принялась сбрасывать одежду, пока не осталась в тоненькой сорочке. И зарделась, хоть и понимала, что Себастьян отвернулся.

Неужели она ничего для него не значит?

Прикрываясь халатом, Клео поспешно облачилась в ночную рубашку и нерешительно застыла. Себастьян зажег камин. Затрещало пламя, а он вновь направился к графину.

— Возвращайтесь в свои покои.

— Не могу.

— Клео, я устал и не желаю, чтобы вы здесь оставались.

Как грубо. Клео покраснела.

— Я нечаянно толкнула горничную, когда та принесла мне ужин. Она опрокинула чайник чая на постель и посчитала, что лучше мне переночевать здесь, а поутру слуги постараются просушить матрас.

Себастьян помолчал, явно пытаясь переварить услышанное.

— Вы не можете здесь спать.

— Мы ведь женаты? Я знаю, вы не хотите скрепить брак, но уверена, вы сумеете сдержаться, постель просторная. Вы даже не заметите моего присутствия.

— Я посплю на кушетке, — проворчал он. И чертыхнувшись, налил себе... бренди, судя по запаху.

— Мы женаты всего семь часов, а вы уже пьете. Какие перспективы.

Себастьян зашипел.

— Клео, я жутко устал и не могу сегодня спорить.

— А мы спорим?

— Прощу, не надо... Не давите на меня.

Впервые он действительно показал свою усталость.

Внезапно она почувствовала запах крови. Желание тут же пропало. Клео припомнила, как неловко он двигался, ругался сквозь зубы и дернулся, когда потянул за тесемки корсета...

— Вы ранены?

— Я в порядке. — Себастьян говорил так, словно держал что-то в зубах. Потом что-то звякнуло — пробка графина. Застонав, он оторвал кусок материи. Ткань прошелестела по коже.

— Вы ранены. Почему ничего не сказали?

— Пустяки.

— Пустяки?! Глупец! — Клео поспешила к нему, вытянув руки. — Давайте помогу. — И коснулась полурасстегнутой рубашки. Под пальцами дернулись твердые мышцы живота. Себастьян осторожно отвел ее руки от своего тела.

— Я сам справлюсь.

Теперь, когда к ней вернулась ясность мысли и не отвлекали его прикосновения, Клео ощутила легкий запах паленой кожи.

— У вас всего две руки, Себастьян, давайте помогу. Мне так стыдно, что я вынудила вас возиться с платьем.

Если бы не усталость, он бы точно так легко не согласился, но вздохнув, Себастьян сел на стул у туалетного столика.

— В меня стреляли.

— Стреляли?!

Он снова глотнул спиртного.

— Пуля прошла насквозь, все нормально, почти не кровит.

— Где?

Себастьян положил ее руки на свое плечо.

— Вот здесь.

Клео нащупала импровизированную повязку. Он попытался закрепить ее на шее и плече, но без особого успеха. Клео отодвинула воротник рубашки.

— Рану чистили?

— Я прижег ее и промыл алкоголем.

— Этого недостаточно, я пошлю за доктором...

Себастьян перехватил ее запястье.

— Нет.

— Но...

— Нет, — с нажимом продолжил он. — Ни докторов, ни хирургов. Просто помогите мне закрепить повязку, а потом я просто посплю.

— А если рана загноится?

— Все будет хорошо.

Клео сглотнула.

— Я могу наложить слабенькое целительное заклинание. Рана не закроется, но заживление пойдет быстрее.

— Вы же предсказательница.

— Так и есть. Четвертого уровня, однако я немного умею лечить, хотя до специалиста мне как до неба.

Себастьян помедлил с ответом, и Клео уточнила:

— Вы мне не доверяете?

— Доверяю. — Себастьян усмехнулся. — Я не привык к тому, что мне помогают. Все пытаюсь найти подвох, но затем вспоминаю, кто вы такая. Вы совсем не похожи на мою мать и ее приспешников.

— Надеюсь, что нет. Почему она вас не исцелила?

— Потому что я ее послушался.

Какая женщина заставит сына так мучиться?

— Погодите, мне надо коснуться вас. — Она прижала пальцы к его ране и отодвинула повязку. Себастьян напрягся.

Клео открылась, вытягивая тепло из огня, из кожи Себастьяна, из себя... Из всего окружающего пространства. Наконец она почувствовала себя распустившимся цветком. Мир со всей холодностью и жестокостью исчез, все ощущения стали острее.

Наконец его сердце застучало как барабан. Клео ощутила напряжение в муже, как будто он смотрел на ее закрытое повязкой лицо. Она почувствовала легкий запах колдовства от его одежды. Сегодня он потратил много энергии.

— Будьте осторожнее. Вы слишком выложились. Бастиан, так и выгореть недолго.

Она прошептала заклинание, и Себастьян застонал. Под ее пальцами рана горела одновременно жаром и холодом, пока магия проникала в его охваченное лихорадкой тело. Рана затянулась и теперь слегка пульсировала. К утру он будет как новенький.

— Благодарю, — прохрипел Себастьян.

— Надо было мне раньше сказать. Что же случилось?

Но вместо ответа он снова глотнул из бутылки.

— Не спрашивайте, Клео, одна из афер Морганы.

— А что с девочкой?

Себастьян поднял голову.

— Откуда вы?.. — Он хмыкнул. — Вы что-то «видели»?

— Нет, сегодня я сама не своя, и мои способности не работают. Я услышала Моргану со двора. — Она встала перед Себастьяном на колени. — Вот, все готово. Вам лучше лечь.

— Клео.

— Обещаю на вас не накидываться.

— Я лягу на кушетке в гардеробной.

Нет, так не пойдет. Не следует выгонять его из кровати в таком состоянии. Самое обидное, что насчет мокрого матраса Клео не соврала.

— А ваша мать не посчитает такое поведение необычным? Возможно... ей покажется, что вам неловко в моем присутствии.

Себастьян упрямо молчал.

— Обещаю, что останусь на своей стороне кровати и не буду кусаться, если только не захрапите. Вы храпите?

— Не знаю. — Он поднялся. — Вы правда думаете, что вам удастся меня одурачить?

— Нет, вовсе нет. — Себастьян поерзал, и Клео поспешно добавила: — А вы правда думаете, что вам удастся одурачить меня?

Они молчали целую минуту. Клео подождала еще чуть-чуть.

— Отлично. Мы ведь не хотим, чтобы моя мать заподозрила неладное. — Раздался звон стекла о комод. Себастьян принялся разоблачаться.

С каждой расстегнутой пуговицей беспокойство росло. Клео не знала почему. Она подошла к постели, ощущая замешательство. Одно дело думать о супружеских обязанностях, и совсем другое слышать легкий шорох льна и хлопка, пока муж раздевается. У Клео было потрясающее воображение. Благодаря видениям, она представляла, что происходит между мужчиной и женщиной, но всегда считала этот процесс чем-то неприятным. Словно дуэль — резкие движения, доминирование, искаженные лица...

Клео покраснела. Она всегда считала, что сможет заставить себя выдержать первую брачную ночь, если когда-нибудь выйдет замуж, но никогда не ощущала ни волнения, ни предвкушения. А теперь готова была из кожи выпрыгнуть.

И если честно, из-за странного томления между бедер ее мучила неуверенность.

— Ах, — прошептал Себастьян. На пол упал еще какой-то предмет одежды, и у Клео перехватило дыхание. — Теперь я понимаю, как управлять женой. Вы такая тихая, дорогая.

— Мне не нравится это слово, — краснея, прошептала Клео.

После недолгих раздумий он уточнил:

— «Управлять»? — Голос прозвучал приглушенно, словно Себастьян в это время снял что-то через голову. Затем он занялся ремнем.

Клео с трудом сглотнула. Ночная рубашка казалась невозможно тонкой. Соски напряглись.

— Мне оно тоже не нравится. — Он вздохнул и сбросил брюки. Снова шуршание. Наверное, облачился в ночное одеяние. Себастьян присел на край постели.

— Клео, я вас не трону, — тихонько признался он, будто ощущая ее беспокойство.

— Если хотите, я не возражаю. — Скорее всего, муж будет с ней нежен.

— А если я не хочу? — Он накрылся одеялом. Клео снова почувствовала себя очень одинокой.

Она легла. «А если я не хочу?» Клео могла придумать тысячу причин, почему муж ее отвергает. В горле встал ком. Довольно. Нельзя дать себе погрязнуть в этих жутких мыслях. Клео досыта нахлебалась людского безразличия, когда родной отец даже не ужинал вместе с ней или формально целовал в лоб и уходил заниматься делами поважнее.

Странно лежать с кем-то в постели, тем более с крепким мужчиной. Матрас прогнулся, и она с трудом удерживалась на своей стороне. Стоит двинуться, и Себастьян пулей выскочит из кровати. Лучше провести завоевательную компанию без импульсивных атак. Вот только после откровений мужа, Клео уже не была уверена, что вообще хочет бороться. Надежда постепенно умирала.

— А вы не очень-то любезны, — прошептала она.

Себастьян повернулся, отдавая ее лицо дыханием.

— Я...

— Полагаю, этого вы и добивались. Я уже привыкла к тому, что никому не нужна.

Себастьян резко вздохнул.

Клео отвернулась, сжимая одеяло и кипя от сдерживаемых эмоций. Все шло не так. На глаза навернулись слезы.

— Знаете, утром я была так счастлива. Думала, жизнь изменится. Я не ждала любви, не мечтала, что мы всегда будем вместе, но не нужно быть жестоким. Знаю, я всего лишь слепая девчонка, на которой вы не хотели жениться, но я тоже не горела желанием выходить замуж. Вы были добры ко мне прежде, а мне так хотелось сбежать. Худшее, чем вы можете меня наказать — безразличие. Я не надеюсь на любовь. Немного заботы уже достаточно.

Клео уткнулась в подушку и вздохнула, пытаясь сдержать чувства. Какая же она дура! Решила поиграть, но сама себя перехитрила и загнала в ловушку.

Она ощутила прикосновение к волосам. Обычно Клео заплетала косу, но сегодня распустила локоны, надеясь, что Себастьяну понравится. Она застыла, затаив дыхание и позволяя мужу себя гладить.

Все изменилось. Слезы высохли, сердце застучало в ушах, но Себастьян молчал. Возможно, его прикосновения немного сгладили грубые слова, но все равно ощущалось, как далеки супруги друг от друга.

— Простите. Я так долго жил в жестокости, что забываю, как легко причинить боль человеку. — Он грустно усмехнулся. — Или не ожидал, что моя язвительность так ранит. Я просто привык к тому, что люди не имеют сердца, а тут вы, такая открытая. — Он легонько провел рукой по прикрытой рубашкой спине. Затем отстранился. Как жаль.

— Клео, я по тысяче причин не могу вас касаться. И дело не только в вашем отце и моей матери. Самое нелепое в этой ситуации в том, что я, стараясь защитить вас от них, привел к вам более опасного хищника.

«Стараясь защитить вас...»

Ее сердце заколотилось. Как странно. То он совершенный незнакомец, то вдруг снова становится ее Себастьяном.

— Кого же?

— Я про себя. — Он снова коснулся ее волос, будто не мог удержаться. — Клео, я опасен.

— Не верю.

— Так и есть, просто я показывал себя с лучшей стороны.

Клео вспомнила кошмарное видение про гибель Лондона и воздержалась от ответа. Она не могла утверждать, что Себастьян не опасен, но было так трудно связать разрушения с этим человеком, что гладил ее волосы с такой осторожностью, будто они из золота.

— Мне не нравится, когда меня касаются, — глухо произнес он, будто припоминая нечто неприятное. — Мне... больно. И физически неприятно, я прихожу в ярость. Я говорю вам это затем, чтобы вы не касались меня ночью. Клео, я могу принять вас за другую и выйти из себя. Вряд ли сразу осознаю, где я и что делаю. Я не могу перестать вспоминать других и то, что они со мной творили.

— Кто? Ваша мать?

— Нет. — Он горько усмехнулся. — Одна ее приятельница, не так давно. Имя не важно, однако именно ее лицо я никогда не забуду.

Неужели он любил ту женщину? Клео тут же отбросила эту мысль. Себастьян говорил не о любви, а о ненависти. Клео ничего не понимала и не хотела понимать.

— То есть... мать... отдает вас им на потеху?

— Я имел тех, кого она приказывала, — сурово пояснил он. — Сперва им нравилось причинять мне боль. Это было легко, ведь мать отдавала им кольцо на ночь. И в конце концов я уставал сопротивляться. Считается, что мужчин не заставишь... возбудиться, но есть способы...

— И что случилось? — с горечью прошептала она. — Почему вы помните именно ее?

Он поерзал.

— Клео...

— Я многое видела, в том числе и чудовищ, я выдержу.

— Могу себе представить. — Он прерывисто добавил: — А если я одно из тех чудовищ?

— Не верю, — сказала Клео и потянулась к мужу, пока не вспомнила, что ему не нравятся прикосновения. Она сжала дрожащие пальцы в кулак.

— Тогда вы меня совсем не знаете. Я запомнил лицо той стервы, потому что она стала первой, на кого я напал. Я истязал ее, пока она не стала молить у моих ног. Я сделал с ней все, что она творила со мной. Мне было плевать, я хотел ее уничтожить.

Ужасно. Клео впиалась ногтями в ладони.

— Вы жертва обстоятельств и не виноваты...

— Ты все еще не понимаешь? Ей это нравилось. Когда она лежала у моих ног, моля о большем, мне захотелось причинить ей сильную боль, и я пошел у себя на поводу. Впервые я ощутил власть, и мне понравилось, Клео. Мне понравилось причинять боль. И я делал это снова и снова, уже с другими.

Клео лишилась дара речи. Она не могла дышать.

— Вы в постели с чудовищем, — прошептал он. — Я безнадежен. Меня нельзя касаться. Я не должен был ложиться с вами рядом. — Себастьян откинул покрывало. — Глупая надежда. Вдруг я забудусь... Я только и думаю, что случится с вами. Что если я причиню вам боль? Сумеете ли вы улыбнуться мне после предательства? Напомню ли я вам того мужчину, что вы встретили в саду? Или вы увидите правду? — Себастьян встал. — Оставайтесь здесь, без меня вы в безопасности. Я не коснусь вас.

— Бастиан, — прошептала Клео, садясь и прижимая покрывало к груди.

Он застыл в темноте комнаты. Ожидал от нее обещания, которого она не могла произнести.

— Больше не приходите сюда, — сказал Себастьян. — Простите, вы не знали, за кого вышли замуж. Я больше не побеспокою вас и посплю на кушетке.

Он ушел. Во второй раз после их знакомства Клео потеряла дар речи.

Мир кружился. Ианта свернулась в клубок в сильных объятиях, видя во сне бесконечные сады, где напрасно что-то искала. Она неуверенно моргнула и открыла глаза. Увидела огонек свечи, узнала коридор в своем доме. Она лежала на руках Люсьена, прижимаясь щекой к бархатному лацкану его камзола.

— Очнулась? — прошептал Люк.

— Да.

Он осторожно ее отпустил. Она зашаталась, словно новорожденный ягненок — ночью потратила слишком много сил.

— Где Луиза?

— Наверху в постели. Она в безопасности, — прошептал Люк в ответ.

— Хочу ее видеть. — Ианту охватила паника. Пока она не увидит собственными глазами, не поверит, что дочь здесь.

— Ианта...

— Умоляю, — прошептала она.

Люсьен будто прочел ее мысли.

— Сюда.

И повел ее наверх.

— погоди, мне нужно кое-что захватить, — сообщила она, на миг скрылась в своих покоях, но тут же вернулась.

У двери в комнату Луизы Люсьен замешкался.

— Войдешь? — спросила она.

— А можно?

— Конечно, можно...

— Для нее я не отец, а чужой человек. Моя дочь понятия обо мне не имеет, и кто... — Люсьен осекся и выругался.

— И кто в этом виноват? — договорила Ианта, чувствуя, как в горле пересохло.

Люсьен постарался найти нужные слова:

— Я не это имел в виду.

— Нет?

— Мы оба устали. Не время спорить. Давай продолжим утром. Мне надо искупаться, — прошептал он и ушел.

Ианта сжала в руках игрушечного мишку, глядя Люсьену вслед. Нет, она не заплачет, но его слова ее ранили.

«Ты заслужила его презрение».

— Ну и что ты думаешь? — привлек ее внимание голос Луизы из комнаты.

— Я думаю, что злой леди и ее приятелям лучше бежать на Континент до того, как твоя тетя решит с ними покончить. Она в ярости, — заявил Реми.

— Злая леди сказала, что тетя Ианта мне не тетя, — прошептала Луиза. Ианта сквозь щель увидела, что дочь лежит в постели. — Они сказали, что Ианта моя мама. И что она не хотела меня, поэтому отдала на воспитание Эльзе и Джейкобу.

— А что ты сама думаешь?

— Я знаю, что она моя мама, — пролепетала Луиза. — Эльза рассказала год назад. Но

если бы Ианта меня не хотела, то не стала бы навещать. Правда?

Боже благослови Ремингтона. Он наклонился и взял ладошки Луизы в свои руки.

— Твоя мать перевернула бы рай и ад, чтобы тебя вернуть. Она очень тебя любит. Потому и нашла тебе замечательных родителей, когда поняла, что не сумеет позаботиться о тебе в силу молодости и неопытности.

Ианта тихо кашлянула. Какая же сука эта Моргана. Пытаться убедить малышку, что та не нужна родной матери?

Ремингтон посмотрел на вошедшую Ианту.

— А теперь мне пора, принцесса. Тут кое-кто хочет с тобой поговорить.

Луиза повернула к матери бледное личико. Ианта почувствовала, как екнуло сердце. Ремингтон похлопал Ианту по плечу, но она уже не смотрела на него. Весь мир сузился до глаз дочери.

— Привет, — прошептала она, сделав шаг к постели.

Луиза вскочила и бросилась к Ианте, обхватив за талию худенькими руками.

— Мне так жаль, так жаль, Лу.

Малышка утерла слезы.

— Я знала, что ты меня спасешь. Ждала тебя каждую ночь.

В душе потеплело. Ианта обняла дочку и стала ее нежно укачивать.

— Я всегда тебя спасу. Поверь. Люблю тебя всем сердцем, Лу.

— Что случилось с мамой и папой? — с беспокойством спросила Луиза. — Мистер Кросс мне не сказал.

— Прости, — прошептала Ианта, убирая волосы с ее лба. — Я ничем не могла им помочь. Когда я их нашла, они уже ушли в рай, чтобы жить с ангелами. Я оплатила похороны на кладбище церкви Святой Марии. Знаешь, там еще розы, которые так нравились Эльзе? А потом я искала тебя.

Заплаканная девочка положила голову на плечо Ианте. Большие голубые глаза покраснели и опухли.

— А Пузатик?

Ианта улеглась с ней на постель.

— В безопасности у О'Брайенов. Когда все закончится, мы его заберем. — Она вытащила из кармана подарок. — Но кое-что я для тебя сохранила.

Луиза увидела медвежонка и округлила глаза.

— Хилари!

И прижала игрушку к груди, будто спасательный круг.

Впервые Ианта ощутила, что не совсем безнадежна.

Когда Луиза уснула, Ианта отправилась за Люсьеном. Дела может и подождут до утра, но сама она уснуть не сможет, пока не извинится.

Она прошла к ванной в его покоях и постучала. Люсьен брился у зеркала. Его волосы были влажными, узкую талию обхватывало полотенце. Спину покрывали следы ожогов.

Он застыл.

— Знаю, сейчас ты не хочешь со мной говорить, — начала Ианта, закрывая дверь. В горле встал ком. — Выслушай, молю. Я хочу извиниться... за все. За то, что не рассказала о дочери... о неприятностях, в которые попала. Прости, — прошептала она, не в силах смотреть ему в глаза. — Я не знала, что делать, не знала...

— Союзник ли я или враг.

Она кивнула и понурилась. Лу в безопасности, но теперь настала пора платить по счетам. На глазах выступили слезы. Что она скажет Дрейку? Как исправит свои ошибки?

— Я не виню тебя за то, что не доверяла мне и усыпила. Я такой ерунды наговорил в последние дни... Разумеется, ты поверила в мой бред о мести. — Со вздохом, он устался в раковину, крепко вцепившись в край руками. — Я говорил не серьезно. — Наконец Люк обжег Ианту янтарным взглядом. — Это все гордость. Я злился на тебя из-за заточения... — Он поднял руку, не давая Ианте заговорить. — Я его заслужил. Ты выполнила приказ наставника, а я в то время был опасен для общества. Но злость стала моей броней, способом защитить себя. Каждый день, каждый час меня тянет к тебе. Мне это не нравилось.

Ианта не знала, что и сказать.

Люсьен вытер лицо полотенцем.

— Я тоже должен извиниться за жестокие слова в коридоре. Ты их не заслужила.

— Я... что? — Такого она не ожидала. — Я тебя не понимаю.

Люсьен провел рукой по волосам и осмотрелся. Он двигался резко, словно отпущенный на свободу бык, сознавая, что места мало, и стараясь не поломать хрупкую мебель.

— Да, я зол, не отрицаю, но могу представить, каково семнадцатилетней незамужней девушке обнаружить, что она беременна. Как я понимаю, твой отец был не рад и... — Люсьен вздохнул. — Прошу прощения, Ианта, ты нашла лучший выход из очень непростой для леди ситуации. Я тебя не виню, у меня нет такого права. Прошу прощения за обидные слова. Я поддался чувствам. Был не прав.

Мир перевернулся с ног на голову.

— Благодарю, — прошептала она. Сердце переполнилось нежностью, а по венам побежал чистый солнечный свет.

Если бы она осмелилась поверить...

— Я все думаю об отце, — признался Люк, присаживаясь на край ванны и складывая руки на коленях. Темные волосы упали на лицо. — О том, как я его ненавидел за отношение ко мне. Винил в равнодушии. Говорил, что никогда бы так не поступил. Что если бы он хотел меня, то мог бы забрать у лорда Ретберна и сам воспитать. Все время заключения в Бедламе я чувствовал себя как зверь, которого тыкают, дергают и не считают за разумное существо. И это он меня туда упек! Отец упек меня туда, Ианта. Какие еще нужны доказательства? Я его ненавидел. Или... может, я ненавидел себя? Ведь в глубине души знал, что недостойн его. — Люсьен поник. — А теперь только и думаю, что Луиза посмотрит на меня и почувствует то же самое, что родной отец ее не хотел.

— Нет, нет, ничего подобного. Луиза никогда так не подумает. — Ианта встала меж его бедер и принялась гладить по волосам. Он уткнулся лицом ей в живот и притянул ближе. — Дрейк как-то пытался тебя навестить в Бедламе. В самом начале... но на тебе это плохо отразилось. Было решено, что он воздержится от визитов, пока ты не придешь в себя.

Люк посмотрел на нее так, будто она вырезала его сердце. А потом его взгляд прояснился.

— Я помню.

— Он хотел пояснить, почему тебе вынесли такой приговор. После явления демона Совет решил, что ты опасен. Они хотели тебя казнить. Ты даже не представляешь, Люк, как Дрейк за тебя боролся. А Луиза... у нее огромное сердце. Она узнает правду, я ей расскажу. В сложившейся ситуации виновата я, а не ты.

Люсьен взял ее за руку.

— Так тоже не пойдет.

Ианта вскинула подбородок.

— Я сделала выбор, мне и платить.

— Она была счастлива? — хрипло спросил он.

Ну хоть тут Ианта могла его утешить.

— Счастлива и любима. Ее приемные родители были замечательными.

— Были?

— Моргана их убила, — сдавленно произнесла Ианта и зажмурилась. — Я нашла их тела через пару часов после того, как получила первое письмо. Сразу бросилась к ним.

Люсьен встал и принялся целовать ей веки. Затем отстранился и мягко обхватил ладонями ее лицо. Ианта открыла глаза.

— Что собираешься делать? — Ей было страшно, но она не могла не спросить. По закону Луиза принадлежала отцу.

Люсьен помрачнел.

— Мы обсудим это, когда закончим с делом. Я не хочу больше действовать поспешно. Решать мы будем совместно. Я хочу, чтобы дочь была счастлива, а ей нужна мать. — Он опустил взгляд, будто желал скрыть сожаление. — Отца она едва знает.

Значит, Луиза останется с ней. Ианту охватила радость и страх. Какая из нее получится мать?.. Ианта запнулась. На этот раз у нее был выбор. Она финансово обеспечена и, несмотря на репутацию, обладает положением в Ордене. Ианта мечтала лишь о доме с небольшим садом, где можно играть с дочкой в прятки и слушать ее смех.

— Я стану ей матерью, — сказала она, и Люсьен после недолгих раздумий кивнул.

Какое облегчение. Ианта ощутила прилив сил. Если Люк считает, что она справится, значит так и будет.

— И хочу, чтобы она познакомилась с отцом.

— В обществе станут задавать вопросы, если ты решишь ее удочерить. Она слишком похожа на тебя. Боюсь, с возрастом, сходство лишь усилится. — Он с тоской посмотрел на нее. — Луиза красавица.

— Я буду решать проблемы по мере их поступления.

После некоторого колебания, он произнес:

— Есть другой выход.

— Хочешь стать ее опекуном?

— Да, хотя и не так, как ты думаешь.

— Да? — Неужели теперь он может читать мысли?

Люсьен сделал шаг вперед, погладил ее плечи и внимательно посмотрел ей в глаза.

— Мы могли бы пожениться.

Ианта затаила дыхание.

— Мы... что?

— Поженимся. Я удочерю Луизу. В любом случае все узнают правду, у нее мои глаза. А так у Луизы будут два родителя и законное место в мире. Мои статус и имя ей послужат подспорьем. Никто не осмелится назвать ее бастардом, а тех, кто рискнет, я прикончу.

— Да, но... — Мысли путались. — Я думала, ты желал освободиться от... уз.

«От меня».

— Когда-то желал, а потом понял, что мне больше никто кроме тебя не нужен. Ты прикрывала мне спину и противостояла врагам, когда я проявил слабость. Я хочу узнать тебя

во всех смыслах. Желая, чтобы ты мне верила. Хочу... — Он запнулся. — Хочу тебе доверять. Выходи за меня замуж. Покажи, что я больше не один. Научи меня любить отца и узнать дочь.

Для Луизы лучше варианта не придумаешь, но для самой Ианты? Люсьену уже принадлежало ее сердце, но осмелится ли она предъявить на него права?

— Я боюсь, — прошептала Ианта.

— Чего?

— Довериться...

Поверить, что все будет хорошо.

Судя по опасному блеску в глазах, Люк понял Ианту. Взял за руку и повернул, открывая нежное запястье.

— Просто у нас не получится, — признал он, прижимаясь к коже мягкими губами.

— Я... даже не знаю, что думать. Я была уверена, что ты все еще хочешь отомстить.

— Ничего подобного. Я вижу тебя такой, какая ты есть. А вот ты сомневаешься в моих намерениях, так как хронически недооцениваешь себя.

Ианта застыла. Неужели именно это мешает ей жить? Она всегда считала себя бесстрашной и решительной, но когда речь заходила о любви, становилась такой уязвимой.

— Боже мой, — прошептала она. Правда, это все правда.

— Хочешь увидеть себя моими глазами?

В сердце проник холодок страха и неуверенности. Те самые древние демоны, что никак ее не отпускали. Ианта резко выдохнула и покраснела.

— Не знаю.

— Наберись храбрости, — прошептал он, поглаживая ее бедра умелыми руками. — У тебя душа любовницы, душа целительницы. Страстная, нежная... заботливая. — Люк убрал волосы с лица Ианты. — Каждый раз, когда я мучился сомнениями, ты меня защищала или помогала пережить приступ. Целовала мои шрамы, будто это сокровище, и постоянно уверяла, что я ни в чем не виноват. Ты веришь, что мои проблемы можно преодолеть. С тобой я чувствую, что справлюсь со своей слабостью. Я исцеляюсь благодаря тебе, Ианта. Благодаря тебе у меня есть будущее. А еще надежда. Ты моя защитница, но когда дело касается тебя, твоя смелость рассеивается. — Он раздраженно продолжил: — Твоего отца следует повесить, растянуть на дыбе и четвертовать за то, что он с тобой сделал.

Ианту затопила нежность, а на глаза навернулись слезы.

— Знаю, он лгал, чтобы я вечно терзалась, но все равно, так тяжело... поверить.

— Боюсь, я больше не смогу пользоваться способностями.

Ианта погладила его по руке.

— Может, мы сумеем разрешить свои проблемы. Вместе.

— Вместе, — шепнул он. — Выходи за меня, Ианта. Не ради меня или Луизы, а ради себя. Доверься мне.

Ианта закрыла глаза. Да. Она выйдет замуж для Луизы и для себя. Прежде Ианта не осмеливалась довериться кому-то. Но Люку можно открыться. Даже если он решит вырезать ей сердце, она подаст ему его на блюдечке. «Я люблю тебя». На мгновение Ианта испугалась, что призналась вслух, но вроде нет, сдержалась. Люк гладил ее скрытые шелком бедра и смотрел на Ианту голодным взглядом. А еще терпеливо ждал ответа.

— Хорошо.

— Хорошо, — пробурчал он, будто на самом деле боялся отказа. — Я предлагаю ей

графский титул, а она говорит «хорошо».

— А чего ты ожидал? — Впервые за много лет на душе стало легко.

— Я бы хотел, чтобы ты запрыгала от радости, дорогая. — Он дразняще улыбнулся, в глазах плясали чертики. — Но кажется, я знаю, как этого добиться.

— Кажется, я тоже знаю, как добиться этого от тебя, — парировала она, поглаживая его обнаженные плечи.

Глаза Люка вспыхнули любопытством.

— Осторожно, а то уронишь меня в ванну.

— Да, так не пойдет. Будет жаль, если ты промокнешь — Она провела руками по крепкой груди и животу Люка и зацепила пальцем полотенце.

А затем медленно подтолкнула его к ванне. Он рухнул, успев лишь схватиться за край. Полотенце промокло и облепило твердую плоть. Вода расплескалась по всей комнате.

— Вижу, тебе нравится поступать по-своему, — заинтригованно протянул Люк.

Ианта закусил губу, сдерживая смех.

— Ой, прости. Но... Теперь ты весь мокрый. Что же нам делать?

Он прищурил янтарные глаза.

— Для начала избавимся от этого. — И швырнул в нее полотенце. — А теперь забирайтесь-ка сюда, мадам

Ианта отбросила полотенце.

— Ты такой нетерпеливый, — заметила она, приподнимая платье и садясь в ванну.

Он устроил ее у себя на коленях. Вокруг них плавал ворох юбок.

Люсьен поцеловал Ианту.

Теперь она не сомневалась в его чувствах. Истину не скрыть. Что бы ни случилось, это не изменится. Они смогут общаться без слов... между ними останется мостик.

Много позже они лежали в тишине темной комнаты, прижимаясь друг к другу. Люсьен задумчиво поглаживал Ианту по спине.

— Жалеешь? — поддразнила Ианта, легонько лаская его живот.

Люсьен развернулся к ней лицом и взял за руку.

— О чем?

— Что тебя скоро окольцуют?

С потемневшими от желания глазами Люк потянулся и обхватил ладонью ее голую ягодицу.

— В этом есть и плюсы. — Он лизнул грудь Ианты. — Например, ты будешь в моей власти днем и ночью.

Ианта застонала, наслаждаясь умелыми ласками. Она надеялась услышать нечто иное, но ведь сама задала шутливый тон. Обняв Люка за шею, Ианта чуть отстранилась. Если он продолжит в том же духе, выспаться ей не удастся.

— Люсьен.

— Мне нравится, как ты произносишь мое имя, — промурлыкал он и прикусил ее шею.

— Мне тоже. — Ианта запрокинула голову, чтобы ему было удобнее. Он нежно поцеловал ее в ключицу.

Прежде это был лишь секс.

Ианта закусил губу. Между ними что-то неуловимо изменилось. Люк ласкал ее так, будто у него было все время мира. Словно очарован каждой клеточкой ее тела. Ианта не знала, как на это реагировать. Ей все очень нравилось. Очень. Она ощущала себя сокровищем

в заботливых руках.

Словно она ему небезразлична, словно он желает только ее одну, отныне и навсегда.

Ианта раздвинула ноги. Люсьен одной рукой подхватил ее под ягодицы и резко вошел в лоно. Ианта ахнула.

— Боги, женщина, не могу тобой насытиться. — Люсьен прикусил ее подбородок, затем смягчил боль поцелуем. — Ты так хороша.

Как и он сам. Ианта с такой ясностью ощущала его в себе... И вдруг до нее дошло.

— Постой!

Свет от огня чуть смягчил резкость его черт и отразился в дьявольских глазах.

— Что случилось?

— Нам так хорошо, потому что мы забыли о защите!

Люсьен застонал и уткнулся лицом в подушку у ее уха.

— Прости. — Он чуть толкнулся бедрами напоследок. — Я не стал бы жалеть, но приму любое твоё решение. — Приподнявшись на локтях, Люк попытался выйти.

— Подожди, — прошептала она, глядя ему в глаза, но не в силах ничего сказать.

— Ты меня всю ночь будешь мучить? Ианта, так мне достать футляр?

Каждое его движение отдавалось в ее теле. Ианта сглотнула и вцепилась в плечи Люка.

— Ты в самом деле не пожалеешь?

— О чем?

— О последствиях.

Они снова посмотрели друг другу в глаза. Что-то мелькнуло на лице Люка. «Да». Чуть дрогнув, он снова вошел в нее до конца. Принялся двигаться, размеренно, медленно, дразняще. Для себя он все решил. Ианта крепко сжала плоть внутренними мышцами. Она гладила Люсьена по плечам, а сердце ее готово было разорваться от счастья. Теперь все по-другому.

Люсьен попросил ее довериться, позвал замуж. Если возникнут последствия, она им только обрадуется.

Ребенок. Эта мысль пугала и одновременно радовала. Прежде ей не удавалось заботиться о дочери и теперь отчаянно хотелось воспользоваться вторым шансом.

— Я не против последствий, — прошептал Люсьен, обдавая теплым дыханием ее ухо.

— Будь что будет. — На этот раз Ианта не боялась. И еще никогда не чувствовала такое единение с Люсьеном.

Он подцепил локтем ее колено и поменял позу, застав Ианту врасплох.

— Господи!

Его губы растянулись в дьявольской ухмылке.

— Нравится? — Люсьен двигался в ней очень нежно и медленно, чуть стиснув зубы.

Член задевал какую-то особую точку внутри. Ианта дернулась, не в силах сдержаться.

— Да! Да!

— Еще?

— Еще! Ах, Люсьен! Люк!

Его ответный поцелуй ошеломил. Губы касались губ, языки ласкали друг друга. После очередного толчка Ианта вскрикнула, сжимая мокрые волосы Люка. Ее лицо исказила гримаса экстаза.

Люсьен с тихим стоном кончил, чуть придавил Ианту, но затем перевернулся на бок.

А потом, когда они отдышались, то заметили ее кое-что.

Их сердца бились в унисон.

Узы окрепли.

Люсьен поцеловал Ианту, глядя ей в глаза.

«Да будет так».

Ианта провела кончиками пальцев по его щеке.

«Ловлю на слове».

Люсьен просто улыбнулся в ответ, прижался к любимой и провел пальцами по едва заметным серебристым линиям, веером расходящимся от ее пупка.

— Теперь я понимаю, почему ты прежде не позволяла себе отдаться наслаждению.

Ианта устроилась в его объятиях.

— Для женщины все иначе. Не всегда получается расслабиться.

— Особенно, когда беспокоишься о пропавшей дочери.

— Конечно. Тогда, на рояле... я просто с ума сходила от угрызений совести. Какое право я имею наслаждаться, когда она там одна? Но ты был так мне нужен.

Они посмотрели друг на друга.

Ианта сглотнула. Близость все еще ее волновала.

— Когда ты хочешь, чтобы мы поженились?

— Увы, придется немного подождать. Сейчас у нас другие заботы. Моргана — угроза. Она уже осмелилась похитить Луизу, чтобы повлиять на тебя, и может сделать это снова. — Люсьен поджал губы. — Я намерен обезопасить дочь, даже если придется убить эту стерву самолично.

— Как мы ее найдем? — прошептала Ианта.

— Начнем с твоего дома, — ответил Люсьен, перебирая ее волосы.

— С дома? — Ианта не совсем понимала, зачем начинать поиски отсюда.

— Кто-то ведь оставлял письма на твоей постели. Этот кто-то знает, где Моргана. Осталось выяснить, кто именно.

Ианта похолодела. Ей и в голову не приходило искать предателя среди домочадцев, ведь иначе кому тогда вообще верить? Любая ошибка могла отразиться на Луизе. Теперь же все иначе.

— Но все утром, Ианта, утром. Нам нужно поспать, или мы попадемся в ловушку Морганы. Не знаю как ты, а я жутко устал. Одна ненасытная девушка постоянно требует от меня близости.

— Нахал! — возмутилась Ианта и ущипнула его.

Люсьен рассмеялся. Ианта выгнулась в его объятиях и вдруг осознала, что впервые он улыбается по-настоящему.

«Экспрессия опасна тем, что связана с эмоциями, а что есть эмоция, как не слабость?»

— Моргана де Винтер

Дворецкий ничего не знал, как и горничная. Пока Люсьен допрашивал румяную повариху, Ианта вне себя от беспокойства расхаживала перед камином. Задав последний вопрос, Люк поднял глаза и, глядя на любимую поверх макушки плачущей миссис Мэйхью, слегка покачал головой. Благодаря своим недавно обретенным способностям он теперь легче различал, кто врет, а кто — нет. Три человека из списка ничего не знали о письмах и шантаже.

Оставались миссис Хастингс и Тея.

Пока Люсьен провожал миссис Мэйхью, в груди Ианты разверзлась жуткая зияющая бездна. «Только не Тея. Пожалуйста, только не Тея». Но кто из домочадцев легче поддастся влиянию или даст себя обмануть? Молоденькая ученица со своим собственным темным прошлым? Или в высшей степени умелая экономка, держащая весь дом в ежовых рукавицах?

— Заходи, — распорядился Люсьен, и Тея нерешительно ступила в светлую комнату. Она побледнела, глаза на молоденьком личике казались огромными. Юная девочка, которая так сильно старалась быть взрослой. Так сильно старалась не...

Тея лишь раз взглянула на Ианту... и залилась слезами.

— О, черт, — пробормотала Ианта и притянула бедняжку в объятия. — Маленькая дурочка. Надо было прийти ко мне.

Какое лицемерие. Разве Ианта сама не пережила подобное? Тяжело оказаться одной в этом мире и не знать, кому можно верить, к кому обратиться. Она никогда не станет винить Тею за ее поступок. Нет, Ианта злилась на Моргану, эту мерзкую стерву, которая мастерски умела дергать людей за ниточки и вносить раздор в ряды своих жертв.

«Я сотру эту самоуверенную улыбочку с ее лица. Кулаком».

— Поговори с нами, Тея. Расскажи, что случилось, — тихонько попросила Ианта.

— Я н-не х-хотела, — невнятно молвила Тея, отодвигаясь ровно настолько, чтобы можно было ее расслышать. — Н-но они пригрозили, что... что если я не послушаюсь, они р-расскажут тебе о... о том, что я совершила, и ты вышвырнешь меня на улицу, и... Ты знаешь, что я не могу вернуться домой. Только не к матери. Знаешь!

Ианта крепче обняла бедняжку и в отчаянии прикрыла глаза. Как хорошо она понимала это чувство. А ведь Тее только восемнадцать, немногим больше, чем было самой Ианте, когда она оказалась в подобных обстоятельствах.

— Ш-ш, — прошептала она, запечатлевая на виске подопечной поцелуй. — Я бы никогда не вышвырнула тебя, Тея. Ты должна была это понимать.

— Я н-не знала, что делать, а они хотели только, чтобы я оставляла письма на твоей кровати. Я не увидела в этом особого вреда. — Она резко взглянула на Ианту, сверкнув глазами. — Ты же знаешь, что я никогда бы не сделала большего. Клянусь. Я...

— Знаю.

Ианта позволила подопечной выплакаться на своем плече, пока у той, наконец, не иссякли слезы. Люсьен налил Тее вина и молча наблюдал, как Ианта усаживает ее на диван.

— Возьми, — пробормотал он, предлагая бокал Тее. — Это поможет тебе успокоиться.

— Пожалуйста, расскажи нам обо всем, — попросила Ианта, протягивая носовой платок.

— Он сказал, что если я не выполню его просьбу, то...

— Кто — он? — резко уточнил Люсьен.

— Он собрал... группу молодых волшебников. Подходил к нам обычно в магазине или в гостях.

— Кто именно? — потребовал Люсьен.

Тея подняла на него покрасневшие глаза.

— Его з-зовут Ной Гатри. Он обещал, что поможет мне быстрее выучиться магии. Сказал, что Орден просто хочет обуздать меня, посадить на цепь и превратить в милую марионетку. Сначала я от-тказалась, но потом... У меня не получалось справиться с веревкой. — Она обернулась к Ианте. — Ты велела мне продолжать попытки, но... Мне всего лишь хотелось узнать, как стать волшебницей. Не хотелось больше неудач. Так что я пришла на его встречу. Подумала, ничего страшного не случится, если посетить всего одну... И там были другие, те, кого изгнали из Ордена, и те, кого маги так и не обнаружили. Ной сказал, мол, не нужно ничего б-бояться, а ты просто заученно бубнишь страшилки об...

— Об?.. — прошептала Ианта.

— Экспрессии. — Слово вырвалось сиплым шепотом.

— То есть он поощрял вас применять экспрессию, — подытожил Люсьен, затем вздохнул и поскреб лицо.

— Они устроили посвящение. — Тея побледнела. — Мы все поклялись на крови, что никогда не предадим наше братство, а потом Ной сообщил, что Элиза, одна из моих подруг, нарушила клятву, рассказала все своему учителю и теперь ее н-нужно... наказать... — Тея вновь ударилась в слезы. — Он заявил, что нам придется это сделать. Предполагалось, что мы просто припугнем ее, но что-то... что-то пошло не так. Она перестала дышать. Не знаю почему. Не знаю, как...

— Я должна была догадаться. — Тысяча чертей. — Ты почти месяц была сама не своя, а ведь до этого так хорошо занималась. Я не понимала, почему твой контроль ослаб. Все дело в вине. Страхе. Чувствах, разъедающих тебя изнутри. — Покачав головой, Ианта притянула ученицу в объятия. — Ты не навредила Элизе. Нет в этом мире магии, способной заставить кого-то умереть из-за нарушенной клятвы крови. Вас обманули. Скорее всего дело в яде, или в каком-то заклинании, которое ты не заметила. Сикарии могут использовать острый как стилет магический кнут, убить на расстоянии, да так, что никто ничего не заподозрит. Скорее всего, Ной провернул это, чтобы получить желаемое. Группу молодых, неопытных волшебников, которых можно шантажировать.

Бедняжка всхлипнула.

— Тея, милая. — Ианта склонилась, чтобы смахнуть волосы с заплаканного личика подопечной. — Ты можешь нам сказать, где этот Ной Гатри с вами встречался?

Тея вытерла лицо.

— Я сделаю кое-что получше. Однажды я за ним проследила. Мы — он и я... Мы были... — Она стыдливо опустила глаза. — И я подумала, что он встречается с кем-то еще, так что последовала за ним до самого дома. Там сидела немолодая леди. Он называл ее

Морганой. Она справилась обо мне, спросила, делаю ли я то, что велено. Мне так жаль, Ианта. В тот миг я поняла, что всегда была ему безразлична. Что влипла в неприятности.

— Понятно. — Как же Ианте хотелось добраться до этого Ноя Гатри и свернуть его проклятую шею. Играть чувствами молоденькой девушки низко и жестоко. — Адрес, Тея?

— Это в восточной части Найтсбриджа. Красивый каменный дом, окруженный розовым садом. Мне как-то не пришло в голову обратить внимание на точный адрес.

Ианта слушала, затаив дыхание. При последних словах она расслабилась.

— Спасибо, Тея. Для начала этого хватит.

Дрейк подоспел буквально через десять минут. Ианта вышла проведать Луизу, так что Люсьен, не дав отцу и слова сказать, провел его в ту оранжерею, где впервые пил с Иантой чай. Ощущение было такое, словно с той встречи прошла целая жизнь. Как сильно все изменилось.

— Как она? — требовательно спросил Дрейк, как только дверь захлопнулась. Казалось, за одну ночь он постарел лет на десять.

— Готовится к битве, — отозвался Люсьен. — Взволнована, конечно, но держится. Не хотелось бы мне быть на месте Морганы, когда Ианта до нее доберется.

— И с ней... ее дочь?

— Наша дочь, — мягко поправил Люсьен. И не заметил в глазах отца удивления. — Ты знал.

Дрейк вздохнул.

— Не с самого начала. Несколько лет назад Ианта увидела тебя на улице и побелела, как снег. Она назвала тебя отцом Луизы. Тогда-то я и осознал, что в жилах девочки течет моя кровь.

Люсьен подошел к апельсиновому дереву и вперился в него невидящим взглядом.

— По словам Ианты, именно ты настоял, чтобы она искала кинжал вместе со мной.

— Да.

— Она думает, ты сделал это, чтобы освободить меня из Бедлама и помочь вернуть расположение Ордена. Ну и, раз уж я сидел в заточении, то определенно ни в чем не был замешан. Памятуя, как хорошо ты умеешь манипулировать людьми, можно даже предположить, что ты намеренно столкнул нас с Иантой.

Дрейк пристально посмотрел на сына.

— Ианте нужно было встретиться со своим прошлым лицом к лицу.

— То же можно сказать и про меня.

— Да.

— Не люблю быть марионеткой.

Дрейк со вздохом выдвинул одно из кованых кресел и тяжело в него опустился.

— Я знаю, как плохо ты про меня думаешь, но правда состоит в том, что это решение одним выстрелом убило сразу трех зайцев. И я вовсе не сижу и не потираю руки, как какой-то шаблонный злодей из дешевого романа. Учитывая мои ограниченные возможности, в то время это показалось хорошей идеей. Я не особо об этом думал, учитывая обстоятельства, но иногда приходится рисковать.

— Человеческими жизнями?

— Да, — рявкнул Дрейк, — человеческими жизнями. Именно это и представляет собой власть. Не привилегию, но ответственность. Если хочешь, позже мы можем это обсудить, но сказать по правде, Люсьен, сейчас у меня голова забита другим.

— Немудрено, раз бывшая супруга вознамерилась тебя убить — а теперь еще и оружием обзавелась.

На лице отца что-то промелькнуло... боль? Но затем он вновь напустил на себя бесстрастное выражение.

— Пожелай Моргану вырезать этим кинжалом мое сердце, я бы согласился, если бы

только верил, что она выполнит свою часть сделки. — Он сглотнул. — У нее Элино́р, Люсьен. Я знаю, для тебя это ничего не значит, но для меня Элино́р — это все. Если бы я мог обменять ее на себя, то сделал бы это, не колеблясь ни секунды. — Дрейк устало склонил темноволосую голову. — Я — это то, чем принудило меня стать мое положение, но ни на секунду не заблуждайся, считая, что принимать подобные решения легко. Я позволил Элино́р пойти на риск, это был мой выбор, и теперь она за него расплачивается. Я даже не знаю, жива ли она еще... Это решение давит на меня, как и все другие. Оно будет преследовать меня до моего смертного часа, но я — Верховный. Либо я принимаю решения, либо сижу сложа руки, пока враги выбивают почву у меня из-под ног, в том числе уничтожая всех моих союзников.

Черт. Как Люсьен мог ненавидеть этого мужчину сейчас, когда точно знал, что бы чувствовал сам, доберись Моргана до Ианты?

Дрейк устало поднял голову.

— Могу я спросить, принесла ли моя игра плоды?

— Да, — сурово ответил Люсьен. — Я собираюсь на ней жениться.

— И восстановить, хотя бы частично, респектабельность Луизы и доброе имя Ианты. Очень благородно с твоей стороны.

Они впились друг в друга взглядом.

— А, — произнес Дрейк, выражение его глаз смягчилось. — Вот оно что.

— Не знаю, что ты имеешь в виду.

— Думаю, знаешь. — Дрейк поднялся на ноги, словно видел сына насквозь, и тяжело оперся на трость. — Я знал, что ты не причинишь ей зла, Люсьен. Ты всегда питал слабость к обездоленным и несчастным.

Как будто отец имел хоть какое-то представление о характере сына, которому дал жизнь. Фыркнув, Люсьен отвернулся.

— Думаешь, ты мне безразличен? Думаешь, я просто отрекся от тебя на все эти годы? За тобой всегда по моему приказу кто-нибудь приглядывал. Гувернантка, затем домашний учитель, наконец, твой учитель. Ретберн либо не знал, либо ему было все равно. Все они регулярно отчитывались о том, каким ты был мальчиком и каким становился мужчиной. Их глазами я наблюдал, как ты забил свое первое очко в крикете и как сломал руку, защищая друга от тех хулиганов в Итоне. Я был рядом, когда проявилась твоя сила, и радовался, что тебе достались способности обоих родителей, колдовство и прорицание...

Люсьен оборвал отца резким взмахом руки. Он был не в силах выслушивать все это. И не собирался.

— Правда состоит в том, что ты, возможно, и присматривал за мной, а может, и нет, кто знает? Но факт остается фактом: тебя не было рядом. Для меня ты оставался незнакомцем. А теперь мне рассказывают о предсказаниях, объясняющих, почему ты не участвовал в моей жизни, и я узнаю, что у меня есть два брата, еще двое мужчин, которые ничего для меня не значат. Они, как и ты, кажутся ускользающими воспоминаниями, чем-то, что крутится на языке... Но в конечном счете это не важно.

— Тогда почему ты здесь? — устало осведомился Дрейк. В его глазах читалась боль, но Люсьен отвернулся, отказываясь ее видеть.

Черт, ему было знакомо это чувство. У него самого в груди зияла брешь, словно много лет назад ему вырвали сердце. Он не хотел видеть ее отражение в глазах своего родителя, потому что боялся, что надежно сдерживаемые внутри эмоции вырвутся наружу, изрыгаясь

потоком злости и оскорблений. Будет ли его собственная дочь думать то же самое, когда узнает, что он — ее отец? Ибо в этот самый миг Ианта сообщала ей правду. Он хотел бы стоять там, рядом с ней, но испугался, что Луиза его возненавидит.

— Я здесь, потому что опасная реликвия попала в руки сумасшедшей, — раздувая ноздри, ответил Люсьен, с трудом сдерживая более резкие слова. — Я здесь потому, что сейчас для Ианты являюсь лишь бременем, а не союзником. — Встав у окна, он смотрел на раскинувшийся внизу город. Все в нем протестовало против этого признания, Люк промучился все утро, однако не нашел другого выхода из положения. Гордость принесет ему — и Ианте — только вред. — Прошлая ночь усугубила проблему, с которой я имею дело. После нападения демона я был... в высшей степени чувствительным. — Люсьен тяжело сглотнул, глядя на свои сжатые кулаки. Признать подобную слабость — словно еще раз вырезать себе сердце. — Я не способен использовать свою силу. Пока я в таком состоянии, то не могу защитить Ианту от врагов и бессилён сберечь собственного ребенка. Я... я не уверен, что когда-нибудь снова смогу использовать свою силу. Не в полной мере.

Его слова были встречены молчанием.

— Тогда зачем просить моей помощи?

— Ианта считает, что вы, возможно, сможете мне помочь. Ваш талант связан с чарами, но говорят, будто вы разбираетесь в магии и барьерах, которые может воздвигнуть против нее сознание.

Что-то коснулось его штанины — тот же кот, который играл юбками Ианты тем первым утром. Люк поднял его и ощутил мягкое урчание. Он все еще был не в силах смотреть на отца.

— Вопрос скорее не в том, могу ли я тебе помочь, а в том, позволишь ли ты? Мне придется изучить твою ауру, а для этого нужно значительное доверие. Ты должен открыться для психического обследования.

Во рту пересохло так, словно туда набили золы, но Люк чувствовал, что Верховный не попросил бы этого без крайней необходимости.

— Я попробую.

Нужно помнить о Луизе и Ианте.

— Кроме того, тебе придется в деталях описать нападение. Мне нужно понять, что произошло. Только так я, возможно, смогу справиться с барьерами, которые воздвигло твое подсознание. По-видимому, не обошлось без травмы. Быть может, твой разум связал использование силы с болью. И теперь всякий раз, когда ты стараешься использовать силу, что-то в тебе вспоминает, что случилось. Это все равно, что пытаться заставить себя потрогать раскаленную сковороду после того, как сильно обжегся. Возможно, ты неосознанно уклоняешься от колдовства. Сознание — мощное оружие. Если магия идет от твоей воли, разума, то ты словно борешься с собой каждый раз, когда пытаешься ею воспользоваться. Эту проблему не решить за один вечер, Люсьен. Чтобы изменить то, как твой рассудок воспринимает магию, понадобятся частые посещения и медитации. Если ты бессознательно связал магию с болью, потребуется много усилий, чтобы переучиться.

Люсьен это понимал. Гораздо легче справиться с сухими фактами, чем с чувствами. За последние двенадцать часов чувства вывернули его наизнанку.

— То есть сегодня я останусь бесполезен?

— У тебя вряд ли получится восстановить свои способности за один день, — осторожно ответил Дрейк.

Вот она. Правда.

— Я не могу просто сидеть и смотреть, как Ианта идет навстречу опасности.

— Тогда не сиди, — откликнулся Дрейк. — Позволь мне тебя осмотреть. Если психическая травма не очень глубока, возможно, ты сможешь послужить источником.

— Источником? — Холодок пробежал по спине Люка. Год назад лорд Ретберн хотел, чтобы Люсьен служил для него источником — чтобы отдал собственную силу в его полное распоряжение. И посмотрите, что из этого вышло.

— Уверен, ты доверишься Ианте, — отозвался Дрейк. — Если ты позволишь, она сможет использовать твою силу.

Люсьен облизал сухие губы. Каждая мышца в животе напряглась, словно в ожидании удара. Ад и преисподняя. Что угодно, только не это... но опять же, как еще он может помочь?

Не желая признавать очевидного, Люсьен зажмурился. Но он же ей доверяет, правда?

В конце концов, разве она не вложила свое сердце ему в руки, раскрыв правду? Как просто просить довериться, как сложно доверять самому.

— Как же мы это сделаем?

Верховный обратил на него всю тяжесть своих серебристых глаз.

— Тебе понадобится твой Якорь.

Началось все с легких изучающих прикосновений, от которых по нервам растекалось тепло, а по коже бегали мурашки. Люсьен весь напрягся, но заставил себя лежать на кушетке неподвижно и не бороться.

— Я не причиню тебе вреда, — пробормотал Дрейк. Слова звучали будто издалека.

Теплая рука скользнула в ладонь Люка, и привычный аромат духов заставил его слегка обернуться.

— Я с тобой, — успокоила его Ианта. — Ты в безопасности. Мы с твоим отцом оба рядом.

В голове воцарился хаос. Он разрывался между воспоминаниями и настоящим. Слова «твой отец» вызвали в уме лицо лорда Ретберна. Люсьен затряс головой.

— Нет. Нет.

В тот день он узнал правду, и весь его мир рассыпался на осколки.

— Верни меня в тот день, Люсьен, — пробормотал Дрейк. — Это не принесет тебе вреда, не теперь. Верни меня в тот момент, когда я отослал демона назад к господину.

Огонь. Боль. Предательство. Они бурлили в Люсьене, заставляя дергаться на кушетке. Он пережил это все еще раз. Боролся с демоном, бросил на него всю свою мощь и почувствовал, как это сожгло его изнутри...

— Изыди! — крикнул Люсьен и обернул против демона всю свою волю. Тот дрогнул.

Затем губы твари растянулись в ухмылке:

— Ссейчас, возможно... Но вскоре мы снова встретимся.

Потом демон исчез, а Люсьен остался лежать, задыхаясь, на полу дома Ретбернов. Кожа его пылала.

Люсьен с криком сел. Стоило ему вырваться из воспоминаний, как череп пронзила боль. Он чувствовал прикосновение теплых рук, двух пар. Сила Дрейка омыла его, и боль немного отступила.

Задыхаясь, Люк вцепился Ианте в плечи.

— Я не помню этих его слов. Он пообещал однажды вернуться и отомстить.

Ианта и Дрейк молчали.

— Что не так? — требовательно спросил Люк, обернувшись к Верховному, который выглядел встревоженным не меньше него самого.

Тот покачал головой.

— Ничего...

— Не лгите мне!

Люсьен мог различать правду благодаря своей связи с Иантой. Пусть сам он не знал отца, но она знала Дрейка, и понимала, когда его что-то беспокоило.

— Ты сказал, что изгнал демона, но...

— Но? — напряженно переспросил он.

— Я не думаю, что у тебя получилось.

Эти слова стали ударом. Нет. Нет. Демон не может быть на свободе. Он бы непременно до него добрался. Ни один демон по собственной воле не принял бы оковы рабства. Призвать его можно лишь темными ритуалами да безмерными жертвами, но во всех слышанных Люком историях все они набрасывались на своих хозяев при первой же подвернувшейся возможности.

А у этого демона возможности были.

— Он свободно перемещается по нашему миру? — с ужасом в голосе спросила Ианта. — Но мы бы обязательно знали. Слышали бы новости, знали бы о нападениях на людей, или... о чем угодно. Демон не смог бы долго прятаться. Ему надо питаться кровью.

Дрейк замешкался.

— Я считаю, тебе удалось заставить его вернуться в потусторонний мир, но не думаю, что ты полностью захлопнул туда ворота. В твоей голове что-то находится, и это не я или Ианта. Какие-то узы, словно нечто к тебе привязано. Погрузив тебя в транс, мы его разбудили. Я ощущал присутствие чего-то чужеродного, сильное присутствие, и это что-то оставилось на меня в ответ.

Как в тот день, когда в гостях у леди Эберхардт он заглянул в ее Ночные тени. Кровь Люсьена заледенела.

— Вы хотели сказать что-то еще, — прошептала Ианта. — Я вижу по вашему лицу.

Страх пульсировал в груди Люсьена. Он не мог снова противостоять демону. Просто не мог. Он и первый-то раз едва пережил, а сейчас был лишь оболочкой себя прежнего.

— Ты не оболочка, — прошептала Ианта рассеяно, похлопав его по руке. Она не сводила глаз с лица Верховного, словно даже не осознала, что именно только что произнесла, но Люк с Дрейком одарили ее тяжелым взглядом.

А затем устремили этот взгляд друг на друга.

— Он способен мне повредить? Сможет... вернуться? — потребовал Люсьен. — Ответ на этот вопрос — самое меньшее, что ты мне должен.

— Я не знаю. — Дрейк провел рукой по волосам. — Люсьен, мне кажется, что сейчас ворота для демона — это ты. Он еще не придумал, как вернуться, но боюсь, что рано или поздно придумает. Мне удалось устранить часть вреда, нанесенного его психическим нападением, и я защитил от него твое сознание, чтобы он не мог видеть твоими глазами, или что он там делает, но нет никакой гарантии, что у него не получится вырваться.

— Что же я могу сделать? — выдавил он. — Убить себя? Или...

— Не глупи, — рявкнул отец. — Кто знает, что принесет твоя смерть? При проведении призывающего ритуала, чтобы вытащить демона сюда, нужна какая-нибудь жертва. Вдруг,

твоя смерть и станет той, которая ему необходима, чтобы появиться снова? Может, он ждет именно этого? И тогда сможет вселиться в замечательное, только что освобожденное тело, уже налитое силой.

Люсьен вскочил на ноги.

— Я не могу жить с этим в голове!

— Люсьен. — Взмахнув лиловыми юбками, Ианта встала и поймала его за рукав. Он почувствовал, как она попыталась дотянуться до него через их связь. Этой маленькой ручки, гладящей рукав, оказалось достаточно, чтобы успокоить пустившееся вскачь сердце. — Ты не один.

Перед мысленным взором как наяву предстала картина. Ианта, стоящая с ним рука об руку, готовая сразиться с демоном в попытке выиграть безнадежный бой. Ианта, неподвижно лежащая на полу в луже крови, убитая легко, словно ребенок. Его собственной рукой. Рукой демона. «Да», — шепнуло нечто внутри него, и он поморщился.

Этого нельзя допустить. Он отступил назад. За ее спиной Дрейк медленно поднялся на ноги.

«Не медли. Сделай это».

— Я освобождаю тебя от уз, — выдавил Люсьен одеревеневшими губами.

Ианта отпрянула как от удара.

— Что?

— Наша сделка отменяется. Я выполню свою часть, но освобождаю тебя от твоей.

Он больше не мог этого выносить. Встретившись взглядом с Верховным, Люк отвернулся от мелькнувшей в глазах отца тоски.

Большими шагами он направился к двери. Вскоре за ним, шурша юбками, последовала Ианта.

— Люсьен, — позвала она.

Он ее проигнорировал. Эмоции бурлили, ударяясь в правый висок. Казалось, череп сейчас расколется.

Теперь он знал, что это за чувство. Демон, злорадно затаившийся у него внутри.

— Люсьен! Подожди!

— Нет смысла ждать. Мне нужно захватить пальто. Нам все еще надо перебраться парой словечек с Морганой. К несчастью, не думаю, что от меня будет много проку, — с горечью произнес он.

— Не будь трусом, — крикнула она. — Считаешь меня слабоумной? Ты просто боишься, что демон захватит тебя, и ты навредишь мне или Луизе.

— Да! — зашипел Люсьен, развернулся, налетел на нее и взмахнул рукой. — Я поклялся защищать тебя и свою дочь. Я не смогу сделать это, если опасность — я сам!

— Им можно управлять, — начала она более спокойным тоном. — Дрейк многое знает...

— Тебя там не было! — В груди сдавило от переизбытка чувств, и Люсьен провел рукой по спутанным волосам. Все, за что он с таким усердием боролся весь прошлый год... Его рассудок, его свобода, теперь это. Теперь она. Последняя жертва оказалась едва ли не выше того, что Люк мог вынести. — Он чуть не разорвал меня на части, Ианта! Я не мог его остановить! Не мог подчинить себе! А я пытался. — Его голос дрогнул. — Пытался остановить его, не дать убить этих людей, и не мог. — Усилием воли он заставил свое сердце ожесточиться. — Но теперь я усвоил урок. Если он попытается меня захватить, я не

смогу с ним бороться.

— И что ты собираешься делать? Поджечь хвост и убежать? Как далеко ты сможешь уйти, Люсьен? Есть ли вообще безопасное место? Горы в Андах? Арктика? Куда ты пойдешь, чтобы он не смог тебя достать?

— Не знаю, но, полагаю, могу узнать. Я делаю это для тебя. Я помогу расправиться с Морганой, и на этом все.

Качая головой, Ианта заглянула в его глаза.

— Нет. — Она потянулась было к нему, но он отступил в сторону, и она сжала кулак, опустила руку. — Ты сказал, что женишься на мне.

— Мне жаль. — Так нужно.

Они смотрели друг на друга, часы в прихожей отбивали секунды. По изящной щеке Ианты скользнула слеза, но на лице застыло вызывающее выражение, которое он слишком хорошо знал.

Люк больше не в силах был этого выносить. Шагнув назад, сунул руки в карманы.

— Я возьму пистолеты. Пошли кого-нибудь за...

— Нет! Я не сдамся так просто! Ты поддерживал меня, что бы я ни делала. Ты верил в меня, когда даже я сама в себя не верила. Я не могу ответить меньшим, и теперь ты узнаешь, каково это... бояться себя, не верить себе, и знать, что кто-то стоит рядом и не дает сдаться. — Она ткнула пальцем ему в грудь. — Я сделала это. Я поверила тебе, даже когда сомневалась в себе, потому что не могла больше жить в страхе. Теперь твой черед, Люсьен. Теперь нужно одолеть твой страх. И, возможно, случится так, что мы проиграем это сражение. Но, быть может, и нет....

Быть может, и нет... Фраза отозвалась болью, горькой и острой, поскольку являлась всего лишь этим. Мечтой. Отвернувшись от Ианты, он покачал головой.

— Тут другой случай. Я подвергаю опасности вас всех.

По мраморному полу вновь загремели шаги, но только его. Она не пошла за ним вслед. Это причинило такую боль, словно сердце сжали в кулак, но будет лучше, если на этом все и закончится.

Он не простит себя, если в итоге Ианта пострадает.

— Я тебя люблю!

Люк потрясенно замер. Ноги словно вросли в пол, но голова повернулась к Ианте словно сама по себе.

— Что? — Казалось, слова вытаскивают из него клещами.

А в конце холла, яростно сжимая кулаки, стояла она. Упрямая, страстная Ианта, протягивала ему на ладони свое сердце. Люсьен мог бы его разбить, ведь оно было хрупким как стекло, и тогда Ианта отпустила бы его и осталась в безопасности... Но собственную грудь Люсьена сдавило. Вместе с ее сердцем что-то расколется и там.

На лице Ианты отразилось упрямство.

— Я люблю тебя, дурачок, и не позволю тебе уйти. Я не освобожу тебя от этой связи! Если ты не будешь сражаться вместе со мной, тогда я буду сражаться за тебя. Я нужна тебе. — Ее голос надломился. — А ты нужен мне.

— Я не могу. — С ее страстью Люк был не в состоянии бороться. Как долго он мечтал услышать эти слова?

— Ты этого не знаешь, — парировала она, шагнув ему на встречу. — Это произвольная реакция, ты испуган, я понимаю. — Подойдя поближе, она положила ладонь

ему на плечо. — Не отказывайся от всего, что у нас есть, из-за страха. Мы не знаем, что демон способен овладеть тобой. Прошел уже год, Люсьен. Почему он не попытался? Чего ждет? Тебе не кажется, что он мог бы сделать это, пока тебя морили голодом и мучили в Бедламе? Пока ты был ослаблен? А теперь у тебя есть я, и я не собираюсь делить тебя с какой-то тварью из преисподней.

Люсьен отвернулся, но она не отступила. Обхватив его лицо руками, Ианта заставила Люка встретиться с ней взглядом.

— Я люблю тебя, дурачок. И это пугает меня до чертиков, но я верю, что вместе мы сможем справиться почти со всем, что встанет у нас на пути.

— Ианта...

Она обвила его шею руками. Прижалась к нему теплым телом, прильнула щекой к подбородку. Обволокла облаком духов с запахом лилий. Напитавшись ее теплом и прикосновениями, он почувствовал, что больше не одинок в своей боли.

— Мы сделаем все, что нужно, — прошептала Ианта. Он нерешительно обнял ее за талию. — Из нас троих, больше всех об архидемонах и куда они способны проникнуть знает Дрейк. Он посмотрит, случилось ли подобное прежде, но сейчас ты в безопасности. Демон не сможет тебя достать или причинить тебе вред, а если и достанет, я — твой Якорь. Я не позволю ему тебя утянуть.

Даже мысль о том, что лишь несколько дней назад они враждовали, казалась безумием. Зажмурившись, Люсьен зарылся лицом ей в волосы.

— Глупышка, — прошептал он хрипло. — Тебе следует бежать от меня и этой связи. Я... я освобожу тебя...

— Нет, и если ты попросту остановишься и в кои-то веки будешь честен с самим собой, то признаешь, что сам этого не желаешь.

Люсьен крепко сжал Ианту. Если он будет честен с собой, то признает, что хочет ее. И Луизу. Навсегда.

— Конечно, хочешь, — парировала она, и по какой-то безумной причине он не смог сдержать смех.

— Ты сумасшедшая, — проскрежетал Люк.

— Поверь мне. Мы со всем справимся.

Люсьен обхватил ее лицо и в наказание прижался губами к ее рту. Храбрая, упрямая Ианта. Что бы он без нее делал?

— Ты хочешь что-то сказать, — заметила Ианта, наливая себе чай и стараясь остановить дрожь в руках после недавних откровений. Люсьен пошел взять оружие, и им пора уже было в путь, но она чувствовала на себе взгляд Дрейка. — Говори. Считаешь, я не права, что не дала ему освободиться от нашей связи?

— Нет. — Дрейк откинулся в кресле. Он казался таким усталым. — Я думаю, что, возможно, ты — его единственная надежда пройти через это.

Глотнув чуть теплого чая, она нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Демоны не способны заставить людей что-либо делать; это как-то связано с внутренним стержнем каждого из нас. Человек естественно сопротивляется вторжению в

свое я. Так что демоны играют с эмоциями, Ианта. Страх, одиночество и безнадежность постепенно приводят их к победе. Как только человек оставляет надежду, ему больше нечего противопоставить твари, но чувства Люсьена к тебе ярки. Они придают ему сил.

— Будет ли этого достаточно? — прошептала она.

— Не знаю.

Ианта поставила чашку. В комнате повисла давящая тишина.

— Мне так жаль.

И сейчас она говорила не о Люсьене.

— Ты ни в чем не виновата.

— Я вручила им кинжал, Дрейк! Который способен низложить тебя, и ты это знаешь, и...

Он мягко коснулся ее руки.

— Ты не в чем не виновата, — повторил он тихим уверенным голосом и сжал ей пальцы.

На глазах выступили слезы, горло сдавило.

— Ты всегда был ко мне слишком добр.

— Твоя самая большая проблема, Ианта, в том, что ты не веришь, будто достойна доброты. Ты более чем достойна. На самом деле, ты вправе ее требовать. Иногда мне хочется взять твоего отца за глотку и избить до крови за то, что он с тобой сделал.

— Он не мой отец, — прошептала она, впервые почувствовав, что так оно и есть. — Вы мой отец. Всегда были. Если захотите.

Задохнувшись, Дрейк притянул ее в объятия и поцеловал в лоб.

— Для меня большая честь им стать.

Ианта опустила голову ему на плечо. Всю свою жизнь она считала себя чем-то отвратительным. Что бы ни делала, всегда оказывалась неправа, и бесконечно мучилась чувством вины. Даже сейчас Ианта слышала голос Гранта Мартина, который нашептывал, что именно она потеряла меч, и если бедная Элинон сейчас страдает, это все ее вина.

Можно позволить себе вечно прислушиваться к Гранту Мартину, но слова Дрейка, его любовь к ней заставили Ианту осознать, что упреки отца ложь. Она устала ото лжи. Устала от вины.

Она заслуживала большего.

— Я помогу тебе вернуть Элинон. — Тяжесть упала с плеч. Открылась цель, четкая, ясная и определенная. — Обещаю, мы вернем и ее, и кинжал. Затем мы заставим Моргану проклясть тот день, когда она вторглась в наши жизни. Но сперва, — сказала она, поднимаясь и разглаживая складки на юбках, — мне нужно убедиться, что с моей дочерью все в порядке, и проверить свой Щит.

Губы Дрейка сложились в едва заметную улыбку.

— Ты впервые так ее назвала. — Несмотря на собственные проблемы, он был рад за нее. — Пора бы тебе уже понять, что ты — лучшее, что случилось с Луизой. Теперь ступай, будь ей матерью.

— Буду, — уверила она, глядя ему прямо в глаза, — при одном условии.

— Каком?

— Пообещай, что в следующий раз, когда посмотришь своему упрямому сыну в глаза, тоже сможешь себя простить.

Клео никогда не считала себя способной на насилие, но за утренним чаем с Морганой ее обуревало желание дать той яду. «Ты в постели с чудовищем», — снова и снова повторялось в голове. Яд — слишком милосердное орудие убийства для подобной твари.

— Выглядишь... усталой, дорогая. Себастьян тебя не обижал?

Свекровь довольно мурлыкала, чему-то радуясь.

— Он был добр.

Нельзя грубить, пока не знаешь своего противника.

— А мы с тобой могли бы стать друзьями. — Моргана помешала чай, постучала чайной ложкой по чашке и отложила столовый прибор.

Клео не сдержала горький смешок. Надо же.

— Друзьями?

— Это лучше, чем врагами, — продолжала свекровь.

— То есть я проживу дольше, если буду вашей союзницей? — Одно дело быть вежливой со змеей, и совсем другое — слушать эту чепуху.

Ответом послужило красноречивое молчание. Звякнуло блюдечко — Моргана поставила чашку.

— Дорогая, я не желаю тебе зла. Ты слишком важна...

— Теперь вы говорите как мой отец.

— Интересно, как он отнесется к подобным дерзостям из уст своей драгоценной дочери?

— Серьезно выслушает вас, похлопает по руке, а затем придет ко мне узнать, как от вас избавиться. Вы ведь два сапога пара.

Клео откусила печенье. Как же надоело быть беспомощной.

Моргана расхохоталась.

— А ты вовсе не дурочка. Он ведь даже не подозревает?

— Кто?

— Отец, считающий тебя послушной зверушкой. Знаешь, что я думаю?

— Уверена, вы мне скажете.

— Я... выяснила причину, по которой Элинон Росс пробралась в поместье твоего отца, — с удовлетворением произнесла Моргана. — А твой бедный папаша даже не подозревает.

— Элинон Росс? — в ужасе повторила Клео, но спохватилась: — Кто она такая?

— О, неважно. По крайней мере скоро станет неважно. Хочешь еще чаю?

Что случилось с миссис Росс? Как она попала в плен к Моргане? Наверное свекровь ожидала такого вопроса и специально завела этот разговор.

— Нет, благодарю, довольно.

Звякнули столовые приборы.

— Умная и осторожная. Надо будет присматривать за тобой. Жаль, что мы не сможем стать подругами. Я восхищаюсь умными девушками.

— Что-то слабо верится.

— О, а теперь мне интересно, о чем мой сын проболтался в постели...

— Ни о чем... Он не... — И тут Клео остановилась, осознав, что угодила е

расставленную ловушку. Отлично. Впрочем, наверняка заботливая свекровь проверила простыни. И все же надо взять себя в руки. — Он — чудовище. — Клео было противно лгать, но Моргана точно поверит такому утверждению. Ведь Себастьян считал себя чудовищем.

— Как и большинство мужчин, — ответила Моргана без особых сантиментов. — И поэтому им нельзя доверять. Они полагают, что по праву управляют миром и делают с женщинами все, что угодно. Даже если притворяются, что желают добра, в них всегда живет уродливый зверь, готовый напасть в любой момент. Никогда не доверяй мужчине, дорогая, лучше научись их использовать.

Клео не знала, что ответить на горькое признание Морганы.

— Вы о своем разводе?

— Ах, мой благородный супруг Дрейк. Давал тысячу обещаний и все нарушил.

— Вы ведь отравили его племянника?

— Впервые в жизни меня обвинили незаслуженно. Какая ирония. — Моргана опустила чашку. — Все остальное я действительно совершила. Но... я верила Дрейку, что он будет любить меня вечно. Даже забыла, каковы мужчины. Я была молода и неопытна, питала напрасную надежду. — Она продолжила жестче: — Больше не совершу подобную ошибку. Считаешь, я совсем из ума выжила, чтобы убивать наследника Дрейка? Улики привели ко мне, словно дорожка из хлебных крошек. Меня можно считать кем угодно, только не дурой.

— Так кто же это сделал?

— Скорее всего, леди Ретберн. Она желала моего мужа. Но он не мог изменить мне без веской причины.

Клео склонила голову набок. Можно ли верить Моргане?

— Прошлой ночью я нащупала ошейник, который вы надели на сына.

— Он мужчина, а еще очень похож на отца. Как я могу ему доверять?

— И вы посадили его на поводок. Судя по всему, услышали пророчество и сами же его исполнили. Мне ли не знать

Моргана помолчала и спросила:

— Что тебе рассказала Элинор Росс?

— Мы с вами говорим о вашем сыне, и я все еще не знаю, кто такая Элинор Росс.

Судя по голосу, свекровь улыбалась.

— Тогда поиграем. Элинор Росс — любовница моего бывшего мужа. Черт, может это она убила племянника Дрейка и свалила вину на меня? Всегда же ходила за ним хвостом. Что ты им рассказала?

— Им?

— Верховному и миссис Росс.

— Откуда мне знать Верховного? Все эти годы отец держал меня в поместье. Глаза у меня завязаны. Тайную жизнь я не вела. Да и как я связалась бы с Верховным или миссис Росс?

— И в самом деле, как? Знаешь, обычно вот за такими невинными овечками нужен глаз да глаз. Что ж. Может, спросим миссис Росс? — Моргана похлопала Клео по щеке. — Лучше бы тебе...

Как только Моргана ее коснулась, Клео охватило видение. Она уронила чашку и будто сквозь туман ощутила, как чай обжег колени. Клео вскрикнула и широко открыла глаза под повязкой.

В темной комнатке лежала брюнетка с запачканным лицом и в грязной одежде.

Открылась зарешеченная дверь камеры, и заключенная села, поморщившись. Зашла другая женщина. Она встала на колени, не давая прикованной миссис Росс до себя добраться. Тюремщица слегка прищурилась. Все еще красива, возраст ее не испортил.

— Да будет так. Если Дрейку нужно твое сердце, я пошлю ему его, перевязав бантиком.

Затем видение сменилось. Сверкнул нож гильотины, на каменные стены плеснула кровь, а вороны взлетели к мрачному небу. Тучи кружились и кружились вокруг умирающей Морганы, она подняла голову к темному небу... А потом ее поглотила тьма.

Клео резко вздохнула и вцепилась в скатерть. Видение ушло. Зазвенел фарфор, столовые приборы звякнули о плитку. Сердце стучало в груди.

— Что ты видела? — резко спросила свекровь прямо на ухо.

Клео задыхалась. Она даже не ощутила приближения видения. Пытаясь прийти в себя. Клео помотала головой.

Моргана засуетилась, налила ей чашку воды. Ее хлопоты выглядели почти нелепо.

— Ваши действия станут вашей гибелью, — прошептала Клео, прижимая салфетку к обожженным коленям. — Это начало конца. И будьте осторожны с угрозами кому бы то ни было. Убьете миссис Росс, и я позволю вам пройти этот путь. Вы умрете. А еще никогда не узнаете, подожду ли я в сторонке или толкну в неправильном направлении. Имейте в виду.

— Лучше тебе не становится моим врагом. — Моргана уже не казалась такой уверенной.

Клео налила чашку чая, не обращая внимания на разгром. У нее тряслись руки, но голос оставался спокойным:

— У меня еще не было врагов. Интересно, кто победит? Видящая будущее или цепляющаяся за прошлое?

Клео нашла Себастьяна в саду. Она так и не знала, что делать с его признанием, но обратиться было больше не к кому.

— Твоя мать убьет Элинор Росс.

Раздалось щелканье ножниц.

— Знаю.

— Ты ничего не сделаешь?

— А что я могу? — спросил он, подрезая другой росток. Судя по запаху, розу. — Ворваться в тюрьму миссис Росс? Убить мать? Я бы с радостью, вот только ошейник мешает...

— Но нам же надо что-то сделать?

— Нет никаких «нас».

— У меня есть только ты, а у тебя — я. Если мы не вместе, то зачем вообще все это?

Повисшую тишину нарушало лишь жужжание пчел.

— Осторожно. Мать следит за нами из окна. Она расстроена. Что ты ей наговорила?

Он опять что-то срезал.

— Мы мило побеседовали за чаем и обменялись угрозами. Как еще вести себя в яме со змеями? — Клео задумчиво потерла руки, затем вскинула подбородок, услышав его вздох. — Боже, я не тебя имела в виду.

— Ты бы не погрешила против истины.

Судя по приглушенному голосу, Себастьян отвернулся.

— Но это не так. — Клео чуть неуверенно пошла вслед, прислушиваясь к его шагам. —

Пожалуйста, остановись. Боюсь оступиться и упасть на розы.

Себастьян остановился, и Клео чуть не врезалась в него.

— Нельзя притворяться, что ничего не происходит. Тебе не убежать. Нам надо что-то сделать. Я виновата, Бастиан, я отправила письмо Верховному...

— Знаю. Чертова дуреха! Лучше бы не лезла не в свое дело.

— Я хотела тебе помочь! Да, я влезла не в свое дело, а теперь из-за меня умрет невинная! — И тут до Клео дошел смысл его слов. — Откуда ты знаешь, что я связалась с Верховным?

Себастьян тихонько выругался.

— Слушай, ты не виновата. Миссис Росс рассказала мне о...

— Она тебе рассказала? Ты ее видел?

— Да, — отрезал он.

— Она здесь?

Сердце Клео подскочило к горлу. Ее дар предвидения подтвердил догадку покалыванием.

Ее схватили за запястье, а в лицо жарко вздохнули. Себастьян пах землей, розами, потом. Эти ароматы как-то не вязались с ее элегантным супругом.

— Ты ничего не сделаешь, иначе Моргана тебя убьет. Не забывай: моя мать опасна. Прощлой ночью она получила алтарный кинжал и без колебаний им воспользуется.

Впервые Себастьян дотронулся до нее по своей воле. Она затаила дыхание.

— Алтарный кинжал? — Почему это название так знакомо? Непонятно. — Если убьют миссис Росс, часть моей души умрет. Я никогда себя не прощу. Умоляю, помоги мне.

Он отвернулся и раздраженно вздохнул.

— Проклятые розы.

На землю упали ножницы.

— Ты называешь себя чудовищем, я же считаю иначе. Но если ты сложишь руки и притворишься, что ничего не происходит, то кем тогда станешь? Любая тень загрязняет душу. Ты превратишься в то, что так ненавидишь.

— И что мне сделать? — сорвался Себастьян. — Я не могу разбить защиту в подвале — слишком сложная. Да и мать узнает, что это я. Она уложит меня заклинанием до того, как я пошевелю пальцем.

— Я не хочу причинять тебе боль.

— В этом-то и проблема. — Он двинулся, шурша одеждой. — Она причинит боль не мне, а дорогому мне человеку. А я ничем не смогу помочь.

Ее сердце странно екнуло.

— А кто тебе дорог? — Его ответное красноречивое молчание подарило Клео надежду, в которую она и поверить не осмеливалась. — Я не боюсь.

— А следовало бы. — Его голос звучал тускло и безнадежно. — А теперь она увидела нас вместе, и мне придется выдумать убедительную ложь.

Клео схватил его за запястье.

— погоди. Сбей меня с ног.

— Что?

— А еще сделай вид, что зол.

— Я не...

— Нет, надо, или мне самой придется.

— Черт побери! — Он встряхнул ее. — Я сделаю что-нибудь для миссис Росс, обещаю. Только не вмешивайся! У тебя за спиной грабли. Прости. — Потом он сильно двинул ее плечом и направился к дому.

Клео поскользнулась на граблях и упала на траву. Ее обуревало море чувств. Что за ужасная путаница! И все равно, как ни странно, Клео испытывала облегчение. Себастьян ей поможет. У нее есть союзник, а у него — шанс искупить вину.

Потом скрыла лицо в ладонях и плакала, пока повязка промокала.

До Верховного не добраться, ведь шпионы Морганы слишком пристально следят за герцогом. Себастьян не мог сам спасти миссис Росс, иначе жестокого наказания не избежать. А если Моргана поймет, насколько важна для него жена, тогда точно узнает, как его ранить.

Оставалась только одна надежда.

Себастьян написал письмо, приложил к посланию локон волос Луизы, чтобы доказать подлинность, и принялся ждать возможности его передать.

— Наверняка это ловушка, — заявил Люсьен.

— Знаю, — ответила Ианта, вышагивая по комнате в вихре юбок. Оба уже почти вышли из дома, когда какой-то мальчишка-беспризорник доставил письмо. — Знаю! Но Элинор... Если она пострадает, Дрейк будет безутешен. И судя по указанному адресу, она в Найтсбридже, а именно туда ходил Ной Гатри, когда за ним следила Тея.

Люсьен потер лицо:

— Зачем кому-то рассказывать нам о том, сколько всего колдунов на побегушках у Морганы? Или давать нам ее адрес? Тебе не кажется, что все это очень кстати и крайне подозрительно?

— Была такая мысль, но потом я подумала: а вдруг мы с Теей не единственные, кто не по своей воле помогал Моргане? А вдруг она запустила свои когти еще в кого-нибудь?

Верно.

— Где Верховный?

— Вызывает карету и подкрепление. — Ианта погладила выпавший из конверта локон Луизы. — Оно не помешает, если на стороне Морганы окажется много колдунов.

— Что требуется от меня? — спросил Ремингтон, сложив руки на груди и посмотрев на Ианту.

— Ты единственный, кому я могу доверить защиту моей дочери и моей воспитанницы, — ответила ему Ианта, натягивая зачарованную металлическую перчатку и разминая пальцы. От наложенных на холодную сталь чар закололо кожу. Им пригодятся любые доступные преимущества, а для активизации наложенной на перчатку защиты и особой концентрации не нужно — достаточно пустить сквозь нее струйку магии.

— Даже не знаю, как меня характеризует то, что ты считаешь меня скорее нянькой, чем воином.

— Я считаю тебя тем, кому могу доверить то, что важнее моего собственного сердца, — ответила Ианта, встала на цыпочки и поцеловала Ремингтона в щеку. — Мне пора идти. У Дрейка и так союзников немного, и кому-то надо прикрывать спину Люсьену. Пожалуйста, будь помягче с Теей. Ей нелегко пришлось.

— Как и всем нам, — протянул Ремингтон, хотя его явно утешили слова Ианты.

Затем она повернулась к стоящему в углу креслу. Луиза держала Тею за руку, в ее прелестных янтарных глазах плескалось беспокойство.

— Я вернусь, как только смогу, — пообещала Ианта. — Тея и Ремингтон о тебе позаботятся. Никто не сможет пройти мимо них, обещаю. Ты будешь как за каменной стеной.

— Я не хочу, чтобы ты уходила. — Луиза опустила повлажневшие глаза.

Ианта заколебалась. Она опустилась на колени, взяла в руки ладошки дочери. Казалось, что сердце вот-вот расколется надвое.

— Луиза...

— Я с вами, — вдруг выпалила Тея.

— Что?

— Это и моя вина, — настаивала Тея. Боль горела в ее карих глазах. — Мне вообще не следовало доставлять те письма! Я должна искупить свою вину!

— Да ты едва узел развязать можешь, — возразила Ианта. — Нет, ты никуда не пойдешь! Для тебя это слишком опасно!

— Но...

— Она права, — тихо произнес Люсьен, входя в комнату. Все посмотрели на него, но сам он направился к дочери и встал перед ней на колени. — Луиза, я знаю, недавно тебя сильно напугали, и ты боишься, что если мама уйдет, то она может не вернуться обратно. Так ведь?

Луиза кивнула.

— Ианта должна идти, — сказал он, сжимая ее пальчики. — Моргана крайне опасна, особенно теперь, когда у нее есть кинжал, и если Ианта останется здесь, наших сил не хватит, чтобы остановить злодейку. Если бы я мог, то взял бы на себя обязанности Ианты. — Его глаза потемнели. — Но я не могу. Сейчас я недостаточно силен. Но обещаю, я обязательно верну твою маму обратно.

Луиза закусил губу и прошептала:

— Хорошо.

— Молодчина. — Он погладил дочь по щеке и перехватил взгляд Теи. — Говоришь, ты должна искупить свою вину? Тогда вот твоя задача. Присматривай за Луизой и помоги ей дожидаться нас. Мы должны вернуться до заката солнца. После этого твое наказание завершится, и у тебя больше не останется никакого долга перед Иантой, понимаешь?

Тея тоже кивнула и взяла девчущку за руку.

— Она сделала больно моим маме и папе, — сказала Луиза.

— Да. — Ианта погладила нежную детскую щечку. — Так и было. И я отплачу ей за них.

— Ты причинишь ей боль?

— Я заставлю Моргану пожалеть, что вообще обратила на нас свое внимание.

Луиза долго обдумывала ее слова.

— Хорошо. — Одинокая слеза скатилась по ее щеке, но Ианта стерла ее поцелуем.

— Когда я вернусь, ты переедешь и будешь жить со мной и твоим папой. Мы сможем показать ему, как пить чай с Хилари и сэром Эдмонтом. Хочешь? — Ианта затаила дыхание.

Лицо Луизы озарила смесь счастья и страха, будто она и мечтать не смела о чем-то подобном.

— Да, да, пожалуйста!

Такая кроха, и так на нее похожа. Крошка, которая боится поверить в собственные мечты. Ианта прижалась лбом к лобику Луизы, обхватила ладонью ее затылок. Если Люсьен сумел показать Ианте, что мечты могут стать явью, то и она в свою очередь научит этому дочь.

— Я вернусь к тебе. Сегодня на ночь я прочитаю тебе твою любимую книжку.

Луиза робко улыбнулась:

— До свидания, мама.

Второй раз в жизни Луиза назвала ее матерью. Сердце Ианты дрогнуло, и ей потребовалась вся сила воли, чтобы направиться к двери. Казалось неправильным оставлять дочь и идти навстречу опасности, но выбора не было. Если они сейчас не избавятся от Морганы прежде, чем она станет слишком могущественной, то опасность лишь усилится. У злодейки сейчас две реликвии. Осталась еще одна. Если Дрейк падет и к власти придет Моргана, тогда Ианта больше не сумеет защитить Луизу от колдуньи. А та наверняка захочет

отомстить за инцидент на кладбище.

Если не выступить сейчас, больше никто из них не сможет жить спокойно.

И все же она остановилась перед дверью и, обернувшись, послала воздушные поцелуи Тее и Луизе. Рука Люсьена твердо легла Ианте на спину. Он вывел ее наружу и закрыл двери.

— Ты очень храбрая женщина, — пробормотал Люк.

— Не надо, пожалуйста, — выдавила она, — а то я и так боюсь, что расплачусь.

— Так, так, так, — с угрожающей улыбкой проговорила Моргана, внося фонарь в маленькую камеру и откидывая капюшон бледной тонкой рукой. — Элино, тебе стоит полюбоваться на закат. Он так прекрасен и полон тайных знаков! — Поставив фонарь на стол, она повернулась и вытянула из рукава тонкий элегантный кинжал. — Сегодня очень хороший день.

Элино ахнула, ее едва зажившая губа снова растрескалась. Алтарный кинжал. Она почти ощущала исходившую от него зловредную ауру.

— Где ты его взяла? Как смогла до него добраться?

Что случилось с Дрейком? Он ранен?

Нет. Надо успокоиться. Нет. Моргана просто злорадствовала. Одолей она Дрейка, точно не сумела бы сдержаться. Ведьма сейчас кукарекала бы на крыше от радости.

— У меня свои методы, — самодовольно похвасталась Моргана. — Всегда так просто найти нужную точку и нажать на нее. У всех есть что-то, чем они не хотят рисковать, будь то секрет или жизнь близкого.

— Даже у тебя?

Улыбка Морганы завяла.

— Люди — это непозволительная слабость, а все знают, что я не терплю слабостей. Нет, Элино, я исключение из правила.

Собрав все свое достоинство, Элино заставила себя подняться на ноги, дребезжа цепями об пол.

— Ты сама себя обманываешь.

— Ой, правда? Ну, давай, рассказывай!

— Ты всегда хотела, чтобы рядом был близкий человек, но не могла понять, как сохранить его преданность, поскольку сама не знаешь, что это такое. Ты видела лишь предательство.

Зеленые ведьминские глаза сузились.

— С ним я познакомилась в тот день, когда научилась ходить, и уверяю, никто и никогда не обращался со мной иначе. И это не слабость, Элино.

— Разве? Тогда почему ты до сих пор так отчаянно жаждешь любви? Посмотри на себя. — Элино позволила себе выказать жалость. — Твой собственный сын тебя презирает. Дрейк от тебя отвернулся. Никто больше не рискнет с тобой связаться. А ты так отчаянно хочешь, чтобы они принадлежали тебе, что горе от их потери превратило тебя в... озлобленную старуху без реальной силы, верных друзей или соратников, или...

— Хватит! — зашипела Моргана, рванувшись вперед с кинжалом в руках. — Не смей меня жалеть!

Кинжал остановился в дюйме от горла Элино. Она уставилась в глаза соперницы, отказываясь бояться. «Держись!» Элино вздернула подбородок. Она больше не та бледная девочка, которая вечно робела перед другими воспитанницами, словно была лично виновата в бедности своего рода. Дрейк научил Элино ценить себя, и даже если эта сучка сейчас ее прикончит, она встретит смерть достойно.

Моргана оскалилась и отвела кинжал.

— Ты, — сплюнула она, — убогая Элино Уитби, нищая сирота с мизерными

способностями в психометрии, если это вообще можно назвать способностями... Ты вечно искала местечко повыше, крутилась рядом с учителями, словно это могло исправить отсутствие у тебя воспитания и таланта. Боги, да мне плохо становится, как представлю тебя в его постели. Как он вообще мог тебя выбрать? Ты же ничтожество. И всегда была ничтожеством.

Ярость вспыхнула в груди Элинон, но она продолжала стоять с высоко поднятой головой.

— Можешь говорить что угодно, тебе никогда не победить. Даже в загробном мире сердце Дрейка принадлежит мне, а мое — ему.

Глаза Морганы угрожающе заблестели.

— Да будет так! Раз Дрейк владеет твоим чертовым сердцем, то его он и получит. В коробке! Генри! Филипп!

В камеру ввалились двое крепких мужчин. Моргана резко махнула в сторону:

— Прикуйте ее к стене.

Они двинулись к ней. Элинон попыталась бороться, но тщетно — зачарованный браслет на руке блокировал ей доступ к силе.

Моргана схватила ее за горло и вжала в камень.

— Как ты посмела думать, будто можешь занять мое место? Как посмела возомнить, что ты... — нож вонзился в грудную кость Элинон, — убогая слабая сучка, сможешь стать хоть в половину ровней мне?

Кинжал пульсировал магией. Элеонор чувствовала, как его мощь растет даже от малейшего прокола кожи. Она вскрикнула, отвернулась... бесполезно. Ничто не могло спасти ее от медленного, неумолимого проникновения жалящего клинка. Элинон закричала.

— Что ты делаешь?

В комнате резко похолодало. На пороге стоял Себастьян и внимательно осматривал представшую перед ним картину. Ореол силы дарил ему такую жизненную энергию, что он почти сиял. Элинон резко осела на пол, тяжело дыша. Моргана обернулась к сыну и презрительно отрезала:

— Это не твое дело. Возвращайся к своим розам. — А потом вернулась к жертве.

— Нет.

Моргана отодвинулась от Элинон, оставив ту судорожно ловить воздух, пока кровь тонкой струйкой сочилась из пореза под ее грудной клеткой. Ведьма обернулась к сыну и направила на него оружие.

— Не смей мне перечить, особенно после вчерашней выходки, которая чуть не стоила мне кинжала! А теперь убирайся отсюда, хватит с меня твоих глупостей!

Взгляд его холодных серых глаз метнулся к Элинон, а потом снова вернулся к матери.

— Нет, — повторил Себастьян медленно, словно решил что-то про себя. — Я не могу позволить тебе это сделать. И не позволю.

Будто бы для того, чтобы подчеркнуть свои слова, он выпрямился и чуть согнул пальцы. Сила танцевала вокруг него словно вспышки молний. Лишь намек на угрозу, но даже его хватало благодаря той мощи, что чувствовалась в Себастьяне.

Все в комнате затаили дыхание.

Элинон уже не надеялась избежать смерти, но что, если попытаюсь спасти ее, Себастьян пожертвует собой?

Моргана выглядела потрясенной.

— Что значит — ты мне не позволишь? Да кто ты вообще такой, чтобы указывать мне, что я могу и не могу делать?

— К сожалению, я единственный, у кого достаточно силы, чтобы тебя остановить. Вот кто я такой, мама.

— Силы? — Моргана шагнула к сыну, и Элинор почувствовала, как ведьма собирает собственные чары. — Разве я тебя так ничему и не научила? Сила ничего не стоит, если не умеешь ею владеть. — Она взмахнула рукой, и кольцо на ее пальце вспыхнуло, когда сквозь него потекли чары. — Только попробуй, дорогой.

Себастьян, содрогнувшись, опустился на четвереньки. Его волосы встали дыбом, словно от статического электричества, но когда он вскинул голову, выражение его лица было кровожадным.

— Я тебе не позволю.

— Что за упрямство? Я думала, мы уже выяснили, что случится, если ты еще раз пойдешь против меня. И что же привело к таким переменам? — Тут глаза Морганы расширились. — Ах, ну конечно. Как я могла упустить это из виду? Да уж, мисс Синклер, хорошая работа.

— Не впутывай в это дело мисс Синклер, — выпрямился Себастьян.

— Мне следовало это предвидеть, — пробормотала Моргана себе под нос. — Я еще подумала, как странно, что ты тогда толкнул ее в сад. Ты всегда проявлял излишнюю слабость к таким жалким, невинным созданиям. Бедная слепая женушка. Разумеется, она смогла воззвать к твоей совести. Я только не думала, что ты успел к ней так прикипеть

— Оставь ее в покое.

Атака последовала незамедлительно.

Тонкие золотые нити вспыхнули вокруг него, неожиданно натянулись и вонзились сквозь одежду прямо в тело. Себастьян закричал, его пальцы скрючились и побелели. Он бился, стараясь вырваться из невидимой сети.

— Прекрати бороться, — закричала Элинор, опознав обволакивающие чары. — Они усиливаются, если сопротивляешься!

Себастьян мельком глянул на нее и заставил себя расслабиться. Боль никуда не делась, но так у него хотя бы появился шанс. Подняв голову, он обрушил всю свою мощь на мать.

Моргана отпрянула, умело отразив волну чистой силы. Элинор врезалась в стену, ударившись головой о камень. Несколько мгновений она ошеломленно моргала, а потом обнаружила, что стоит на четвереньках среди оставшихся от стены обломков, рядом с распростертыми Генри и Филлипом. Из ушей обоих мужчин текла кровь, сила в одно мгновение измельчила, растерла, уничтожила их мозг. Элинор осталась жива лишь потому, что основной удар пришелся на приспешников Морганы.

Элинор успела лишь осознать произошедшее, а потом ее охватил ужас. В голове стояла пугающая тишина, почти звон, словно она находилась внутри колокола.

Экспрессия. И не на базовом уровне спектра, а столь интенсивная, что ее не остановить. Даже Дрейк бы не смог. Такая сила способна поставить Лондон на колени.

— Себастьян, — прошептала Элинор, вернее, подумала, что прошептала, ибо звучали слова как-то неправильно. Нет! Пожалуйста, нет! Рот не двигался как следует, одну сторону лица будто парализовало, в голове пульсировала боль, а мозги едва не вытекали через уши. Боги! Что же с ней случилось?

— Не могу остановиться... — Голос Себастьяна звучал словно издалека. Так далеко.

Так странно. — Не важно как, должен сделать.

Элино́р почувствовала вкус крови.

Чары достигли пика. Спиралью закрутились по комнате, вытягивая соки из каждого живого существа поблизости. Волнами стремились к Себастьяну, наполняя его силой. Ни один человек не способен сделать подобное. Ни один человек не способен сдержать такую мощь.

Элино́р поняла, что же он собирается сделать.

— Стой! — закричала она, или постаралась закричать. Оковы разбились, железные цепи оплавилась. Левая рука онемела и не двигалась. Элино́р попыталась пошевелиться, но упала лицом вперед. Левая сторона тела не отзывалась. Казалось, будто она смотрит на свои действия со стороны.

Себастьян. Дрейк. Надо... это остановить.

А потом кто-то схватил ее за волосы и вонзил кинжал в спину. Ослепительная боль прошла тело, опалив нервы.

Элино́р закричала — больше ей ничего не оставалось.

Мощный поток энергии прорвался сквозь стены дома, сравнив с землей кусты роз. Ианта бросилась к Люсьену, выставляя перед собой затянутые в перчатки руки. Ее защитные чары активизировались за долю секунды до того, как в них, сбивая с ног, врезалась силовая волна, и они с Люсьеном покатались кувырком через ухоженные лужайки.

Ианта пришла в себя, с трудом дыша, уткнувшись лицом в пальто обнимавшего ее Люсьена. Все тело ныло от боли, словно гигантская рука только что нанесла им сокрушительный удар. Окрестным домам тоже досталось: ступени пошли трещинами, черепица посыпалась с крыш. Напуганные жители высунулись посмотреть, что происходит.

— Ты цела? — потребовал ответа Люсьен. Благодаря узам она ощущала его тревогу.

— Ой, — поморщившись, произнесла Ианта. — Что, ради всего святого, это было?

Люсьен помог ей сесть.

— Экспрессия.

Из всей группы только Дрейк устоял на ногах. Он распростер руки, рассеивая остатки чистой энергии и зарывая их обратно в землю. Когда та перестала дрожать, наступила оглушительная тишина. Мимо пронеслась белка и скрылась в траве.

Эдриан Бишоп помог подняться леди Эберхард. Дама выглядела крайне рассерженной, когда одергивала юбки, прикрывая затянутые в чулки ноги. Каменный лев, которого она взяла с собой, боднул ее головой.

— Это не к добру, — сказала леди Эберхард, устремив на Дрейка озабоченный взгляд. — Кто может обладать такой мощью? Если он на стороне Морганы, тогда она почти непобедима.

Если даже леди Эберхард забеспокоилась... Ианта посмотрела на Люсьена.

— Это сын Морганы, — произнес Люсьен, помогая любимой встать на ноги. Затем кивнул головой в сторону Дрейка. — Мой брат, Себастьян.

— Три брата, — пробормотала леди Эберхард. — Три реликвии. Ничем хорошим это не кончится.

Когда последние чары рассеялись, Дрейк тяжело вздохнул, опуская руки.

— Брат? — переспросил Бишоп, окинув Люсьена пристальным взглядом.

— Сюрприз. Нас трое. — Люсьен пожал плечами. — И как всегда самый младший в семье закатывает самые крупные истерики. Ну, так я слышал. — Он помолчал. — Или это ты младшенький? Я никогда толком не задумывался, какое звание тебе полагается в нашей семье.

— Бишоп — самый младший, — сказала леди Эберхард. — Его мать утешала Дрейка после развода.

Бишоп проигнорировал их обоих.

— Это была не истерика. — В его руках появился один из сикарийских кинжалов.

— О, он может быть и повнушительнее, если захочет, — ответил Люсьен. — Прошлой ночью почти похоронил нас под половиной кладбища.

— Прекрати, — сказала Ианта, заметив вспышку боли, отразившуюся на лице Дрейка. — И убери эту штуку подальше, — обратилась к Бишопу. — Ты не убьешь своего брата.

Бишоп и Люсьен обменялись понимающими взглядами. Несмотря на физические

различия между ними, в тот момент они были на удивление единодушны.

— Как ты собираешься его остановить? — спросил Бишоп. Неуловимое движение пальцев, и нож растворился в воздухе.

Ианта подошла к Дрейку, подметив тревогу в его глазах.

— Ты сумеешь отразить силу Себастьяна? Остановить его, пока он не превратил город в руины?

— Возможно, — ответил он.

— Если тебе помогут?

Дрейк задумался, потом посмотрел на Люсьена.

— Если бы кто-то поделился источником своей силы, я смог бы сдержать Себастьяна или рассеять его чары, если снова произойдет вспышка.

— А это случится, — сказала леди Эберхард. — Я чувствую, как он снова собирает силы.

— Потенциально самый сильный здесь ты, — сказал Дрейк, смотря прямо на Люсьена.

Ианта затаила дыхание.

— И я сейчас едва могу шнурки завязать при помощи магии, — с горечью произнес Люсьен. Он хмуро глянул вниз, а затем вздохнул и протянул руку. — Бери, что нужно. Используй меня в качестве источника.

Ианту переполняли теплота и гордость. Мужчина, с которым она впервые столкнулась — ожесточенный, мстительный герцог, — медленно исчезал, уступая место тому, кто, поставив на одну чашу весов чувство долга, на вторую — ненависть, сделал правильный выбор. Сердце сжалось, дыхание перехватило. Такой мужчина заслуживал восхищение и уважение.

Словно прочитав ее мысли, Люсьен глянул на Ианту.

— Благодарю, — прошептала она одними губами.

— Я бы не стал так легкомысленно относиться к предложению, — сказал Дрейк, беря сына за руку. Люсьен вздрогнул, а Ианта почувствовала, как Верховный установил с ним связь.

— У нас гости, — объявила леди Эберхард, повернувшись к саду за домом. Из зарослей выскочила орда завывающих бесов и образовала живую стену. Следом за ними появилась высокая фигура в черном бархатном плаще и с белым кружевным жабо. Позади нее встало еще двое магов.

— Трмейн, — выплюнула леди Эберхард.

— Эберхард, — ответил Трмейн. Он прищурился, оперся на эбеновую трость, но на лице его играла улыбка. — Как занятно, что вы все пришли.

— Говорил тебе, это ловушка, — прошептал Люсьен.

Но Ианта не была так в этом уверена.

— Кое-кто лезет в области, куда ему не стоило бы соваться, — произнесла леди Эберхард, делая шаг вперед. — После того, как твои магические способности ограничились, ты ведь разве что спичку зажечь мог. Чем ты заплатил за возможность обойти ограничения Совета? Душой?

— Агата, дорогая, мне казалось, ты говорила, что у меня ее нет. — Трмейн начертил круг на траве кончиком трости, впитывая с ее помощью энергию. — Скажем так... Нынче у меня есть друзья в высших кругах.

— В низших кругах, Трмейн. Не высших. И я бы не стала доверять демону. В конечном

счете сожрет тебя живьем.

— У тебя всегда была кишка тонка, чтобы бороться за власть.

— Предпочитаю старый добрый здравый смысл, — проворчала леди Эберхард, выпуская из пальца огненное копьё и выжигая им линию в торфе. — Должна признать, до меня доходили слухи о проклятых реликвиях, и тот факт, что ты с этим связан, весьма удручает. Довольно утомительно всегда оказываться правой в отношении людей.

Ианта сделала несколько шагов назад. Как-то не очень хотелось оказаться меж двух огней.

— Тебе нужна помощь? — выкрикнула она, наблюдая за бесами. Лев леди Эберхард расхаживал взад и вперед, держа тварей на расстоянии, но решимость их росла.

— Сама разберусь, — ответила леди Эберхард, закатывая черные шифоновые рукава и поворачиваясь лицом к бесам. — Бишоп, стой, где стоишь. Дрейк, тебе лучше пойти проверить ту неистовую бурю, что готова разразиться в доме. У меня волосы на затылке дыбом становятся. Аж мороз по коже.

— Оставайся здесь с леди Эберхард, — настоял Люсьен.

Ианта нахмурилась, цепляясь за его рукав.

— Я не думаю, что это разумно.

Обхватив рукой ее лицо, Люсьен быстро поцеловал любимую в лоб.

— Мне нужно держаться рядом с отцом. И я не смогу защитить тебя, не сейчас, когда мое внимание рассеяно.

— Не уверена, что когда-либо нуждалась в защите, — с вызовом ответила она.

— Ты — мать Луизы, — произнес он. — И должна заботиться о себе хотя бы по одной этой причине, не говоря уже о том, что ты еще и мой Якорь.

Якорь.

Ее сердце сделало сальто. Больше слов не требовалось. Ианта, наплевав на гордость, кивнула, а затем ухватила за лацканы его пальто.

— А ты — ее отец. Будь осторожен. — И встав на цыпочки — пока смелость не покинула ее, — прижалась губами к его рту. — К тому же ты еще и мужчина, которого я люблю, поэтому береги мое сердце, Люсьен Деверо. Я только что вручила его тебе, и оно мне довольно дорого.

Его глаза распахнулись от удивления, словно он никак не мог свыкнуться с подобными признаниями.

— Ианта.

Прикусив губу, она отступила назад. Сад содрогнулся от мощного взрыва, тогда Бишоп запустил стеной из тени в Тремейна в отместку.

— Иди, — сказала она одними губами, после чего сосредоточилась на поединке. Пусть Люсьен не разделял ее чувства, он помог ей снова обрести себя. Она еще никогда не чувствовала такую уверенность.

Лев с рыком прыгнул на беса, с хрустом впился мраморными зубами в бронзовую глотку и придавил его к земле. Леди Эберхард делала руками устрашающие пассы, вокруг летали ярко-красные боевые сферы. Тремейн метнул в нее череду своих заклинаний.

Тело Ианты вибрировало от магии. Перчатка плотнее обхватила руку, и при помощи металлических вставок на костяшках пальцев, Ианта направила столп чистой энергии прямо в голубые сферы Тремейна. От силы столкновения она покачнулась, юбки трепал ветер. Над садом пронеслась голубая молния, которая оставила после себя выжженные пятна на

лужайке.

Когда Люсьен и Дрейк зашагали в сторону входной двери, леди Эберхард устремила взгляд своих черных глаз на Ианту и схватила ее за рукав.

— Ты бы лучше присмотрела за своим молодым человеком, моя дорогая. Этим утром мне было видение.

— Что вам открылось? — спросила Ианта, запуская еще одну волну энергии в парочку бесов. Они повалились на розы, и один из них, сторбившись за кустом, зашипел на Ианту.

— Очень благородно остаться здесь, но опасность грозит не тебе, моя дорогая.

— Люсьен?

Леди Эберхард мельком взглянула на Люсьена, затем снова перевела взгляд на Ианту.

— Просто приглядывай за ним. Тебе необходимо находиться около него. Я не спущу глаз с Бишопа, а Дрейк займется Себастьяном. — Ее голос смягчился. — Братья — это ключ. Три реликвии, три брата, три жертвы.

— Что, черт возьми, вы хотите сказать?

— Я видела, как два брата зашли в то здание, — ответила леди Эберхард. — Но только один из них вышел целым и невредимым.

— Почему вы не предупредили его? Почему ничего не сказали?

— Чему быть, того не миновать. С судьбой шутки плохи, к тому же...

Их защитные чары загудели, когда Бишоп схлестнулся с Тремейном.

— К тому же? — прокричала Ианта.

Леди Эберхард заколебалась.

— Я считаю, это должно произойти, чтобы у нас появился шанс одолеть Моргану.

Высвободив руку, Ианта оставила Тремейна и его подручных на леди Эберхард и Бишопа. Пожилая дама твердо вознамерилась удерживать его позади себя. Вероятно, в чашке с кофейной гущей она увидела больше, чем упомянула.

— Люсьен! — выкрикнула Ианта, хлопнув входной дверью. Дом находился в идеальном состоянии. Холл был отделан черно-белой плиткой, на столе стояла ваза с букетом великолепных роз. И ни следа Дрейка и Люсьена.

Тем не менее, она чувствовала их: на задворках разума вспыхнуло непреодолимое желание поднять голову. Второй этаж. Они наверху. Там же находился источник назревающего на периферии ее сознания урагана.

Ианта положила руку на перила и сделала первый шаг. Ее пронзила дрожь, стены затряслись. От напряжения начало звенеть в ушах.

— Люсьен! Дрейк! — Она поспешила вверх по лестнице.

Никакой охраны. Странно. Не было ни защитных чар, ни намека, что их разрушили...

Сердце гулко стукнуло груди Ианты, а в памяти снова всплыли слова Дрейка: «Люсьен, я думаю, что сейчас ты — портал для демона...» А чего Моргану пыталась достичь посредством проклятых реликвий? Вызвать демона... Нет. Нет, этого не может быть. Или может?

Мысли завертелись в голове. Люсьену с братьями было суждено стать жертвами — леди Эберхард постоянно это повторяла. И сейчас любовник Ианты шел напрямик к теневым измерениям и демону, обитающему внутри них. В конце концов, лорд Ретберн был союзником Моргану. Возможно, вынудив Люсьена призвать демона, отчим пытался установить связь, благодаря которой, демон бы мог следовать за Люком. Вот о чем шла речь в дневнике лорда.

Если Моргана правильно разыграет карты, ей не потребуются все три реликвии. Необходима будет только одна. Кинжал. И человеческое тело, которое займет демон. Жертва. Леди Эберхард была права. В опасности не Ианта, а Люсьен. У нее кровь застыла в жилах.
— Люсьен! — закричала она, подхватила юбки и бросилась наверх.
*«Тебе нужно убираться отсюда, сейчас же!
Сейчас же!»*

Люсьен покачнулся, когда его ударило силой мысли. Ианта. Через узы ее телепатическое прикосновение к его органам чувств воспринималось, словно легкое касание шелка и роз. Связь крепла с каждым днем, по мере того, как они все сильнее сплетались друг с другом физически и эмоционально. Но сейчас Люсьена практически сбilo с ног.

Задрожали стены, откололась штукатурка, сломался карниз, а расположенная перед ним дверь вылетела в коридор. Люсьен вытолкнул Ианту из своей головы. «Не могу. Я сейчас немного занят».

Контакт между ними ослаб, и теперь Люк ощущал Ианту лишь фоном — как было всегда.

Верховный поглотил импульс, возвращая его в землю с такой утонченностью, что Люсьену оставалось только восхититься. Дрейк даже не воспользовался временным источником связи между ними, тратил лишь собственную силу, умело сводя на нет все, что случилось в той комнате. Люсьен был адептом седьмого уровня, но не мог даже сравнивать себя с Дрейком. Его отец был автором целой симфонии, в то время как он — всего лишь одинокий виолончелист.

— Ты готов? — спросил Дрейк.

По шее Люсьена стекал пот, но голова не болела. Только не отпускало неприятное ощущение взгляда какого-то хищника. Люк кивнул, игнорируя это чувство.

Отец и сын взялись за руки. Люсьен открылся на ментальном уровне, и Дрейк вторгся в его разум, захватывая силу.

Инстинкт требовал сопротивляться вторжению. Люсьену претило отдаваться на чью-либо волю, и хотя его этому обучали, ни один маг не испытывал удовольствия, когда его использовали как источник.

Наладив ментальную связь, Дрейк выпустил руку Люсьена и переступил порог. Последовав за ним, Люк оказался в комнате, которая когда-то служила камерой. В стене зияла дыра, открывая вид на террасу и оранжерею.

Посреди урагана стояла элегантная женщина в красном, угольно-черные волосы разметались вокруг ее шеи, юбки трепетали на ветру. Воздух пред ней пронзали мерцающие магические потоки, слабо излучающие зло. А посреди разрухи стоял на четвереньках мужчина и кричал от боли...

— Моргана, — позвал Дрейк.

Она подняла глаза, заметила Верховного и посерьезнела. Затем взгляд ведьмы скользнул мимо Дрейка к Люсьену, и на ее лице появилась леденящая кровь улыбка, словно Моргана была поистине рада видеть Люсьена здесь, только он не мог представить почему.

— Здравствуй, Дрейк. Похоже, ты пришел с подарком. — Когда она повернулась, что-то

шевельнулось позади нее, оседая у стены — забрызганное кровью месиво из голубых юбок и темных волос.

— Элинор! — закричал Дрейк.

Отец сделал шаг вперед, но Люсьен оттащил его обратно. Под скопившимся в комнате давлением по штукатурке поползли трещины, но казалось, больше никто этого не заметил. Моргана и Дрейк были слишком заняты друг другом.

— Дрейк, — предостерег Люсьен.

Перестав быть предметом внимания Морганы, Себастьян поднял голову. Его глаза стали абсолютно черными от бурлящей внутри силы, и на одно пугающее мгновение Люсьену показалось, что он может прочесть мысли брата. Лицо Себастьяна стало безмятежным, словно он боролся с собственной совестью, а теперь принял решение. И смирился. Мир погрузился в тишину. Миг затишья перед бурей.

Секунда показалась вечностью. Воздух превратился в желе. Люсьен шагнул вперед и вскинул руку в попытке предотвратить катастрофу, пока не стало поздно.

— Остановись! — выкрикнул Люк, на секунду вырываясь из-под контроля отца и запуская сильнейшие защитные чары, которые были ему известны. По воздуху прошла рябь, а Себастьян просто... взорвался.

Лестница обрушилась. Ианта бросилась вперед и ухватилась за край площадки второго этажа, ноги остались болтаться в воздухе. Она искала, за что бы ухватиться, но руки соскальзывали...

— Помогите! — закричала Ианта, когда часть потолка отделилась. Со страшным грохотом люстра упала в фойе, разлетаясь осколками по плитке.

Мир вокруг продолжал раскачиваться. Ианта чуть не сорвалась вниз от первого толчка, и ощутила, что их сила растет, распространяясь за пределы дома. Магнитуда землетрясения увеличилась, ударные волны расходились все дальше...

В поле зрения Ианты возникли шелестящие тускло-серебристые юбки. Из темноты, пошатываясь, вышла молодая женщина, ее голову обрамлял ореол блестящих золотистых локонов, а глаза закрывала льняная повязка.

— Эй? — позвала девушка. — Где ты?

— Здесь! — произнесла, задыхаясь, Ианта, стараясь передвинуться в безопасное место.

Двигаясь с безошибочной точностью, девушка подползла ближе и схватила Ианту за перчатку.

— Хотела бы я, чтоб этот чертов пол перестало трясти!

Незнакомка была выше ростом, но более хрупкого телосложения.

— Я тоже. — Ианта закинула ногу на край лестничной площадки и с огромными усилиями все же влезла на второй этаж. Запыхавшись, они растянулись на полу в ворохе юбок, в то время как все здание качало и трясло.

А хуже всего — поток энергии рос. Что-то едва сдерживало его, но это что-то уже было на грани, готовилось сдаться, и когда это произойдет...

— Мы должны остановить его, — выдохнула девушка.

— Кого?

— Себастьяна. — Девушка развернулась и облокотилась о стену. — Я вижу больше

искр, но вряд ли они достаточно сильны, чтобы сдержатъ бурю. Не уверена даже, что я смогу, но нужно попытаться! Ты должна отвести меня к нему!

Прозвучало, как полнейший бред, но Ианта бросила еще один взгляд на повязку. Если она не ошиблась, это верный признак Кассандры. Взявшись за руки, пошатываясь, они пошли по коридору.

— Как тебя зовут?

— Клео Синклер.

Синклер, Синклер... Где она слышала это имя? А потом Ианта поняла. Фамилия графа Тремейна — Синклер. Ианта остановилась как вкопанная, едва не сбив девушку с ног. Пол тряхнуло, и их отбросило к стене.

— Точнее, теперь я миссис Клео Монткалм, надо полагать. Постоянно забываю, что замужем. И не смотри на меня так. Я практически чувствую твой взгляд. Уверена, ты знакома с моим отцом, но сейчас на это нет времени. Себастьян уничтожит половину Лондона, если я не доберусь до него вовремя.

— Себастьян твой муж? — От потолка оторвался кусок штукатурки, и Ианта потащила Клео вперед, стараясь не упасть. Где-то в здании одно за другим разбивались окна.

— Да. Ты же мисс Мартин?

— Откуда ты знаешь? — с подозрением спросила Ианта.

— Я тебя видела. Все происходящее запустило мой дар, и мне постоянно являлись твое имя и лицо. Это видение вышло на первый план, заглушая все остальные чувства. Я знала, что должна найти тебя. Ты — единственная, кто может это остановить.

«Два брата зайдут в то здание... И только один из них выйдет...»

Или Клео очень скоро станет вдовой, или Ианта навсегда лишится шанса стать для Люсьена кем-то большим, чем просто Якорь.

— Туда, — сказала Ианта, ускоряя шаг. Кусочки щебня запрыгали по полу, казалось, сама земля содрогнулась. — Оно усиливается.

Тишина.

Ни ветерка. Ни воздуха. Только давление.

Вакуум пустоты.

У Люсьена звенело в ушах. Он сделал шаг вперед; сила с ревом проходила сквозь него, устремляясь по протянутой руке к Верховному. Под ботиками хрустело стекло, приказавшее долго жить после первого же взрыва. Стена между камерой и застекленной террасой разрушилась во время волны, которой Верховный намеревался сдержатъ примитивную силу, исходящую от сына.

Брата Люсьена.

В другом мужчине Люк распознал частичку себя. Себастьян был копией Дрейка, в то время как Люсьен больше пошел в мать, леди Ретберн. Но когда Себастьян с ненавистью глянул на ту, с кем сражался Дрейк, Люсьен, наконец, понял, чем они похожи.

Одиночество. Боль предательства. Брат прошел через те же страдания, которым подвергся сам Люсьен.

— Не могу...сдерживать его...дольше. — Дрейк стиснул зубы. То количество чистой энергии, которое он возвращал в землю, было чрезмерным.

— Тогда позволь ему убить ее, — крикнул Люсьен, отметив, как странно и пусто звучит голос. Он сам начинал чувствовать себя опустошенным. Одно из колец на руке расколосось, когда он извлек слишком много силы, позволяя отцу впитать ее.

Верховный с удивлением посмотрел на Люсьена.

— Нет. Это... мой долг. Не его... Ни один сын не должен... убивать... свою мать.

Экспрессия истощила Дрейка, но он каким-то образом нашел в себе силы и отодвинул усталость на задний план. Так или иначе, он сдерживал напор.

Ощущения стали ярче. От дурного предчувствия по спине Люсьена прошел холодок.

Крики. Ярость и смятение. Перед Люком возникла Моргана, и что-то вонзилось в бок.

— Ваша жертва, мой господин, — прошептала она, вперившись зелеными глазами в глаза Люсьена.

И началась агония. Красная волна затопила зрение, все расколосось, пока Люк не почувствовал будто стоит в двух местах одновременно. В одном мире он, пошатываясь, шагал по полу, хрустя ботинками по стеклу, в другом разлилось болезненное ощущение небытия, только ледяные каменные стены и скрытая в тени фигура. Незнакомец развернулся лицом к Люсьену и стянул с лица черный капюшон.

— А вот и ты, — раздался в голове чей-то шепот. Невидимые когти вцепились в Люка.

Он закричал — сбывшись все его старые ночные кошмары.

Моргнув, Люк понял, что больше не стоит на застекленной террасе. Два мира слились воедино. Теперь он надрывался в тюрьме вечной пустоты, где сквозь решетку над головой виднелась лишь странная тусклая луна, а стены походили на мерцающую дымку.

Придя в себя, Люсьен хрипло спросил:

— Где я?

Фигура в капюшоне обрела очертания. Это был демон во фраке и маске. В тонких прорезях для глаз мерцала чернота, которая словно затягивала в бесконечность. Демон улыбнулся, и маска жутко исказилась, повторяя выражение его лица.

— В моей тюрьме. В твоем разуме. — Он раскинул руки. — Там, где я обитаю. Куда ты забросил меня, после того как я выполнил свою работу.

Нет. На коже выступил холодный пот. Люк отступил.

— Как?..

Демон приблизился, не сделав ни единого шага.

— Ты помнишь мое имя?

Лешер. Люсьен не осмелился произнести его вслух.

— Я изгнал тебя.

Демон улыбнулся шире.

— Да. Ссюда. Ты не знал, что я наблюдаю за тобой? Всссе это время?

На кончике пальца существа закружился энергетический пузырь. Внутри мутного шара Люсьен увидел себя и Ианту, в постели. Она в экстазе выгнулась на темных простынях, запрокинула голову...

Люсьен пробил пузырь, и тот растворился, как дым.

— Не за ней.

«Демон не может причинить мне вред, — внушал себе Люсьен. — Это иллюзия, созданная где-то в пределах моего разума. На самом деле я не здесь».

— Ты не можешь перебраться в реальный мир.

Демон рассмеялся. Он исчез, а потом возник прямо перед Люсьеном. Существо

набросилось на него, обхватило за затылок и тесно прижалось всем телом. А потом демон лизнул щеку Люсьена.

Кожу словно опалило кислотой. Задышавшись, Люсьен пытался оттолкнуть существо, но слышал только издевательский смех. Демон обладал железной хваткой. Он вцепился в рубашку Люка, просачивался сквозь нее, и казалось, что сердце защищает только слой плоти.

— В этом месте я правитель, — прошептал Лешер. — Ты здесь не обладаешь никакой властью. Только я. Все, что мне нужно было делать — ждать, когда ты откроешься на психическом уровне и прольется кровь. — Он склонился еще ближе, его дыхание пахло корицей и жжеными специями. — Разве ты не видел сон обо мне? — Ядовитый шепот. Он вызвал воспоминание о ночном кошмаре, слишком ужасном, чтобы помнить. — Да. Этот.

Красные шелковые простыни. Обнаженная плоть. Демон сплетается с Люсьеном, сливается с ним, их тела медленно превращаются в единое целое, и в итоге на кровати остается только Люсьен. Он лежит, уставившись в потолок черными глазами...

Нет. Нет. Он не будет вспоминать. Этого не произойдет. Демон не может отнять у него тело, он лишь показал, чего так отчаянно желает.

— Ты уверен? — едко спросил Лешер, снова прижимаясь к Люсьену. От этого движения Люка затянуло обратно в кошмар...

Ианта. Люсьен прогнал все мысли, цепляясь за воспоминания о ней. Ее парфюм, прикосновения, улыбка... Он немного пришел в себя.

— Она очаровательна. Пожалуй, пребывая в твоём теле, я тоже смогу ею насладиться.

Люсьена затопила ярость. Каким-то образом ему удалось схватить существо за горло и швырнуть в ледяные стены. Те затряслись, и демон скривился. Это немного приободрило Люсьена.

— Ты никогда не прикоснешься к ней. Никогда!

Он был на грани. Ярость придала ему сил. Внезапно, Люсьен осознал, что отдалился от демона. Снова стал самим собой.

Но как ему удалось выбраться?

Где-то рядом зашуршали юбки.

— Люсьен! — Кто-то схватил его за рукав. Здесь и в то же время не здесь. — Люсьен, очнись! Возьми меня за руку!

А затем прямо перед ним возникла Ианта. Ее силуэт был таким же размытым, как и видение, показанное демоном.

Она не видела существо рядом с Люсьеном. Не видела этот мир. Но каким-то образом соединяла оба. Сиреневый цвет ее юбок казался таким ярким, таким насыщенным на фоне холодных черных стен тюрьмы, пусть даже Ианты на самом деле там не было. Люсьен смотрел прямо сквозь нее, но ее прикосновение... удерживало. Неожиданно ощущение земли под ногами стало таким реальным. Всплески магии с треском прорвали окутывающие его чары, и он увидел Дрейка. Верховный с распростертыми руками, кольца на которых искрились и тлели, швырял в бывшую жену заклинания. Моргана, ошеломленная тем, что Дрейк и Себастьян одновременно насаждают на нее, отплачивала тем же, пятясь и в спешке путаясь в красных юбках. Все это проплывало вокруг Люсьена в странной, искаженной последовательности: фигуры двигались очень медленно, и только облако заклинаний придавало хоть какую-то значимость этому миру. Боевые сферы сталкивались, взрывались яростным фейерверком красно-голубых всполохов.

Единственное, что казалось настоящим — собственное измученное тело, и Ианта,

которая склонилась над ним и отчаянно пыталась остановить кровь.

Она все еще сжимала его руку.

— Лишшшь она может тебя удержать, — злобно произнес Лешер. Он потянулся и схватил Ианту за запястье.

— Он мой, — прокричала она.

— Лишь она может удержать тебя, — поправил демона Люсьен, сдвигаясь так, чтобы вклиниться между ними. Теперь он чувствовал себя сильнее. — У тебя нет власти надо мной. А у нее есть. Я всецело принадлежу ей: телом, сердцем и душой.

Демон зашипел. Позади него образовалась туча. Она росла, а внутри нее сверкали злобные зеленые молнии.

— Люсьен, — позвала Ианта. — Вернись! Ты принадлежишь мне.

Последний взгляд на демона, а затем она через какие-то неясные туннели потащила Люсьена прочь от Лешера.

С шипением демон запустил в них тучу. Люсьен вскинул руки, но она прошла сквозь него. Кожу закололо как от множества ледяных иголок. Ианта истошно закричала.

Туча словно разрезала ее изнутри.

Дрейк пошатнулся, отбивая атаки противника. Люсьен изогнулся на полу и закричал. Себастьян, покачиваясь, стоял на четвереньках, из его носа и ушей лила кровь. Дрейк не знал, какой из его сыновей находится в худшем состоянии. Стоя между ними, он не спускал глаз с Морганы.

— Люсьен? — позвал Дрейк.

Стиснув зубы, Ианта подняла лицо, из ее носа потекла кровь.

— Я его вытащила.

Ее окутала черная дымка. Ианта вскрикнула, а Люсьен, судорожно вдохнув, распахнул глаза.

— Нет! — раздался женский крик. Элино́р.

Верховный отвлекся всего на какую-то долю секунды. Этого оказалось достаточно, чтобы Моргана успела схватить пленницу.

Прижимая к себе ослабшую Элино́р, Моргана приставила кинжал к ее горлу.

— Не двигайся, — выплюнула она.

Дрейк, сдаваясь, поднял руки и посмотрел на Элино́р. Она выглядела растерянной, уставшей. «Сопровствляйся», хотелось завопить ему, но ее магия не отзывалась. Любимая никогда не была такой безропотной, такой тихой. Когда близким грозила опасность, Элино́р превращалась в свирепую львицу. Сердце Дрейка заныло. Что ведьма с ней сделала?

— Пора решать, Моргана. Если причинишь ей вред, я тебя убью. Отпусти ее, и я тебя пощажу.

— Кинжал у меня! Прекращай говорить со мной так, словно здесь все в твоей власти! — Моргана направила в его сторону кончик кинжала, а затем указала им на Себастьяна, когда сын поднял голову. — Ты тоже не шевелись, вероломное отродье.

— Моргана. — Дрейк протянул к ней руку и осторожно шагнул вперед. — Все кончено. Ты окружена.

— Все будет кончено, когда я решу...

Себастьян бросился на нее.

Его магия перегорела, но двигался он с убийственной точностью.

— Нет! — выкрикнул Дрейк, но было слишком поздно. Кинжал нашел свою цель.

В последний раз.

Себастьян стиснул окровавленные зубы и схватился за клинок, который, обеими руками, вонзила в его бок матушка. На этот раз без предупреждения. По комнате пронеслась экспрессия. Давление росло, и Дрейку едва хватило сил запустить достаточно мощные чары, чтобы его сдержать.

Комната озарилась красным светом. Кинжал впитал выброс энергии в себя, растягивая саму структуру бытия; а затем все взорвалось. Себастьяна с матерью швырнуло в разные стороны.

Когда Дрейк, моргнув, пришел в себя, то обнаружил, что лежит возле Элинор. Пока чернота вновь не поглотила сознание, он подполз ближе.

— Элли? — прошептал Дрейк. — Поднимайся. Надо отсюда выбираться.

На него посмотрели такие знакомые голубые глаза с золотым ободком.

— Нт. Нмгу.

— Что случилось?

Комната начала дрожать, будто сейчас обвалится целый этаж. Похоже, магический поединок ослабил какие-то опорные конструкции.

— Ианта, уводи отсюда Люсьена! — бросил Дрейк через плечо, а затем склонился над Элинор. Ее спина была в крови — следствие удара кинжалом. От увиденного Дрейк весь похолодел. Залечить такую рану можно только при помощи особого зелья из чаши. Если они успеют добыть ее вовремя... Кровь медленно, но неуклонно стекала ему на руки.

— Ианта не дышит! — раздался за спиной крик Люсьена.

Казалось, мир перевернулся с ног на голову. Дрейк оглянулся. Ианта безжизненно лежала на руках у Люсьена, словно кукла, но сам он выглядел нормально. Напряженный, бледный, но почти в порядке.

Дрейк посмотрел на распростертую Элинор, на Себастьяна, что снова сцепился с Морганой. Верховный разрывался на части. Впервые за долгие годы он не знал, что делать.

Или кого защитить.

Он любил их всех. И ужасно боялся, что придется делать выбор.

— «Союз влюбленных душ связывает их жизни в одну...»

Записи леди Эберхард касаются духовных уз

— Ианта? — напряженно и хрипло шептал Люсьен. — Ианта, умоляю. Пожалуйста вернись. Дыши, черт побери!

Пол под ними содрогнулся. Что-то упало.

Но Люсьен, не обращая внимания на окружающий мир, и продолжал давить Ианте на грудь. Сила в нем почти выгорела, напоминала тлеющие угольки, но он все равно ощущал потускневшую золотую нить, что связывала его с любимой. Эта нить медленно истончалась, будто Ианта уходила туда, куда ему дороги нет.

— Нет, — прошептал Люсьен, пытаясь вдохнуть воздух в ее легкие. Губы Ианты были мягкими и податливыми. Что бы демон ни сотворил, это вызвало ментальную бурю невероятных размеров. Ианта вытащить Люка из тюрьмы, забыв о собственной безопасности. Это сработало. Люсьен вернулся в собственное тело, но цена... Вряд ли можно за такое заплатить. Люк дрожащими руками погладил Ианту по лицу, всеми силами стараясь удержать ее в этом мире.

Их связь.

Их союз.

Ее саму.

Ианта не дышала. Просто лежала, бледная, лишенная всех дивных ярких красок, которые постоянно мерцали вокруг нее. Теперь они превратились в ничто.

Люсьен поперхнулся, словно ее неспособность дышать затронула его самого. Сияние магии вокруг Ианты потускнело, яркий белый свет рассеивался, будто его нечем было поддержать. Горячий уголек, медленно угасающий в холодном камине. Весь жар, энергия, что таилась в ее сердце... пропадет.

— Умоляю, — прошептал Люсьен, поглаживая огрубевшей рукой волосы Ианты, чья голова бессильно склонилась набок. — Не смей меня оставлять.

Люсьен прижался губами к ее губам, целуя так, как никогда прежде не осмеливался. Отдавая ей свое сердце и душу и ощущая безвольный рот.

— Ты выиграла, — сказал он, сжимая ее пряди и чувствуя, как глаза жжет от слез. — Ты выиграла. Я твой, со всеми потрохами. Я тебя люблю! Только... не оставляй меня!

А нить все истончалась. Ему удалось схватить ее и держать, пока душа Ианты уходила в омут забвения и темноты. Люсьена жгло до боли, рвало на части, но он не сдавался. Люк стиснул зубы, корчась в агонии. Она обжигала его чувства, оставляя кровоточащие раны там, где только начинали зарождаться чувства.

Но Люсьен не отпустил Ианту.

Вместо этого он потянулся к глубинам своей силы, будто делая самый большой вдох, на какой только способен. Дрожащими пальцами Люсьен начертил меж грудей Ианты одну из запретных рун. Знак засветился алым, и ее тело дернулось. Люсьен приложил сияющий золотом палец к своему сердцу, преображая их узы, которые на самом деле зародились очень

давно.

Магия засверкала вокруг. Связь Ианты и Люка стала не просто цельной, но еще и вдвое сильнее. Каждый лучик энергии сковывал их вместе, словно паутина.

Люсьен уже сомневался, что выдержит. Его потянуло за Иантой, в тот же омут забвения.

Он ощутил мысленный призыв, и в их связь вплелась еще одна нить, незнакомая, но родная. Луиза. Она словно почувствовала, что мама в беде, и сумела дотянуться до них, даже не сознавая до конца своих сил.

Ианта с Люсьеном резко вернулись в действительность.

Ианта открыла сияющие золотом глаза, из сухого горла вырвался тихий вскрик. Люсьен взял ее на руки, и уткнулся лицом в шею, шепча:

— Умоляю...

Она заплакала. Люсьен отчаянно прижал Ианту к груди. Хвала Богу. Он посмотрел на небо, едва дыша под градом эмоций.

Комнату встряхнуло.

Перепаханный в пыли Дрейк с беспокойством схватил Люка за рукав.

— Надо отсюда убираться, дом сейчас рухнет.

Верховный прижимал к себе Элинор Росс. Ему все же пришлось сделать выбор.

Он нес на руках возлюбленную, а по пятам за ним, спотыкаясь, брели его сын и названная дочь.

Дрейку пришлось бросить Моргану и сына, о котором он только узнал.

«Я вернусь. Вернусь и спасу его», — пообещал себе Верховный.

Его сердце кровоточило, но он вытащил Люка, Ианту и Элли до того, как дом рухнул. Половина здания превратилась в руины. Та самая, где томилась Элинор. Дрейк обернулся, понимая, что уже слишком поздно спасти последнего сына.

«Ты его подвел. Подвел».

Как и предсказывала леди Ретберн.

Остальные союзники собрались вокруг. Решительная и властная леди Эберхард и Бишоп, единственный близкий сын с черными глазами сикария. Дрейк оглянулся на дом.

— Это к лучшему, — заверил его Бишоп.

Как всегда они поняли друг друга. Никому не дано управлять подобной силой. Тот, кто способен лишь на экспрессию, слишком опасен и способен спалить весь Лондон.

Но Дрейк горевал не как Верховный, а как мужчина, сознающий риски, и отец, который помнил предсказание своей возлюбленной:

«Три сына, три жертвы.

Когда ты впервые их увидишь, наступит начало конца.

Ты станешь причиной их смерти. Ты уложишь их в могилы.

И весь Лондон сгорит, если предначертанного не произойдет».

— Я пытался это изменить. Пытался, — едва слышно шепнул он.

— Знаю, — ответил Бишоп, и впервые в его пустых глазах появился намек на сочувствие.

За несколько минут до обрушения...

— Себастьян! — позвала Клео, осторожно шагнув в какой-то коридор. Мисс Мартин ринулась вперед на чей-то крик, бросила ее, и Клео теперь спотыкалась на обломках.

«Сюда, иди сюда», — подсказывала ей интуиция.

Где-то неподалеку слышались голоса. Здание задрожало, но Клео тянуло дальше.

Кто-то поблизости закашлялся.

— Черт побери! Что ты здесь делаешь? — резко спросил Себастьян.

С облегчением Клео поспешила на звук.

— Т-тебе б-больно? — спросила она, сознавая глупость вопроса.

— Клео. — Он сжал ее запястье, а потом потянул в сторону, привалившись к стене. Голос звучал хрипло и прерывисто. — Тебе надо выбираться. Крыша скоро... рухнет. Весь дом... падет.

— Знаю, — ответила она, потому что предвидела подобный исход. Ее больше беспокоило его состояние и другое видение. — Ты истекаешь кровью. Где рана?

Он заколебался, но она уже рыскала под одеждой, пытаясь найти источник его скорой смерти. Необходимо это предотвратить. Обязательно!

— Пожалуйста, убирайся отсюда!

— Только с тобой, — возразила Клео. Ближайшая стена рухнула вместе с частью крыши. Клео закричала и сжала руку Себастьяна, когда что-то острое оцарапало ей щеку.

— Клео. — В этом слове была бездна эмоций. Себастьян оперся на стену. Его ноги подогнулись, а вместе с ним упала и Клео. — Все кончено. На нее упал потолок.

— На кого?

— На Моргану. С ней покончено. Мне все-таки... удалось.

— Если не поторопимся, то составим ей компанию! — Будто в подтверждение ее слов, что-то тяжелое рухнуло совсем рядом. Клео ахнула.

— Не думаю... что смогу... — Себастьян сунул ей что-то в руки. Сломанный кинжал. Клинок оказался проще и тяжелее, чем ожидала Клео. И чего все с ним так носились? — Возьми его... с собой. Я его уничтожил, но... лучше расплавить.

— Нет! — Клео схватила мужа за лацканы пиджака, а когда Себастьян осел, опустилась перед ним на колени. Кинжал упал на платье. — Нет, я не позволю! — Повязку смочили горячие слезы. — Нет!

Себастьян сильнее сжал ее запястья.

— Ты ведь это предвидела... не так ли?

Здание содрогнулось. Клео зажмурилась и прижалась лбом к груди мужа.

— Клео, это бесполезно. — Себастьян терпеливо разъяснял ей ситуацию, будто ребенку. — Она ударила меня тем самым кинжалом. Такое не залечишь...

Клео оторвала край юбки и прижала ткань к горячей кровоточащей ране у него на боку. Она не могла перестать плакать, но упрямо старалась его спасти. Какие бы варианты развития событий Клео ни представляла, все равно видела себя рыдающей над бездыханным телом мужа.

— Я не позволю! Не позволю!

— Клео, тебе надо выйти от-тсюда. — Себастьян говорил невнятно. Он обхватил ее лицо дрожащими пальцами. — Не хочу умереть... зная, что ты все еще здесь.

— Так помоги мне отсюда выбраться! — потребовала она. — Потому что я никуда без тебя не пойду. — У нее перехватило горло. — Ты пытался не дать им убить миссис Росс, значит это моя вина. Тебя ранили потому, что я потребовала ее спасти!

— Тс-с...

Клео покачала головой.

— В противном случае тебя бы здесь не было. Я такая эгоистка! — Она зарыдала.

— Нет, вовсе нет, — прошептал он, все еще касаясь ее лица. — Я никого удивительнее тебя не встречал. Оно того стоило. Я наконец-то свободен, Клео.

— Бастиан...

— Тс-с, успокойся. Позволь мне... всего раз... — нежно прошептал он, поглаживая ее щеки большими пальцами.

А потом коснулся ее губ своими. Клео в шоке застыла. Себастьян наконец ее поцеловал, да так нежно, что она затаила дыхание. В этом поцелуе крылось такое желание, такая тоска...

Она ощутила покалывание, что обычно предшествовало видению. Нет, не сейчас! Ей хотелось подольше посмаковать это ощущение...

И тут Клео увидела, как спасти Себастьяна. Ощутила чары на кончиках пальцев. Ее предупреждали о последствиях подобного шага, но ей было плевать. Она виновата и сможет все изменить. Сейчас же надо...

Между пальцами возникла магическая сеть. Клео прижала руку к груди Себастьяна и заставила эту паутину оплести его сердце, связывая со своим. Что-то дернулось в ее груди. Себастьян закричал и выгнулся, прижимаясь к ее ладони, когда она вложила все силы в последнее заклятье. Теперь даже смерть не отберет его у нее.

Больно. Боги, как же больно! Она тоже закричала, ее сердце дрогнуло, а потом снова застучало. Когда Клео очнулась, то лежала на Себастьяне, уткнувшись ему в грудь.

Она слушала, как их сердца бьются в унисон.

Его рана кровоточила, но все же медленно затягивалась. Это повреждение никогда не исцелится, навсегда останется его слабостью, но к смерти не приведет, по крайней мере пока.

Что до остального... У нее будет время подумать о последствиях своего решения.

— Что... ты сделала? — хрипло прошептал Себастьян, до боли сжав ее предплечья, будто от страха. — Клео?

— Я спасла тебе жизнь, Бастиан. — И к черту последствия. Она ни о чем не пожалеет. — А теперь помоги мне выбраться отсюда.

Лучи утреннего солнца разбудили Ианту. Она заморгала, пытаясь сообразить, где находится. В комнате было слишком светло. Прижав руку к глазам, Ианта застонала. Все тело ныло, будто ее долго и вдумчиво били.

— Не дергайся, — прошептала тень. В поле зрения возник бесстрастный Дрейк в черном одеянии. — Тебе следует воздержаться от колдовства, причем надолго. Понимаешь?

— К-колдовства?

Он прижал руку к ее лбу. Волна тепла прокатилась по телу, наполняя силой. Ианта задрожала, цепляясь за энергию как утопающий за соломинку.

— Ты слишком выложились. Судя по всему, ради защиты Люсьена ты потратила всю энергию, а психическая атака демона едва тебя не прикончила.

— Л-Люсьен?

Дрейк уложил ученицу на подушки и сел на край постели.

— Он в порядке. На самом деле даже лучше тебя. Ианта, Люсьен против твоей воли создал между вами связь. Намного крепче того, что ты делала прежде. Разрушить ее не удастся никогда. А стоит одному из вас умереть, второй, скорее всего, последует за ним. Связь душ. — Дрейк опустил глаза на их с Иантой сплетенные руки. — Он сказал, что ты умирала.

Ианта похолодела. Она вспомнила, как оказалась в кромешной тьме, а потом услышала голос, молящий вернуться. Он и держал ее между жизнью и смертью.

— Он поступил против правил. — Слова Дрейка ударили как пощечина.

— Нет, если я дала свое согласие.

— А ты дала? — Дрейк пристально посмотрел на нее.

— Да, — солгала Ианта. — У нас мысленная связь. Я знала, что он мне предлагает.

Верховный не отводил от нее взгляда. Ианта изо всех сил старалась не покраснеть.

— Люсьен изменился. Как и ты, — сказал Дрейк.

— Перемены не всегда к худшему.

— Верно. — Верховный натянуто улыбнулся. За дверью раздался шорох. — Тут кое-кто пришел повидаться. Даже двое «кое-кого».

Дверь открылась, и вошла бледная Тея, держа за руку...

— Луиза, — прошептала Ианта, садясь и раскрывая объятия.

— Мама! — Дочь потеряла самообладание, бросилась к постели и обняла Ианту так, словно больше никогда не отпустит. Была некая правильность в этом поступке, будто присутствие Луизы подарило ощущение цельности, а до этого Ианта не понимала, что ей не хватает.

Она хмуро отстранилась.

— Луиза впервые воспользовалась экспрессией, — пояснил Дрейк, улыбаясь и нежно поглаживая девочку по голове, чтобы успокоить. — Каким-то образом ощутила вашу потребность и помогла отцу тебя вернуть. Она — часть ваших уз, пусть и не так крепко привязана, как вы двое.

Похоже, заодно проявился дар предвидения. Как иначе Луиза узнала бы? И что теперь делать? Ианте стало не по себе. Дочь слишком юна для такого тяжелого дара. И все же Ианта улыбнулась и поцеловала Луизу в щеку.

— Значит, мы научим тебя управлять своими способностями.

— Давайте я этим займусь? У меня нет учеников, а все твое внимание занимает подопечная, — предложил Дрейк.

Ианта посмотрела на Тею. Бедняжка очень переживала. Ианта усадила ее рядом с собой и дочерью и обняла обеих.

— Ты ни в чем не виновата, — прошептала она, целуя Тею в волосы. — Это все равно случилось бы. Я пыталась бороться с демоном на ментальном уровне. — Ианта решила не вдаваться в подробности. — Урок усвоен: лучше держаться от демонов как можно дальше, Тея. Даже не думай, будто сможешь справиться с подобной тварью, играя по ее правилам. Демоны умеют задать трепку.

Но отвлечь ученицу не получилось.

— Люсьен говорил, что ты не дышала.

— Там был такой хаос. Наверное Люк просто преувеличил серьезность произошедшего. — Ианта посмотрела в черные глаза Дрейка, и тот легонько кивнул. Луиза крепче сжала руку матери. Девочку не обманешь, ведь она все чувствовала.

— Лу, хочешь учиться колдовству у Дрейка? — спросила Ианта, устраивая обеих на подушках.

— Мне придется жить с ним? — в ужасе спросила Луиза.

— Нет, нет, пока нет. Поживешь со мной. — И Люсьеном. Внезапно Ианта засомневалась, согласится ли он. Люк был здесь, где-то в доме, но стоило потянуться к нему...

Ианта поморщилась. Голова пульсировала от боли. Весь мир стал слишком ярким и громким. Неужели так его воспринимает Люсьен?

— Некуда спешить, — успокоил ее Дрейк, выхватывая из-за уха Луизы монетку.

— Это ловкость рук, а не магия, — закатила глаза Ианта.

Дрейк вскинул пустые руки, и Луиза хихикнула.

— Тогда я буду навещать вас раз в неделю. Присматривать за внучкой и обучать ее.

Без сомнения, он собирался присматривать за всеми домочадцами.

Ианта вздохнула.

— Две юные леди, способные разгромить дом, под одной крышей. Что же мне делать?

Они продолжили обмен шутками, но Тея не принимала участия в общем веселье. Ианта сжала руку ученицы, пытаясь прогнать тени в ее глазах, пока Дрейк показывал Луизе трюк с монеткой.

— Я больше никогда не воспользуюсь экспрессией, — пообещала Тея.

Жаль, что урок дался ей такой большой ценой.

— Рада слышать. Станем учиться шаг за шагом. Уверена, Луизе понадобится помощь, чтобы приспособиться. Всем нам пришлось нелегко, но ей особенно. Твоя поддержка будет не лишней.

— Хочешь, чтобы я осталась?

— Ах, Тея, ну конечно. — Девушку явно мучили сомнения. Неужели Ианта сама когда-то была такой юной и нерешительной?

Она перестала улыбаться. «Конечно, да».

— Знаешь что? Давай сделаем все официально. Я на законных основаниях стану твоей опекуной, удочерю Луизу, и вы станете сестрами.

Тея сглотнула ком в горле.

— Спасибо.

Ианта обняла подопечную и снова посмотрела Дрейку в глаза. Он почти незаметно кивнул, но ей было приятно, что у нее наконец получилось стать истинной наставницей Теи. Чародейство заключалось не только в заклинаниях и уроках.

— Девочки, я обещал, что вы повидаетесь с Иантой, когда она очнется. Теперь дайте ей отдохнуть. Последние дни выдались весьма напряженными. Лучше поспешите на кухню и принесите ей что-нибудь поесть.

— Сначала я вас поцелую, — сказала Ианта, обнимая Лу и вдыхая сладкий аромат волос дочки. — Я так по тебе скучала. Обещаю, как только встану на ноги, мы обязательно все наверстаем.

Затем Ианта обняла Тею, поцеловала ученицу в лоб и попросила поспешить с завтраком, чтобы утолить зверский голод.

Девочки закрыли за собой дверь.

Ианта сглотнула.

— Я все еще не знаю, что делать. Иногда это пугает.

Дрейк подошел к камину и поворошил кочергой угли.

— Это чувство никогда не пропадет, Ианта. Думаю, в нем и состоит смысл заботы о ребенке.

Однако Верховный кое о чем умолчал.

— Как Элино́р?

— Как ни странно, рана Люсьена кровоточила не так обильно, как у Элино́р. Мы исцелили ее чашей, но... доктора полагают, что у Элли случился апоплексический удар. Она потеряла способность говорить, едва может самостоятельно питаться и одеваться, но по-прежнему здесь. Я знаю, что она здесь. Вижу в ее глазах, когда Элино́р смотрит на меня так, будто отчаянно хочет мне что-то сообщить. — Он замолчал, сжимая рукоятку кочерги. — Врачи предложили поместить Элли в лечебницу.

— Ах, Дрейк, что ты собираешься делать?

— Оставлю ее здесь, сам присмотрю. Это меньшее, чем я могу ей отплатить. Она пострадала потому, что желала защитить меня.

— А как же Орден?

Дрейк посуровел.

— Я не останусь на посту Верховного. Не могу и дальше ставить общие нужды выше собственных. И, черт побери, хочу впервые в жизни позаботиться о близких, о семье. Я собираюсь уйти в отставку.

Ианта вскинула брови. Для мужчины немислимо отказаться от столь высокого поста.

— А как же Моргана и Трёмейн? А реликвии?

— Моргана мертва. Дом рухнул, и она оттуда не вышла. Мои люди занимаются раскопками, но я думаю, что эта стерва погибла. Однако Трёмейн все еще остается проблемой. Как только они потеряли преимущество в сражении, он наслал оставшихся бесов на Агату и Бишопа, а сам дал деру. Бишоп его выслеживает. Реликвии? Ну что ж, кинжал уничтожен, Агата передала чашу Бишопу. Я отправлю его на поиски палочки. Моргана где-то ее спрятала.

Ианта слишком хорошо знала бывшего наставника. Если он так равнодушно все перечисляет, значит, не хочет обсуждать тему. Жаль. Кто еще способен выслушать, как не родные?

— А Себастьян?

Дрейк невидяще уставился в окно.

— Пропал. Боюсь, его найдут только под конец раскопок.

— Соболезную.

— Я знал, что все слишком хорошо. Так долго его оплакивал, а когда узнал, что он все еще жив... — Дрейк слегка понурился. — Я... не смог спасти всех. Не добрался до негс вовремя... Моргана ударила его кинжалом. Он наверняка истек кровью. — Дрейк словно пытался себя убедить. — Так что ты не у того спрашиваешь совета. Я не знаю, каково быть родителем. Я неудачник, Ианта, а не ты.

— Ты не неудачник, Дрейк, ты стал мне превосходным отцом.

Он натянуто улыбнулся.

— Благодарю. И раз уж ты видишь меня насквозь, позволь ответить откровенностью на откровенность: ты не спросила про Люсьена.

Как же хорошо они знали друг друга.

— Ты сказал, что Люсьен установил со мной связь. Я так поняла, что он в порядке. — Она задумалась и ощутила мысленное касание. — Нет, я знаю, он в порядке. Прихрамывает на правую ногу, но рана на боку закрылась.

— Хочешь с ним повидаться?

Да, конечно. Люсьен стал для нее всем, наполнил ее мир. Ианте хотелось прожить с ним обычную жизнь, смотреть, как он заботится о дочери, и надеяться, что однажды он полюбит и ее саму.

— Попроси его встретиться со мной в оранжерее. Я только оденусь.

Люсьен вышагивал по плиткам пола, постукивая шляпой по бедру. Легкая дрожь прошла по узам, словно по струне скрипки, потревоженной музыкантом. Теперь от этой связи не избавишься. Он повернулся и затаил дыхание, заметив Ианту.

Она робко вошла в оранжерею. Под глазами залегли черные круги. Сиреневое платье лишь подчеркивало бледность лица. Но никогда еще Ианта не была так прекрасна. Теперь, едва не потеряв ее, Люсьен понял, как она ему дорога.

Они долго смотрели друг на друга, а потом Ианта тихо усмехнулась, едва скрывая дрожь.

— Вид у меня тот еще.

— Ты прекрасна, — хрипло произнес он.

Она слегка покраснела.

— Я сказала Дрейку, что согласилась на связь. Знаю, ты не этого хотел, но спасибо...

Он шагнул к ней, обнял за шею, притянул к себе и прервал поток слов губами.

Ианта застонала и сжала его воротник.

Люсьен отдался на волю чувств. Как же страшно было бы потерять Ианту навсегда. Поцелуй стал не только наслаждением, но и свидетельством близости, капитуляции... На ум пришло то дурацкое пари. Каким же наглым он тогда был. Они мерялись силам, опасались друг друга. А теперь Люсьен отдался Ианте целиком и полностью, без тени сомнений. Кто-то из них прервал поцелуй, и теперь оба прижимались к стене, пытаясь отдышаться.

— Нам не разорвать эту связь, — прошептала Ианта, по-прежнему держась за его

воротник.

— А ты хочешь?

Она посмотрела на него.

— Нет, но т-ты...

— Ианта, я ни о чем не жалею. — Он погладил ее по щеке. — И вообще бесконечно счастлив. Я тебя люблю.

Ианта робко взглянула на него из-под ресниц. Неужели никто никогда ей этого не говорил? Что ж, по крайней мере, она ему поверила. Люсьен поклялся себе, что будет твердить ей это снова и снова, пока она не забудет те времена, когда считала себя недостойной любви.

— Я люблю тебя, — повторил он. — И женюсь на тебе. Мы будем семьей — ты, я и Луиза.

— И Тея.

— И Тея. Прежде у меня ничего и никого не было. До встречи с тобой моя жизнь была пуста.

— Первой встречи? Я же тогда пришла тебя арестовать, — попыталась пошутить она, и Люсьен понял, что ей все еще неловко отдаваться эмоциям.

— В самый первый раз, когда ты в белом шелке и маске вошла в грот. Это стало началом. У меня тогда дыхание перехватило. Я лишь не понимал, что в тот же миг ты завоевала мое сердце. Я хочу быть с тобой все ночи, и подарю тебе все мои дни. Все дни, и сердце целиком. Я не... не понимал, что ты для меня значишь, пока ты чуть не погибла. Конечно, я подозревал, но в тот момент... Ты была мне дороже жизни. Как и Луиза. Я хочу, чтобы ты знала.

Ианта сглотнула.

— Даже не знаю, что сказать.

— Скажи, что веришь. Скажи, что заслуживаешь счастья.

Она робко посмотрела ему в глаза.

— Верю, что заслуживаю счастья. И я тоже люблю тебя, пусть и осмелилась признаться в этом только вчера, потому что боялась тебя потерять.

— Наше счастье никто не отберет. Мы будем жить долго и счастливо и умрем в один день. Мы — единое целое. Иди сюда. — Люсьен нежно поцеловал ее, ощущая, как сердца бьются в унисон. Поцелуй все не заканчивался, будто у них было все время мира.

— За вечность, — прошептала Ианта.

— За наши дни и ночи, — согласился он.

И впервые в жизни Ианта поверила такому обещанию — Люсьен почувствовал, как с ее души свалилась тяжесть.

Они вместе. Навсегда.

Моргана лежала, кашляла, отплевывалась от пепла, пыталась отдышаться и прийти в себя. Ее что-то придавило, вокруг были лишь тьма и разрушение. Тело болело, а по жилам будто тек яд. И она не чувствовала пальцев ног. Нет, не только их, всю нижнюю половину тела.

Сын предал ее, и в этом виновата та девчонка, Клео. Дрейк выиграл, хотя нет... У нее еще остался козырь... Она в панике пошарила вокруг: где же кинжал? Ее козырь?

Моргана с облегчением нащупала рукоятку под обожженным платьем и мстительно улыбнулась. Пусть думают, что победили, реликвия осталась у нее. А теперь враги и вовсе расслабятся.

В конце концов, иллюзия — ее главный дар, а ловкость рук — обычный трюк. Пусть Себастьян превосходил мать в грубой силе, но пострадал от нее кухонный нож, а не спрятанный под платьем кинжал. Надо было лишь устроить достаточно сильный взрыв, чтобы вроде как уничтожить реликвию.

Вот только теперь Моргана не знала, как отсюда выбираться.

Она попыталась пошевелить ногами... те не отозвались.

Ее обуял ужас.

Нет, только не это. Только не такой ценой.

Она долго и упорно билась, пыталась заставить изнуренное тело повиноваться, однако тяжелая балка на спине не сдвинулась. Моргана задыхалась, беспомощно сжимая сокровище, которое ничего не стоило, если не выбраться из ловушки.

Выгоревшая магия была бесполезна.

Тело было бесполезным.

— Проклятье! — закричала Моргана, прижавшись лбом к деревянному полу. Горячая слеза обожгла щеку. — Ты, бесполезная подстилка, чертова шляха! — Она ругала себя любимыми словами дядюшки, стараясь распалить огонь, который всегда горел внутри, но даже это не помогало. — Вставай!

Заскрипела дверь.

Моргана застыла.

В комнату вошла высокая фигура в длинном черном плаще. Лицо незнакомца было скрыто, и Моргана сморгнула слезы, отчаянно пытаясь его рассмотреть.

Зловещий стук каблуков раздался ближе. Моргана затаила дыхание, впрочем, это было неважно. Она беспомощна.

А потом Моргана увидела лицо молодого красавца, точнее зачарованную маску из папье-маше. Горящие медным блеском руны привлекали внимание, но она заставила себя посмотреть прищельцу в глаза, не обращая внимания на образ. Ведь это всего лишь чары, которым в своем жалком состоянии она не могла особо сопротивляться.

Глазницы были пусты и походили на черные провалы. Любой человек, увидев это лицо, описал бы его по-своему. Только Моргана, мастерица иллюзий, видела обман.

— Кто вы? Покажитесь, — шепнула она, сглотнув.

— Забавно, что ты считаешь себя в праве что-то требовать, — заметил незнакомец. Его слова выжигались напрямую в сознании, словно миновали уши.

Сердце загрохотало быстрее, кровь застыла в жилах. Она уже слышала этот голос, даже

приказывала его хозяину много лет назад, когда вместе с Дрейком и Тремейном создавала реликвии преисподней. Моргана крепче сжала рукоятку кинжала, но существо лишь рассмеялось.

— Да, — прошептал он и потянулся к своему лицу. — Наконец ты начинаешь понимать. Маска медленно спала, и Моргана крепко зажмурилась, не желая лицезреть тварь.

— Смотри на меня.

Она покачала головой.

— Смотри, иначе я отрежу тебе веки, чтобы ты больше никогда не смогла отвести взгляд.

Она открыла глаза.

Перед ней стоял Ной Гатри, вернее, его тело.

Тварь присела на корточки, так что брюки натянулись на бедрах. Его глаза горели пламенем. Он был потрясающе красив, словно алебастровая скульптура работы мастера Ренессанса. Вот только... кое-что неясно намекало, что он не человек. Кожа на лбу дымилась и отслаивалась, а на ней ярким светом горел знак, в который Моргане не хотелось вглядываться.

Она застыла и отвела глаза. Дыхание перехватило. Вся ее жизнь, все стремления и мечты... уничтожены. Моргана это понимала. И теперь она оказалась в лапах создания, способного сделать с ней все, что угодно. Моргана ощущала собственную беспомощность. Знакомое чувство. Годами она делала все, чтобы больше никогда его не испытывать, но мир обратился против нее.

— Вижу, ты меня помнишь.

Как такое забыть? Он был первым созданием, призванным из Нижних миров, из реальности, называемой адом. Троицу колдунов пьянила власть над столь могущественным существом, а оно внимательно всматривалось в их лица.

Тремейн ликовал, будто им подали весь мир на блюдечке, Дрейк в ужасе застыл. Моргана же разрывалась между страхом и счастьем. Вот же, и власть, и месть, все, чего она хотела... но посмотрев в глаза демона, она увидела пропасть, которая будто разверзлась под ее ногами.

Тварь улыбнулась, и по спине Морганы пополз холодок.

— Чем могу быть полеззен, повелители?

— Назови нам свое истинное имя, — потребовал Тремейн. Имя заключало в себе власть, по крайней мере так утверждали мистики. — Ты связан реликвиями и обязан мне повиноваться.

Слишком просто. Тварь моргнула, прищурилась. У демона дернулась щека, и он со злостью выплюнул:

— Лешер.

Позже ночью Дрейк сказал:

— Нельзя больше его вызывать. Реликвии следует уничтожить.

— Но...

— Моргана, я уловил его мысли. Пусть он и покорился сегодня, но был в ярости. Желал убить нас, замучить, ввергнуть в пучину безумия и разорвать на части, а потом повторить все снова и снова. Больше мы это существо связать не сможем.

— Но благодаря реликвиям мы сможем им управлять.

— Ты правда так думаешь? — спросил он, поворачиваясь к ней лицом.

И тогда у нее возникли сомнения. Она согласилась выкрасть реликвии у Тремейна и оставить вместо них подделки.

Потом Моргана жалела о том решении, думала, что проявила слабость, но теперь, глядя в беспощадные глаза...

— Ч-чего ты от м-меня хоч-чешь?

— Того же, что и всегда, — ответил Лешер. — Для меня прошло всего ничего, но для тебя — слишком много лет. Твоя плоть стареет. Ты слаба и уязвима. — Он ткнул пальцем в ее бедро, и к своему ужасу Моргана ничего не почувствовала. — Я мог бы разорвать тебя за то, что ты осмелилась меня призвать, но желаю большего. У нас общий враг. Сильный враг.

— Кто?

— Тот, кого ты называешь Верховным. Он слишком силен. Служи мне, и я, возможно, тебя не убью, — пообещал он и погладил ее заплаканное лицо затянутой в перчатку рукой.

Никогда не заключай сделку с демоном. Не доверяй этим тварям. Никогда не слушай их посулы. С ними можно иметь дело, лишь имея под рукой реликвию преисподней.

Но есть ли выбор? Моргана не чувствовала ног, да и магии почти не осталось. Даже если получится оклематься, она все равно не сможет сражаться с тварью.

— Я помогу тебе, и они заплатят, — шепнул он, проникая в самую душу. — Я помогу тебе контролировать твоего сыночка. Заставлю его пресмыкаться перед тобой.

«Да». Сердце заколотилось, а здравый смысл скрылся где-то на задворках разума.

— Я верну тебе ноги, — пообещал демон, и у Морганы против воли опять полились слезы. — Даже оставлю тебе вот это. — Он пинком подвинул кинжал к ее руке. — Какой у тебя выбор? Лежать и гнить здесь, пока враги танцуют на твоих костях? Возможно, ты умрешь до того, как тебя найдут в таком жалком состоянии. А может и нет.

Выбора не было. Моргана заскрежетала зубами.

— А какова цена? Что ты хочешь взамен?

— То же, что и ты. Мечь. Я сокрошу тех, кто встал на моем пути. — Он коснулся гниющей щеки и задумался. — И я здесь не целиком. Кое-что случилось, когда ты воспользовалась кинжалом. Я оказался здесь наполовину, а оболочку вырвали у меня до того, как я смог ею завладеть.

Моргана ранила Люсьена и Себастьяна кухонным ножом. Если тварь узнает...

— Тогда как?.. — спросила она, указав на тело Гатри и желая отвлечь демона.

— Это? — Демон провел пальцем по костюму. — Тремейн нашел его несколько месяцев назад. Этот сосуд прослужит мне до того, как найдется более подходящий. Я нечасто могу им пользоваться, потому что он слишком быстро разрушается. Мне нужен более сильный сосуд, способный на магию высшего порядка, который не выгорит так стремительно.

Несколько месяцев назад. Тремейн умолчал об этом. Хотя следовало задуматься, как он вернул себе магию после того, как Совет Ордена заблокировал его дар.

— Тремейн заключил с тобой сделку, — догадалась она.

Демон улыбнулся.

— Я заключил сделку с Тремейном.

— Так что я могу сделать? Хочешь тело?

Лешер оскалился.

— Хочу то тело, что было мне обещано. Ретберна. Избавься от его женщины, она стоит между нами. Убей ее, и я сохраню связь с Люсьеном. Если соберешь все реликвии, то

наложенные кинжалом чары подействуют.

Мысли закрутились в голове.

— А как же Себастьян? Ты мог бы взять его. Он сильнее Ретберна.

Демон задумался.

— Нет, нет... между нами кто-то стоит. Я не пойду против нее, не сейчас, да и связи с твоим сыном у меня нет. Он меня не призывал. Отдай мне Люсьена. В таком случае я получу силы. А ты соберешь реликвии и вызовешь меня сюда. И тогда мы вместе уничтожим Верховного.

«Да», — прошептал голосок в ее голове. Если она соберет реликвии... то использует их силу, чтобы управлять демоном.

— Как мы его уничтожим? Дрейк силен...

Ведь справился же с Лешером один на один.

— Ты обратишь против него оружие, созданное им же.

Моргана нахмурилась.

Дыхание демона обожгло ее ухо.

— Себастьян — ключ. Возьми его под контроль. Сломай, используй и уничтожь его отца.

Выбора нет.

— Тогда по рукам. Но как мне управлять Себастьяном? — Кольцо сгорело, оставив на пальце обугленную рану.

Демон улыбнулся.

— У меня есть идея.

Этот сон она еще не видела.

Клео сидела за столиком в помещении без стен, в комнате бесконечных измерений. Шахматная плитка пола уходила вдаль, в туман, а потолок напоминал вечернее небо с розоватым проблеском заходящего солнца, сменяющегося полуночным небом. Мерцающие созвездия, казалось, наблюдали за ней.

Она опустила глаза и увидела свои руки, значит, повязки нет. В глубине души Клео сознавала, что бодрствует, и все же спала.

— Твой ход, — произнес бесстрастный голос, и она заметила фигуру в темно-синем шелковом плаще. Было непонятно, мужчина это или женщина. Да и вообще, человек ли перед ней.

— Мой ход? — Между ними стояла шахматная доска с искусно вырезанными фигурками. Присмотревшись, Клео увидела, что лица белых фигур принадлежат героям ее видений: мисс Мартин, Люсьен, Верховный и двое незнакомцев: молодой человек — «слон» и пожилая леди на месте коня. Глаза белой королевы закрывала повязка, а на страже ее стоял белый король с лицом Себастьяна.

Эта доска явно представляла собой поле битвы между Верховным и его врагами, но Клео не ожидала, что ей придется делать ход.

— Разумеется, твой, ведь ты видишь будущее, — пояснило существо напротив.

— Но они не пешки, и это не игра.

— Жизнь всегда игра. Ты имеешь в виду, что каждый ход имеет последствия, и не

желаешь платить такую цену. А теперь делай ход.

Руки в перчатках вспотели. У черной королевы было лицо Морганы, а у черного короля — отца Клео. Оба черных коня окружили белого короля и угрожали одной из белых пешек. Клео не видела, кто это, но понимала, что нужно спасти этого человека.

Она потянулась к Себастьяну, но тут же почувствовала ошибочность своего выбора. Пришлось довериться интуиции. Проведя рукой над фигурками, она ощутила легкое покалывание.

Затем сглотнула и передвинула белого слона.

— Интересный ход, — улыбнулся соперник. Он — определенно он — поманил пальцем черного слона, и тот встал точно напротив фигуры Клео.

Черным слонем оказалась женщина. Она оглядывалась через плечо и что-то прятала под камзолом. Незнакомка носила обтягивающиеся панталоны, отличалась женственной фигурой, а волосы уложила в сложную прическу из кос. Образ портили лишь кандалы на запястьях.

— Кто она?

— Скоро узнаешь. — Создание склонило голову. — До следующей встречи, Кассандра.

Вокруг все завертелось, помещение исчезло и...

Она ахнула и села на кровати. Сердце стучало в груди, на глазах была привычная повязка. Не сразу, но Клео вспомнила, где находится — на постоялом дворе. Себастьян лежал в соседней комнате, оглушенный откатом, с изрезанными руками и едва затянувшейся раной в боку. Дурак, даже не позволил ей исцелить себя. Переживал из-за того, что она сделала с ним в том доме.

Со вздохом Клео улеглась и натянула одеяло до подбородка. Что же означал этот сон? Непохоже на видение. Ей казалось, что все произошло на самом деле.

Скрипнула половица. Кто-то крался по комнате.

Клео застыла.

— Эй. Кто здесь?

Зашуршали юбки. Клео попыталась вскрикнуть, но кто-то зажал ей рот рукой.

— Сюрприз, — прошептала Моргана. — Тихо, идем со мной. Ты ведь не хочешь, чтобы я перерезала горло сыну, пока он крепко спит в соседней комнате? Ни звука, иначе я его убью. Поняла?

Моргана ослабила хватку и прижала к губам жертвы палец. С колотящимся сердцем Клео прикинула свои шансы. Себастьян ранен. Ей пришлось буквально затаскивать его наверх по лестнице. Энергия вытекала из него с каждым шагом. Сейчас ему не с руки разбираться с незваной гостьей, даже измотанной.

Клео подозревала, что вреда ей не причинят. бьцьзф Моргане что-то от нее надо.

Она кивнула.

— Хорошо. А теперь пойдем со мной, — самодовольно произнесла похитительница.

«Шах белой королеве», — прошептало невидимое существо.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Внимание! Электронная версия книги не предназначены для коммерческого использования. Скачивая книгу, Вы соглашаетесь использовать ее исключительно в целях ознакомления и никоим образом не нарушать прав автора и издателя. Электронный текст представлен без целей коммерческого использования. Права в отношении книги принадлежат их законным правообладателям. Любое распространение и/или коммерческое использование без разрешения законных правообладателей запрещено.